

«Параллельные тексты» на английском, немецком и других языках смотрите в библиотеке на сайте www.fran-klang.ru.

Использован текст, размещённый на сайте Библиотеки «Артефакт» — <http://artefact.lib.ru>

Ira Levin

Rosemary's Baby

PART ONE

Chapter 1

Rosemary and Guy Woodhouse had signed a lease on a five-room apartment in a geometric white house on First Avenue when they received word, from a woman named Mrs. Cortez, that a four-room apartment in the Bramford had become available. The Bramford, old, black, and elephantine, is a warren of high-ceilinged apartments prized for their fireplaces and Victorian detail. Rosemary and Guy had been on its waiting list since their marriage but had finally given up.

Guy relayed the news to Rosemary, stopping the phone against his chest.

Rosemary groaned “Oh no!” and looked as if she would weep.

“It’s too late,” Guy said to the phone. “We signed a lease yesterday.”

Rosemary caught his arm.

“Couldn’t we get out of it?” she asked him. “Tell them something?”

“Hold on a minute, will you, Mrs. Cortez?” Guy stopped the phone again. “Tell them what?” he asked.

Rosemary floundered and raised her hands helplessly.

“I don’t know, the truth. That we have a chance to get into the Bramford.”

“Honey,” Guy said, “they’re not going to care about that.”

“You’ll think of something, Guy. Let’s just look, all right? Tell her we’ll look. Please. Before she hangs up.”

“We signed a lease, Ro; we’re stuck.”

“Please! She’ll hang up!”

Whimpering with mock anguish, Rosemary pried the phone from Guy’s chest and tried to push it up to — his mouth.

Guy laughed and let the phone be pushed.

“Mrs. Cortez? It turns out there’s a chance we’ll be able to get out of it, because we haven’t signed the actual lease yet. They were out of the forms so we only signed a letter of agreement. Can we take a look at the apartment?”

Mrs. Cortez gave instructions: they were to go to the Bramford between eleven and eleven-thirty, find Mr. Micklas or Jerome, and tell whichever they found that they were the party

Библиотека Альдебаран: <http://lib.aldebaran.ru>

*«Ребенок Розмари»: Домино, Эксмо; 2005
ISBN 5 699 13800 5*

Оригинал: Ira Levin, “Rosemary's Baby”

Перевод: Сюзанна Алукард, В. Терещенко

Айра Левин

Ребенок Розмари

Закончено в августе 1966 года в Уилтоне, штат Коннектикут, и посвящается Габриэлле

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Розмари и Ги Вудхаус уже подписали договор об аренде пятикомнатной квартиры в белом блочном доме на Первой авеню, когда им позвонила миссис Кортес и сообщила, что освободилась четырехкомнатная квартира в Брэмфорде. В старом огромном черном доме Брэмфорд квартиры были с высокими потолками и славились своими каминами и викторианскими украшениями. Розмари и Ги стояли в списке ожидающих со дня свадьбы и в конце концов почти потеряли надежду.

Ги сообщил новость Розмари, прижав телефонную трубку к груди.

— Не может быть! — простионала Розмари. Она чуть не расплакалась.

— Слишком поздно, — сказал Ги в телефон. — Мы вчера подписали договор.

Розмари схватила его за руку.

— А нельзя от него отказаться? — спросила она. — Придумать что-нибудь?

— Подождите, пожалуйста, минуточку, миссис Кортес. — Ги снова закрыл телефонную трубку. — Что им сказать?

Розмари запуталась в словах и беспомощно развела руками.

— Не знаю... Может быть, правду — что у нас появилась возможность поселиться в Брэмфорде.

— Дорогая, им это не важно.

— Ну придумай что-нибудь, Ги. Давай просто посмотрим, ладно? Скажи ей, что мы приедем посмотреть. Пожалуйста. Пока она не повесила трубку.

— Но ведь мы подписали договор, Ро. Теперь у нас руки связаны...

— Пожалуйста! Она повесит трубку!

С мученическим выражением на лице Розмари оторвала трубку от его груди и прижала ему к уху.

Ги засмеялся и не стал противиться.

— Миссис Кортес? По моему, у нас появилась возможность въехать в другой дом, однако то, что мы там подписали, был не договор. У них кончились бланки, и мы подписали одно только соглашение... Можно нам посмотреть квартиру?

Миссис Кортес дала инструкции. Нужно было подойти в Брэмфорд в одиннадцать или в полдвенадцатого, отыскать там мистера Микласа или Джерома и сказать, что их при-

she had sent to look at 7E. Then they were to call her. She gave Guy her number.

“You see how you can think of things?” Rosemary said, putting Peds and yellow shoes on her feet. “You’re a marvelous liar.”

Guy, at the mirror, said,

“Christ, a pimple.”

“Don’t squeeze it.”

“It’s only four rooms, you know. No nursery.”

“I’d rather have four rooms in the Bramford,” Rosemary said, “than a whole floor in that — that white cellblock.”

“Yesterday you loved it.”

“I liked it. I never loved it. I’ll bet not even the architect loves it. We’ll make a dining area in the living room and have a beautiful nursery, when and if.”

“Soon,” Guy said.

He ran an electric razor back and forth across his upper lip, looking into his eyes, which were brown and large. Rosemary stepped into a yellow dress and squirmed the zipper up the back of it.

They were in one room, that had been Guy’s bachelor apartment. It had posters of Paris and Verona, a large day bed and a pullman kitchen.

It was Tuesday, the third of August.

Mr. Micklas was small and dapper but had fingers missing from both hands, which made shaking hands an embarrassment, though not apparently for him.

“Oh, an actor,” he said, ringing for the elevator with a middle finger. “We’re very popular with actors.” He named four who were living at the Bramford, all of them well known.

“Have I seen you in anything?”

“Let’s see,” Guy said. “I did Hamlet a while back, didn’t I, Liz? And then we made The Sandpiper...”

“He’s joking,” Rosemary said. “He was in Luther and Nobody Loves An Albatross and a lot of television plays and television commercials.”

“That’s where the money is, isn’t it?” Mr. Micklas said; “the commercials.”

“Yes,” Rosemary said, and Guy said,

“And the artistic thrill, too.”

Rosemary gave him a pleading look; he gave back one of stunned innocence and then made a leering vampire face at the top of Mr. Micklas’s head.

The elevator-oak-paneled, with a shining brass handrail all around, was run by a uniformed Negro boy with a locked-in-place smile.

“Seven,” Mr. Micklas told him; to Rosemary and Guy he said, “This apartment has four rooms, two baths, and five closets. Originally the house consisted of very large apartments — the smallest was a nine — but now they’ve almost all been broken up into fours, fives, and sixes. Seven E is a four that was originally the back part of a ten. It has the original kitchen and master bath, which are enormous, as you’ll soon see. It has the original master bedroom for its living room, another bedroom for its bedroom, and two servant’s rooms thrown together for its

спали посмотреть квартиру 7E. После этого следовало позвонить ей, номер она оставила.

— Видишь, как у тебя хорошо получается, — сказала Розмари, надевая желтые туфли. — Ты природный обманщик.

Стоя у зеркала, Ги воскликнул:

— Боже мой, прыщ!

— Не дави его.

— Но там же только четыре комнаты, ты знаешь? Без детской.

— Лучше жить в четырех комнатах в Брэмфорде. — ответила Розмари, — чем иметь целый этаж в этом... в этом белом скопище клетушек.

— А вчера ты была влюблена в этот дом.

— Да, он мне нравился, но я не любила его по настоящему. По моему, даже сам архитектор его не любил. Мы будем обедать в гостиной и сделаем из столовой прекрасную детскую комнату, когда это станет необходимо.

— Наверное, это произойдет очень скоро, — сказал Ги.

Он водил взад вперед электрической бритвой над верхней губой и рассматривал свои глаза. Глаза у Ги были огромные и карие. Розмари надела желтое платье и ловко застегнула молнию на спине.

До сих пор они ютились в одной комнате, которая представляла собой холостяцкое жилище Ги. На стенах висели плакаты с видами Парижа и Вероны, а из вещей здесь были лишь большая кровать да крохотная кухня в нише стены.

Было третье августа, вторник.

Мистер Миклас оказался маленьким и энергичным человеком. На обеих руках у него недоставало пальцев, и от этого вид его трясущихся рук приводил в замешательство всех, но только не его самого.

— О, так вы актер! — воскликнул мистер Миклас, вызывая лифт средним пальцем. — У нас здесь очень много актеров. Он назвал четверых, живущих в Брэмфорде, и все они оказались известными.

— Я вас мог где-нибудь видеть?

— Давайте подумаем, — начал Ги. — Недавно я играл Гамлета, правда, Лиз? Потом...

— Он шутит, — перебила его Розмари. — Он играл в «Лютере» и «Никто не любит альбатроса», и еще во многих телеспектаклях и рекламных роликах.

— Вот где можно хорошо заработать, да? — сказал мистер Миклас. — В телерекламе.

— Да, — ответила Розмари, а Ги добавил:

— Только там чувствуешь себя настоящим актером.

Розмари умоляюще посмотрела на него, но Ги ответил ей самым невинным взглядом, а затем изобразил вампира прямо за спиной мистера Микласа.

Лифт был обит дубовыми панелями, весь в медных заклепках, со множеством ручек и поручней. Управлял им негренок с застывшей улыбкой и в униформе.

— Седьмой, — сказал ему мистер Миклас и обратился к Розмари и Ги: — В этой квартире четыре комнаты, две ванны и пять встроенных шкафов. Раньше в доме были очень большие квартиры — в самой маленькой было девять комнат, — а теперь почти все они разбиты на четырех, пяти — и шестикомнатные. Квартира 7E раньше составляла заднюю часть десятикомнатной. Там осталась бывшая кухня и главная ванная комната — они громадны, вы скоро увидите. Бывшая спальня сейчас служит гостиной, еще одна спальня

dining room or second bedroom. Do you have children?"

"We plan to," Rosemary said.

"It's an ideal child's room, with a full bathroom and a large closet. The whole set-up is made to order for a young couple like yourselves."

The elevator stopped and the Negro boy, smiling, chivied it down, up, and down again for a closer alignment with the floor rail outside; and still smiling, pulled in the brass inner gate and the outer rolling door. Mr. Micklas stood aside and Rosemary and Guy stepped out-into a dimly lighted hallway walled and carpeted in dark green. A workman at a sculptured green door marked 7B looked at them and turned back to fitting a peep-scope into its cut-out hole.

Mr. Micklas led the way to the right and then to the left, through short branches of dark green hallway. Rosemary and Guy, following, saw rubbed away places in the wallpaper and a seam where it had lifted and was curling inward; saw a dead light bulb in a cut-glass sconce and a patched place of light green tape on the dark green carpet.

Guy looked at Rosemary:

Patched carpet?

She looked away and smiled brightly:

I love it; everything's lovely!

"The previous tenant, Mrs. Gardenia," Mr. Micklas said, not looking back at them, "passed away only a few days ago and nothing has been moved out of the apartment yet. Her son asked me to tell whoever looks at it that the rugs, the air conditioners, and some of the furniture can be had practically for the asking."

He turned into another branch of hallway papered in newer-looking green and gold stripes.

"Did she die in the apartment?" Rosemary asked. "Not that it —"

"Oh, no, in a hospital," Mr. Micklas said. "She'd been in a coma for weeks. She was very old and passed away without ever waking. I'll be grateful to go that way myself when the time comes. She was chipper right to the end; cooked her own meals, shopped the departments stores... She was one of the first women lawyers in New York State."

They came now to a stairwell that ended the hallway. Adjacent to it, on the left, was the door of apartment 7E, a door without sculptured garlands, narrower than the doors they had passed. Mr. Micklas pressed the pearl bell button-L. Gardenia was mounted above it in white letters on black plastic — and turned a key in the lock. Despite lost fingers he worked the knob and threw the door smartly.

"After you, please," he said, leaning forward on his toes and holding the door open with the length of an outstretched arm.

The apartment's four rooms were divided two and two on either side of a narrow central hallway that extended in a straight line from the front door.

The first room on the right was the kitchen, and at the sight of it Rosemary couldn't keep from giggling, for it was as large if not larger than the whole apartment in which they were then

так и осталась спальней, а две комнаты для прислуги спарены в одну столовую или вторую спальню. У вас есть дети?

— Скоро будут, — сказала Розмари.

— Это идеальная комната для ребенка, рядом большая ванная и встроенный шкаф. Вся квартира предназначена как раз для молодой пары с ребенком.

Лифт остановился, и негритенок, улыбаясь, прогнал его немного вниз, затем вверх и снова вниз, чтобы поточней выровнять кабину с наружным полом. Потом, все так же улыбаясь, открыл внутреннюю медную дверь и внешнюю, которая распахивалась вбок. Мистер Миклас посторонился, и Розмари и Ги вышли в тускло освещенный коридор, где и стены, и ковры были темно зеленого цвета, возле зеленой двери, украшенной скульптурами и имевшей табличку 7Б, стоял рабочий. Он быстро взглянул на них и снова занялся глазком, который пытался вставить в вырезанное отверстие.

Мистер Миклас повел их направо, потом налево по коротким переходам темного зеленого коридора. Следуя за ним, Розмари и Ги заметили вытертые места на обоях, перегоревшую лампочку под стеклянным колпаком и даже бледно зеленую заплатку на темном ковре.

Ги удивленно посмотрел на Розмари.

— Залатанный ковер?

Она отвернулась и улыбнулась.

— Мне здесь нравится абсолютно все!

— Предыдущая хозяйка, миссис Гардиния, — сказал мистер Миклас, не оборачиваясь, — умерла всего несколько дней назад, и вещи из квартиры еще не увезли. Ее сын просил передать всем, кто будет смотреть квартиру, что ковры, кондиционеры и кое-что из мебели продается.

Мистер Миклас завернул в следующий проход, где стены только недавно были оклеены зелеными обоями с золотыми полосами.

— Она умерла в квартире? — спросила Розмари. — Конечно, это не...

— Нет нет, в больнице. Она находилась несколько дней в состоянии комы. Это была очень старая женщина. Она умерла, так и не придя в себя. Я бы и сам хотел так умереть, когда настанет мое время. Но миссис Гардиния до конца держалась молодцом: сама готовила себе еду, ходила по магазинам... Она была одной из первых женщин адвокатов в штате Нью Йорк.

Коридор заканчивался лестницей. Рядом с ней, по левую сторону, располагалась дверь квартиры 7Е. Дверь была без скульптур и меньше тех, мимо которых они проходили. Мистер Миклас нажал на перламутровую кнопку звонка — над ней белыми буквами по черному пластику было выбито «Л. Гардиния» — и повернул ключ в замке. Несмотря на недостающие пальцы, он очень ловко справился с ручкой и распахнул дверь.

— Только после вас. — Стоя на цыпочках, он весь подался вперед и открыл для них дверь пошире, на всю длину вытянутой руки.

Узкий центральный коридор, начинавшийся от двери, делил квартиру пополам — по две комнаты с каждой стороны.

Первая комната направо — кухня, и при виде ее Розмари хихикнула: она была такая же, если не больше, чем вся их нынешняя квартира — В кухне стояла плита с шестью

living. It had a six-burner gas stove with two ovens, a mammoth refrigerator, a monumental sink; it had dozens of cabinets, a window on Seventh Avenue, a high high ceiling, and it even had — imagining away Mrs. Gardenia's chrome table and chairs and roped bales of Fortune and Musical America — the perfect place for something like the blue-and-ivory breakfast nook she had clipped from last month's House Beautiful.

Opposite the kitchen was the dining room or second bedroom, which Mrs. Gardenia had apparently used as a combination study and greenhouse. Hundreds of small plants, dying and dead, stood on ferry-built shelves under spirals of unlighted fluorescent tubing; in their midst a rolltop desk spilled over with books and papers. A handsome desk it was, broad and gleaming with age. Rosemary left Guy and Mr. Micklas talking by the door and went to it, stepping over a shelf of withered brown fronds. Desks like this were displayed in antique-store windows; Rosemary wondered, touching it, if it was one of the things that could be had practically for the asking. Graceful blue penmanship on mauve paper said than merely the intriguing pastime I believed it to be. I can no longer associate myself — and she caught herself snooping and looked up at Mr. Micklas turning from Guy.

“Is this desk one of the things Mrs. Gardenia's son wants to sell?” she asked.

“I don't know,” Mr. Micklas said. “I could find out for you, though.”

“It's a beauty,” Guy said.

Rosemary said “Isn't it?” and smiling, looked about at walls and windows. The room would accommodate almost perfectly the nursery she had imagined. It was a bit dark—the windows faced on a narrow courtyard but the white and yellow wallpaper would brighten it tremendously. The bathroom was small but a bonus, and the closet, filled with potted seedlings that seemed to be doing quite well, was a good one.

They turned to the door, and Guy asked,

“What are all these?”

“Herbs, mostly,” Rosemary said. “There's mint and basil... I don't know what these are.”

Farther along the hallway there was a guest closet on the left, and then, on the right, a wide archway opening onto the living room. Large bay windows stood opposite, two of them, with diamond panes and three-sided window seats. There was a small fireplace in the right-hand wall, with a scrolled white marble mantel, and there were high oak bookshelves on the left.

“Oh, Guy,” Rosemary said, finding his hand and squeezing it.

Guy said, “Mm” noncommittally but squeezed back;

Mr. Micklas was beside him.

“The fireplace works, of course,” Mr. Micklas said.

The bedroom, behind them, was adequate — about twelve

газовыми конфорками и двумя духовками, огромный холодильник и раковина. Тут были десятки ящиков, окно, выходящее на Седьмую авеню, и высокий, очень высокий потолок, и даже хватало места для углового дивана — синего, со вставками из слоновой кости, — фотографию, которого она вырезала из последнего номера журнала «Красивый дом»; если мысленно убрать желтый стол со стульями, принадлежавший миссис Гардинии, а также связанные пачки подписок «Фортуны» и «Музыкальной Америки», то как раз освободится необходимая площадь.

Напротив кухни — столовая, бывшая вторая спальня, которую миссис Гардиния, очевидно, использовала одновременно как кабинет и оранжерею. Сотни различных растений, завядших и увядающих, стояли на полках, выстроенных на скорую руку под незажженными лампами дневного света. В середине комнаты находился письменный стол — старомодное бюро с крышкой на роликах, — заваленный разными бумагами и книгами. Это был очень красивый стол, широкий и, вероятно, очень дорогой. Розмари оставила Ги разговаривать с мистером Микласом у двери, а сама подошла поближе, перешагнув через ящик с сухими коричневыми листьями. Такие столы выставлялись обычно в витринах антикварных магазинов. Потрогав его, Розмари подумала: хорошо, если этот стол есть в списке вещей, предназначенных для продажи. На столе лежал лист розовой бумаги, на котором синими чернилами очень красиво было выведено следующее: «Я думала, что это не более, чем интересное времяпрепровождение. Теперь я не могу больше считать себя...» — и тут она почувствовала, что сует нос не в свое дело. В этот момент мистер Миклас поднял голову.

— А этот стол сын миссис Гардинии будет продавать? — деловито осведомилась Розмари.

— Я не в курсе, — ответил мистер Миклас. — Но специально для вас могу узнать.

— Он очень красивый, — сказал Ги.

— Тебе он тоже понравился? — Розмари, улыбнувшись, принялась рассматривать стены и окна. Эту комнату она представляла себе идеальной детской. Она была немного темновата, так как окна выходили в маленький дворик, но бело желтые обои, конечно же, сделают ее значительно светлее. Ванная была маленькой, но рядом находился еще огромный стеновой шкаф и ниша с цветами, которые ей тоже очень понравились.

Наконец она повернулась к двери, и Ги спросил:

— А что это за растения?

— В основном — травы, — объяснила Розмари. — Вот это мята, это базилик, а это... сама не знаю что.

Дальше по коридору, по левую сторону, они увидели шкаф для одежды гостей, а по правую руку — широкую арку, за которой была гостиная. Большие окна с широкими подоконниками располагались друг против друга. Камин, с мраморными резными украшениями, был у правой стены, а слева высились дубовые книжные полки.

— О, Ги, — вздохнула Розмари, отыскивала его руку и сжала ее.

— М-м-м, — неопределенно промывчал Ги, но на ласку ответил.

Мистер Миклас стоял рядом с ними.

— Камин, разумеется, работает, — сообщил мистер Миклас.

Спальня находилась сзади и была такая же большая —

by eighteen, with its windows facing on the same narrow courtyard as those of the dining-room second-bedroom-nursery. The bathroom, beyond the living room, was big, and full of bulbous white brass-knobbed fixtures.

"It's a marvelous apartment!" Rosemary said, back in the living room. She spun about with opened arms, as if to take and embrace it. "I love it!"

"What she's trying to do," Guy said, "is get you to lower the rent."

Mr. Micklas smiled.

"We would raise it if we were allowed," he said. "Beyond the fifteen-per-cent increase, I mean. Apartments with this kind of charm and individuality are as rare as hen's teeth today. The new —" He stopped short, looking at a mahogany secretary at the head of the central hallway. "That's odd," he said. "There's a closet behind that secretary. I'm sure there is. There are five: two in the bedroom, one in the second bedroom, and two in the hallway, there and there."

He went closer to the secretary.

Guy stood high on tiptoes and said,

"You're right. I can see the corners of the door."

"She moved it," Rosemary said. "The secretary; it used to be there."

She pointed to a peaked silhouette left ghostlike on the wall near the bedroom door, and the deep prints of four ball feet in the burgundy carpet. Faint scuff-trails curved and crossed from the four prints to the secretary's feet where they stood now against the narrow adjacent wall.

"Give me a hand, will you?" Mr. Micklas said to Guy.

Between them they worked the secretary bit by bit back toward its original place.

"I see why she went into a coma," Guy said, pushing.

"She couldn't have moved this by herself," Mr. Micklas said; "she was eighty-nine."

Rosemary looked doubtfully at the closet door they had uncovered.

"Should we open it?" she asked. "Maybe her son should."

The secretary lodged neatly in its four footprints. Mr. Micklas massaged his fingers-missing hands.

"I'm authorized to show the apartment," he said, and went to the door and opened it.

The closet was nearly empty; a vacuum cleaner stood on one side of it and three or four wood boards at the other. The overhead shelf was stacked with blue and green bath towels.

"Whoever she locked in got out," Guy said.

Mr. Micklas said,

"She probably didn't need five closets."

"But why would she cover up her vacuum cleaner and her towels?" Rosemary asked.

Mr. Micklas shrugged.

"I don't suppose we'll ever know. She may have been getting senile after all." He smiled. "Is there anything else I can show you or tell you?"

"Yes," Rosemary said. "What about the laundry facilities? Are there washing machines downstairs?"

примерно двенадцать на восемнадцать футов — и окнами выходила на тот же дворик, что и столовая (или вторая спальня, или детская). Рядом с гостиной — огромная ванная комната, отделанная белой пластмассой и медными ручками.

— Какая чудесная квартира! — воскликнула Розмари, когда они вернулись в гостиную. Она раскинула руки и закружилась, будто хотела обнять все комнаты разом. — Мне здесь очень нравится!

— На самом деле она пытается заставить вас снизить плату, — шутливо пояснил Ги.

Мистер Миклас улыбнулся.

— Мы бы ее еще подняли, если бы нам разрешили. Ведь такие неповторимые и очаровательные квартиры сейчас исключительная редкость. Новые... — Тут он запнулся и уставился на секретер из красного дерева, стоящий в самом конце коридора. — Странно... — удивленно начал он. — За этим секретером есть стеной шкаф. Я просто уверен. Их всего пять: два в спальне, один во второй спальне, и два в коридоре — здесь и вон там.

Он подошел к секретеру.

Ги встал на цыпочки.

— А вы правы. Я вижу дверь.

— Его передвинули, — сказала Розмари. — Он раньше стоял вон там.

Она указала на призрачный силуэт, оставшийся на обоях после секретера. На красном ковре просматривались четыре глубоких следа от ножек. Тоненькие полоски, извиваясь, пролегли от этих вмятин к ножкам секретера через всю комнату туда, где он находился сейчас.

— Помогите мне, пожалуйста, — попросил мистер Миклас, обращаясь к Ги.

Понемногу они водворили секретер на прежнее место.

— Теперь понятно, отчего у нее наступила кома, — произнес Ги, толкая секретер.

— Она не смогла бы передвинуть его сама, — сказал мистер Миклас. — Ей было восемьдесят девять лет.

Розмари подозрительно взглянула на представшую перед ними дверь.

— Посмотрим, что там внутри? — спросила она. — Или лучше пусть откроет ее сын?

Секретер легко встал на прежнее место. Мистер Миклас начал массировать свои покалеченные руки.

— Я уполномочен показать квартиру целиком, — произнес он, а потом подошел к двери и распахнул ее.

Шкаф оказался почти пустым, там стоял только пылесос и лежали три или четыре деревянные доски. Верхняя полка была забита синими и зелеными полотенцами.

— Если она запирала здесь призрака, то он вышел на свободу, — сострил Ги.

Мистер Миклас заметил:

— Наверное, ей не нужны были пять шкафов.

— Но зачем ей понадобилось запирать пылесос и полотенца? — удивилась Розмари.

Мистер Миклас пожал плечами.

— Мы этого уже никогда не узнаем. Может быть, она начала терять рассудок от старости. — Он улыбнулся. — Чем могу еще быть полезен?

— А как у вас тут насчет стирки? — поинтересовалась Розмари. — Стиральные машины в подвале есть?

They thanked Mr. Micklas, who saw them out onto the sidewalk, and then they walked slowly uptown along Seventh Avenue.

"It's cheaper than the other," Rosemary said, trying to sound as if practical considerations stood foremost in her mind.

"It's one room less, honey," Guy said.

Rosemary walked in silence for a moment, and then said, "It's better located."

"God, yes," Guy said. "I could walk to all the theaters."

Heartened, Rosemary leaped from practicality.

"Oh Guy, let's take it! Please! Please! It's such a wonderful apartment! She didn't do anything with it, old Mrs. Gardenia! That living room could be — it could be beautiful, and warm, and — oh please, Guy, let's take it, all right?"

"Well sure," Guy said, smiling. "If we can get out of the other thing."

Rosemary grabbed his elbow happily.

"We will!" she said. "You'll think of something, I know you will!"

Guy telephoned Mrs. Cortez from a glass-walled booth while Rosemary, outside, tried to lip-read. Mrs. Cortez said she would give them until three o'clock; if she hadn't heard from them by then she would call the next party on the waiting list.

They went to the Russian Tea Room and ordered Bloody Mary's and chicken salad sandwiches on black bread.

"You could tell them I'm sick and have to go into the hospital," Rosemary said.

But that was neither convincing nor compelling. Instead Guy spun a story about a call to join a company of Come Blow Your Horn leaving for a four month USO tour of Vietnam and the Far East. The actor playing Alan had broken his hip and unless he, Guy, who knew the part from stock, stepped in and replaced him, the tour would have to be postponed for at least two weeks. Which would be a damn shame, the way those kids over there were slugging away against the Commies. His wife would have to stay with her folks in Omaha...

He ran it twice and went to find the phone.

Rosemary sipped her drink, keeping her left hand all-fingers-crossed under the table. She thought about the First Avenue apartment she didn't want and made a conscientious mental list of its good points: the shiny new kitchen, the dishwasher, the view of the East River, the central air conditioning...

The waitress brought the sandwiches.

A pregnant woman went by in a navy blue dress. Rosemary watched her. She must have been in her sixth or seventh month, talking back happily over her shoulder to an older woman with packages, probably her mother.

Someone waved from the opposite wall — the red-haired girl who had come into CBS a few weeks before Rosemary left. Rosemary waved back. The girl mouthed something and, when

Поблагодарив мистера Микласа, который проводил их до подъезда, они медленно побрели по Седьмой авеню.

— Эта квартира немного дешевле, — сказала Розмари, будто она только и думала, что о практической стороне дела.

— Но, милая, здесь на одну комнату меньше, — ответил Ги.

Розмари некоторое время шла молча, а потом добавила!

— Зато она расположена в хорошем районе.

— Это точно, — согласился Ги. — Отсюда можно пешком дойти до любого театра.

Расчувствовавшись, Розмари забыла про свою практичность.

— Ги, давай согласимся! Пожалуйста! Ну пожалуйста! Такая чудеснейшая квартира! Миссис Гардиния ею просто не занималась! Эту гостиную можно сделать... можно сделать такой красивой и уютной, и еще... ну, Ги, давай согласимся, ладно?

— Ну, разумеется, — ответил Ги, — если сумеем отвертеться от первой.

Розмари быстро схватила его за локоть.

— Сумеем! Ты что-нибудь придумаешь, я знаю, у тебя выйдет.

Ги позвонил из телефонной будки миссис Кортес, а Розмари стояла рядом и пыталась по губам догадаться, о чем он говорит. Миссис Кортес дала им срок до трех часов. Если до этого времени они не подтвердят свое решение, то она предложит квартиру следующим из списка очередников.

Они зашли в русскую чайную и заказали кровавую Мэри и жареного цыпленка с зеленью и черным хлебом.

— Скажи, что я заболела и должна лечь в больницу, — предложила Розмари.

Но это звучало неубедительно и казалось не слишком серьезным поводом для отказа от квартиры. Вместо этого Ги придумал целую историю о том, что его пригласили играть в пьесе «Хвастун» и он должен отправиться вместе со всей труппой во Вьетнам и Корею. Актер, занятый в роли Плана, сломал бедро, и если Ги не сможет его заменить (а Ги случайно знает эту роль наизусть), то турне придется отложить по крайней мере на две недели. А это будет позором: в то время, как наши славные ребята сражаются с погаными коммунистами и умирают... Жена же его в это время переедет к своим родственникам в Омагу...

Он повторил легенду дважды и отправился искать телефон.

Медленно потягивая напиток, Розмари под столом скрестила пальцы левой руки наудачу. Она думала о квартире на Первой авеню, которая ей не нравилась, и мысленно перебирала все ее преимущества: новая светлая кухня, машина для мытья посуды, окна на речку, центральное кондиционирование.

Официантка принесла цыпленка и хлеб.

Мимо прошла беременная женщина в ярко синем платье. Розмари внимательно посмотрела на нее. Женщина была уже на шестом или седьмом месяце. Она весело переговаривалась через плечо с пожилой дамой, нагруженной свертками, очевидно, со своей матерью.

Кто-то помахал Розмари из противоположного угла. Она увидела рыжую девушку, которая пришла работать на радиостанцию незадолго до того, как Розмари уволилась. Роз-

Rosemary didn't understand, mouthed it again. A man facing the girl turned to look at Rosemary, a starved-looking waxen faced man.

And there came Guy, tall and handsome, biting back his grin, with yes glowing all over him.

"Yes?" Rosemary asked as he took his seat opposite her.

"Yes," he said. "The lease is void; the deposit will be returned; I'm to keep an eye open for Lieutenant Hartman of the Signal Corps. Mrs. Cortez awaits us at two."

"You called her?"

"I called her."

The red-haired girl was suddenly with them, flushed and bright-eyed.

"I said 'Marriage certainly agrees with you, you look marvelous,'" she said.

Rosemary, ransacking for the girl's name, laughed and said,

"Thank you! We're celebrating. We just got an apartment in the Bramford!"

"The Bram?" the girl said. "I'm mad about it! If you ever want to sub-let, I'm first, and don't you forget it! All those weird gargoyles and creatures climbing up and down between the windows!"

Chapter 2

Hutch, surprisingly, tried to talk them out of it, on the grounds that the Bramford was a "danger zone."

When Rosemary had first come to New York in June of 1962 she had joined another Omaha girl and two girls from Atlanta in an apartment on lower Lexington Avenue. Hutch lived next door, and though he declined to be the full-time father-substitute the girls would have made of him — he had raised two daughters of his own and that was quite enough, thank you — he was nonetheless on hand in emergencies, such as the night someone was on the fire escape and the time Jeanne almost choked to death. His name was Edward Hutchins, he was English, he was fifty-four. Under three different pen names he wrote three different series of boys' adventure books.

To Rosemary he gave another sort of emergency assistance. She was the youngest of six children, the other five of whom had married early and made homes close to their parents; behind her in Omaha she had left an angry, suspicious father, a silent mother, and four resenting brothers and sisters. (Only the next-to-the-oldest, Brian, who had a drink problem, had said, "Go on, Rosie, do what you want to do," and had slipped her a plastic handbag with eighty-five dollars in it.) In New York Rosemary felt guilty and selfish, and Hutch bucked her up with strong tea and talks about parents and children and one's duty to oneself. She asked him questions that had been unspeakable in Catholic High; he sent her to a night course in philosophy at NYU.

"I'll make a duchess out of this cockney flower girl yet," he said, and Rosemary had had wit enough to say

мари ответила ей. Девушка что-то сказала, выразительно вытягивая губы, но так как Розмари не поняла, та повторила еще раз. Мужчина, стоявший рядом с девушкой, оглянулся на Розмари. У него было худое бледное лицо.

И вот появился Ги, высокий и красивый. Он пытался скрыть улыбку, но удача сквозила в каждом его движении.

— Да? — спросила Розмари, как только он сел.

— Да! — выдохнул он. — Соглашение ликвидировали, вступительный взнос нам вернут. Миссис Кортес ждет нас в два часа.

— Ты ей позвонил?

— Да.

Рыжая девушка подошла к ним. Она покраснелась, глаза ее сияли.

— Я всегда знала, что вы будете прекрасной парой, — сказала она. — Вы выглядите просто замечательно.

Розмари, пытаясь вспомнить ее имя, засмеялась.

— Спасибо. У нас сейчас праздник. Мы только что получили квартиру в Брэмфорде!

— В Брэме? — изумилась девушка. — Я схожу по нему с ума! Если когда-нибудь вы будете оттуда съезжать, то я первая на очереди, и не забудьте об этом! Я мечтаю об этих ужасных горгулиях и прочих кошмарах, сползающих прямо с окон.

Глава 2

Как ни странно, Хатч попытался убедить их не переезжать в Брэмфорд, который, по его словам, был «опасной зоной».

Когда Розмари впервые оказалась в Нью Йорке в июне 1962 года, она поселилась в квартире на Лексингтон авеню с подругой из Омахи и еще двумя девушками из Атланты. Хатч был их соседом, и хотя он всячески отпирался от роли названного отца всем четверым («уже, слава Богу, выросли своих двоих, и хватит с меня»), тем не менее только он приходил на помощь в самые ответственные моменты. Например, когда начался пожар и Дженни чуть не задохнулась в дыму. Звали его Эдвард Хатчинс, был он англичанином пятидесяти четырех лет и под тремя разными псевдонимами написал три приключенческих романа для детей.

Для Розмари он стал не только другом, но и духовным наставником. В ее семье было шестеро детей, из которых Розмари — самая младшая; остальные уже женились или вышли замуж, и поселились рядом с родителями. В Омахе Розмари оставила сердитого, вечно что-то подозревающего отца, молчаливую мать и возмущенных ее поведением братьев и сестер. (Только второй по старшинству брат, Брайан, который изрядно выпивал, сказал: «Валяй, Розы, делай все, что взбредет тебе в голову», — и незаметно передал ей пакет, в который вложил восемьдесят пять долларов.) В Нью Йорке Розмари сразу почувствовала себя виноватой и эгоистичной, и именно Хатч «встряхнул» ее при помощи крепкого чая и разговоров о родителях, детях и чувстве долга перед самим собой. Она задавала ему даже такие вопросы, которые никогда бы не осмелилась произнести в церкви. Хатч направил ее в университет прослушать вечерний курс по философии.

«Я сделаю герцогиню из этой цветочницы», — сказал он тогда, и Розмари довольно остроумно ответила ему:

“Garn!”

Now, every month or so, Rosemary and Guy had dinner with Hutch, either in their apartment or, when it was his turn, in a restaurant. Guy found Hutch a bit boring but always treated him cordially; his wife had been a cousin of Terence Rattigan, the playwright, and Rattigan and Hutch corresponded. Connections often proved crucial in the theater, Guy knew, even connections at second hand.

On the Thursday after they saw the apartment, Rosemary and Guy had dinner with Hutch at Klube's, a small German restaurant on Twenty-third Street. They had given his name to Mrs. Cortez on Tuesday afternoon as one of three references she had asked for, and he had already received and answered her letter of inquiry.

“I was tempted to say that you were drug addicts or litter-bugs,” he said, “or something equally repellent to managers of apartment houses.”

They asked why.

“I don't know whether or not you know it,” he said, buttering a roll, “but the Bramford had rather an unpleasant reputation early in the century.” He looked up, saw that they didn't know and went on. (He had a broad shiny face, blue eyes that darted enthusiastically, and a few strands of wetted-down black hair combed crossways over his scalp.)

“Along with the Isadora Duncans and Theodore Dreisers,” he said, “the Bramford has housed a considerable number of less attractive personages. It's where the Trench sisters performed their little dietary experiments, and where Keith Kennedy held his parties. Adrian Marcato lived there too; and so did Pearl Ames.”

“Who were the Trench sisters?” Guy asked, and Rosemary asked,

“Who was Adrian Marcato?”

“The Trench sisters,” Hutch said, “were two proper Victorian ladies who were occasional cannibals. They cooked and ate several young children, including a niece.”

“Lovely,” Guy said.

Hutch turned to Rosemary.

“Adrian Marcato practiced witchcraft,” he said. “He made quite a splash in the eighteen-nineties by announcing that he had succeeded in conjuring up the living Satan. He showed off a handful of hair and some claw-parings, and apparently people believed him; enough of them, at least, to form a mob that attacked and nearly killed him in the Bramford lobby.”

“You're joking,” Rosemary said.

“I'm quite serious. A few years later the Keith Kennedy business began, and by the twenties the house was half empty.”

Guy said, “I knew about Keith Kennedy and about Pearl Ames, but I didn't know Adrian Marcato lived there.”

“And those sisters,” Rosemary said with a shudder.

“It was only World War Two and the housing shortage,” Hutch said, “that filled the place up again, and now it's acquired a bit of Grand-Old-Apartment House prestige; but in the twenties it was called Black Bramford and sensible people stayed away. The melon is for the lady, isn't it, Rosemary?”

The waiter placed their appetizers. Rosemary looked questioningly at Guy; he pursed his brow and gave a quick head-

«Валяйте!»

Теперь раз в месяц Розмари и Ги обедали с Хатчем либо у них дома, либо, когда наступала его очередь приглашать, в ресторане. Ги считал, что Хатч — довольно скучный человек, но старался быть с ним на дружеской ноге: ведь Розмари, помимо всего прочего, была двоюродной сестрой писателя драматурга Раттигана, с которым и сам Хатч переписывался. А Ги знал, что такие родственные связи иногда играют решающую роль в карьере актеров.

В четверг, после осмотра квартиры, Розмари и Ги обедали с Хатчем «У Клубе» — в небольшом немецком ресторанчике на Двадцать третьей улице. Миссис Кортез попросила их достать три рекомендации, и Хатч оказался одним из рекомендуемых. Он уже получил от миссис Кортез письмо запрос и успел ответить на него.

— Меня так и подмывало написать, что вы наркоманы или любите копаться в помойках, — сказал он, — или что-нибудь подобное, что приводит в ужас владельцев домов.

Они спросили, почему.

— Не знаю, — задумчиво произнес он, намазывая маслом булочку, — но в начале века у Брэмфорда была плохая репутация. — Он посмотрел на них и, поняв, что они ничего об этом не знают, продолжил (у него было широкое светлое лицо, выразительные голубые глаза и жидкие черные волосы, зачесанные наискосок поверх проплешины):

— Кроме Айседоры Дункан и Теодора Драйзера, в Брэмфорде жила еще целая плеяда менее симпатичных людей. Именно там сестры Тренч проводили свои невинные диетические опыты, а Кит Кеннеди собирал, так сказать, вечеринки. Там же жили Адриан Маркато и Перл Эймс.

— А кто такие сестры Тренч? — спросил Ги, а Розмари добавила:

— И кто был этот Адриан Маркато?

— Сестры Тренч, — ответил Хатч, — это две чисто викторианские дамочки, которые временами занимались каннибализмом. Они сварили и съели несколько детей, в том числе и свою племянницу.

— Прелестно, — только и смог вымолвить Ги.

Хатч повернулся к Розмари.

— Адриан Маркато занимался колдовством. И в девятых годах прошлого столетия произвел сенсацию — он заявил, что ему удалось вызвать живого Сатану. В качестве доказательства он выставлял напоказ клоки шерсти и обрезки когтей, и люди, очевидно, поверив ему, потом напали на него и чуть не убили прямо в вестибюле Брэмфорда.

— Вы шутите, — прошептала Розмари.

— Нет, все это вполне серьезно: через несколько лет началось знаменитое дело Кита Кеннеди, и к двадцатым годам дом наполовину опустел.

— Я слышал про Кита Кеннеди и Перл Эймс, но не знал, что там жил еще и Адриан Маркато, — сказал Ги.

— И эти сестры... — Розмари передернуло.

— Только из-за второй мировой войны и нехватки жилья, — продолжал Хатч, — в дом снова начали вселяться жильцы, и постепенно он вернул себе былой престиж, а в двадцатые годы его называли «Черный Брэмфорд», и разумные люди старались держаться от него подальше. А дыня у нас для дамы, да, Розмари?

Официант расставил закуски. Розмари вопросительно посмотрела на Ги, тот нахмурил брови и неопределенно по-

shake:

It's nothing, don't let him scare you.

The waiter left.

"Over the years," Hutch said, "the Bramford has had far more than its share of ugly and unsavory happenings. Nor have all of them been in the distant past. In 1959 a dead infant was found wrapped in newspaper in the basement."

Rosemary said, "But awful things probably happen in every apartment house now and then."

"Now and then," Hutch said. "The point is, though, that at the Bramford awful things happen a good deal more frequently than 'now and then'. There are less spectacular irregularities too. There've been more suicides there, for instance, than in houses of comparable size and age."

"What's the answer, Hutch?" Guy said, playing serious and concerned. "There must be some kind of explanation."

Hutch looked at him for a moment.

"I don't know," he said. "Perhaps it's simply that the notoriety of a pair of Trench sisters attracts an Adrian Marcato, and his notoriety attracts a Keith Kennedy, and eventually a house becomes a — a kind of rallying place for people who are more prone than others to certain types of behavior. Or perhaps there are things we don't know yet — about magnetic fields or electrons or whatever — ways in which a place can quite literally be malign. I do know this, though: the Bramford is by no means unique. There was a house in London, on Praed Street, in which five separate brutal murders took place within sixty years. None of the five was in any way connected with any of the others; the murderers weren't related nor were the victims, nor were all the murders committed for the same moonstone or Maltese falcon. Yet five separate brutal murders took place within sixty years. In a small house with a shop on the street and an apartment overhead. It was demolished in 1954 — for no especially pressing purpose, since as far as I know the plot was left empty."

Rosemary worked her spoon in melon.

"Maybe there are good houses too," she said; "houses where people keep falling in love and getting married and having babies."

"And becoming stars," Guy said.

"Probably there are," Hutch said. "Only one never hears of them. It's the stinkers that get the publicity." He smiled at Rosemary and Guy. "I wish you two would look for a good house instead of the Bramford," he said.

Rosemary's spoon of melon stopped halfway to her mouth.

"Are you honestly trying to talk us out of it?" she asked.

"My dear girl," Hutch said, "I had a perfectly good date with a charming woman this evening and broke it solely to see you and say my say. I am honestly trying to talk you out of it."

"Well, Jesus, Hutch —" Guy began.

"I am not saying," Hutch said, "that you will walk into the Bramford and be hit on the head with a piano or eaten by spinners or turned to stone. I am simply saying that the record is there and ought to be considered along with the reasonable rent and the working fireplace: the house has a high incidence of

тряс головой.

— Ерунда, пусть это тебя не пугает.

Официант ушел.

— На протяжении многих лет, — рассказывал Хатч, — в Брэмфорде происходили ужасные события. И, к сожалению, не все они относятся к далекому прошлому. В 1959 году, например, в подвале нашли мертвого младенца, завернутого в газеты.

— Но ведь ужасные вещи происходят время от времени и в других домах, — заметила Розмари.

— Время от времени, — согласился Хатч. — Но дело в том, что в Брэмфорде это случается куда чаще, чем «время от времени». Есть и еще кое-какие несоответствия. Там, например, произошло значительно больше самоубийств, чем в других жилых домах такого же размера.

— В чем же дело, Хатч? — спросил Ги, притворяясь очень серьезным и озабоченным. — Должно же быть какое-то объяснение.

Хатч несколько секунд молча смотрел на него.

— Не знаю, — проговорил он. — Может быть, дурная слава сестер Тренч привлекла туда Адриана Маркато, а его слава, в свою очередь, — Кита Кеннеди, и постепенно дом стал... вроде как местом обитания таких людей, которые склонны к разным извращениям. А может быть, существует нечто иное, чего мы пока не знаем — магнитные поля, или какие-то электроны, или что-нибудь подобное, и место от этого становится зловещим. Но вот что я знаю наверняка: Брэмфорд в этом отношении не уникален. В Лондоне на Прэд стрит был дом, в котором в течение шестидесяти лет произошло пять жестоких убийств. Ни одно из них не было связано с другим — ни убийцы, ни жертвы, ни мотивы преступлений. И тем не менее все это было реальностью. Дом представлял собой небольшое строение с магазином внизу и квартирами в верхних этажах. В 1954 году его снесли без особых на то причин, и это место пустует до сих пор.

Розмари рассеянно водила ложкой по дыне.

— Но, может быть, есть и хорошие дома, — предположила она. — Дома, в которых люди постоянно влюбляются, женятся, и у них рождаются дети.

— И где они становятся знаменитыми, — вставил Ги.

— Наверное, есть, — сказал Хатч. — Но только никто об этом не знает. Обычно ведь лишь плохое становится явным. — Он улыбнулся, глядя на Розмари и Ги. — Но все равно мне бы очень хотелось, чтобы вы подыскали себе другой дом, хороший, вместо этого Брэмфорда.

Розмари собиралась съесть кусочек дыни, но ее рука с ложкой застыла на полпути ко рту.

— Вы серьезно решили нас отговорить? — спросила она.

— Милая моя девочка, — ответил Хатч. — На сегодняшний вечер у меня было назначено свидание с очаровательной женщиной, но я его отменил только ради того, чтобы встретиться с вами и высказать свое мнение. Я в самом деле пытаюсь вас переубедить.

— Бог ты мой, но, Хатч. — начал было Ги.

— Я не утверждаю, — перебил Хатч, — что как только вы переедете в Брэмфорд, вам на голову свалится рояль, или вас съедят старые девы, или кто-нибудь обратит вас в камень. Я просто сообщаю факты, с которыми, по моему, следует считаться так же, как с размером квартплаты или

unpleasant happenings. Why deliberately enter a danger zone? Go to the Dakota or the Osborne if you're dead set on nineteenth-century splendor."

"The Dakota is co-op," Rosemary said, "and the Osborne's going to be torn down."

"Aren't you exaggerating a little bit, Hutch?" Guy said. "Have there been any other 'unpleasant happenings' in the past few years? Besides that baby in the basement?"

"An elevator man was killed last winter," Hutch said. "In a not at the dinner-table kind of accident. I was at the library this afternoon with the Times Index and three hours of microfilm; would you care to hear more?"

Rosemary looked at Guy. He put down his fork and wiped his mouth.

"It's silly," he said. "All right, a lot of unpleasant things have happened there. That doesn't mean that more of them are going to happen. I don't see why the Bramford is any more of a 'danger zone' than any other house in the city. You can flip a coin and get five heads in a row; that doesn't mean that the next five flips are going to be heads too, and it doesn't mean that the coin is any different from any other coin. It's coincidence, that's all."

"If there were really something wrong," Rosemary said, "wouldn't it have been demolished? Like the house in London?"

"The house in London," Hutch said, "was owned by the family of the last chap murdered there. The Bramford is owned by the church next door."

"There you are," Guy said, lighting a cigarette; "we've got divine protection."

"It hasn't been working," Hutch said.

The waiter lifted away their plates.

Rosemary said, "I didn't know it was owned by a church," and Guy said,

"The whole city is, honey."

"Have you tried the Wyoming?" Hutch asked. "It's in the same block, I think."

"Hutch," Rosemary said, "we've tried everywhere. There's nothing, absolutely nothing, except the new houses, with neat square rooms that are all exactly alike and television cameras in the elevators.

"Is that so terrible?" Hutch asked, smiling

"Yes," Rosemary said, and Guy said,

"We were set to go into one, but we backed out to take this."

Hutch looked at them for a moment, then sat back and struck the table with wide-apart palms.

"Enough," he said. "I shall mind my own business, as I ought to have done from the outset. Make fires in your working fireplace! I'll give you a bolt for the door and keep my mouth shut from this day forward. I'm an idiot; forgive me."

Rosemary, smiled.

"The door already has a bolt," she said. "And one of those chain things and a peephole."

"Well, mind you use all three," Hutch said. "And don't go

наличием камина: в доме происходило множество неприятных вещей. Зачем же сознательно входить в столь опасную зону? Можно ведь переехать в Дакоту или в Осборн, если уж вы так помешались на красотах девятнадцатого века.

— Дакота — кооперативный дом, — возразила Розмари, — а Осборн собираются сносить.

— Хатч, а вы, часом, не преувеличиваете? — спросил Ги. — Разве за последние годы там произошли какие-нибудь «ужасные события», не считая, конечно, того ребенка в подвале?

— Прошлой зимой там убили лифтера, — сказал Хатч, — при обстоятельствах, которые не принято обсуждать за столом. Я сегодня специально ходил в библиотеку, просматривал подборки статей из «Тайме» и три часа просидел за микрофильмами. Вы еще хотите послушать?

Розмари взглянула на Ги. Тот отложил вилку и вытер рот.

— Все это глупости! Даже если там и произошло много неприятных вещей, это вовсе не значит, что они будут продолжаться и дальше. Я не понимаю, чем Брэмфорд опаснее любого другого дома в городе. Можно бросать монетку и получить пять «решек» подряд, но из этого совсем не следует, что и следующие пять тоже будут «решки», или что моя монетка чем-то отличается от других. Это совпадение, вот и все.

— Если там что-то по настоящему неладно, — поддержала мужа Розмари, — то его бы снесли. Как тот дом в Лондоне.

— Домом в Лондоне, — уточнил Хатч, — владела семья последней жертвы. А Брэмфордом владеет соседствующая церковь.

— Ну вот, — оживился Ги, прикуривая сигарету, — значит, у нас будет Божественное покровительство.

— Оно не всегда срабатывает, — хмуро возразил Хатч.

Официант унес пустые тарелки.

— Я и не знала, что домом владеет церковь, — сказала Розмари. Ги тут же добавил:

— По правде говоря, она владеет всем городом.

— А вы пробовали снять квартиру в Вайоминге? — осведомился Хатч. — Он ведь находится в том же районе, что и Брэмфорд, насколько я помню.

— Хатч, — взмолилась Розмари, — мы перепробовали все. И нигде ничего нет, абсолютно ничего, кроме новых домов, где все комнаты похожи одна на другую, а в лифтах установлены телекамеры.

— Неужели это так страшно? — спросил Хатч, улыбаясь.

— Да, — кивнула Розмари, а Ги пояснил:

— Мы чуть не въехали в такой дом, но потом удалось поменять на этот.

Хатч молча посмотрел на них, потом откинулся на спинку стула и хлопнул ладонями по столу.

— Все! Достаточно. Буду заниматься своими делами. Я должен был понять это с самого начала. Разводите себе на здоровье огонь в камине; я вам подарю дверной засов и с сегодняшнего дня буду держать рот на замке. Я настоящий идиот, простите меня.

Розмари улыбнулась.

— На двери уже есть один засов. И цепочка тоже есть, и глазок.

— Тогда пользуйтесь всем этим сразу, — посоветовал

wandering through the halls introducing yourself to all and sundry. You're not in Iowa."

"Omaha."

The waiter brought their main courses.

On the following Monday afternoon Rosemary and Guy signed a two-year lease on apartment 7E at the Bramford. They gave Mrs. Cortez a check for five hundred and eighty-three dollars — a month's rent in advance and a month's rent as security — and were told that if they wished they could take occupancy of the apartment earlier than September first, as it would be cleared by the end of the week and the painters could come in on Wednesday the eighteenth.

Later on Monday they received a telephone call from Martin Gardenia, the son of the apartment's previous tenant. They agreed to meet him at the apartment on Tuesday evening at eight, and, doing so, found him to be a tall man past sixty with a cheerful open manner. He pointed out the things he wanted to sell and named his prices, all of which were attractively low. Rosemary and Guy conferred and examined, and bought two air conditioners, a rosewood vanity with a petit-point bench, the living room's Persian rug, and the andirons, fire screen, and tools. Mrs. Gardenia's rolltop desk, disappointingly, was not for sale. While Guy wrote a check and helped tag the items to be left behind, Rosemary measured the living room and the bedroom with a six-foot folding rule she had bought that morning.

The previous March, Guy had played a role on *Another World*, a daytime television series. The character was back now for three days, so for the rest of the week Guy was busy. Rosemary winnowed a folder of decorating schemes she had collected since high school, found two that seemed appropriate to the apartment, and with those to guide her went looking at furnishings with Joan Jellico, one of the girls from Atlanta she had roomed with on coming to New York. Joan had the card of a decorator, which gave them entrance to wholesale houses and showrooms of every sort. Rosemary looked and made shorthand notes and drew sketches to bring to Guy, and hurried home spilling over with fabric and wallpaper samples in time to catch him on *Another World* and then run out again and shop for dinner. She skipped her sculpture class and canceled, happily, a dental appointment.

On Friday evening the apartment was theirs; an emptiness of high ceilings and unfamiliar dark into which they came with a lamp and a shopping bag, striking echoes from the farthest rooms. They turned on their air conditioners and admired their rug and their fireplace and Rosemary's vanity; admired too their bathtub, doorknobs, hinges, molding, floors, stove, refrigerator, bay windows, and view. They picnicked on the rug, on tuna sandwiches and beer, and made floor plans of all four rooms, Guy measuring and Rosemary drawing. On the rug again, they unplugged the lamp and stripped and made love in the night-glow of shadeless windows.

"Shh!" Guy hissed afterwards, wide-eyed with fear. "I hear the Trench sisters chewing!"

Rosemary hit him on the head, hard.

Хатч. — И не стоит шататься по коридорам и знакомиться со всеми подряд. Это вам не Айова.

— Не Омаха, — с улыбкой поправила Розмари.

Официант подал горячее.

На следующий день, в понедельник, Розмари и Ги подписали договор об аренде квартиры 7E в Брэмфорде сроком на два года. Они дали миссис Кортес чек на пятьсот восемьдесят три доллара — месячную ренту и залог за месяц вперед. Им сказали, что переехать можно будет, даже не дожидаясь первого сентября, как только вывезут вещи в конце недели, а ремонт начнут делать в среду, восемнадцатого.

В этот же день им позвонил Мартин Гардиния, сын прежней хозяйки квартиры. Они договорились встретиться в Брэмфорде в восемь вечера во вторник. Это был высокий мужчина, веселый и открытый, лет шестидесяти. Он показал вещи, которые собирался продавать, и назвал свою цену. Все было довольно недорого. Розмари и Ги посоветовались и купили два кондиционера, трюмо из красного дерева с вышитым пуфиком, персидский ковер для гостиной, железные подставки для дров, каминный экран и кое-какие инструменты. К сожалению, письменный стол миссис Гардинии не продавался. Пока Ги выписывал чек и привязывал бирки к вещам, которые должны были остаться в квартире, Розмари принялась обмеривать гостиную и спальню шестифутовой складной линейкой, которую купила утром.

Еще в марте Ги дали роль в дневном телесериале «Другой мир», и теперь его герой должен был снова на три дня вернуться на экран, поэтому всю неделю Гц был занят на съемках. Розмари перебрала папку с фотографиями различных комнат, которые она собирала еще со школы, нашла две, подходящие для новой квартиры, и вместе с Джоан Джеллико, девушкой из Атланты, с которой она жила по соседству с Хатчем, впервые очутившись в Нью Йорке, отправилась по магазинам. У Джоан было удостоверение дизайнера по интерьерам, и их пускали во все места, предназначенные для продажи, а также на выставки мебели. Розмари делала стенографические заметки и зарисовывала для Ги обстановку комнат. Потом, нагруженная всевозможными образцами обивки и обоев, побежала домой и как раз успела к началу очередной серии «Другого мира», дождалась выхода Ги, а затем пошла за продуктами к обеду. В этот день она опять пропустила занятия в кружке скульптуры и, к своему удовольствию, не успела посетить зубного врача.

В пятницу вечером квартира уже принадлежала им, встретив новых хозяев пустотой высоких потолков и непривычной темнотой, в которую они вступили с зажженным фонариком и магазинными пакетами, прислушиваясь к эху, несущемуся из дальних комнат. Они включили кондиционеры и отдались наслаждению красотой ковра, каминов и трюмо, долго восхищались кранами в ванной, дверными ручками, петлями, карнизами, полами, плитой, холодильником, подоконниками и видом из окон. Поужинав прямо на ковре бутербродами и пивом, продумали, что куда ставить, при этом Ги производил замеры, а Розмари рисовала. Потом, снова на ковре, закрыв тряпкой лампу, разделись и занимались любовью в ночном свете незашторенных окон.

— Ш-ш-ш! — громко шипел Ги, широко раскрыв глаза от притворного ужаса. — Я слышу, как жуют сестры Тренч!

Розмари больно стукнула его по голове.

They bought a sofa and a king-size bed, a table for the kitchen and two bentwood chairs. They called Con Ed and the phone company and stores and workmen and the Padded Wagon.

The painters came on Wednesday the eighteenth; patched, spackled, primed, painted, and were gone on Friday the twentieth, leaving colors very much like Rosemary's samples. A solitary paperhanger came in and grumbled and papered the bedroom.

They called stores and workmen and Guy's mother in Montreal. They bought an armoire and a dining table and hi-fi components and new dishes and silverware. They were flush. In 1964 Guy had done a series of Anacin commercials that, shown time and time again, had earned him eighteen thousand dollars and was still producing a sizable income.

They hung window shades and papered shelves, watched carpet go down in the bedroom and white vinyl in the hallway. They got a plug-in phone with three jacks; paid bills and left a forwarding notice at the post office.

Chapter 3

On Friday, August 27th, they moved. Joan and Dick Jellico sent a large potted plant and Guy's agent a small one. Hutch sent a telegram:

The Bramford will change from a bad house to a good house when one of its doors is marked R. and G. Woodhouse.

And then Rosemary was busy and happy. She bought and hung curtains, found a Victorian glass lamp for the living room, hung pots and pans on the kitchen wall. One day she realized that the four boards in the hall closet were shelves, fitting across to sit on wood cleats on the side walls. She covered them with gingham contact paper and, when Guy came home, showed him a neatly filled linen closet. She found a supermarket on Sixth Avenue and a Chinese laundry on Fifty-fifth Street for the sheets and Guy's shirts.

Guy was busy too, away every day like other women's husbands. With Labor Day past, his vocal coach was back in town; Guy worked with him each morning and auditioned for plays and commercials most afternoons. At breakfast he was touchy reading the theatrical page — everyone else was out of town with Skyscraper or Drat! The Cat! or The Impossible Years or Hot September; only he was in New York with residuals from Anacin — but Rosemary knew that very soon he'd get something good, and quietly she set his coffee before him and quietly took for herself the newspaper's other section.

The nursery was, for the time being, a den, with off white walls and the furniture from the old apartment. The white-and-yellow wallpaper would come later, clean and fresh. Rosemary had a sample of it lying ready in Picasso's Picassos, along with a Saks ad showing the crib and bureau.

Они купили диван и огромную кровать, кухонный стол и два стула с изогнутыми ножками. По телефону договорились с рабочими о перевозке.

Маляры пришли в среду, восемнадцатого. Они штукатурили, грунтовали, красили, замазывали трещины и ушли только в пятницу, двадцатого, оставив на стенах ровные слои красок, точь в точь совпадающих с образцами Розмари. Позже пришел один единственный обойщик, долго чем-то гремел и клеил спальню.

Они звонили по разным магазинам, затем рабочим, дозвонились и до матери Ги в Монреаль. За неделю им удалось приобрести красивый старинный сервант, обеденный стол, тумбочки для аппаратуры, новые тарелки и столовое серебро. Они были в упоении. Год назад Ги снялся в целой серии телерекламы, которые все еще показывали каждый день, что уже принесло ему восемнадцать тысяч долларов и продолжало давать доходы.

Повесив шторы и оклеив пленкой полки, Розмари и Ги расстелили ковер в спальне и белую виниловую дорожку в коридоре. Провели телефон с тремя дополнительными розетками, оплатили счет за старую квартиру и оставили на почте свой новый адрес.

Глава 3

27 августа, в пятницу, они переехали. Джоан и Дик Джеллико прислали в подарок большой цветок в горшке, а агент Ги — такой же, но поменьше. От Хатча пришла телеграмма:

«Брэмфорд превратился из дурного дома в хороший, потому что одна из табличек на его дверях гласит: Р. и Г. Вудхаус».

Теперь Розмари стала очень занятой и была этим счастлива. Она купила и повесила занавески, отыскала для гостиной люстру в викторианском стиле, красиво разместила на кухне многочисленные кастрюльки и сковородки. Как-то она обнаружила, что доски в стенном шкафу коридора — это полки, которые легко вставляются на деревянные штыри. Она оклеила доски полосатой бумагой и, когда Ги вернулся домой, продемонстрировала ему аккуратный шкаф для белья. Рядом с домом, на Шестой авеню, находился супермаркет и китайская прачечная, куда можно было отдавать простыни и рубашки Ги.

У Ги тоже хватало дел, и он уходил на работу каждый день, как и подобает мужчине. После Дня труда вернулся в город его наставник по вокалу. Ги занимался с ним каждое утро, а днем ходил на пробы для реклам и телеспектаклей. За завтраком он особенно нервничал, читая театральные объявления в газетах: все разъезжались на съемки; тот играл в «Небоскребе», этот — в «Черт побери, кошка!». А еще снимали «Невозможные годы» и «Жаркий сентябрь», и только он один одинешенек остался здесь со своими рекламами. Но Розмари верила, что очень скоро и ему предложат что-нибудь стоящее, и спокойно ставила перед ним кофе и так же спокойно просматривала страницы газеты.

Будущая детская пока что представляла собой рабочий кабинет с пустыми стенами и мебелью, привезенной со старой квартиры. Бело желтые обои решено было заказать позже. Их образец лежал в альбоме Пикассо вместе с рекламной комодов и детских кроваток.

She wrote to her brother Brian to share her happiness. No one else in the family would have welcomed it; they were all hostile now — parents, brothers, sisters — not forgiving her for A) marrying a Protestant, B) marrying in only a civil ceremony, and C) having a mother-in-law who had had two divorces and was married now to a Jew up in Canada.

She made Guy chicken Marengo and vitello tonnato, baked a mocha layer cake and a jarful of butter cookies.

They heard Minnie Castevet before they met her; heard her through their bedroom wall, shouting in a hoarse midwestern bray. “Roman, come to bed! It’s twenty past eleven!” And five minutes later: “Roman? Bring me in some root beer when you come!”

“I didn’t know they were still making Ma and Pa Kettle movies,” Guy said, and Rosemary laughed uncertainly. She was nine years younger than Guy, and some of his references lacked clear meaning for her.

They met the Goulds in 7F, a pleasant elderly couple, and the Germanaccented Bruhns and their son Walter in 7C. They smiled and nodded in the hall to the Kelloggs, 7G, Mr. Stein, 7H, and the Messrs. Dubin and DeVore, 7B. (Rosemary learned everyone’s name immediately, from doorbells and from face-up mail on doormats, which she had no qualms about reading.) The Kapps in 7D, unseen and with no mail, were apparently still away for the summer; and the Castevets in 7A, heard (“Roman! Where’s Terry?”) but unseen, were either recluses or comers and goers at odd hours. Their door was opposite the elevator, their doormat supremely readable. They got air mail letters from a surprising variety of places: Hawick, Scotland; Langeac, France; Vitoria, Brazil; Cessnock, Australia. They subscribed to both Life and Look.

No sign at all did Rosemary and Guy see of the Trench sisters, Adrian Marcato, Keith Kennedy, Pearl Ames, or their latter-day equivalents. Dubin and DeVore were homosexuals; everyone else seemed entirely commonplace.

Almost every night the midwestern bray could be heard, from the apartment which, Rosemary and Guy came to realize, had originally been the bigger front part of their own. “But it’s impossible to be a hundred per cent sure!” the woman argued, and, “If you want my opinion, we shouldn’t tell her at all; that’s my opinion!”

One Saturday night the Castevets had a party, with a dozen or so people talking and singing. Guy fell asleep easily but Rosemary lay awake until after two, hearing flat unmusical singing and a flute or clarinet that piped along beside it.

The only time Rosemary remembered Hutch’s misgivings and was made uneasy by them was when she went down to the basement every fourth day or so to do the laundry. The service elevator was in itself unsettling — small, unmanned, and given to sudden creaks and tremors — and the basement was an eerie place of once — whitewashed brick passageways where footfalls whispered distantly and unseen doors thudded closed, where castoff refrigerators faced the wall under glary bulbs in wire cages.

Розмари написала письмо брату Брайану, чтобы поделиться своим счастьем. Никто больше в семье не оценил бы этого. Они все казались врагами — родители, братья, сестры никогда не простят ей брака с протестантом. И тем более не простят того, что она не венчалась в церкви, что у ее свекрови было два развода, а теперешний муж — еврей, с которым она живет в Канаде.

Приготовив цыпленка, Розмари испекла кофейный торт и целое блюдо сливочного печенья.

Розмари и Ги услышали Минни Кастивет прежде, чем познакомились с ней. Ее громкий голос со среднезападным акцентом отчетливо звучал и в их спальне: «Роман, подойди к кровати! Уже двадцать минут двенадцатого!» И через пять минут снова: «Роман! Принеси мне попить, когда придешь!»

— Не знал, что кто-то до сих пор еще снимает кино про мамашу и папашу Кеттл, — сказал Ги, и Розмари неуверенно рассмеялась. Она была на девять лет моложе Ги и не всегда понимала, что он хочет сказать.

Они познакомились с Гоульдами из квартиры 7F, приятной пожилой парой, потом с Брюнами и их сыном Вальтером — все они говорили с легким немецким акцентом и жили в квартире 7C. Они здоровались также с Келлогами из 7J, с мистером Стайном из 7H и господами Дубином и де Вором из квартиры 7B. (Розмари сразу узнала все фамилии, читая их на табличках возле дверных звонков и на конвертах писем, которые лежали у дверей — она не испытывала от этого угрызений совести.) Каппы из 7D не появлялись и не получали писем, наверное еще не вернулись из летних отпусков, а Кастиветов из 7A пока было только слышно («Роман! Где Терри?»), но не видно. Они, видимо, были затворниками или выходили только по ночам (дверь их располагалась напротив лифта), зато они получали письма из многих мест, что очень удивляло Розмари: из Гавика (Шотландия), Лагника (Франция), Виктории (Бразилия), Песнока (Австралия); выписывали и «Лайф», и «Лук».

Розмари и Ги так и не обнаружили никаких следов ни сестер Тренч, ни Адриана Маркато, ни Кита Кеннеди, ни Перл Эймс, ни их современных последователей. Дубин и де Вор были гомосексуалистами, все же остальные казались вполне нормальными.

Почти каждый вечер они слушали западный выговор из соседней квартиры, которая, как догадывались Розмари и Ги, раньше была составной частью их собственной. «Нельзя быть уверенным на все сто процентов! — спорила женщина, и тут же добавляла: Если уж важно мое мнение, то ей вообще не надо ничего говорить — нет МОЕ мнение!»

Однажды в субботу вечером у Кастиветов были гости. Пришло около десяти человек, они шумно разговаривали, а потом пели. Ги сразу же заснул, а Розмари пролежала до двух ночи, слушая их нестройный хор и звуки флейты или кларнета, сопровождавшие пение.

Раз в четыре дня Розмари все же вспоминала об опасениях Хатча — ей всегда становилось не по себе, когда приходилось спускаться в подвал, чтобы постирать вещи.

Служебный лифт сам по себе был не очень приятным — маленький, без лифтера, он жутко дребезжал и перемещался рывками. А подвал со старым кирпичным полом был и вовсе ужасным местом: шаги отдавались гулким эхом, слышались хлопки невидимых дверей, а вдоль стен, отвернувшись, стояли брошенные холодильники, застыв под светом ярких ламп в проволочных каркасах.

It was here, Rosemary would remember, that a dead baby wrapped in newspaper had not so long ago been found. Whose baby had it been, and how had it died? Who had found it? Had the person who left it been caught and punished? She thought of going to the library and reading the story in old newspapers as Hutch had done; but that would have made it more real, more dreadful than it already was. To know the spot where the baby had lain, to have perhaps to walk past it on the way to the laundry room and again on the way back to the elevator, would have been unbearable. Partial ignorance, she decided, was partial bliss. Damn Hutch and his good intentions!

The laundry room would have done nicely in a prison: steamy brick walls, more bulbs in cages, and scores of deep double sinks in iron-mesh cubicles. There were coin-operated washers and dryers and, in most of the padlocked cubicles, privately owned machines. Rosemary came down on weekends or after five; earlier on weekdays a bevy of Negro laundresses ironed and gossiped and had abruptly fallen silent at her one unknowing intrusion. She had smiled all around and tried to be invisible, but they hadn't spoken another word and she had felt self-conscious, clumsy, and Negro-oppressing.

One afternoon, when she and Guy had been in the Bramford a little over two weeks, Rosemary was sitting in the laundry room at 5:15 reading *The New Yorker* and waiting to add softener to the rinse water when a girl her own age came in — a dark-haired cameo-faced girl who, Rosemary realized with a start, was Anna Maria Alberghetti. She was wearing white sandals, black shorts, and an apricot silk blouse, and was carrying a yellow plastic laundry basket. Nodding at Rosemary and then not looking at her, she went to one of the washers, opened it, and began feeding dirty clothes into it.

Anna Maria Alberghetti, as far as Rosemary knew, did not live at the Bramford, but she could well have been visiting someone and helping out with the chores. A closer look, though, told Rosemary that she was mistaken; this girl's nose was too long and sharp and there were other less definable differences of expression and carriage. The resemblance, however, was a remarkable one — and suddenly Rosemary found the girl looking at her with an embarrassed questioning smile, the washer beside her closed and filling.

"I'm sorry," Rosemary said. "I thought you were Anna Maria Alberghetti, so I've been staring at you. I'm sorry."

The girl blushed and smiled and looked at the floor a few feet to her side.

"That happens a lot," she said. "You don't have to apologize. People have been thinking I'm Anna Maria since I was, oh, just a kid, when she first started out in *Here Comes The Groom*. "She looked at Rosemary, still blushing but no longer smiling. "I don't see a resemblance at all," she said. "I'm of Italian parentage like she is, but no physical resemblance."

"There's a very strong one," Rosemary said.

"I guess there is," the girl said; "everyone's always telling me. I don't see it though. I wish I did, believe me."

"Do you know her?" Rosemary asked.

"No."

Именно здесь, вспоминала Розмари, не так давно нашли мертвого ребенка, завернутого в газету. Чей это был ребенок и как он умер? Пойман ли виновный, наказан ли? Она хотела пойти в библиотеку и прочитать об этом в газете, как поступил Хатч, но тогда все стало бы еще реальнее и страшнее, чем было сейчас. Точно знать место, где нашли труп; может быть, ходить по этому месту от лифта и обратно — все это стало бы для нее невыносимым. «Не обращать внимания и постепенно забыть, — решила она. — Все проклятый Хатч со своими добрыми намерениями!..»

Из этой прачечной получилась бы неплохая тюрьма: кирпичные стены, лампочки в железных каркасах и ячейки в стенах, закрытые проволочными дверями. Здесь стояли машины и сушилки, работающие за деньги, а в запертых ячейках — личные агрегаты, Розмари приходила сюда в выходные или же после пяти вечера. В рабочие дни по утрам здесь обитала целая ватага прачек негритянок, которые гладили белье и переговаривались между собой. Когда же она один раз появилась тут в их присутствии, те сразу неловко притихли. Розмари попыталась улыбнуться и хотела остаться незамеченной, но тишина продолжалась, и она почувствовала себя неуютно в обществе негров.

Однажды, на третьей неделе их жизни в Брэмфорде, в четверть шестого вечера Розмари сидела внизу, читала «*Нью Йоркер*» и собиралась уже добавить в воду смягчитель, чтобы начать полоскать белье, как вдруг в подвал вошла девушка примерно ее же возраста. Она была темноволосяя, с милым личиком, и к своему огромному удивлению Розмари обнаружила, что это Анна Мария Альбергетти. На ней были белые сандалии, черные шорты и шелковая кофточка абрикосового цвета. В руках она несла пластиковую желтую сумку с грязным бельем. Быстро кивнув в сторону Розмари, она прошла к стиральной машине и принялась загружать белье.

Анна Мария Альбергетти, насколько было известно Розмари, не жила в Брэмфорде, но она могла приехать к кому-нибудь в гости и помочь по хозяйству. Однако, когда Розмари пригляделась повнимательнее, то увидела, что ошиблась: у девушки был слишком длинный и острый нос и иные черты лица, а также другая походка. Тем не менее сходство казалось удивительным — и тут Розмари заметила, что девушка закрыла машину и смотрит на нее с вопросительной и растерянной улыбкой.

— Извини, — торопливо произнесла Розмари. — Я думала, что ты — Анна Мария Альбергетти, поэтому так и уставилась. Прости.

Девушка покраснела, снова заулыбалась и опустила глаза.

— Это со мной часто происходит. Не надо извиняться. Люди принимают меня за Анну Марию постоянно, с самого детства, когда она снялась в своей первой роли в фильме «*А вот и жених*». — Девушка посмотрела на Розмари, все еще красная, но уже без улыбки. — Я-то вообще не вижу никакого сходства. Я тоже итальянка, как и она, но между нами нет физического сходства.

— Есть и еще какое, — заметила Розмари.

— Может быть, — ответила девушка. — Мне все говорят. Но я этого не нахожу. Хотя мне и хотелось бы, если честно.

— Ты ее знаешь? — спросила Розмари.

— Нет.

“The way you said ‘Anna Maria’ I thought —”

“Oh no, I just call her that. I guess from talking about her so much with everyone.” She wiped her hand on her shorts and stepped forward, holding it out and smiling. “I’m Terry Gionofrio,” she said, “and I can’t spell it so don’t you try.”

Rosemary smiled and shook hands.

“I’m Rosemary Woodhouse,” she said. “We’re new tenants here. Have you been here long?”

“I’m not a tenant at all,” the girl said. “I’m just staying with Mr. and Mrs. Castevet, up on the seventh floor. I’m their guest, sort of, since June. Oh, you know them?”

“No,” Rosemary said, smiling, “but our apartment is right behind theirs and used to be the back part of it.”

“Oh for goodness’ sake,” the girl said, “you’re the party that took the old lady’s apartment! Mrs. — the old lady who died!”

“Gardenia.”

“That’s right. She was a good friend of the Castevets. She used to grow herbs and things and bring them in for Mrs. Castevet to cook with.”

Rosemary nodded.

“When we first looked at the apartment,” she said, “one room was full of plants.”

“And now that she’s dead,” Terry said, “Mrs. Castevet’s got a miniature greenhouse in the kitchen and grows things herself.”

“Excuse me, I have to put softener in,” Rosemary said. She got up and got the bottle from the laundry bag on the washer.

“Do you know who you look like?” Terry asked her; and Rosemary, unscrewing the cap, said,

“No, who?”

“Piper Laurie.”

Rosemary laughed.

“Oh, no,” she said. “It’s funny your saying that, because my husband used to date Piper Laurie before she got married.”

“No kidding? In Hollywood?”

“No, here.” Rosemary poured a capful of the softener. Terry opened the washer door and Rosemary thanked her and tossed the softener in.

“Is he an actor, your husband?” Terry asked.

Rosemary nodded complacently, capping the bottle.

“No kidding! What’s his name?”

“Guy Woodhouse,” Rosemary said. “He was in *Luther and Nobody Loves An Albatross*, and he does a lot of work in television.”

“Gee, I watch TV all day long,” Terry said. “I’ll bet I’ve seen him!”

Glass crashed somewhere in the basement; a bottle smashing or a windowpane.

“Yow,” Terry said.

Rosemary hunched her shoulders and looked uneasily toward the laundry room’s doorway.

“I hate this basement,” she said.

“Me too,” Terry said. “I’m glad you’re here. If I was alone now I’d be scared stiff.”

“A delivery boy probably dropped a bottle,” Rosemary said.

Terry said; “Listen, we could come down together regular.

— Просто ты назвала ее Анна Мария, вот я и подумала...

— Нет, я просто всегда ее так называю. Наверное, из-за того, что мне приходится часто о ней вспоминать. — Она вытерла руку о шорты, потом протянула ее вперед. — Меня зовут Терри Джоноффрио. Я точно не помню, как пишется моя фамилия, поэтому даже не переспрашивай.

Розмари улыбнулась и пожала ей руку.

— А я Розмари Вудхаус. Мы здесь недавно живем, а ты?

— Я здесь вообще не живу. Я из квартиры мистера и миссис Кастивет, на седьмом этаже. Я вроде бы как их гостя, уже с июня. А ты их знаешь?

— Нет, но наша квартира рядом, раньше это была одна большая квартира.

— Боже мой! — воскликнула Терри. — Так вы и есть те самые жильцы, которые заняли квартиру этой старушки! Миссис... ну, той, которая умерла!

— Гардиния?

— Точно. Она была хорошая подруга Кастиветов. Выращивала травы и разные другие растения и приносила их миссис Кастивет для готовки.

Розмари кивнула.

— Когда мы первый раз смотрели квартиру, одна из комнат вся была уставлена горшками.

— А теперь, когда она умерла, миссис Кастивет сделала себе миниатюрную оранжерею на кухне и все выращивает сама.

— Извини, мне надо добавить смягчитель. — Розмари встала и вынула из пакета бутылочку.

— А знаешь на кого ты похожа? — спросила Терри.

— Нет, — ответила Розмари, отвинчивая крышку. — На кого?

— На Пайпер Лори.

Розмари рассмеялась.

— Не может быть! Мне это так смешно, потому что мой муж ухаживал за Пайпер Лори, пока та не вышла замуж.

— Ты не шутишь? В Голливуде?

— Нет, здесь. — Розмари налила в колпачок смягчителя. — Терри помогла открыть дверцу машины. Розмари поблагодарила и принялась размешивать жидкость.

— Так твой муж актер? — спросила Терри.

Розмари самодовольно кивнула, закрывая бутылочку.

— Ты не шутишь? Как его зовут?

— Ги Вудхаус. Он играл в «Лютере» и в пьесе «Никто не любит альбатроса», а еще у него куча ролей на телевидении.

— Слушай, да я целыми днями смотрю телевизор. Спорим, что я его видела!

Где-то наверху послышался звук разбивающегося стекла — бутылки или окна.

— Ох ты! — воскликнула Терри.

Розмари сжалась и боязливо покосилась на входную дверь:

— Ненавижу этот подвал!

— Я тоже, — отозвалась Терри. — Я так рада, что ты здесь. Если бы я была одна, я бы умерла от страха.

— Наверное, рассыльный уронил где-то бутылку, — предположила Розмари.

— Слушай, а можно приходить сюда все время вдвоем?

Your door is by the service elevator, isn't it? I could ring your bell and we could come down together. We could call each other first on the house phone."

"That would be great," Rosemary said. "I hate coming down here alone."

Terry laughed happily, seemed to seek words, and then, still laughing, said,

"I've got a good luck charm that'll maybe do for both of us!" She pulled away the collar of her blouse, drew out a silver neckchain, and showed Rosemary on the end of it a silver filigree ball a little less than an inch in diameter.

"Oh, that's beautiful," Rosemary said.

"Isn't it?" Terry said. "Mrs. Castevet gave it to me the day before yesterday. It's three hundred years old. She grew the stuff inside it in that little greenhouse. It's good luck, or anyway it's supposed to be."

Rosemary looked more closely at the charm Terry held out between thumb and fingertip. It was filled with a greenish-brown spongy substance that pressed out against the silver openwork. A bitter smell made Rosemary draw back.

Terry laughed again.

"I'm not mad about the smell either," she said. "I hope it works!"

"It's a beautiful charm," Rosemary said. "I've never seen anything like it."

"It's European," Terry said. She leaned a hip against a washer and admired the ball, turning it one way and another. "The Castevets are the most wonderful people in the world, bar none," she said. "They picked me up off the sidewalk — and I mean that literally; I conked out on Eighth Avenue — and they brought me here and adopted me like a mother and father. Or like a grandmother and grandfather, I guess."

"You were sick?" Rosemary asked.

"That's putting it mildly," Terry said. "I was starving and on dope and doing a lot of other things that I'm so ashamed of I could throw up just thinking about them. And Mr. and Mrs. Castevet completely rehabilitated me. They got me off the H, the dope, and got food into me and clean clothes on me, and now nothing is too good for me as far as they're concerned. They give me all kinds of health food and vitamins, they even have a doctor come give me regular check-ups! It's because they're childless. I'm like the daughter they never had, you know?"

Rosemary nodded.

"I thought at first that maybe they had some kind of ulterior motive," Terry said. "Maybe some kind of sex thing they would want me to do, or he would want, or she. But they've really been like real grandparents. Nothing like that. They're going to put me through secretarial school in a little while and later on I'm going to pay them back. I only had three years of high school but there's a way of making it up."

She dropped the filigree ball back into her blouse.

Rosemary said, "It's nice to know there are people like that, when you hear so much about apathy and people who are afraid of getting involved."

"There aren't many like Mr. and Mrs. Castevet," Terry said. "I would be dead now if it wasn't for them. That's an absolute fact. Dead or in jail."

"You don't have any family that could have helped you?"

Ведь ваша дверь напротив служебного лифта, да? Я позволю тебе, и мы спустимся вместе. А сначала можно договориться по внутреннему телефону, — предложила Терри.

— Это было бы здорово, — обрадовалась Розмари. — Я так не люблю ходить сюда одна!

Они рассмеялись, попытались еще что-то сказать, но, не найдя нужных слов, рассмеялись еще громче.

— У меня есть талисман; может быть, он будет спасать нас обеих? — Терри оттянула воротник кофточки и вынула блестящую цепочку, показывая ее Розмари. На цепочке висел филигранный серебряный шарик не больше дюйма в диаметре.

— Какой красивый!

— Правда? — обрадовалась Терри. — Мне его подарила позавчера миссис Кастивет. Ему триста лет. А то, что внутри, она сама вырастила в оранжерее. Это приносит счастье. По крайней мере, должно приносить.

Розмари начала внимательно разглядывать шарик, который Терри держала между большим и указательным пальцами. Он был наполнен серовато-зеленым пористым веществом, выпирающим из отверстий. Неприятный запах заставил Розмари отпрянуть.

Терри снова засмеялась.

— Мне тоже этот запах не очень нравится. Но главное, чтобы он срабатывал!

— Красивый талисман, — сказала Розмари? — Ничего подобного в жизни не видела.

— Это из Европы. — Терри прислонилась к машине и с удовольствием принялась рассматривать шарик, поворачивая его в руке. — Кастиветы — самые замечательные люди на всем белом свете. Они меня в буквальном смысле подобрали на улице. Я отключилась на Восьмой авеню, и они принесли меня сюда и приняли, как мать и отец. Вернее, как бабушка и дедушка.

— Ты была больна? — спросила Розмари.

— Мягко говоря, да. Я умирала от голода, сидела на наркотиках и делала еще черт знает что, о чем теперь даже вспоминать тошно, а мистер и миссис Кастивет меня полностью реабилитировали. Они помогли мне поправиться, отвыкнуть от героина, накормили, одели и теперь обо мне заботятся. Я получаю прекрасное питание, всякие витамины, и даже хожу к врачу на осмотры. И все потому, что у них нет детей. Я для них как дочка, понимаешь?

Розмари кивнула.

— Сначала я думала, что, может быть, у них есть какие-то тайные намерения, — продолжала Терри. — Но они — как настоящие бабушка и дедушка. Они хотят отправить меня учиться на секретаря, и я им потом, конечно, верну деньги. Я сама даже школу не закончила, но это можно наверстать.

Она опустила шарик назад.

— Приятно слышать, что есть еще такие люди, когда весь мир полон апатии и безразличия, — сказала Розмари.

— Немного таких, как мистер и миссис Кастивет, — ответила Терри. — Я бы сейчас уже не жила, если бы не они. Это уж точно.

— А у тебя разве нет семьи или кого-то, кто мог бы по-

"A brother in the Navy. The less said about him the better."

Rosemary transferred her finished wash to a dryer and waited with Terry for hers to be done. They spoke of Guy's occasional role on *Another World* ("Sure I remember! You're married to him?"), the Bramford's past (of which Terry knew nothing), and the coming visit to New York of Pope Paul. Terry was, like Rosemary, Catholic but no longer observing; she was anxious, though, to get a ticket to the papal mass to be celebrated at Yankee Stadium. When her wash was done and drying the two girls walked together to the service elevator and rode to the seventh floor. Rosemary invited Terry in to see the apartment, but Terry asked if she could take a rain check; the Castevets ate at six and she didn't like to be late. She said she would call Rosemary on the house phone later in the evening so they could go down together to pick up their dry laundry.

Guy was home, eating a bag of Fritos and watching a Grace Kelly movie.

"Them sure must be clean clothes," he said.

Rosemary told him about Terry and the Castevets, and that Terry had remembered him from *Another World*. He made light of it, but it pleased him. He was depressed by the likelihood that an actor named Donald Baumgart was going to beat him out for a part in a new comedy for which both had read a second time that afternoon.

"Jesus Christ," he said, "what kind of a name is Donald Baumgart?" His own name, before he changed it, had been Sherman Peden.

Rosemary and Terry picked up their laundry at eight o'clock, and Terry came in with Rosemary to meet Guy and see the apartment. She blushed and was flustered by Guy, which spurred him to flowery compliments and the bringing of ashtrays and the striking of matches. Terry had never seen the apartment before; Mrs. Gardenia and the Castevets had had a falling-out shortly after her arrival, and soon afterwards Mrs. Gardenia had gone into the coma from which she had never emerged.

"It's a lovely apartment," Terry said.

"It will be," Rosemary said. "We're not even halfway furnished yet."

"I've got it!" Guy cried with a handclap. He pointed triumphantly at Terry. "Anna Maria Alberghetti!"

Chapter 4

A package came from Bonniers, from Hutch; a tall teak-wood ice bucket with a bright orange lining. Rosemary called him at once and thanked him. He had seen the apartment after the painters left but not since she and Guy had moved in; she explained about the chairs that were a week late and the sofa that wasn't due for another month.

"For God's sake don't even think yet about entertaining," Hutch said. "Tell me how everything is."

Rosemary told him, in happy detail.

"And the neighbors certainly don't seem abnormal," she said. "Except normal abnormal like homosexuals; there are two of them, and across the hall from us there's a nice old couple named Gould with a place in Pennsylvania where they breed Persian cats. We can have one any time we want."

мочь?

— У меня брат на флоте. Но о нем лучше не говорить.

Розмари перенесла свое белье в сушилку и подождала, пока Терри закончит со своим. Они поговорили о маленькой роли Ги в «Другом мире» («Конечно же, я его помню! Так ты замужем за НИМ?»), о прошлом Брэмфорда (Терри ничего об этом не знала) и о предстоящем визите в Нью Йорк Папы Римского Павла. Терри, как и Розмари, была католичкой, хотя и не ходила в церковь, но очень хотела достать билет на мессу на стадион Янки. Когда все было выстирано, девушки поехали в служебном лифте на седьмой этаж. Розмари пригласила Терри посмотреть квартиру, но та сказала, что ей неудобно опаздывать — Кастиветы садились за стол ровно в шесть. Пообещала позвонить по внутреннему телефону попозже вечером, чтобы вдвоем спуститься в подвал за высушенным бельем.

Ги был уже дома. Он что-то жевал и смотрел фильм с участием Грейс Келли.

— Наверное, уже все перестирала, — предположил он.

Розмари рассказала ему о Терри и Кастиветах и о том, что Терри видела его в «Другом мире». Он сделал вид, что не обратил на это внимания, хотя был польщен. Оказалось, что Ги не в духе — похоже, роль в новой комедии достанется не ему, а его сопернику Дональду Бомгарту; они готовились на нее вдвоем и сегодня состоялось прослушивание.

— Бог ты мой, — ворчал он. — Что это за имя такое — Дональд Бомгарт? — Его собственное имя раньше было Шерман Педен.

В восемь часов Розмари и Терри забрали белье из сушилки, и Терри пришла посмотреть квартиру и познакомиться с Ги. Она опять покраснела и очень волновалась. Видя это, Ги рассыпался в комплиментах, быстро сбежал за пепельницей и услужливо поднес ей спичку. Терри никогда раньше не была в этой квартире; миссис Гардиния и Кастиветы поссорились незадолго до того, как она появилась в доме, а потом миссис Гардиния впала в кому, из которой так и не вышла.

— Симпатичная квартира, — сказала Терри.

— Будет еще лучше, — заверила Розмари. — Мы еще и половину мебели не перевезли.

— Наконец-то вспомнил! — вскрикнул Ги и, хлопнув в ладоши, победно указал на Терри: — Анна Мария Альбергетти!

Глава 4

От Хатча пришел подарочный сверток: высокое ведро для льда из тикового дерева с ярко оранжевыми полосками. Розмари сразу же позвонила ему и поблагодарила за подарок. Он видел квартиру после того, как ее отделали рабочие, но с тех пор больше там не был, поэтому она сообщила, что стулья привезут только через неделю, а диван запаздывает на месяц.

— Только, ради Бога, не надо меня развлекать, — сказал Хатч. — Как у вас идут дела?

Розмари все подробно доложила.

— И соседи у нас вполне нормальные, — заявила она. — Ну, кроме нормальных гомосексуалистов — их тут двое, — а напротив, через коридор, живет милая пожилая парочка по фамилии Гоульд, они в Пенсильвании разводят персидских кошек. Так что мы можем приобрести котенка в любое

"They shed," Hutch said.

"And there's another couple that we haven't actually met yet who took in this girl who was hooked on drugs, whom we have met, and they completely cured her and are putting her through secretarial school."

"It sounds as if you've moved into Sunnybrook Farm," Hutch said; "I'm delighted."

"The basement is kind of creepy," Rosemary said. "I curse you every time I go down there."

"Why on earth me?"

"Your stories."

"If you mean the ones I write, I curse me too; if you mean the ones I told you, you might with equal justification curse the fire alarm for the fire and the weather bureau for the typhoon."

Rosemary, cowed, said,

"It won't be so bad from now on. That girl I mentioned is going down there with me."

Hutch said, "It's obvious you've exerted the healthy influence I predicted and the house is no longer a chamber of horrors. Have fun with the ice bucket and say hello to Guy."

The Kapps in apartment 7D appeared; a stout couple in their middle thirties with an inquisitive two-year-old daughter named Lisa.

"What's your name?" Lisa asked, sitting in her stroller. "Did you eat your egg? Did you eat your Captain Crunch?"

"My name is Rosemary," Rosemary said. "I ate my egg but I've never even heard of Captain Crunch. Who is he?"

On Friday night, September 17th, Rosemary and Guy went with two other couples to a preview of a play called Mrs. Dally and then to a party given by a photographer, Dee Bertillon, in his studio on West Forty-eighth Street. An argument developed between Guy and Bertillon over Actors Equity's policy of blocking the employment of foreign actors — Guy thought it was right, Bertillon thought it was wrong — and though the others present buried the disagreement under a quick tide of jokes and gossip, Guy took Rosemary away soon after, at a few minutes past twelve-thirty.

The night was mild and balmy and they walked; and as they approached the Bramford's blackened mass they saw on the sidewalk before it a group of twenty or so people gathered in a semicircle at the side of a parked car. Two police cars waited double-parked, their roof lights spinning red.

Rosemary and Guy walked faster, hand in hand, their senses sharpening. Cars on the avenue slowed questioningly; windows scraped open in the Bramford and heads looked out beside gargoyles' heads. The night doorman Toby came from the house with a tan blanket that a policeman turned to take from him.

The roof of the car, a Volkswagen, was crumpled to the side; the windshield was crazed with a million fractures.

"Dead," someone said, and someone else said, "I look up and I think it's some kind of a big bird zooming down, like an eagle or something."

Rosemary and Guy stood on tiptoes, craned over people's shoulders.

"Get back now, will you?" a policeman at the center said. The shoulders separated, a sport-shined back moved away. On the sidewalk Terry lay, watching the sky with one eye, half of

время.

— Они линяют, — пробурчал Хатч.

— Есть еще одна пара, мы с ними пока не знакомы, но они приютили у себя девушку, которая раньше была наркоманкой, и полностью ее вылечили, а теперь собираются отправить ее в школу учиться на секретаря.

— Похоже, что вы всем очень довольны. Я рад.

— Подвал немного страшный, — продолжала Розмари, — и я вас проклинаяю каждый раз, когда туда спускаюсь.

— Но почему же меня?

— Из за ваших рассказов.

— Если ты имеешь в виду те, которые я пишу, то за них я и сам себя проклинаяю, а если те, что я тебе пересказал, тогда точно так же можно ругать пожарную сирену за пожар или бюро прогнозов за тайфун.

Розмари успокоилась и добавила:

— Но теперь станет лучше. Со мной будет ходить туда та девушка, о которой я говорила.

— Похоже, вы распространяете добро, как я и предполагал, по всему дому, и он уже больше не страшен. Используйте ведро, и передавай от меня привет Ги.

Появились Каппы из квартиры 7D. Полные супруги, вероятно, за тридцать, с любопытной двухгодовалой дочкой Лизой.

— Как тебя зовут? — спросила Лиза у Розмари. — Ты уже съела сегодня яйцо? А кукурузные хлопья? А «Капитана Кранча»?

— Меня зовут Розмари. Яйцо я съела, а капитана Кранча еще нет. А кто это? Я никогда раньше о нем не слышала.

Вечером 17 сентября, в пятницу, Розмари с Ги и еще две пары пошли на просмотр пьесы «Миссис Дэлли», а потом в гости к фотографу Ди Бертиллону в его студию на западной Сорок восьмой улице. Бертиллон начал спорить с Ги по поводу найма иностранных актеров: Ги считал, что это правильная политика, а Бертиллон — наоборот. И хотя другие гости попытались весь этот разговор перевести в шутку, Ги и Розмари ушли рано, в половине первого.

Ночь была свежая и приятная, и они решили прогуляться. У самого угла Брэмфорда они сразу же заметили на тротуаре человек двадцать, собравшихся полукругом возле одной из машин. Рядом стояли две полицейские машины с работающими мигалками на крышах.

Розмари и Ги зашагали быстрее, взявшись за руки и предчувствуя недоброе. Машины на дороге немного притормаживали; из-за голов горгулий, украшавших окна Брэмфорда, выглядывали люди. Ночной сторож Тоби вышел из дверей дома с коричневым одеялом, которое у него тут же забрал полицейский.

Крыша «фольксвагена», вокруг которого толпились люди, была смята, ветровое стекло разбито вдребезги.

— Умерла, — сказал кто-то, а другой голос добавил: — Я посмотрел наверх, и мне показалось, что какая-то огромная птица ринулась вниз — орел или что-то в этом роде.

Розмари и Ги привстали на цыпочки, заглядывая через плечи зевак.

— Отойдите назад, — приказал полицейский.

Люди расступились, полицейский в спортивной рубашке прошел вперед. На тротуаре лежала Терри и смотрела в не-

her face gone to red pulp. Tan blanket flipped over her. Settling, it reddened in one place and then another.

Rosemary wheeled, eyes shut, right hand making an automatic cross. She kept her mouth tightly closed, afraid she might vomit.

Guy winced and drew air in under his teeth.

"Oh, Jesus," he said, and groaned. "Oh my God."

A policeman said,

"Get back, will you?"

"We know her," Guy said.

Another policeman turned and said,

"What's her name?"

"Terry."

"Terry what?" He was forty or so and sweating. His eyes were blue and beautiful, with thick black lashes.

Guy said, "Ro? What was her name? Terry what?"

Rosemary opened her eyes and swallowed.

"I don't remember," she said. "Italian, with a G. A long name. She made 'a joke about spelling it. Not being able to."

Guy said to the blue-eyed policeman, "She was staying with people named Castevet, in apartment seven A."

"We've got that already," the policeman said.

Another policeman came up, holding a sheet of pale yellow notepaper. Mr. Micklas was behind him, tight-mouthed, in a raincoat over striped pajamas.

"Short and sweet," the policeman said to the blue-eyed one, and handed him the yellow paper. "She stuck it to the window sill with a Band-Aid so it wouldn't blow away."

"Anybody there?"

The other shook his head.

The blue-eyed policeman read what was written on the sheet of paper, sucking thoughtfully at his front teeth.

"Theresa Gionoffrio," he said. He pronounced it as an Italian would.

Rosemary nodded.

Guy said, "Wednesday night you wouldn't have guessed she had a sad thought in her mind."

"Nothing but sad thoughts," the policeman said, opening his pad holder. He laid the paper inside it and closed the holder with a width of yellow sticking out.

"Did you know her?" Mr. Micklas asked Rosemary.

"Only slightly," she said.

"Oh, of course," Mr. Micklas said; "you're on seven too."

Guy said to Rosemary, "Come on, honey, let's go upstairs."

The policeman said, "Do you have any idea where we can find these people Castevet?"

"No, none at all," Guy said. "We've never even met them."

"They're usually at home now," Rosemary said. "We hear them through the wall. Our bedroom is next to theirs."

Guy put his hand on Rosemary's back.

"Come on, hon," he said.

They nodded to the policeman and Mr. Micklas, and started toward the house.

"Here they come now," Mr. Micklas said.

Rosemary and Guy stopped and turned. Coming from

бо одним глазом, другая половина ее лица превратилась в кровавое месиво. Ее накрыли коричневым одеялом, на котором сразу же проступили красные пятна.

Розмари пошатнулась, закрыла глаза и машинально перекрестилась. Она крепко стиснула зубы, испугавшись, что ее сейчас вырвет.

Ги сморщился и шумно втянул в себя воздух.

— Господи, — простонал он. — Боже ты мой!

Полицейский повторил:

— Отойдите назад, пожалуйста.

— Мы ее знаем, — сказал Ги.

Второй полицейский повернулся к ним.

— Как ее звали?

— Терри.

— Терри? А как дальше? — Этому голубоглазому полицейскому на вид было лет сорок, и он уже изрядно вспотел.

— Ро, как ее звали? Терри, а дальше? — переспросил Ги.

Розмари открыла глаза и слотнула.

— Не помню. Какая-то итальянская фамилия, очень длинная, начинается на «дж». Она даже шутила, что эту фамилию трудно писать.

— Она жила в семье Кастивет, в квартире 7А, — сообщил Ги голубоглазому полицейскому.

— Мы это уже выяснили.

Подошел еще один полицейский, держа в руке листок желтоватой бумаги. Позади него, поджав губы, стоял мистер Миклас. На нем поверх полосатой пижамы был накинут плащ.

— Коротко и ясно, — сказал подошедший полицейский голубоглазому и протянул ему листок. — Она прилепила это к окну пластырем, чтобы ветер не унес.

— Там кто-нибудь есть?

Полицейский покачал головой.

Голубоглазый прочитал записку, в задумчивости шумно выпуская воздух сквозь зубы.

— Тереза Джоноффрио, — произнес он, как настоящий итальянец.

Розмари кивнула.

— В среду вечером мы бы и не подумали, что у нее в голове такие невеселые мысли, — сказал Ги.

— Очень грустные мысли, — согласился полицейский, раскрыл папку для бумаг, вложил в нее записку и закрыл.

— Вы разве знали ее? — спросил мистер Миклас у Розмари.

— Немного, — ответила она.

— Ну да, конечно, — спохватился мистер Миклас. — Вы ведь тоже с седьмого этажа.

— Ну ладно, дорогая, пойдем наверх, — предложил Ги.

— А вы не знаете, где можно отыскать этих Кастиветов? — остановил их полицейский.

— Понятия не имею, — ответил Ги. — Мы с ними даже не знакомы.

— В это время они обычно бывают дома, — сказала Розмари. — Мы их слышим через стенку. У нас спальни рядом.

Ги положил руку Розмари на плечо.

— Ну, пойдем, дорогая.

Они кивнули полицейскому, мистеру Микласу и направились к дому.

— А вот и они, — сказал мистер Миклас.

Розмари и Ги остановились и обернулись назад. Из горо-

downtown, as they themselves had come, were a tall, broad, white-haired woman and a tall, thin, shuffling man.

“The Castevets?” Rosemary asked.

Mr. Micklas nodded.

Mrs. Castevet was wrapped in light blue, with snow-white dabs of gloves, purse, shoes, and hat. Nurselike she supported her husband's forearm. He was dazzling, in an every-color seer-sucker jacket, red slacks, a pink bow tie, and a gray fedora with a pink band. He was seventy-five or older; she was sixty-eight or -nine. They came closer with expressions of young alertness, with friendly quizzical smiles. The policeman stepped forward to meet them and their smiles faltered and fell away. Mrs. Castevet said something worryingly; Mr. Castevet frowned and shook his head. His wide, thin-upped mouth was rosy-pink, as if lipsticked; his cheeks were chalky, his eyes small and bright in deep sockets. She was big-nosed, with a sullen fleshy underlip. She wore pink-rimmed eyeglasses on a neckchain that dipped down from behind plain pearl earrings.

The policeman said, “Are you folks the Castevets on the seventh floor?”

“We are,” Mr. Castevet said in a dry voice that had to be listened for.

“You have a young woman named Theresa Gionoffrio living with you?”

“We do,” Mr. Castevet said. “What's wrong? Has there been an accident?”

“You'd better brace yourselves for some bad news,” the policeman said. He waited, looking at each of them in turn, and then he said, “She's dead. She killed herself.” He raised a hand, the thumb pointing back over his shoulder. “She jumped out of the window.”

They looked at him with no change of expression at all, as if he hadn't spoken yet; then Mrs. Castevet leaned sideways, glanced beyond him at the red-stained blanket, and stood straight again and looked him in the eyes.

“That's not possible,” she said in her loud midwestern Roman-bring-me-someroot-beer voice. “It's a mistake. Somebody else is under there.”

The policeman, not turning from her, said, “Artie, would you let these people take a look, please?”

Mrs. Castevet marched past him, her jaw set.

Mr. Castevet stayed where he was.

“I knew this would happen,” he said. “She got deeply depressed every three weeks or so. I noticed it and told my wife, but she pooh-poohed me. She's an optimist who refuses to admit that everything doesn't always turn out the way she wants it to.”

Mrs. Castevet came back.

“That doesn't mean that she killed herself,” she said. “She was a very happy girl with no reason for self-destruction. It must have been an accident. She must have been cleaning the windows and lost her hold. She was always surprising us by cleaning things and doing things for us.”

“She wasn't cleaning windows at midnight,” Mr. Castevet said.

“Why not?” Mrs. Castevet said angrily. “Maybe she was!”

The policeman held out the pale yellow paper, having taken

да, откуда они только что пришли сами, появилась пара: высокая полная женщина с седыми волосами и столь же высокий худой мужчина с шаркающей походкой.

— Это Кастиветы? — спросила Розмари.

Мистер Миклас кивнул.

Миссис Кастивет была в светло голубом платье и в белоснежных перчатках, таких же туфлях, шляпке и с сумочкой. Она заботливо вела под руку своего мужа. Тот был одет великолепно: в льняную куртку с полосками всех цветов, красные брюки, на шее — розовый бант, а на голове — серая широкополая фетровая шляпа с розовой лентой. Ему было лет семьдесят пять или больше, ей — под семьдесят. Они ускорили шаг, вопросительно улыбаясь. Навстречу им двинулся полицейский, и улыбки их сразу исчезли. Миссис Кастивет что-то взволнованно сказала, а ее муж нахмурился и покачал головой. Его тонкие губы были ярко розовые, будто накрашенные помадой, щеки бледные, маленькие глазки блестели. В лице миссис Кастивет выделялся большой нос и пухлая нижняя губа. Она была в очках в розовой оправе, и цепочка от них свисала у сережек с искусственным жемчугом.

— Вы и есть Кастиветы с седьмого этажа? — спросил полицейский.

— Да, это мы, — сухо и с достоинством ответил мистер Кастивет.

— С вами живет девушка по имени Тереза Джоноффрио?

— Да, — сказал мистер Кастивет. — А что случилось? Что-нибудь с ней произошло?

— Подготовьтесь к самому худшему. — Полицейский немного помолчал и произнес: — Она умерла. Покончила жизнь самоубийством. — Подняв руку, он большим пальцем указал через плечо. — Она выпрыгнула из окна.

Старики смотрели на него с тем же выражением на лицах, что и минуту назад, будто он еще ничего не сказал, потом миссис Кастивет шагнула в сторону, увидела окровавленное одеяло, выпрямилась и снова взглянула ему в глаза.

— Это невозможно, — громко произнесла она таким же голосом, как и «Роман принеси мне попить». — Это ошибка. Там под одеялом кто-то другой.

— Арти, дай этим людям взглянуть, пожалуйста, — попросил полицейский.

Миссис Кастивет твердой походкой прошла мимо него.

Мистер Кастивет не двигался.

— Я знал, что это случится, — пробормотал он. — У нее начиналась глубокая депрессия через каждые три недели. Я замечал это и говорил жене, но она меня успокаивала. Она оптимистка и не хочет верить в то, что не всегда все происходит так, как ей бы хотелось.

Вернулась миссис Кастивет.

— Но это еще не значит, что она сама это сделала, — сказала она. — Терри была счастлива. У нее не было причин для самоубийства. Это скорее всего несчастный случай. Вероятно, она мыла окна и потеряла равновесие. Она всегда старалась сделать нам что-нибудь приятное.

— Она не могла мыть окна ночью, — возразил мистер Кастивет.

— Почему бы и нет? — рассердилась миссис Кастивет. — Может быть, и мыла!

Полицейский достал из папки записку и протянул им.

it from his pad holder.

Mrs. Castevet hesitated, then took it and turned it around and read it. Mr. Castevet tipped his head in over her arm and read it too, his thin vivid lips moving.

"Is that her handwriting?" the policeman asked.

Mrs. Castevet nodded.

Mr. Castevet said, "Definitely. Absolutely."

The policeman held out his hand and Mrs. Castevet gave him the paper. He said,

"Thank you. I'll see you get it back when we're done with it."

She took off her glasses, dropped them on their neckchain, and covered both her eyes with white-gloved fingertips.

"I don't believe it," she said. "I just don't believe it. She was so happy. All her troubles were in the past."

Mr. Castevet put his hand on her shoulder and looked at the ground and shook his head.

"Do you know the name of her next-of-kin?" the policeman asked.

"She didn't have any," Mrs. Castevet said. "She was all alone. She didn't have anyone, only us."

"Didn't she have a brother?" Rosemary asked.

Mrs. Castevet put on her glasses and looked at her. Mr. Castevet looked up from the ground, his deep-socketed eyes glinting under his hat brim.

"Did she?" the policeman asked.

"She said she did," Rosemary said. "In the Navy."

The policeman looked to the Castevets.

"It's news to me," Mrs. Castevet said, and Mr. Castevet said, "To both of us."

The policeman asked Rosemary, "Do you know his rank or where he's stationed?"

"No, I don't," she said, and to the Castevets: "She mentioned him to me the other day, in the laundry room. I'm Rosemary Woodhouse."

Guy said, "We're in seven E."

"I feel just the way you do, Mrs. Castevet," Rosemary said. "She seemed so happy and full of — of good feelings about the future. She said wonderful things about you and your husband; how grateful she was to both of you for all the help you were giving her."

"Thank you," Mrs. Castevet said, and Mr. Castevet said, "It's nice of you to tell us that. It makes it a little easier."

The policeman said, "You don't know anything else about this brother except that he's in the Navy?"

"That's all," Rosemary said. "I don't think she liked him very much."

"It should be easy to find him," Mr. Castevet said, "with an uncommon name like Gionoffrio."

Guy put his hand on Rosemary's back again and they withdrew toward the house.

"I'm so stunned and so sorry," Rosemary said to the Castevets, and Guy said, "It's such a pity. It's —"

Mrs. Castevet said, "Thank you," and Mr. Castevet said something long and sibilant of which only the phrase "her last days" was understandable.

They rode upstairs ("Oh, my!" the night elevator man Diego said; "Oh, my! Oh, my!"), looked ruefully at the now-haunted

Миссис Кастивет немного поколебалась, потом взяла записку, перевернула ее и прочитала. Мистер Кастивет вытянул шею и тоже прочел, шевеля тонкими губами.

— Это ее почерк? — спросил полицейский.

Мистер Кастивет кивнул.

— Точно. Совершенно верно.

Полицейский протянул руку, и миссис Кастивет отдала ему листок.

— Спасибо, — сказал он. — Потом вы получите ее назад.

Миссис Кастивет сняла очки, и они повисли на цепочке. Она закрыла глаза руками, не снимая перчаток.

— Я не верю этому. Я просто этому не верю. Она была так счастлива. Все тревоги были уже позади.

Мистер Кастивет положил ей руку на плечо, опустил глаза и покачал головой.

— Вы знаете ее родственников? — спросил полицейский.

— У нее никого не было, — ответила миссис Кастивет. — Она была совсем одна. У нее никого не было, кроме нас.

— Разве у Терри не было брата? — удивилась Роз мари.

Миссис Кастивет надела очки и внимательно посмотрела на нее. Мистер Кастивет поднял глаза, было видно, как они засветились под полями шляпы.

— А разве был? — спросил полицейский.

— Она говорила, что был, — ответила Розмари. — Во флоте.

Полицейский посмотрел на Кастиветов.

— Для меня это новость, — сказала миссис Кастивет, а ее муж добавил: — Для нас обоих.

— Вы знаете его звание или место, где он служит? — спросил полицейский у Розмари.

— Нет, — ответила она и обратилась к Кастиветам. — Она упомянула мне о нем на днях, в прачечной. Я Розмари Вудхаус.

— Мы живем в квартире 7Е, — объяснил Ги.

— Я чувствую то же, что и вы, миссис Кастивет, — призналась Розмари. — Она казалась такой счастливой, полной радости и планов на будущее. Она так хорошо отзывалась о вас и вашем муже, говорила, что благодарна вам за помощь, за то, что вы для нее сделали.

— Спасибо. Очень мило с вашей стороны поддержать нас в эту минуту. Нам стало немного легче.

— Вы больше ничего не знаете об этом брате, кроме того, что он во флоте? — настойчиво спросил полицейский.

— Это все, — подтвердила Розмари. — По моему, она его не очень любила.

— Его будет легко найти, — предположил мистер Кастивет. — Фамилия Джоноффрио не так уж часто встречается.

Ги обнял Розмари, и они пошли к дому.

— Я так ошеломлена, и мне очень жаль ее, — сказала Розмари Кастиветам. — Очень жаль. Это...

— Спасибо вам, — перебила миссис Кастивет, а ее муж произнес какую-то длинную и непонятную фразу, из которой можно было разобрать только слова «ее последние дни».

Розмари и Ги поднялись наверх («Боже мой! — повторял ночной лифтер Диего. — Боже мой! Боже мой!»), печально

door of 7A, and walked through the branching hallway to their own apartment. Mr. Kellogg in 7G peered out from behind his chained door and asked what was going on downstairs. They told him.

They sat on the edge of their bed for a few minutes, speculating about Terry's reason for killing herself. Only if the Casteveys told them some day what was in the note, they agreed, would they ever learn for certain what had driven her to the violent death they had nearly witnessed. And even knowing what was in the note, Guy pointed out, they might still not know the full answer, for part of it had probably been beyond Terry's own understanding. Something had led her to drugs and something had led her to death; what that something was, it was too late now for anyone to know.

"Remember what Hutch said?" Rosemary asked. "About there being more suicides here than in other buildings?"

"Ah, Ro," Guy said, "that's crap, honey, that 'danger zone' business."

"Hutch believes it."

"Well, it's still crap."

"I can imagine what he's going to say when he hears about this."

"Don't tell him," Guy said. "He sure as hell won't read about it in the papers." A strike against the New York newspapers had begun that morning, and there were rumors that it might continue a month or longer.

They undressed, showered, resumed a stopped game of Scrabble, stopped it, made love, and found milk and a dish of cold spaghetti in the refrigerator. Just before they put the lights out at two-thirty, Guy remembered to check the answering service and found that he had got a part in a radio commercial for Cresta Blanca wines.

Soon he was asleep, but Rosemary lay awake beside him, seeing Terry's pulped face and her one eye watching the sky. After a while, though, she was at Our Lady. Sister Agnes was shaking her fist at her, ousting her from leadership of the second-floor monitors. "Sometimes I wonder how come you're the leader of anything!" she said. A bump on the other side of the wall woke Rosemary, and Mrs. Castevet said, "And please don't tell me what Laura-Louise said because I'm not interested!" Rosemary turned over and burrowed into her pillow.

Sister Agnes was furious. Her piggy-eyes were squeezed to slits and her nostrils were bubbling the way they always did at such moments. Thanks to Rosemary it had been necessary to brick up all the windows, and now Our Lady had been taken out of the beautiful-school competition being run by the World-Herald. "If you'd listened to me, we wouldn't have had to do it!" Sister Agnes cried in a hoarse midwestern bray. "We'd have been all set to go now instead of starting all over from scratch!" Uncle Mike tried to hush her. He was the principal of Our Lady, which was connected by passageways to his body shop in South Omaha. "I told you not to tell her anything in advance," Sister Agnes continued lower, piggy-eyes glinting hatefully at Rosemary. "I told you she wouldn't be open-minded. Time enough later to let her in on it." (Rosemary had told Sister Veronica about the windows being bricked up and Sister Veronica had withdrawn the school from the competition; otherwise no one

посмотрели на дверь 7А, где теперь обитало привидение, и прошли по коридору в свою квартиру. Из соседней двери выглянул мистер Келлог и спросил, что происходит внизу. Они все рассказали.

Некоторое время они сидели на краю кровати и размышляли о том, какие у Терри могли быть причины для самоубийства. Наконец решили, что если когда-нибудь Кастиветы покажут им записку, то можно будет узнать, что же побудило ее совершить этот прыжок, свидетелями которого они чуть не стали. Хотя, добавил Ги, и содержание записки не всегда дает ответ, потому что его, наверное, не знала и сама Терри. Что-то приведшее к наркотикам и что-то толкнуло на самоубийство, но что именно — рассуждать уже поздно.

— Помнишь, что говорил Хатч? — спросила Розмари. — Что здесь больше самоубийств, чем в других домах.

— Ну, Ро, — возразил Ги, — все это чепуха. Ты имеешь в виду его болтовню об «опасной зоне»?

— Но Хатч верит в это!..

— Все равно чепуха.

— Представляю, что он скажет, когда узнает об этом.

— А ты ему не говори. В газетах он все равно ничего не прочтет. — Только утром началась забастовка нью-йоркских газетчиков, и ходили слухи, что она продлится около месяца.

Они разделись, приняли душ, возобновили незаконченную игру в скрэббл, снова ее не закончили, занялись любовью, а потом отыскивали в холодильнике немного молока и блюдо с холодными спагетти. Перед тем, как окончательно выключить свет в половине третьего, Ги проверил автоответчик и обнаружил, что ему предложили участвовать в рекламе на радио для винной фирмы Креста Бланка.

Скоро он заснул, а Розмари продолжала ворочаться. Она все еще видела лицо Терри: окровавленную маску и один глаз, смотрящий в небо. Через некоторое время, однако, она незаметно для себя перенеслась в церковь Мадонны в своем родном городе. Сестра Агнес яростно махала кулаком и требовала, чтобы ее исключили из председателей школьного совета. «Иногда я вообще удивляюсь, как ты можешь руководить хоть чем-нибудь!» — кричала она. Стук за стеной разбудил Розмари, и она услышала голос миссис Кастивет: «И пожалуйста, не говори мне, что сказала Лаура Луиза, потому что мне это неинтересно», Розмари повернулась и ткнулась в подушку.

...Сестра Агнес негодовала. Ее пороссячи глазки были прищурены до крошечных щелочек, а ноздри раздувались, как бывало всегда в такие минуты. Из за Розмари пришлось заложить кирпичом все окна, и теперь церковь Мадонны сняли с конкурса, проводимого газетой «Уорлд Герольд». «Если бы послушали меня, этого не пришлось бы делать! — кричала сестра Агнес со среднезападным акцентом. — Мы уже были бы на полпути, а теперь придется начинать все сначала!» Дядюшка Майк пытался успокоить ее. Он был директором церкви, которая маленьким коридором соединялась с его магазином в южной части Омахи. «Я же говорила, что ей ничего не надо рассказывать! — продолжала орать сестра Агнес, ее пороссячи глазки так и сверкали. — Я же знала, что она ничего не поймет. Впереди было достаточно времени, чтобы посвятить ее» (Розмари рассказала все сестре Веронике про окна, и та вывела их из участия в

would have noticed and they would have won. It had been right to tell, though, Sister Agnes notwithstanding. A Catholic school shouldn't win by trickery.) "Anybody! Anybody!" Sister Agnes said. "All she has to be is young, healthy, and not a virgin. She doesn't have to be a no-good drug-addict whore out of the gutter. Didn't I say that in the beginning? Anybody. As long as she's young and healthy and not a virgin."

Which didn't make sense at all, not even to Uncle Mike; so Rosemary turned over and it was Saturday afternoon, and she and Brian and Eddie and Jean were at the candy counter in the Orpheum, going in to see Gary Cooper and Patricia Neal in *The Fountainhead*, only it was live, not a movie...

Chapter 5

On the following Monday morning Rosemary was putting away the last of a double armload of groceries when the doorbell rang; and the peephole showed Mrs. Castevet, white hair in curlers under a blue-and-white kerchief, looking solemnly straight ahead as if waiting for the click of a passport photographer's camera.

Rosemary opened the door and said,

"Hello. How are you?"

Mrs. Castevet smiled bleakly.

"Fine," she said. "May I come in for a minute?"

"Yes, of course; please do." Rosemary stood back against the wall and held the door wide open. A faint bitter smell brushed across her as Mrs. Castevet came in, the smell of Terry's silver good luck charm filled with spongy greenish-brown. Mrs. Castevet was wearing treader pants and shouldn't have been; her hips and thighs were massive, dabbed with wide bands of fat. The pants were lime green under a blue blouse; the blade of a screwdriver poked from her hip pocket. Stopping between the doorways of the den and kitchen, she turned and put on her neckchained glasses and smiled at Rosemary. A dream Rosemary had had a night or two earlier sparked in her mind — something about Sister Agnes bawling her out for bricking up windows — and she shook it away and smiled attentively, ready to hear what Mrs. Castevet was about to say.

"I just came over to thank you," Mrs. Castevet said, "for saying those nice things to us the other night, poor Terry telling you she was grateful to us for what we done. You'll never know how comforting it was to hear something like that in such a shock moment, because in both of our minds was the thought that maybe we had failed her in some way and drove her to it, although her note made it crystal clear, of course, that she did it of her own free will; but anyway it was a blessing to hear the words spoken out loud like that by somebody Terry had confided in just before the end."

"Please, there's no reason to thank me," Rosemary said. "All I did was tell you what she said to me."

"A lot of people wouldn't have bothered," Mrs. Castevet said. "They'd have just walked away without wanting to spend the air and the little bit of musclepower. When you're older you'll come to realize that acts of kindness are few and far between in this world of ours. So I do thank you, and Roman does too. Roman is my hubby."

Rosemary ducked her head in concession, smiled, and said,

конкурсе. В противном случае никто бы ничего не заметил, и они бы победили. С ее стороны было честно все рассказать. Но сестра Агнес, видимо, не считала, что католики не могут побеждать обманом). «Кто угодно! — вещала сестра Агнес. — Она должна быть молодой, здоровой и не девственницей. И совсем не обязательно, чтобы она была наркоманкой из уличной помойки. Разве я не говорила это с самого начала? Кто угодно. Просто молодая, здоровая и не девственница».

Это была уже полная бессмыслица, даже для дядюшки Майка, поэтому Розмари повернулась на другой бок... и вот уже настало воскресенье, и она с Брайаном, Эдди и Джин оказалась в кондитерском магазине. Вечером они собирались посмотреть «Источник»... Только это было не кино. Все происходило на самом деле.

Глава 5

В понедельник утром, когда Розмари заканчивала разбирать покупки, в дверь позвонили. В глазок она увидела миссис Кастивет в бигудях, покрытых бело синей косынкой, которая смотрела прямо и уверенно, будто приготовилась фотографироваться на паспорт.

Розмари открыла дверь.

— Здравствуйте. Как у вас дела?

Миссис Кастивет чуть заметно улыбнулась.

— Хорошо. Можно, я зайду на минуточку?

— Да, конечно, пожалуйста. — Розмари отступила и распахнула дверь пошире. До нее донесся слабый горьковатый запах талисмана Терри, наполненного коричневатым губчатым веществом. Миссис Кастивет надела штаны тореадора, что было весьма опрометчиво: они подчеркивали ее огромные бедра и ляжки со свисающими жировыми складками. Штаны были светло зеленого цвета, поверх них — синяя блузка. Из кармана торчала отвертка. Остановившись у дверей рабочего кабинета и кухни, она надела очки и улыбнулась Розмари. На секунду Розмари вспомнила недавний сон — как сестра Агнес сердилась на нее за то, что пришлось закладывать окна кирпичом» но сразу же отогнала его, улыбнулась и приготовилась выслушать миссис Кастивет.

— Я пришла просто поблагодарить вас, — начала миссис Кастивет, — за те добрые слова, которые вы нам сказали недавно, что Терри была счастлива с нами. Вы даже не знаете, как это было вовремя в тот момент, потому что в глубине души мы подумали, что вдруг это мы что-то не так сделали или сказали, и довели ее... хотя и в записке ясно указано, что она поступила исключительно по своему желанию, но все равно нам было очень приятно слышать эти слова от человека, которому Терри доверилась за несколько дней до кончины.

— Пожалуйста, не благодарите меня, ведь я только передала то, что она мне сказала.

— Другие бы даже не побеспокоились, — продолжала миссис Кастивет. — Они бы попросту отвернулись и ушли, чтобы не терять понапрасну времени. Когда вы состаритесь, вы поймете, как важны такие добрые поступки и как они редки в нашем мире. Поэтому я очень вам благодарна, и Роман тоже. Роман — это мой муж.

Розмари наклонила голову и произнесла:

"You're welcome. I'm glad that I helped."

"She was cremated yesterday morning with no ceremony," Mrs. Castevet said. "That's the way she wanted it. Now we have to forget and go on. It certainly won't be easy; we took a lot of pleasure in having her around, not having children of our own. Do you have any?"

"No, we don't," Rosemary said.

Mrs. Castevet looked into the kitchen.

"Oh, that's nice," she said, "the pans hanging on the wall that way. And look how you put the table, isn't that interesting?"

"It was in a magazine," Rosemary said.

"You certainly got a nice paint job," Mrs. Castevet said, fingering the door jamb appraisingly. "Did the house do it? You must have been mighty openhanded with the painters; they didn't do this kind of work for us."

"All we gave them was five dollars each," Rosemary said.

"Oh, is that all?" Mrs. Castevet turned around and looked into the den. "Oh, that's nice," she said, "a TV room."

"It's only temporary," Rosemary said. "At least I hope it is. It's going to be a nursery."

"Are you pregnant?" Mrs. Castevet asked, looking at her.

"Not yet," Rosemary said, "but I hope to be, as soon as we're settled."

"That's wonderful," Mrs. Castevet said. "You're young and healthy; you ought to have lots of children."

"We plan to have three," Rosemary said. "Would you like to see the rest of the apartment?"

"I'd love to," Mrs. Castevet said. "I'm dying to see what you've done to it. I used to be in here almost every day. The woman who had it before you was a dear friend of mine."

"I know," Rosemary said, easing past Mrs. Castevet to lead the way; "Terry told me."

"Oh, did she," Mrs. Castevet said, following along. "It sounds like you two had some long talks together down there in the laundry room."

"Only one," Rosemary said.

The living room startled Mrs. Castevet.

"My goodness!" she said. "I can't get over the change! It looks so much brighter! Oh and look at that chair. Isn't that handsome?"

"It just came Friday," Rosemary said.

"What did you pay for a chair like that?"

Rosemary, disconcerted, said,

"I'm not sure. I think it was about two hundred dollars."

"You don't mind my asking, do you?" Mrs. Castevet said, and tapped her nose. "That's how I got a big nose, by being nosy."

Rosemary laughed and said,

"No, no, it's all right. I don't mind."

Mrs. Castevet inspected the living room, the bedroom, and the bathroom, asking how much Mrs. Gardenia's son had charged them for the rug and the vanity, where they had got the night-table lamps, exactly how old Rosemary was, and if an electric toothbrush was really any better than the old kind. Rosemary found herself enjoying this open forthright old woman with her loud voice and her blunt questions. She offered coffee and cake to her.

— Я очень рада, что смогла вам как-то помочь.

— Вчера была кремация, без всяких речей. Именно так она и хотела. А теперь надо об этом забыть и жить дальше. Это, конечно, нелегко, мы ее очень любили — у нас ведь нет своих детей. А у вас есть?

— Нет, пока нет, — ответила Розмари.

Миссис Кастивет заглянула в кухню.

— Как мило, сковородки висят как раз на местах. А как, интересно, вы расположили стол?

— Я взяла образец из журнала, — пояснила Розмари.

— У вас тут хорошо потрудились рабочие. — Миссис Кастивет с удовольствием ощупала свежеокрашенный дверной косяк. — Это все за счет владельцев дома? Вы, наверное, были с ними очень щедры, — нам такое не делали.

— Мы всего-то и дали им по пять долларов, — отозвалась Розмари.

— И только-то? — удивилась миссис Кастивет, повернулась и заглянула в рабочий кабинет. — Как мило! Комната для просмотра телевизора.

— Это временно. По крайней мере, я на это рассчитываю. Тут будет детская.

— Вы беременны? — спросила миссис Кастивет, глядя на нее.

— Пока нет, — ответила Розмари, — но я надеюсь на это в скором будущем, как только мы перевезем все окончательно.

— Чудесно! Вы здоровая и молодая, у вас должно быть много детей.

— Мы думаем, их будет трое. Хотите посмотреть квартиру?

— С удовольствием. Я умираю от нетерпения, как хочется увидеть, что вы с ней сделали. Я ведь раньше бывала здесь каждый день — дружила с прежней хозяйкой.

— Я знаю. — Розмари прошла вперед, показывая дорогу. — Мне Терри говорила.

— Правда? — миссис Кастивет последовала за ней. — Похоже, вы с ней часто болтали в прачечной.

— Всего один раз.

Миссис Кастивет удивилась, войдя в гостиную:

— Боже мой! Как непривычно! Она стала гораздо светлей! А какой стул здесь у вас! Просто прелесть.

— Его привезли только в пятницу.

— И сколько вы за него заплатили?

Розмари смутилась.

— Точно не знаю. По моему, долларов двести.

— Вы не сердитесь, что я вас расспрашиваю? — Миссис Кастивет постучала себя по носу. — Вот от этого у меня нос так и вырос, что я постоянно сую его куда не надо.

Розмари засмеялась.

— Нет нет, все в порядке. Я не против.

Миссис Кастивет исследовала гостиную, спальню и ванную, спросила, сколько потребовал сын миссис Гардинии за ковер и трюмо, где они купили такие ночники, сколько полных лет Розмари, и правда ли, что электрическая зубная щетка лучше обычной. Розмари поймала себя на мысли, что ей нравится эта откровенная старушка, ее громкий голос и прямые вопросы. Она предложила ей кофе с тортом.

"What does your hubby do?" Mrs. Castevet asked, sitting at the kitchen table idly checking prices on cans of soup and oysters.

Rosemary, folding a Chemex paper, told her.

"I knew it!" Mrs. Castevet said. "I said to Roman yesterday, 'He's so good-looking I'll bet he's a movie actor!' There's three-four of them in the building, you know. What movies was he in?"

"No movies," Rosemary said. "He was in two plays called Luther and Nobody Loves An Albatross and he does a lot of work in television and radio."

They had the coffee and cake in the kitchen, Mrs. Castevet refusing to let Rosemary disturb the living room on her account.

"Listen, Rosemary," she said, swallowing cake and coffee at once, "I've got a two-inch-thick sirloin steak sitting defrosting right this minute, and half of it's going to go to waste with just Roman and me there to eat it. Why don't you and Guy come over and have supper with us tonight, what do you say?"

"Oh, no, we couldn't," Rosemary said.

"Sure you could; why not?"

"No, really, I'm sure you don't want to —"

"It would be a big help to us if you would," Mrs. Castevet said. She looked into her lap, then looked up at Rosemary with a hard-to-carry smile.

"We had friends with us last night and Saturday," she said, "but this'll be the first night we'll be alone since — the other night."

Rosemary leaned forward feelingly.

"If you're sure it won't be trouble for you," she said.

"Honey, if it was trouble I wouldn't ask you," Mrs. Castevet said. "Believe me, I'm as selfish as the day is long."

Rosemary smiled.

"That isn't what Terry told me," she said.

"Well," Mrs. Castevet said with a pleased smile, "Terry didn't know what she was talking about."

"I'll have to check with Guy," Rosemary said, "but you go ahead and count on us."

Mrs. Castevet said happily,

"Listen! You tell him I won't take no for an answer! I want to be able to tell folks I knew him when!"

They ate their cake and coffee, talking of the excitements and hazards of an acting career, the new season's television shows and how bad they were, and the continuing newspaper strike.

"Will six-thirty be too early for you?" Mrs. Castevet asked at the door.

"It'll be perfect," Rosemary said.

"Roman don't like to eat any later than that," Mrs. Castevet said. "He has stomach trouble and if he eats too late he can't get to sleep. You know where we are, don't you? Seven A, at six-thirty. We'll be looking forward. Oh, here's your mail, dear; I'll get it. Ads. Well, it's better than getting nothing, isn't it?"

Guy came home at two-thirty in a bad mood; he had learned from his agent that, as he had feared, the grotesquely named Donald Baumgart had won the part he had come within a hair of getting. Rosemary kissed him and installed him in his new easy chair with a melted cheese sandwich and a glass of beer.

— А чем занимается ваш муж? — спросила миссис Кастивет, сидя на кухне и ловко рассматривая ценники на банках с консервированным супом и устрицами.

Розмари, передавая салфетку, ответила ей.

— Я так и знала! — вскрикнула миссис Кастивет. — Я вчера сказала Роману: «Он такой красивый, наверное, артист!» В этом доме живут еще три или четыре артиста. А в каких фильмах он снимался?

— Не в фильмах. Он играл в двух пьесах — «Лютер» и «Никто не любит альбатроса», и еще у него много работы на радио и телевидении.

Они пили кофе и ели торт на кухне. Миссис Кастивет не хотела, чтобы из-за нее Розмари накрывала стол в гостиной.

— Послушайте, Розмари, — сказала она, откусывая торт и запивая его сладким кофе, — вот прямо сейчас у меня размораживается огромный кусок филейного мяса, и половина его пропадет, потому что мы с Романом все не съедим. Что если вы и Ги придете к нам сегодня на ужин, а?

— Нет, мы не сможем, — ответила Розмари.

— Ну почему, может быть, все-таки придете?

— Видимо, нет. Я не уверена, что вы и вправду...

— Вы бы нас очень выручили. — Миссис Кастивет опустила голову, а потом заглянула Розмари прямо в глаза.

— Прошлым вечером и в субботу у нас были гости, а сегодня мы первый раз останемся совсем одни после этой... после той ночи.

Розмари сочувственно придвинулась к ней.

— Ну, если вы считаете, что мы не очень вам мешаем...

— Милочка, да если бы вы мешали, я бы вас ни за что не пригласила. Поверьте мне, я страшная эгоистка.

Розмари улыбнулась.

— Вот об этом мне Терри не говорила.

— Ну, — довольно пропела миссис Кастивет. — Терри об этом не догадывалась.

— Я должна, конечно, спросить у Ги, но, в общем, вы можете на нас рассчитывать.

Миссис Кастивет обрадовалась.

— Послушайте! Скажите ему, что я отказов не принимаю! Ведь тогда я не смогу похвастаться перед своими знакомыми, что я его знаю лично!

Они допили кофе с тортом, разговаривая о сложностях и страстях в карьере артиста, о новых телепостановках и о том, что все они очень неудачны, а потом и о газетной забастовке.

— В полседьмого вам не будет рано? — спросила миссис Кастивет уже в дверях.

— Очень хорошо, — ответила Розмари.

— Роман не любит есть позднее, — объяснила миссис Кастивет. — У него больной желудок, и если он поужинает поздно, то потом долго не может заснуть. Вы знаете, где наша квартира? 7А — в шесть тридцать. Мы вас ждем с нетерпением, а вот ваша почта пришла, я вам передам... Рекламы. Но все равно лучше, чем ничего, верно?

Ги вернулся домой в половине третьего в плохом настроении. Его агент сообщил, что, как он и боялся, роль получил актер с жутким именем Дональд Бомгарт, а цель была так близка! Розмари поцеловала его, усадила на новый стул и принесла сэндвич с расплавленным сыром и стакан пива.

She had read the script of the play and not liked it; it would probably close out of town, she told Guy, and Donald Baumgart would never be heard of again.

“Even if it folds,” Guy said, “it’s the kind of part that gets noticed. You’ll see; he’ll get something else right after.” He opened the corner of his sandwich, looked in bitterly, closed it, and started eating.

“Mrs. Castevet was here this morning,” Rosemary said. “To thank me for telling them that Terry was grateful to them. I think she really just wanted to see the apartment. She’s absolutely the nosiest person I’ve ever seen. She actually asked the prices of things.”

“No kidding,” Guy said.

“She comes right out and admits she’s nosy, though, so it’s kind of funny and forgivable instead of annoying. She even looked into the medicine chest.”

“Just like that?”

“Just like that. And guess what she was wearing.”

“A Pillsbury sack with three X’s on it.”

“No, Toreador pants.”

“Toreador pants?”

“Lime-green ones.”

“Ye gods.”

Kneeling on the floor between the bay windows, Rosemary drew a line on brown paper with crayon and a yardstick and then measured the depth of the window seats. “She invited us to have dinner with them this evening,” she said, and looked at Guy. “I told her I’d have to check with you, but that it would probably be okay.”

“Ah, Jesus, Ro,” Guy said, “we don’t want to do that, do we?”

“I think they’re lonely,” Rosemary said. “Because of Terry.”

“Honey,” Guy said, “if we get friendly with an old couple like that we’re never going to get them off our necks. They’re right here on the same floor with us, they’ll be looking in six times a day. Especially if she’s nosy to begin with.”

“I told her she could count on us,” Rosemary said.

“I thought you told her you had to check first.”

“I did, but I told her she could count on us too.” Rosemary looked helplessly at Guy. “She was so anxious for us to come.”

“Well it’s not my night for being kind to Ma and Pa Kettle,” Guy said. “I’m sorry, honey, call her up and tell her we can’t make it.”

“All right, I will,” Rosemary said, and drew another line with the crayon and the yardstick.

Guy finished his sandwich.

“You don’t have to sulk about it,” he said.

“I’m not sulking,” Rosemary said. “I see exactly what you mean about them being on the same floor. It’s a valid point and you’re absolutely right. I’m not sulking at all.”

“Oh hell,” Guy said, “we’ll go.”

“No, no, what for? We don’t have to. I shopped for dinner before she came, so that’s no problem.”

“We’ll go,” Guy said.

“We don’t have to if you don’t want to. That sounds so phony but I really mean it, really I do.”

Чтобы как-то успокоить Ги, она сказала, что прочитала эту пьесу, и она ей не понравилась. Вероятнее всего, пьеса быстро сойдет со сцены, и о Дональде Бомгарте больше никто никогда не услышит.

— Даже если пьеса не пойдет, — пробурчал Ги, — то такая роль не может остаться незамеченной. Вот увидишь: ему сразу же предложат следующую. — Он приподнял верхний кусочек хлеба, заглянул внутрь сэндвича и принялся жевать его.

— Миссис Кастивет заходила сегодня утром, — сообщила Розмари, — чтобы поблагодарить меня за добрые слова о Терри. По моему, на самом деле она просто хотела посмотреть квартиру. Это самая любопытная старушка из всех, которых я видела. Она спрашивала меня, за сколько мы купили мебель.

— Ты не шутишь? — спросил Ги.

— Но она и сама созналась, что очень любопытна, а то было так смешно и очень мило. Она даже в аптечку заглянула.

— Прямо в аптечку?!

— Прямо в аптечку. А знаешь, что на ней было надето?

— Какой-нибудь неимоверный мешок?

— Нет, тореадорские штаны в обтяжку.

— Не может быть.

— Да, светло зеленого цвета.

— Бог ты мой!

Встав на колени, Розмари линейкой начала измерять ширину подоконников. — Она пригласила нас сегодня на ужин. — Розмари выжидательно посмотрела на Ги. — Я сказала, что еще надо посоветоваться с тобой, но вообще я не против.

— Но Боже мой, Ро, мы ведь не хотим туда идти, правда?

— Мне кажется, что им сейчас очень одиноко, — сказала Розмари. — Без Терри.

— Дорогая, — начал объяснять Ги, — если мы подружмся с этими старичками, то они сядут нам на шею. Мы ведь живем на одном этаже, и они будут заглядывать к нам по сто раз на дню. Особенно, если она такая любопытная.

— Но я сказала, чтобы на нас рассчитывали.

— Я думал, что ты сначала со мной посоветуешься.

— Но они нас очень ждут, — беспомощно проговорила Розмари. — Она так хотела, чтобы мы пришли.

— Сегодня мне особенно не до угождения разным старичкам, — рассердился Ги. — Позвони им, пожалуйста, и скажи, что мы не можем прийти.

— Хорошо, позвоню, — ответила Розмари и провела на плане квартиры несколько линий.

Ги доел сэндвич.

— И пожалуйста, не дуйся на меня.

— Я и не дуюсь. Я просто подумала, что они ведь и правда живут на этом этаже. Так что здесь ты абсолютно прав. Я совсем не обиделась.

— Черт, — проворчал Ги. — Ну ладно, пойдём.

— Нет нет, зачем? Мы не обязаны. Я утром как раз ходила за продуктами, так что обед мы и сами приготовим.

— Нет, мы пойдём к ним.

— Если не хочешь, то не надо. Я это честно говорю.

"We'll go. It'll be my good deed for the day."

"All right, but only if you want to. And we'll make it very clear to them that it's only this one time and not the beginning of anything. Right?"

"Right."

Chapter 6

At a few minutes past six-thirty Rosemary and Guy left their apartment and walked through the branches of dark green hallway to the Castevets' door. As Guy rang the doorbell the elevator behind them clanged open and Mr. Dubin or Mr. DeVore (they didn't know which was which) came out carrying a suit swathed in cleaner's plastic. He smiled and, unlocking the door of 7B next to them, said, "You're in the wrong place, aren't you?" Rosemary and Guy made friendly laughs and he let himself in, calling "Me!" and allowing them a glimpse of a black sideboard and red-and-gold wallpaper.

The Castevets' door opened and Mrs. Castevet was there, powdered and rouged and smiling broadly in light green silk and a frilled pink apron.

"Perfect timing!" she said. "Come on in! Roman's making Vodka Blushes in the blender. My, I'm glad you could come, Guy! I'm fixing to tell people I knew you when! 'Had dinner right off that plate, he did-Guy Woodhouse in person!' I'm not going to wash it when you're done; I'm going to leave it just as is!"

Guy and Rosemary laughed and exchanged glances; Your friend, his said, and hers said, What can I do?

There was a large foyer in which a rectangular table was set for four, with an embroidered white cloth, plates that didn't all match, and bright ranks of ornate silver. To the left the foyer opened on a living room easily twice the size of Rosemary and Guy's but otherwise much like it. It had one large bay window instead of two smaller ones, and a huge pink marble mantel sculptured with lavish scrollwork. The room was oddly furnished; at the fireplace end there were a settee and a lamp table and a few chairs, and at the opposite end an officelike clutter of file cabinets, bridge tables piled with newspapers, overfilled bookshelves, and a typewriter on a metal stand. Between the two ends of the room was a twenty-foot field of brown wall-to-wall carpet, deep and new-looking, marked with the trail of a vacuum cleaner. In the center of it, entirely alone, a small round table stood holding *Life* and *Look* and *Scientific American*.

Mrs. Castevet showed them across the brown carpet and seated them on the settee; and as they sat Mr. Castevet came in, holding in both hands a small tray on which four cocktail glasses ran over with clear pink liquid. Staring at the rims of the glasses he shuffled forward across the carpet, looking as if with every next step he would trip and fall disastrously.

"I seem to have overfilled the glasses," he said. "No, no, don't get up. Please. Generally I pour these out as precisely as a bartender, don't I, Minnie?"

Mrs. Castevet said, "Just watch the carpet."

"But this evening," Mr. Castevet continued, coming closer, "I made a little too much, and rather than leave the surplus in the blender, I'm afraid I thought I... There we are. Please, sit

— Мы пойдем, и это будет мой сегодняшний благородный поступок.

— Ладно, если ты в самом деле хочешь. Но мы дадим им понять, что это в первый и последний раз. И никакой дружбы мы не завязываем. Идет?

— Идет.

Глава 6

Наступила половина седьмого, и через несколько минут Розмари и Ги прошли по темным переходам к квартире Кастиветов. Когда Ги позвонил, сзади открылся лифт и из него вышел мистер Дубин или мистер де Вор (они не знали, кто из них — кто), неся в руке чемодан, обернутый в полиэтилен. Он, улыбаясь, открыл дверь квартиры 7B и произнес: «По моему, вам не сюда». Розмари и Ги весело рассмеялись. Он быстро вошел в квартиру, крикнув «Это я!», и в глубине комнат они успели разглядеть черный сервант и красные с золотом обои.

Дверь Кастиветов открылась и их встретила миссис Кастивет. Она была напудрена, нарумянена и широко улыбалась. На ней было светло зеленое платье и розовый плисированный фартук.

— Как вы точно пришли! — обрадовалась она. — Проходите! Роман как раз готовит коктейли с водкой. Как я рада, что вы смогли прийти, мистер Ги! Теперь я буду всем говорить, что знаю вас лично, что вот из этой тарелки он ел — сам Ги Вудхаус. Я ее даже мыть не буду — оставлю на память!

Ги и Розмари обменялись взглядами.

«Это твоя подруга», — говорили его глаза, а ее: «Ну что я могу поделывать?!»

В большом холле стоял прямоугольный стол, накрытый на четверых, с вышитой белой скатертью, тарелками из разных сервизов и столовым серебром. Налево открывался вид в гостиную, которая была похожа на комнату в квартире Ги и Розмари, только раза в два больше, и с одним большим окном вместо двух поменьше и таким же мраморным камином и лепными украшениями. Комната была обставлена необычно: возле камина стоял диванчик, столик с лампой и несколько стульев, у противоположной стены — множество ящиков для бумаг, журнальные столики, заваленные газетами, перегруженные книжные полки и пишущая машинка на металлической подставке. От стены до стены на полу лежал новый пушистый коричневый ковер. Было видно, что по нему недавно прошли пылесосом. Посреди комнаты одиноко стоял крошечный столик с журналами «Лук», «Лайф» и «Сайнтифик Америкэн».

Миссис Кастивет провела их по ковру и усадила на диван. Тут же пришел и мистер Кастивет: в руках он держал поднос со стаканами, доверху наполненными розовой жидкостью. Не спуская глаз со стаканов, он медленно двинулся по ковру, будто каждую секунду ему грозило страшное падение.

— По моему, я налил слишком много, — заговорил он. — Нет нет, не вставайте, пожалуйста. Обычно я рассчитываю точно, как настоящий бармен, верно, Минни?

— Осторожней с ковром, — сказала миссис Кастивет.

— Но сегодня, — продолжал он, подходя ближе, — я приготовил немного больше, и, чтобы не оставлять в миксере, я подумал, что... Ну, вот и все. Пожалуйста, сидите.

down. Mrs. Woodhouse?"

Rosemary took a glass, thanked him, and sat. Mrs. Castevet quickly put a paper cocktail napkin in her lap.

"Mr. Woodhouse? A Vodka Blush. Have you ever tasted one?"

"No," Guy said, taking one and sitting.

"Minnie," Mr. Castevet said.

"It looks delicious," Rosemary said, smiling vividly as she wiped the base of her glass.

"They're very popular in Australia," Mr. Castevet said. He took the final glass and raised it to Rosemary and Guy. "To our guests," he said. "Welcome to our home." He drank and cocked his head critically, one eye partway closed, the tray at his side dripping on the carpet.

Mrs. Castevet coughed in mid-swallow.

"The carpet!" she choked, pointing.

Mr. Castevet looked down.

"Oh dear," he said, and held the tray up uncertainly.

Mrs. Castevet thrust aside her drink, hurried to her knees, and laid a paper napkin carefully over the wetness.

"Brand-new carpet," she said. "Brand-new carpet. This man is so clumsy!"

The Vodka Blushes were tart and quite good.

"Do you come from Australia?" Rosemary asked, when the carpet had been blotted, the tray safely kitchened, and the Castevets seated in straight-backed chairs.

"Oh no," Mr. Castevet said, "I'm from right here in New York City. I've been there though. I've been everywhere. Literally."

He sipped Vodka Blush, sitting with his legs crossed and a hand on his knee. He was wearing black loafers with tassels, gray slacks, a white blouse, and a blue-and-gold striped ascot.

"Every continent, every country," he said. "Every major city. You name a place and I've been there. Go ahead. Name a place."

Guy said, "Fairbanks, Alaska."

"I've been there," Mr. Castevet said. "I've been all over Alaska: Fairbanks, Juneau, Anchorage, Nome, Seward; I spent four months there in 1938 and I've made a lot of one-day stopovers in Fairbanks and Anchorage on my way to places in the Far East. I've been in small towns in Alaska too: Dillingham and Akulurak."

"Where are you folks from?" Mrs. Castevet asked, fixing the folds at the bosom of her dress.

"I'm from Omaha," Rosemary said, "and Guy is from Baltimore."

"Omaha is a good city," Mr. Castevet said. "Baltimore is too."

"Did you travel for business reasons?" Rosemary asked him.

"Business and pleasure both," he said. "I'm seventy-nine years old and I've been going one place or another since I was ten. You name it, I've been there."

"What business were you in?" Guy asked.

"Just about every business," Mr. Castevet said. "Wool, sugar, toys, machine parts, marine insurance, oil..."

Миссис Вудхаус?

Розмари взяла стакан, поблагодарила его и устроилась поудобнее. Миссис Кастивет быстро положила ей на колени салфетку.

— Миссис Вудхаус, это коктейль из водки. Вы такой пробовали?

— Я — нет. — Ги тоже взял коктейль и сел.

— Минни, — сказал мистер Кастивет.

— Смотрится прекрасно, — заметила Розмари, вытирая салфеткой дно стакана.

— Такие коктейли делают в Австралии. — Мистер Кастивет взял последний стакан и поднял его вверх. — За наших гостей. Добро пожаловать в наш дом. — Он отпил немного и, оценивая вкус, критически наклонил голову, прищурив один глаз. Поднос упал на ковер.

Миссис Кастивет поперхнулась.

— Ковер! — воскликнула она и закашлялась.

Мистер Кастивет посмотрел вниз.

— Боже мой! — сказал он в растерянности и поднял поднос.

Миссис Кастивет поставила стакан, встала на колени и приложила салфетку к ковра.

— Совершенно новый ковер. Ты у меня такой неуклюжий!

Коктейли оказались кисловатыми и приятными на вкус.

— А вы сами из Австралии? — спросила Розмари после того, как пятно было уничтожено, поднос унесен на кухню, и Кастиветы уселись на стульях.

— Нет, — ответил мистер Кастивет, — я родился здесь, в Нью Йорке. Но я там бывал. Я был везде. В буквальном смысле.

Он медленно пил свой коктейль, сидя со скрещенными ногами и положив одну руку на колено. На нем были черные мокасины с кисточками, серые брюки, белая рубашка, на шее — синий платок в золотую полоску.

— На всех континентах, во всех странах, — продолжал он. — Вы называете любое место, и я уверен, что был там. Давайте попробуем. Называйте.

— Фэрбенкс на Аляске, — выпалил Ги.

— Был, — сказал мистер Кастивет. — Я был во многих местах на Аляске: Фэрбенкс, Джуно, Анкоридж, Ном, Сьюард. Я провел там четыре месяца в 1938 году и мне пришлось делать множество однодневных остановок в Фэрбенксе и Анкориджке по дороге на Дальний Восток. Я бывал и в маленьких городках Аляски — в Диллингеме и Акулураке.

— А вы откуда? — спросила миссис Кастивет, поправляя складки на груди.

— Я из Омахи, — ответила Розмари, — а Ги из Балтимора.

— Омаха — хороший город, — заметил мистер Кастивет. — Балтимор — тоже.

— Вам приходилось путешествовать по заданию фирм? — поинтересовалась Розмари, — И по заданию фирм, и по собственному желанию. Мне уже семьдесят девять лет, а я начал путешествовать, когда мне исполнилось десять. Называйте любые города — я был везде.

— А где вы работали? — спросил Ги.

— Где я только ни работал, — разговорился мистер Кастивет. — В шерстяной промышленности, в сахарной, нефтяной, по игрушкам, запчастям для станков, занимался мор-

A bell pinged in the kitchen.

"Steak's ready," Mrs. Castevet said, standing up with her glass in her hand. "Don't rush your drinks now; take them along to the table. Roman, take your pill."

"It will end on October third," Mr. Castevet said; "the day before the Pope gets here. No Pope ever visits a city where the newspapers are on strike."

"I heard on TV that he's going to postpone and wait till it's over," Mrs. Castevet said.

Guy smiled.

"Well," he said, "that's show biz."

Mr. and Mrs. Castevet laughed, and Guy along with them. Rosemary smiled and cut her steak. It was overdone and juiceless, flanked by peas and mashed potatoes under flour-laden gravy.

Still laughing, Mr. Castevet said, "It is, you know! That's just what it is; show biz!"

"You can say that again," Guy said.

"The costumes, the rituals," Mr. Castevet said; "every religion, not only Catholicism. Pageants for the ignorant."

Mrs. Castevet said, "I think we're offending Rosemary."

"No, no, not at all," Rosemary said.

"You aren't religious, my dear, are you?" Mr. Castevet asked.

"I was brought up to be," Rosemary said, "but now I'm an agnostic. I wasn't offended. Really I wasn't."

"And you, Guy?" Mr. Castevet asked. "Are you an agnostic too?"

"I guess so," Guy said. "I don't see how anyone can be anything else. I mean, there's no absolute proof one way or the other, is there?"

"No, there isn't," Mr. Castevet said.

Mrs. Castevet, studying Rosemary, said,

"You looked uncomfortable before, when we were laughing at Guy's little joke about the Pope."

"Well he is the Pope," Rosemary said. "I guess I've been conditioned to have respect for him and I still do, even if I don't think he's holy any more."

"If you don't think he's holy," Mr. Castevet said, "you should have no respect for him at all, because he's going around deceiving people and pretending he is holy."

"Good point," Guy said.

"When I think what they spend on robes and jewels," Mrs. Castevet said.

"A good picture of the hypocrisy behind organized religion," Mr. Castevet said, "was given, I thought, in Luther. Did you ever get to play the leading part, Guy?"

"Me? No," Guy said.

"Weren't you Albert Finney's understudy?" Mr. Castevet asked.

"No," Guy said, "the fellow who played Weinand was. I just covered two of the smaller parts."

"That's strange," Mr. Castevet said; "I was quite certain that you were his understudy. I remember being struck by a gesture you made and checking in the program to see who you were;

ской страховкой...

В кухне зазвенел звонок.

— Отбивные готовы. — Миссис Кастивет встала со стаканом в руке. — Не торопитесь допивать, возьмите с собой коктейли за стол. Роман, не забудь принять таблетку.

— Третьего октября забастовка закончится, — настаивал мистер Кастивет. — За день до приезда Папы Римского. Ни один Папа не приедет в город, где бастуют газетчики.

— А я слышала по телевизору, что он отложит свою поездку до тех пор, пока забастовка не кончится, — сообщила миссис Кастивет.

Ги улыбнулся.

— Ну, так и полагается для настоящей показухи.

Мистер и миссис Кастивет засмеялись, и Ги присоединился к ним. Розмари улыбнулась и разрешила отбивную, сухую и пережаренную, с горошком и картофельным пюре под мучным соусом Миссис Кастивет никак не могла успокоиться.

— Да, действительно, прямо в точку: настоящая показуха!

— Я дарю вам эту шутку, — сказал Ги.

— Все эти наряды и ритуалы... — подхватил мистер Кастивет. — Да и во всех религиях, не только у католиков. Сплошной маскарад для невежд!

— Может быть, мы обижаем Розмари своими замечаниями? — заметила миссис Кастивет.

— Нет, вовсе нет.

— Ты ведь не религиозна, дорогая моя? — учтиво спросил мистер Кастивет.

— Меня так воспитывали, — сказала Розмари. — Но теперь я чистый агностик. Так что вы меня ни чуть не обидели

— А вы? — поинтересовался мистер Кастивет у Ги. — Вы тоже агностик?

— Наверное, да не знаю, как можно думать иначе. То есть, я хочу сказать, что убедительных доказательств нет ни у одной из сторон, верно?

— В самом деле нет, — согласился мистер Кастивет.

Миссис Кастивет внимательно поглядела на Розмари.

— Ты так неудобно себя почувствовала, когда мы смеялись над шуткой Ги насчет Папы.

— Ну, он ведь все-таки Папа, — смутилась Розмари. — Я всегда его уважала и сейчас уважаю, хотя и не считаю уже, что он святой.

— Если ты не считаешь его святым, — сказал мистер Кастивет, — то не следует его и уважать, потому что он обманывает людей, говоря, что он святой.

— Вот именно, — поддержал Ги.

— Как только подумаю, сколько денег уходит на его наряды и драгоценности... — проговорила миссис Кастивет.

— Вот вам и лицемерие, замаскированное религией, — продолжал мистер Кастивет. — Это было неплохо изображено в «Лютере». Вы там играли главную роль, Ги?

— Я? Нет! — ответил Ги.

— Разве не вы были дублером Альберта Финни?

— Нет. У меня там была менее заметная роль.

— Странно, — удивился мистер Кастивет. — А я думал, что это вы. Я помню вашу жестикуляцию и специально посмотрел в программке, кого вы играли. И там написано, что

and I could swear you were listed as Finney's understudy."

"What gesture do you mean?" Guy asked.

"I'm not sure now; a movement of your —"

"I used to do a thing with my arms when Luther had the fit, a sort of involuntary reaching —"

"Exactly," Mr. Castevet said. "That's just what I meant. It had a wonderful authenticity to it. In contrast, may I say, to everything Mr. Finney was doing."

"Oh, come on now," Guy said.

"I thought his performance was considerably overrated," Mr. Castevet said. "I'd be most curious to see what you would have done with the part."

Laughing, Guy said,

"That makes two of us," and cast a bright-eyed glance at Rosemary. She smiled back, pleased that Guy was pleased; there would be no reproofs from him now for an evening wasted talking with Ma and Pa Settle. No, Kettle.

"My father was a theatrical producer," Mr. Castevet said, "and my early years were spent in the company of such people as Mrs. Fiske and Forbes Robertson, Otis Skinner and Modjeska. I tend, therefore, to look for something more than mere competence in actors. You have a most interesting inner quality, Guy. It appears in your television work too, and it should carry you very far indeed; provided, of course, that you get those initial 'breaks' upon which even the greatest actors are to some degree dependent. Are you preparing for a show now?"

"I'm up for a couple of parts," Guy said.

"I can't believe that you won't get them," Mr. Castevet said.

"I can," Guy said.

Mr. Castevet stared at him.

"Are you serious?" he asked.

Dessert was a homemade Boston cream pie that, though better than the steak and vegetables, had for Rosemary a peculiar and unpleasant sweetness. Guy, however, praised it heartily and ate a second helping. Perhaps he was only acting, Rosemary thought; repaying compliments with compliments.

After dinner Rosemary offered to help with the cleaning up. Mrs. Castevet accepted the offer instantly and the two women cleared the table while Guy and Mr. Castevet went into the living room.

The kitchen, opening off the foyer, was small, and made smaller still by the miniature greenhouse Terry had mentioned. Some three feet long, it stood on a large white table near the room's one window. Goosenecked lamps leaned close around it, their bright bulbs reflecting in the glass and making it blinding white rather than transparent. In the remaining space the sink, stove, and refrigerator stood close together with cabinets jutting out above them on all sides. Rosemary wiped dishes at Mrs. Castevet's elbow, working diligently and conscientiously in the pleasing knowledge that her own kitchen was larger and more graciously equipped.

"Terry told me about that greenhouse," she said.

"Oh yes," Mrs. Castevet said. "It's a nice hobby. You ought to do it too."

"I'd like to have a spice garden some day," Rosemary said. "Out of the city, of course. If Guy ever gets a movie offer we're going to grab it and go live in Los Angeles. I'm a country girl at heart."

вы были дублером Финни.

— Какую жестикуляцию? — не понял Ги.

— Ну, я не помню точно, вот такие движения...

— Когда у Лютера начинался приступ, я делал руками такой жест, как бы протягивая их к небу.

— Точно! — радостно подтвердил мистер Кастивет. — Именно это... А вот у мистера Финни все было очень неестественно, смею заметить.

— Да что вы, — возразил Ги.

— По моему, его игру сильно переоценили, — сказал мистер Кастивет. — Интересно было бы посмотреть, как бы вы сыграли эту роль.

Ги засмеялся.

— Мы с Финни действительно очень разные. — Он радостно посмотрел на Розмари. Она улыбнулась: ей было приятно, что Ги чувствует себя здесь хорошо, иначе бы он ей этого не простил — весь вечер провести в разговорах с папашей и мамашей Сеттл. Нет, Кеттл.

— Мой отец был театральным продюсером, — продолжал мистер Кастивет. — И все свое детство я провел в обществе таких людей, как миссис Фиск и Форбс Робертсон, Отис Скиннер и Моджеска. Поэтому я замечаю не только обычные способности у актеров. У вас, например, интереснейшие внутренние качества, Ги. И по телепередачам это видно. Вы пойдете очень далеко, если преодолите полосу временных неудач, через которую должен пройти каждый выдающийся актер. Вы сейчас где-нибудь снимаетесь?

— У меня есть на примете парочка ролей, — сказал Ги

— Не могу себе представить, чтобы вам в них отказали.

— А я могу.

Мистер Кастивет уставился на Ги.

— Вы это серьезно?

На десерт был домашний бостонский пирог с кремом, и хотя он удался лучше, чем отбивные с овощами, Розмари показалось, что он слишком уж приторный. Однако Ги похвалил пирог и даже попросил добавки. Но, может быть, он только играл очередную роль, подумала Розмари, отвечая комплиментом на комплимент.

После ужина Розмари вызвалась помочь с посудой. Миссис Кастивет сразу же приняла предложение, и женщины занялись уборкой стола, а Ги и мистер Кастивет прошли в гостиную.

Кухня, начинавшаяся сразу за холлом, была маленькая и казалась еще меньше из-за оранжереи, о которой говорила Терри. Растения располагались на большом белом столе длиной фута в три, который стоял возле единственного окна. Над столом склонились лампы, освещавшие стекла парника, отчего они казались не прозрачными, а какими-то белесыми. В оставшемся пространстве близко друг к другу стояли мойка, плита, холодильник и над всем этим под самым потолком были прибиты какие-то бесконечные ящики. Розмари вытирала посуду, стоя рядом с миссис Кастивет, и с удовольствием думала, что ее кухня гораздо больше и куда лучше обставлена.

— Терри говорила мне про вашу оранжерею.

— О, да, — сказала миссис Кастивет. — Это прекрасное хобби. Тебе бы тоже надо этим заняться.

— Когда-нибудь и у меня будет сад с разными травами, — ответила Розмари. — Не в городе, конечно. Если Ги предложат большую роль в кино, то мы переедем в Лос Анджелес. Я ведь по своему характеру — деревенская девушка.

“Do you come from a big family?” Mrs. Castevet asked.

“Yes,” Rosemary said. “I have three brothers and two sisters. I’m the baby.”

“Are your sisters married?”

“Yes, they are.”

Mrs. Castevet pushed a soapy sponge up and down inside a glass.

“Do they have children?” she asked.

“One has two and the other has four,” Rosemary said. “At least that was the count the last I heard. It could be three and five by now.”

“Well that’s a good sign for you,” Mrs. Castevet said, still soaping the glass. She was a slow and thorough washer. “If your sisters have lots of children, chances are you will too. Things like that go in families.”

“Oh, we’re fertile, all right,” Rosemary said, waiting towel in hand for the glass. “My brother Eddie has eight already and he’s only twenty-six.”

“My goodness!” Mrs. Castevet said. She rinsed the glass and gave it to Rosemary.

“All told I’ve got twenty nieces and nephews,” Rosemary said. “I haven’t even seen half of them.”

“Don’t you go home every once in a while?” Mrs. Castevet asked.

“No, I don’t,” Rosemary said. “I’m not on the best of terms with my family, except one brother. They feel I’m the black sheep.”

“Oh? How is that?”

“Because Guy isn’t Catholic, and we didn’t have a church wedding.”

“Tsk,” Mrs. Castevet said. “Isn’t it something the way people fuss about religion? Well, it’s their loss, not yours; don’t you let it bother you any.”

“That’s more easily said than done,” Rosemary said, putting the glass on a shelf. “Would you like me to wash and you wipe for a while?”

“No, this is fine, dear,” Mrs. Castevet said.

Rosemary looked outside the door. She could see only the end of the living room that was bridge tables and file cabinets; Guy and Mr. Castevet were at the other end. A plane of blue cigarette smoke lay motionless in the air.

“Rosemary?”

She turned. Mrs. Castevet, smiling, held out a wet plate in a green rubbergloved hand.

It took almost an hour to do the dishes and pans and silver, although Rosemary felt she could have done them alone in less than half that time. When she and Mrs. Castevet came out of the kitchen and into the living room, Guy and Mr. Castevet were sitting facing each other on the settee, Mr. Castevet driving home point after point with repeated strikings of his forefinger against his palm.

“Now Roman, you stop bending Guy’s ear with your Modjeska stories,” Mrs. Castevet said. “He’s only listening ’cause he’s polite.”

“No, it’s interesting, Mrs. Castevet,” Guy said.

“You see?” Mr. Castevet said.

“Minnie,” Mrs. Castevet told Guy. “I’m Minnie and he’s Roman; okay?” She looked mock-defiantly at Rosemary. “Okay?”

— А семья у тебя была большая? — спросила миссис Кастивет.

— Да. У меня три брата и две сестры. А я самая младшая.

— Сестры замужем?

— Да.

Миссис Кастивет водила мыльной губкой внутри стакана.

— У них есть дети?

— У одной двое, а у другой четверо, — ответила Розмари. — Но это было давно. Сейчас, наверное, уже трое и пятеро.

— Это хороший знак для тебя, — продолжала миссис Кастивет, все еще намыливая стакан. Она мыла посуду очень тщательно. — Если у твоих сестер много детей, значит, у тебя тоже так будет. Это передается по наследству.

— Да, мы очень плодовитые. — Розмари приготовила полотенце для стакана. — У моего брата Эдди уже восемь детей, а ему только двадцать шесть лет.

— Вот это да! — Миссис Кастивет ополоснула стакан и передала его Розмари.

— А всего у меня двадцать племянниц и племянников. Но я даже и половину из них не видела.

— А разве ты не ездешь их навещать?

— Нет. Я не в очень хороших отношениях с семьей. Я дружу только с одним братом. Остальные считают меня уродом в семье.

— Да? Почему же?

— Потому что Ги не католик, и мы не венчались в церкви.

— О! — посочувствовала миссис Кастивет. — Какой шум поднимают некоторые люди из-за религии. Ну, это они виноваты, а не ты, так что и не переживай.

— Легко сказать. — Розмари поставила стакан на полку. — Может быть, теперь я буду мыть, а вы вытирать?

— Нет, лучше так.

Розмари выглянула в дверь. Но она увидела только уголок гостиной, в котором стояли столики с газетами и ящички. Ги и мистер Кастивет расположились в другом углу. В воздухе висел голубоватый сигаретный дым.

— Розмари!

Она обернулась. Миссис Кастивет протягивала ей чистую тарелку, держа ее в зеленой резиновой перчатке.

Почти целый час они мыли тарелки, кастрюли и столовое серебро. Розмари подумала, что сама бы она сделала это вдвое быстрее. Когда они с миссис Кастивет вернулись в гостиную, Ги и мистер Кастивет сидели на диване лицом друг к другу, и мистер Кастивет что-то увлеченно доказывал Ги, время от времени ударяя себя указательным пальцем по ладони.

— Ну, Роман, хватит утомлять Ги своими рассказами про Моджеску, — заворчала миссис Кастивет. — Он тебя слушает только из вежливости.

— Нет, что вы, мне очень интересно, миссис Кастивет, — возразил Ги.

— Вот видишь! — воскликнул мистер Кастивет.

— Только говорите Минни, — попросила миссис Кастивет. — Называйте меня Минни, а его — Роман, хорошо? Она взглянула на Розмари. — Хорошо?

Guy laughed.

"Okay, Minnie," he said.

They talked about the Goulds and the Bruhns and Dubin and DeVore, about Terry's sailor brother who had turned out to be in a civilian hospital in Saigon; and, because Mr. Castevet was reading a book critical of the Warren Report, about the Kennedy assassination. Rosemary, in one of the straightbacked chairs, felt oddly out of things, as if the Castevets were old friends of Guy's to whom she had just been introduced.

"Do you think it could have been a plot of some kind?" Mr. Castevet asked her, and she answered awkwardly, aware that a considerate host was drawing a left-out guest into conversation. She excused herself and followed Mrs. Castevet's directions to the bathroom, where there were flowered paper towels inscribed For Our Guest and a book called Jokes for The John that wasn't especially funny.

They left at ten-thirty, saying "Good-by, Roman" and "Thank you, Minnie" and shaking hands with an enthusiasm and an implied promise of more such evenings together that, on Rosemary's part, was completely false. Rounding the first bend in the hallway and hearing the door close behind them, she blew out a relieved sigh and grinned happily at Guy when she saw him doing exactly the same.

"Naow Roman," he said, working his eyebrows comically, "yew stop bendin' Guy's ee-yurs with them that Mojesky sto-tees!"

Laughing, Rosemary cringed and hushed him, and they ran hand in hand on ultra-quiet tiptoes to their own door, which they unlocked, opened, slammed, locked, bolted, chained; and Guy nailed it over with imaginary beams, pushed up three imaginary boulders, hoisted an imaginary drawbridge, and mopped his brow and panted while Rosemary bent over double and laughed into both hands.

"About that steak," Guy said.

"Oh my God!" Rosemary said. "The pie! How did you eat two pieces of it? It was weird!"

"Dear girl," Guy said, "that was an act of superhuman courage and self-sacrifice. I said to myself, 'Ye gods, I'll bet nobody's ever asked this old bat for seconds on anything in her entire life! So I did it.' He waved a hand grandly. "Now and again I get these noble urges."

They went into the bedroom.

"She raises herbs and spices," Rosemary said, "and when they're full-grown she throws them out the window."

"Shh, the walls have ears," Guy said. "Hey, how about that silverware?"

"Isn't that funny?" Rosemary said, working her feet against the floor to unshoe them; "only three dinner plates that match, and they've got that beautiful, beautiful silver."

"Let's be nice; maybe they'll will it to us."

"Let's be nasty and buy our own. Did you go to the bathroom?"

"There? No."

"Guess what they've got in it."

"A bidet."

"No, Jokes for The John."

"No."

Ги засмеялся.

— Ну ладно, пусть будет Минни.

Они поговорили про Гоульдов и Брюнов, про Дубина и де Вора, потом про брата Терри, который оказался в гражданском госпитале в Сайгоне, а потом перешли к убийству Кеннеди, потому что миссис Кастивет сейчас как раз читала об этом книгу. Сидя на стуле, Розмари почувствовала себя странно: ей показалось, что Кастиветы — старые знакомые Ги, которым ее только что представили.

— Как ты считаешь, это был заговор? — спросил мистер Кастивет, и Розмари снова почувствовала, что она выпадает из общей беседы, и поэтому ответила невпопад. Извинившись, она пошла за миссис Кастивет, которая пригласила ее посмотреть ванную и туалет. Ей показали бумажные полотенца с надписью «Для наших гостей» и книгу «Анекдоты для чтения в туалете», которые были совсем не смешные.

Розмари и Ги ушли в половине одиннадцатого, сказав на прощанье «До свиданья, Роман» и «Спасибо, Минни», и после сердечного рукопожатия обещали приходить еще. Что со стороны Розмари было чистой фальшью. Как только они вышли в коридор и услышали, что дверь за ними закрылась, Розмари с облегчением вздохнула и радостно взглянула на Ги, увидев, что он делает то же самое.

— Ну у, Роман, — сказал он, смешно сдвинув брови. — Перестань му-у-учить Ги своими рассказами про Моджеску-у-у!

Розмари засмеялась и цыкнула на него, они схватились за руки и на цыпочках побежали к своей двери, вошли внутрь, закрылись на замок, на засов и на цепочку. Ги забил невидимые гвозди, привалил невидимые камни, поднял невидимый разводной мост, вытер лоб и устало посмотрел на Розмари — она согнулась и умирала со смеху.

— Ну и отбивные!

— Боже мой! — подхватила Розмари. — А пирог! Как ты съел целых два куска? Он же был ужасный!

— Милая моя, — сказал Ги. — Это было образцом сверхчеловеческого мужества и самопожертвования. Я подумал: «Наверное, эту старую каргу никто в жизни не просил о добавках», — и поэтому отважился. — Он величественно взмахнул рукой. — Иногда у меня возникает потребность совершать благородные поступки.

Они прошли в спальню.

— Она сама выращивает разные травы, — сообщила Розмари. — А потом выбрасывает их в окно.

— Ш-ш-ш, у стен есть уши. А как тебе понравилось серебро?

— Послушай, а тебе не показалось это смешным: у них всего три одинаковые тарелки, — спросила Розмари, снимая туфли одна о другую, — и столько красивых серебряных ножей и вилок.

— Давай лучше не будем сплетничать: вдруг они нам их завещают?

— Нет, лучше будем вредными и сами себе купим. А ты в туалет не ходил?

— У них? Нет.

— Отгадай, что у них там есть.

— Биде.

— Нет. Сборник анекдотов.

— Не может быть!

Rosemary shucked off her dress.

"A book on a hook," she said. "Right next to the toilet."

Guy smiled and shook his head. He began taking out his cufflinks, standing beside the armoire.

"Those stories of Roman's, though," he said, "were pretty damn interesting, actually. I'd never even heard of Forties-Robertson before, but he was a very big star in his day." He worked at the second link, having trouble with it. "I'm going to go over there again tomorrow night and hear some more," he said.

Rosemary looked at him, disconcerted.

"You are?" she asked.

"Yes," he said, "he asked me." He held out his hand to her. "Can you get this off for me?"

She went to him and worked at the link, feeling suddenly lost and uncertain.

"I thought we were going to do something with Jimmy and Tiger," she said.

"Was that definite?" he asked. His eyes looked into hers. "I thought we were just going to call and see."

"It wasn't definite," she said.

He shrugged.

"We'll see them Wednesday or Thursday."

She got the link out and held it on her palm. He took it.

"Thanks," he said. "You don't have to come along if you don't want to; you can stay here."

"I think I will," she said. "Stay here." She went to the bed and sat down.

"He knew Henry Irving too," Guy said. "It's really terrifically interesting."

Rosemary unhooked her stockings.

"Why did they take down the pictures?" she said.

"What do you mean?"

"Their pictures; they took them down. In the living room and in the hallway leading back to the bathroom. There are hooks in the wall and clean places. And the one picture that is there, over the mantel, doesn't fit. There are two inches of clean at both sides of it."

Guy looked at her.

"I didn't notice," he said.

"And why do they have all those files and things in the living room?" she asked.

"That he told me," Guy said, taking off his shirt. "He puts out a newsletter for stamp collectors. All over the world. That's why they get so much foreign mail."

"Yes, but why in the living room?" Rosemary said. "They have three or four other rooms, all with the doors closed. Why doesn't he use one of those?"

Guy went to her, shirt in hand, and pressed her nose with a firm fingertip.

"You're getting nosier than Minnie," he said, kissed air at her, and went out to the bathroom.

Ten or fifteen minutes later, while in the kitchen putting on water for coffee, Rosemary got the sharp pain in her middle that was the night-before signal of her period. She relaxed with one hand against the corner of the stove, letting the pain have its brief way, and then she got out a Chemex paper and the can of coffee, feeling disappointed and forlorn.

She was twenty-four and they wanted three children two

Розмари сняла платье.

— Точно. Книжечка на веревочке. Прямо около унитаза.

Ги улыбнулся и покачал головой. Он стоял у серванта и пытался расстегнуть запонки.

— Но рассказы Романа, — признался он, — были очень интересные. Я раньше никогда не слышал ничего про Форбса Робертсона, а ведь он в свое время был звездой. — Он никак не мог справиться со второй запонкой. — Я завтра снова пойду к нему, он мне еще что-нибудь расскажет.

Розмари с удивлением посмотрела на мужа.

— Ты?

— Да, он меня пригласил. — Ги вытянул руку. — Помогите, пожалуйста.

Она подошла к нему и почувствовала себя растерянной.

— Но мы ведь договаривались встретиться с Джимми и Тайгер.

— Разве? — спросил он, искренне удивившись. — По моему, мы должны были еще созвониться.

— Нет, мы уже договорились.

Ги пожал плечами.

— Ну, встретимся с ними в среду или в четверг.

Розмари наконец расстегнула запонку и протянула ее на ладони. Ги забрал ее.

— Спасибо. Но ты можешь туда не ходить, если не хочешь, останешься здесь.

— Наверное, я лучше останусь, — согласилась она, потом подошла к кровати и села.

— Он лично знал Генри Ирвинга, — продолжал Ги. — И это ужасно интересно!

Розмари отстегнула чулки.

— Зачем они сняли картины? — задумчиво спросила она.

— Не понимаю.

— Картины... Они их зачем-то сняли. И в гостиной, и в коридорах. Там одни гвозди остались. Картина, которая висит над камином, совсем не из той рамы. Она на два дюйма короче с обеих сторон.

Ги внимательно посмотрел на нее.

— А я и не заметил.

— И зачем у них столько газет и бумаг в гостиной?

— А это он мне объяснил, — сказал Ги, снимая рубашку. — Он собирает марки. Со всего света, поэтому так много разной почты.

— Да, но почему все это свалено в гостиной? У них ведь есть еще три или четыре комнаты, и все закрыты. Почему бы им туда все не переложить?

Ги подошел к Розмари, держа рубашку в руке, и нажал пальцем ей на нос.

— Ты становишься такой же любопытной, как и Минни, — сказал он, чмокнул воздух и отправился в ванную.

Через десять или пятнадцать минут, поставив чайник для кофе, Розмари почувствовала резкую боль внизу живота — верный сигнал приближающихся месячных. Она расслабилась, держась одной рукой за плиту, и подождала, пока боль утихнет, затем вынула салфетку, банку с кофе и вдруг ощутила себя одинокой и несчастной.

Ей было двадцать четыре года, она хотела иметь троих

years apart; but Guy “wasn’t ready yet” — nor would he ever be ready, she feared, until he was as big as Marlon Brando and Richard Burton put together. Didn’t he know how handsome and talented he was, how sure to succeed? So her plan was to get pregnant by “accident”; the pills gave her headaches, she said, and rubber gadgets were repulsive. Guy said that subconsciously she was still a good Catholic, and she protested enough to support the explanation. Indulgently he studied the calendar and avoided the “dangerous days,” and she said, “No, it’s safe today, darling; I’m sure it is.”

And again this month he had won and she had lost, in this undignified contest in which he didn’t even know they were engaged.

“Damn!” she said, and banged the coffee can down on the stove.

Guy, in the den, called,

“What happened?”

“I bumped my elbow!” she called back.

At least she knew now why she had become depressed during the evening.

Double damn! If they were living together and not married she would have been pregnant fifty times by now!

Chapter 7

The following evening after dinner Guy went over to the Castevets’. Rosemary straightened up the kitchen and was debating whether to work on the windowseat cushions or get into bed with Manchild in *The Promised Land* when the doorbell rang. It was Mrs. Castevet, and with her another woman, short, plump, and smiling, with a Buckley-for-Mayor button on the shoulder of a green dress.

“Hi, dear, we’re not bothering you, are we?” Mrs. Castevet said when Rosemary had opened the door. “This is my dear friend Laura-Louise McBurney, who lives up on twelve. Laura-Louise, this is Guy’s wife Rosemary.”

“Hello, Rosemary! Welcome to the Bram!”

“Laura-Louise just met Guy over at our place and she wanted to meet you too, so we came on over. Guy said you were staying in not doing anything. Can we come in?”

With resigned good grace Rosemary showed them into the living room.

“Oh, you’ve got new chairs,” Mrs. Castevet said. “Aren’t they beautiful!”

“They came this morning,” Rosemary said.

“Are you all right, dear? You look worn.”

“I’m fine,” Rosemary said and smiled. “It’s the first day of my period.”

“And you’re up and around?” Laura-Louise asked, sitting. “On my first days I experienced such pain that I couldn’t move or eat or anything. Dan had to give me gin through a straw to kill the pain and we were one-hundred-percent Temperance at the time, with that one exception.”

детей с разницей в два года, но Ги был к этому «пока не готов», и она боялась, что он не будет готов, пока не станет такой же знаменитостью, как Марлон Брандо и Ричард Бертон вместе взятые. Неужели он не знает о своем таланте и о том, что ему обязательно повезет? Поэтому ее план был — забеременеть «случайно»: от таблеток у нее болела голова, а резиновые изделия она считала отвратительными. Ги сказал на это, что подсознательно она продолжает оставаться доброй католичкой, хотя никаких дальнейших объяснений она ему не давала. Он снисходительно изучал ее календарь и избегал «опасных» дней, хотя каждый раз она говорила: «Нет, сегодня можно. Я уверена, что сегодня безопасно».

И вот снова в этом месяце он выиграл, а она проиграла в их недостойном соревновании, о котором он даже не подозревал.

— Проклятье! — Она с силой стукнула банкой по плите.

Из комнаты отозвался Ги:

— Что там случилось?

— Я ударила локоть!

Теперь, по крайней мере, она поняла причину своей сегодняшней депрессии.

Черт побери! Если бы они не были женаты, она бы уже раз сто успела забеременеть!

Глава 7

На следующий вечер, сразу после ужина, Ги отправился к Кастиветам. Розмари размышляла, чем ей лучше заняться после уборки кухни: сделать подушечки на подоконники или забраться в кровать с романом «Дитя в земле обетованной», но неожиданно в дверь позвонили. Это была миссис Кастивет со своей подругой — низенькой, пухлой, улыбающейся, и с большим значком на груди, призывающим выбрать Бакли в мэры города. Подруга была в зеленом платье.

— Привет, дорогая. Мы тебе не помешали? — спросила миссис Кастивет, как только Розмари открыла дверь. — Это моя близкая подруга Лаура Луиза Макберни, она живет на двенадцатом этаже. Лаура Луиза, а это жена Ги — Розмари.

— Здравствуй, Розмари. Добро пожаловать в Брэмфорд!

— Лаура Луиза только что познакомилась у нас с Ги и захотела познакомиться с тобой, поэтому мы и пришли. Ги сказал, что ты осталась дома и ничем не занята. Можно войти?

Розмари вежливо проводила их в гостиную.

— О, у вас новые стулья, — заметила миссис Кастивет. — Какие красивые!

— Их привезли сегодня утром.

— Ты себя хорошо чувствуешь, дорогая? Ты выглядишь разбитой.

— Все в порядке, — ответила Розмари. — Просто у меня первый день месячных.

— И ты осталась совсем одна? — удивилась Лаура Луиза, присаживаясь. Когда у меня были первые дни, я не могла ни двигаться, ни есть, вообще ничего не могла делать. Дэн давал мне джин через соломинку, чтобы боль утихала. Вообще мы с ним — стопроцентная сдержанность, кроме вот таких дней.

“Girls today take things more in their stride than we did,” Mrs. Castevet said, sitting too. “They’re healthier than we were, thanks to vitamins and better medical care.”

Both women had brought identical green sewing bags and, to Rosemary’s surprise, were opening them now and taking out crocheting (Laura-Louise) and darning (Mrs. Castevet); settling down for a long evening of needlework and conversation.

“What’s that over there?” Mrs. Castevet asked. “Seat covers?”

“Cushions for the window seats,” Rosemary said, and thinking Oh all right, I will, went over and got the work and brought it back and joined them.

Laura-Louise said, “You’ve certainly made a tremendous change in the apartment, Rosemary.”

“Oh, before I forget,” Mrs. Castevet said, “this is for you. From Roman and me.” She put a small packet of pink tissue paper into Rosemary’s hand, with a hardness inside it.

“For me?” Rosemary asked. “I don’t understand.”

“It’s just a little present is all,” Mrs. Castevet said, dismissing Rosemary’s puzzlement with quick hand-waves. “For moving in.”

“But there’s no reason for you to...” Rosemary unfolded the leaves of used-before tissue paper. Within the pink was Terry’s silver filigree ball-charm and its clustered-together neckchain. The smell of the ball’s filling made Rosemary pull her head away.

“It’s real old,” Mrs. Castevet said. “Over three hundred years.”

“It’s lovely,” Rosemary said, examining the ball and wondering whether she should tell that Terry had shown it to her. The moment for doing so slipped by.

“The green inside is called tannis root,” Mrs. Castevet said. “It’s good luck.”

Not for Terry, Rosemary thought, and said,

“It’s lovely, but I can’t accept such a—”

“You already have,” Mrs. Castevet said, darning a brown sock and not looking at Rosemary. “Put it on.”

Laura-Louise said, “You’ll get used to the smell before you know it.”

“Go on,” Mrs. Castevet said.

“Well, thank you,”

Rosemary said; and uncertainly she put the chain over her head and tucked the ball into the collar of her dress. It dropped down between her breasts, cold for a moment and obtrusive. I’ll take it off when they go, she thought.

Laura-Louise said,

“A friend of ours made the chain entirely by hand. He’s a retired dentist and his hobby is making jewelry out of silver and gold. You’ll meet him at Minnie and Roman’s on — on some night soon, I’m sure, because they entertain so much. You’ll probably meet all their friends, all our friends.”

Rosemary looked up from her work and saw Laura-Louise pink with an embarrassment that had hurried and confused her

— Девушки сегодня лучше справляются с трудностями, чем мы, бывало. — Миссис Кастивет тоже присела на стул. — Они крепче нас благодаря витаминам и хорошему медицинскому обслуживанию.

Женщины принесли с собой совершенно одинаковые зеленые мешочки для ручной работы, и, к удивлению Розмари, Лаура Луиза вынула оттуда вышивание, а миссис Кастивет — штопку, пригавливаясь к длинному вечеру, работе и разговорам.

— А что это там у тебя? — спросила миссис Кастивет. — Чехлы для стульев?

— Подушечки для подоконников, — ответила Розмари и, подумав: «Ну ладно, будем работать», взяла вышивание и присоединилась к женщинам.

— Ты сильно изменила эту квартиру, Розмари, — заметила Лаура Луиза.

— Да, пока я не забыла, — перебила миссис Кастивет. — Это тебе от меня и Романа... — Она дала Розмари маленький сверток из розовой подарочной бумаги, внутри которого находилось что-то твердое.

— Мне? — переспросила Розмари. — Я не понимаю.

— Это небольшой подарок. — Миссис Кастивет махнула рукой, как бы развеивая удивление Розмари. — В связи с вашим переездом.

— Но вам не стоило так беспокоиться... — Розмари развернула помятую бумагу. Внутри лежал талисман Терри — филигранный серебряный шарик с цепочкой. Резкий запах из шарика заставил Розмари отпрянуть.

— Он очень старый, — пояснила миссис Кастивет. — Ему более трехсот лет.

— Очень красивый, — ответила Розмари и, разглядывая талисман, размышляла, стоит ли говорить, что Терри ей его показывала. Но теперь было уже поздно, момент упущен.

— То, что находится внутри, называется таннисовый корень, — объяснила миссис Кастивет. — Он приносит счастье.

«Но только не для Терри», — подумала Розмари, а вслух сказала:

— Очень милый, но я не могу принять такой...

— Ты его уже приняла, — перебила миссис Кастивет, штопая коричневый носок, даже не взглянув при этом на Розмари. — Надевай.

— Ты очень быстро привыкнешь к этому запаху, — добавила Лаура Луиза.

— Ну, давай, — настаивала миссис Кастивет.

— Спасибо.

Неуверенно Розмари надела цепочку и спрятала шарик под кофточку. На секунду она почувствовала неприятный холодок между грудей. «Как только они уйдут, я его сниму», — решила она.

Лаура Луиза продолжала:

— Один наш общий знакомый сделал эту цепочку вручную. Он бывший зубной врач, а это его хобби — изготавливать всякие ювелирные изделия из золота и серебра. Ты с ним когда-нибудь познакомишься у Минни и Романа, я в этом просто уверена, потому что у них часто бывают гости. Ты, наверное, познакомишься со всеми их друзьями, то есть с нашими друзьями.

Розмари посмотрела на Лауру Луизу, на секунду оторвавшись от своей работы. Та раскраснелась, смутилась и

last words. Minnie was busy darning, unaware. Laura-Louise smiled and Rosemary smiled back.

“Do you make your own clothes?” Laura-Louise asked.

“No, I don’t,” Rosemary said, letting the subject be changed. “I try to every once in a while but nothing ever hangs right.”

It turned out to be a fairly pleasant evening. Minnie told some amusing stories about her girlhood in Oklahoma, and Laura-Louise showed Rosemary two useful sewing tricks and explained feelingly how Buckley, the Conservative mayoral candidate, could win the coming election despite the high odds against him.

Guy came back at eleven, quiet and oddly self-contained. He said hello to the women and, by Rosemary’s chair, bent and kissed her cheek.

Minnie said, “Eleven? My land! Come on, Laura-Louise.”

Laura-Louise said, “Come and visit me any time you want, Rosemary; I’m in twelve F.” The two women closed their sewing bags and went quickly away.

“Were his stories as interesting as last night?” Rosemary asked.

“Yes,” Guy said. “Did you have a nice time?”

“All right. I got some work done.”

“So I see.”

“I got a present too.”

She showed him the charm.

“It was Terry’s,” she said. “They gave it to her; she showed it to me. The police must have — given it back.”

“She probably wasn’t even wearing it,” Guy said.

“I’ll bet she was. She was as proud of it as — as if it was the first gift anyone had ever given her.”

Rosemary lifted the chain off over her head and held the chain and the charm on her palm, jiggling them and looking at them.

“Aren’t you going to wear it?” Guy asked.

“It smells,” she said. “There’s stuff in it called tannis root.” She held out her hand. “From the famous greenhouse.”

Guy smelled and shrugged.

“It’s not bad,” he said.

Rosemary went into the bedroom and opened a drawer in the vanity where she had a tin Louis Sherry box full of odds and ends.

“Tannis, anybody?” she asked herself in the mirror, and put the charm in the box, closed it, and closed the drawer.

Guy, in the doorway, said,

“If you took it, you ought to wear it.”

That night Rosemary awoke and found Guy sitting beside her smoking in the dark. She asked him what was the matter.

“Nothing,” he said. “A little insomnia, that’s all.”

Roman’s stories of old-time stars, Rosemary thought, might have depressed him by reminding him that his own career was lagging behind Henry Irving’s and Forbes-Whosit’s. His going back for more of the stories might have been a form of masochism.

She touched his arm and told him not to worry.

последние слова скомкала. Минни не обратила на это внимания, поглощенная своей работой, Лаура Луиза заулыбалась, и Розмари тоже улыбнулась ей.

— Ты сама себе шьешь? — спросила Лаура Луиза.

— Нет, — ответила Розмари, с удовольствием меняя тему. — Я иногда пытаюсь, но у меня плохо получается.

Вечер удался на славу. Минни рассказала много забавных случаев о своем детстве в Оклахоме, а Лаура Луиза поделилась с Розмари несколькими секретами шитья и пространно объяснила, почему у Бакли, кандидата в мэры от консерваторов, есть реальная возможность выиграть на выборах, хотя положение его сейчас весьма невыгодное.

Ги вернулся в одиннадцать, очень тихий и задумчивый. Он еще раз поздоровался с женщинами, прошел к Розмари, нагнулся и поцеловал ее в щеку.

— Уже одиннадцать? — удивилась Минни. — Боже мой! Пойдемте скорей, Лаура Луиза!

— Приходите ко мне в гости, — сказала на прощанье Лаура Луиза. — В любое время. — Женщины уложили шитье и штопку в мешочки и быстро удалились.

— Ну как рассказы? Так же захватывающи, как и вчера? — спросила Розмари.

— Да, — ответил Ги. — А ты здесь не скучала?

— Все в порядке. Я занималась вышиванием.

— Вижу.

— А еще подарок получила.

Она показала ему талисман.

— Раньше его носила Терри. Они сначала ей его подарили — она мне показывала. Полиция, наверное... вернула его.

— Может быть, она даже не надевала его, — предположил Ги.

— Нет, надевала. Она им так гордилась, будто это был первый и единственный подарок в ее жизни.

Розмари сняла талисман и положила его на ладонь, потом взялась за цепочку и начала медленно раскачивать шарик.

— Ты будешь его носить? — спросил Ги.

— Он плохо пахнет. Там внутри вещество, называется таннисовый корень. — Она вытянула руку вперед. — Из знаменитой оранжереи.

Ги понюхал и пожал плечами.

— По моему, неплохо.

Розмари прошла к трюмо в спальне, выдвинула ящичек, где в коробке из под конфет у нее хранилась всякая всячина.

— Таннисовый, ну и что? — спросила она свое отражение в зеркале, положила талисман в коробку, закрыла ее и задвинула ящик назад.

Ги, стоя в дверях, заметил:

— Если ты приняла подарок, то надо его носить.

Ночью Розмари проснулась и увидела, что Ги сидит на кровати и курит. Она спросила его, в чем дело.

— Ничего, — ответил он. — Просто бессонница.

«Наверное, рассказы Романа о знаменитостях прежних лет ввели его в депрессию», — подумала Розмари, — ведь его карьера еще далека от карьеры Генри Ирвинга и Форбса... как его там. Если он снова пойдет к Роману слушать его воспоминания, то это будет настоящим мазохизмом.

Она взяла его за руку и попросила не волноваться.

“About what?”

“About anything.”

“All right,” he said, “I won’t.”

“You’re the greatest,” she said. “You know? You are. And it’s all going to come out right. You’re going to have to learn karate to get rid of the photographers.”

He smiled in the glow of his cigarette.

“Any day now,” she said. “Something big. Something worthy of you.”

“I know,” he said. “Go to sleep, honey.”

“Okay. Watch the cigarette.”

“I will.”

“Wake me if you can’t sleep.”

“Sure.”

“I love you.”

“I love you, Ro.”

A day or two later Guy brought home a pair of tickets for the Saturday night performance of *The Fantasticks*, given to him, he explained, by Dominick, his vocal coach. Guy had seen the show years before when it first opened; Rosemary had always been meaning to see it.

“Go with Hutch,” Guy said; “it’ll give me a chance to work on the *Wait Until Dark* scene.”

Hutch had seen it too, though, so Rosemary went with Joan Jellico, who confided during dinner at the *Bijou* that she and Dick were separating, no longer having anything in common except their address. The news upset Rosemary. For days Guy had been distant and preoccupied, wrapped in something he would neither put aside nor share. Had Joan and Dick’s estrangement begun in the same way? She grew angry at Joan, who was wearing too much make-up and applauding too loudly in the small theater. No wonder she and Dick could find nothing in common; she was loud and vulgar, he was reserved, sensitive; they should never have married in the first place.

When Rosemary came home Guy was coming out of the shower, more vivacious and there than he had been all week. Rosemary’s spirits leaped. The show had been even better than she expected, she told him, and bad news, Joan and Dick were separating.

“They really were birds of completely different feathers though, weren’t they? How had the *Wait Until Dark* scene gone? Great. He had it down cold.”

“Damn that tannis root,” Rosemary said. The whole bedroom smelled of it. The bitter prickly odor had even found its way into the bathroom. She got a piece of aluminum foil from the kitchen and wound the charm in a tight triple wrapping, twisting the ends to seal them.

“It’ll probably lose its strength in a few days,” Guy said.

“It better,” Rosemary said, spraying the air with a deodorant bomb. “If it doesn’t, I’m going to throw it away and tell Minnie I lost it.”

They made love — Guy was wild and driving — and later, through the wall, Rosemary heard a party in progress at Minnie and Roman’s; the same flat unmusical singing she had heard the last time, almost like religious chanting, and the same flute or clarinet weaving in and around and underneath it.

Guy kept his keyed-up vivacity all through Sunday, building shelves and shoe racks in the bedroom closets and inviting a bunch of Luther people over for *Moo Goo Gai Woodhouse*; and

— О чем?

— Обо всем.

— Ладно, — согласился Ги. — Не буду.

— Ты у меня самый великий. Ты об этом знаешь? И все у тебя будет хорошо. Тебе еще придется выучиться каратэ, чтобы отделяться от назойливых фотографов.

Он улыбнулся в тусклом свете сигареты.

— Это может произойти в любую минуту, — продолжала она. — Что-то грандиозное. Что-то достойное тебя.

— Я знаю. Спи, дорогая.

— Ладно. Осторожней с сигаретой.

— Хорошо.

— Разбуди меня, если не сможешь заснуть.

— Обязательно.

— Я тебя люблю.

— Я тоже люблю тебя, Ро.

Через пару дней Ги принес два билета на субботний вечерний спектакль «*Фантастике*», которые ему дал его наставник по вокалу Доминик. Ги уже, видел это представление, когда оно было показано впервые несколько лет назад, но Розмари всегда мечтала посмотреть его.

— Пойди с Хатчем, — сказал Ги, — а я поработаю над сценой из «*Дождись темноты*».

Хатч тоже видел спектакль, поэтому Розмари пошла с Джоан Джеллико, которая за обедом в ресторанчике созналась, что расхочется с Диком и у них теперь нет ничего общего, кроме адреса. Эта новость расстроила Розмари. Уже несколько дней Ги был чем-то занят, он казался далеким и озабоченным и не делился своими мыслями с ней. Может быть, у Дика с Джоан тоже так все начиналось? Она рассердилась на Джоан за то, что на ней было слишком много косметики и она очень громко аплодировала в таком маленьком театре. Не удивительно, что они разошлись с Диком: она была шумная и вульгарная, а он тихий и сдержанный — им не стоило торопиться со свадьбой.

Когда Розмари пришла домой, Ги как раз выходил из ванной после душа. Он был какой-то возбужденный и таким оставался всю неделю. Разные чувства овладевали Розмари. Спектакль был хороший — даже лучше, чем она ожидала, но были и плохие новости — Джоан и Дик разошлись.

— Ведь они совершенно разные люди, — сказала Розмари. — Правда? Потом она поинтересовалась, как прошла репетиция сцены из «*Дождись темноты*».

— Проклятый таннисовый корень! — возмущалась Розмари. — Вся спальня им пропахла. — Горький запах каким-то образом проник даже в ванную. Она взяла в кухне кусок фольги и тройным слоем обмотала ею несчастный талисман.

— Может быть, через несколько дней запах исчезнет, — предположил Ги.

— Хорошо бы, — ответила Розмари, опрыскивая комнату освежителем воздуха. — А если нет, то я его выброшу, а Минни скажу, что потеряла.

Они занялись любовью — Ги был очень возбужден и агрессивен, — потом через стенку услышали, что у Минни и Романа снова гости: то же монотонное пение, что и раньше, как будто они хором читали молитвы, и те же звуки флейты или кларнета, переплетающиеся с голосами.

Ги оставался в приподнятом настроении все воскресенье: он мастерил полки и подставки для обуви в шкафах, а в понедельник красил их и испачкал скамеечку, которую Розма-

on Monday he painted the shelves and shoe racks and stained a bench Rosemary had found in a thrift shop, canceling his session with Dominick and keeping his ear stretched for the phone, which he caught every time before the first ring was finished. At three in the afternoon it rang again, and Rosemary, trying out a different arrangement of the living room chairs, heard him say,

“Oh God, no. Oh, the poor guy.”

She went to the bedroom door.

“Oh God,” Guy said.

He was sitting on the bed, the phone in one hand and a can of Red Devil paint remover in the other. He didn't look at her.

“And they don't have any idea what's causing it?” he said. “My God, that's awful, just awful.” He listened, and straightened as he sat. “Yes, I am,” he said. And then, “Yes, I would. I'd hate to get it this way, but I—” He listened again. “Well, you'd have to speak to Allan about that end of it,” he said — Allan Stone, his agent “but I'm sure there won't be any problem, Mr. Weiss, not as far as we're concerned.”

He had it. The Something Big. Rosemary held her breath, waiting.

“Thank you, Mr. Weiss,” Guy said. “And will you let me know if there's any news? Thanks.”

He hung up and shut his eyes. He sat motionless, his hand staying on the phone. He was pale and dummylike, a Pop Art wax statue with real clothes and props, real phone, real can of paint remover.

“Guy?” Rosemary said.

He opened his eyes and looked at her.

“What is it?” she asked.

He blinked and came alive.

“Donald Baumgart,” he said. “He's gone blind. He woke up yesterday and-he can't see.”

“Oh no,” Rosemary said.

“He tried to hang himself this morning. He's in Bellevue now, under sedation.”

They looked painfully at each other.

“I've got the part,” Guy said. “It's a hell of a way to get it.”

He looked at the paint remover in his hand and put it on the night table.

“Listen,” he said, “I've got to get out and walk around.” He stood up. “I'm sorry. I've got to get outside and absorb this.”

“I understand, go ahead,” Rosemary said, standing back from the doorway.

He went as he was, down the hall and out the door, letting it swing closed after him with its own soft slam.

She went into the living room, thinking of poor Donald Baumgart and lucky Guy; lucky she-and-Guy, with the good part that would get attention even if the show folded, would lead to other parts, to movies maybe, to a house in Los Angeles, a spice garden, three children two years apart. Poor Donald Baumgart with his clumsy name that he didn't change. He must have been good, to have won out over Guy, and there he was in Bellevue, blind and wanting to kill himself, under sedation.

приобрела в магазине совсем недавно. Он отменил занятия с Домиником и внимательно поглядывал на телефон, каждый раз хватая трубку, как только раздавался первый звонок. В три часа дня телефон зазвонил снова, и Розмари, переставляя стулья в гостиной, услышала голос мужа:

— Боже мой, невероятно. Бедняга!

Она тихонечко подошла к двери спальни.

— Бог мой... — повторял Ги.

Он сидел на кровати, держа в одной руке трубку, а в другой — пятновыводитель «Красный дьявол». Он даже не взглянул на нее.

— И никто не знает, отчего это произошло? — продолжал он. — Боже мой, как это ужасно. Просто кошмар... — Он выпрямился. — Да. Да, смогу. Я бы не хотел, чтобы она досталась мне таким образом, но я... — Он снова замолчал. — Об этом вам надо будет переговорить с Алланом. Аллан Стоун — это его агент, но я уверен, что никаких затруднений не будет, мистер Вайсе, во всяком случае, что касается меня.

Наконец-то. Его минута настала. Розмари ждала затаив дыхание.

— Спасибо, мистер Вайсе, — говорил Ги. — И пожалуйста, сообщите мне, если что-нибудь узнаете. Еще раз спасибо.

Он повесил трубку и, закрыв глаза, некоторое время сидел неподвижно. Он был бледен, лицо застыло — просто восковая фигура в одежде, с настоящим телефоном и с настоящей банкой пятновыводителя.

— Ги! — окликнула Розмари.

Он открыл глаза и посмотрел на нее.

— Что случилось? — спросила она.

Он заморгал и ожил.

— Дональд Бомгарт, — произнес Ги. — Он ослеп. Он проснулся вчера и... и он больше ничего не видит.

— Не может быть, — ахнула Розмари.

— Сегодня утром он пытался повеситься. Сейчас он в больнице, ему дали сильную дозу успокоительного.

Они с болью смотрели друг на друга.

— Роль передали мне, — продолжал Ги. — Конечно, очень неприятно получать ее таким образом...

Он перевел взгляд на банку с пятновыводителем, которую все еще держал в руке, и поставил ее на тумбочку.

— Послушай-ка, пожалуйста, мне надо прогуляться. — Он встал. — Извини, но я должен это переварить.

— Конечно, я понимаю. — Розмари посторонилась.

Ги встал и пошел к двери, не переодеваясь, открыл ее и не стал придерживать: дверь громко захлопнулась за ним.

Розмари ушла в гостиную, думая о бедном Дональде Бомгарте и счастливом Ги; нет — о счастливых Розмари и Ги, о роли, которая не останется незамеченной, даже если весь спектакль и окажется неудачным, о том, что после такой роли обязательно предложат еще одну, может быть, в кино, и у них будет дом в Лос Анджелесе, сад с травами и трое детей с разницей в два года... Бедный Дональд Бомгарт со своим нелепым именем, которое он так и не поменял... Наверное, он хороший актер, если сначала для роли выбрали его, а не Ги, но теперь он лежал в больнице под сильной дозой успокоительного — слепой, пытавшийся по-

Kneeling on a window seat, Rosemary looked out the side of its bay and watched the house's entrance far below, waiting to see Guy come out. When would rehearsals begin? she wondered. She would go out of town with him, of course; what fun it would be! Boston? Philadelphia? Washington would be exciting. She had never been there. While Guy was rehearsing afternoons, she could sightsee and evenings, after the performance, everyone would meet in a restaurant or club to gossip and exchange rumors...

She waited and watched but he didn't come out. He must have used the Fifty-fifth Street door.

Now, when he should have been happy, he was dour and troubled, sitting with nothing moving except his cigarette hand and his eyes. His eyes followed her around the apartment; tensely, as if she were dangerous.

"What's wrong?" she asked a dozen times.

"Nothing," he said. "Don't you have your sculpture class today?"

"I haven't gone in two months."

"Why don't you go?"

She went; tore away old plasticine, reset the armature, and began anew, doing a new model among new students. "Where've you been?" the instructor asked. He had eyeglasses and an Adam's apple and made miniatures of her torso without watching his hands.

"In Zanzibar," she said.

"Zanzibar is no more," he said, smiling nervously. "It's Tanzania."

One afternoon she went down to Macy's and Gimbels, and when she came home there were roses in the kitchen, roses in the living room, and Guy coming out of the bedroom with one rose and a forgive me smile, like a reading he had once done for her of *Chance Wayne in Sweet Bird*.

"I've been a living turd," he said. "It's from sitting around hoping that Baumgart won't regain his sight, which is what I've been doing, rat that I am."

"That's natural," she said. "You're bound to feel two ways about—"

"Listen," he said, pushing the rose to her nose, "even if this thing falls through, even if I'm Charley Cresta Blanca for the rest of my days, I'm going to stop giving you the short end of the stick."

"You haven't—"

"Yes I have. I've been so busy tearing my hair out over my career that I haven't given Thought One to yours. Let's have a baby, okay? Let's have three, one at a time."

She looked at him.

"A baby," he said. "You know. Goo, goo? Diapers? Waa, waa?"

"Do you mean it?" she asked.

"Sure I mean it," he said. "I even figured out the right time to start. Next Monday and Tuesday. Red circles on the calendar, please."

"You really mean it, Guy?" she asked, tears in her eyes.

"No, I'm kidding," he said. "Sure I mean it. Look, Rosemary, for God's sake don't cry, all right? Please. It's going to

кончить с собой.

Присев на подоконник, Розмари наблюдала за дверью подъезда, ожидая, когда появится Ги. Интересно, думала она, когда начнутся репетиции? Конечно же, на этот раз она поедет с ним, она давно об этом мечтала Интересно, куда? В Бостон? Или в Филадельфию? Хорошо бы — в Вашингтон. Она там никогда не была. Пока днем Ги будет репетировать, она бы осматривала достопримечательности, а по вечерам, после работы, все встречались бы в ресторане или в клубе, чтобы посплетничать и обменяться последними новостями...

Она продолжала смотреть на подъезд, но Ги так и не появился. Наверное, вышел через черный ход.

Теперь, когда он должен был чувствовать себя счастливым, он, наоборот, выглядел мрачным и встревоженным. Подолгу сидел, не двигаясь, и много курил. Иногда он начинал следить за каждым ее движением, будто в ней таилась какая-то опасность.

— Что с тобой? — постоянно спрашивала Розмари.

— Ничего, — отвечал он. — Разве ты сегодня не идешь на занятия по скульптуре?

— Я уже два месяца не ходила.

— Почему ты бросила?

Она пошла на занятия, отлепила старый пластилин, переделала каркас и начала заново, новую работу среди новых учеников. — Где вы пропадали? — поинтересовался преподаватель. Он носил роговые очки, имел огромный кадык и, несмотря на свои громадные мускулистые руки, лепил крошечные изящные фигурки.

— В Занзибаре, — пошутила Розмари.

— Занзибара больше нет, — сказал он, нервно улыбаясь. — Теперь он называется Танзания.

Однажды Розмари долго ходила по магазинам, а когда вернулась, то увидела букет роз на кухне, еще один в гостиной, а из спальни вышел Ги с розой в руке, виновато улыбаясь, как будто репетировал сцену из какого-то нового спектакля.

— Я просто настоящее дерьмо. Это все из-за того, что я переживал: а вдруг к Бомгарту вернется зрение? И больше меня ничего не интересовало вокруг.

— Это понятно, — ответила Розмари. — Ты должен чувствовать себя ужасно при таких обстоятельствах.

— Послушай, — перебил он и вручил ей розу. — Даже если все это провалится, даже если я до конца своих дней буду рекламировать вина, я больше никогда не буду вести себя так по отношению к тебе.

— Но ты совсем...

— Я все понял. Я был так озабочен своей карьерой, что Мысль Номер Один была не о тебе. Давай заведем ребенка, ладно? Или троих, одного за другим.

Она удивленно посмотрела на него.

— Ну, малыша, понимаешь. Агу агу... Пеленки всякие там. Уа уа!..

— Ты это серьезно? — спросила Розмари.

— Конечно, серьезно. Я даже рассчитал, когда лучше этим заняться — в следующий понедельник и вторник. На календаре эти дни отмечены красными кружочками.

— Ты что, на самом деле хочешь этого, Ги? — переспросила Розмари, и в глазах ее заблестели слезы.

— Нет, я так шучу! Конечно, я говорю серьезно. Но только не надо плакать, Розмари, хорошо? Пожалуйста. Я

upset me very much if you cry, so stop right now, all right?"

"All right," she said. "I won't cry."

"I really went rose-nutty, didn't I?" he said, looking around brightly. "There's a bunch in the bedroom too."

Chapter 8

She went to upper Broadway for swordfish steaks and across town to Lexington Avenue for cheeses; not because she couldn't get swordfish steaks and cheeses right there in the neighborhood but simply because on that snappy bright-blue morning she wanted to be all over the city, walking briskly with her coat flying, drawing second glances for her prettiness, impressing tough clerks with the precision and know-how of her orders. It was Monday, October 4th, the day of Pope Paul's visit to the city, and the sharing of the event made people more open and communicative than they ordinarily were; How nice it is, Rosemary thought, that the whole city is happy on a day when I'm so happy.

She followed the Pope's rounds on television during the afternoon, moving the set out from the wall of the den (soon nursery) and turning it so she could watch from the kitchen while readying the fish and vegetables and salad greens. His speech at the UN moved her, and she was sure it would help ease the Vietnam situation. "War never again," he said; wouldn't his words give pause to even the most hard-headed statesman?

At four-thirty, while she was setting the table before the fireplace, the telephone rang.

"Rosemary? How are you?"

"Fine," she said. "How are you?"

It was Margaret, the older of her two sisters.

"Fine," Margaret said.

"Where are you?"

"In Omaha."

They had never got on well. Margaret had been a sullen, resentful girl, too often used by their mother as the caretaker of the younger children. To be called by her like this was strange; strange and frightening.

"Is everyone all right?" Rosemary asked. Someone's dead, she thought. Who? Ma? Pa? Brian?

"Yes, everyone's fine."

"They are?"

"Yes. Are you?"

"Yes; I said I was."

"I've had the funniest feeling all day long, Rosemary. That something happened to you. Like an accident or something. That you were hurt. Maybe in the hospital."

"Well, I'm not," Rosemary said, and laughed. "I'm fine. Really I am."

"It was such a strong feeling," Margaret said. "I was sure something had happened. Finally Gene said why don't I call you and find out."

"How is he?"

"Fine."

"And the children?"

очень расстроюсь, если ты будешь плакать, поэтому прекращай это сейчас же, ладно?

— Хорошо, я не буду.

— Я, наверное, помешался с этими розами, да? — Он радостно оглянулся. — Там в спальне ждет еще один огромный букет.

Глава 8

Розмари пошла на Бродвей за рыбными котлетками и на Лексингтон авеню купить сыра — не потому, что его не было в магазине поблизости, а просто оттого, что утро было свежее и прозрачно голубое, и ей захотелось побродить по городу. Пальто развевалось, и утренние прохожие восхищенно поглядывали на нее, а спешащие на работу служащие замечали ее неторопливость и немного завидовали. Был понедельник, четвертое октября, в этот день приезжал Папа Римский, и люди становились от этого более благожелательными и общительными, чем в обычные дни. «Как здорово, — думала Розмари. — Все люди счастливы в тот самый день, когда счастлива я сама».

Днем она посмотрела выступление Папы по телевизору, который выдвинула из ниши и повернула так, чтобы было удобно одновременно смотреть передачи и готовить на кухне рыбу с овощами и салат. Речь Папы в ООН тронула Розмари, и теперь она была совершенно уверена, что положение во Вьетнаме наконец изменится. «Нет войны», — говорил он. Неужели эти слова не дойдут даже до самых твердолобых политиков.

В половине пятого, когда она уже накрывала на стол перед камином, зазвонил телефон.

— Розмари? Как поживаешь?

— Хорошо, — ответила она. — А ты как?

Звонила Маргарита, самая старшая из сестер.

— Тоже хорошо.

— Ты где?

— В Омахе.

Они никогда не ладили между собой. Маргарита была тихой, сдержанной девушкой. Ей часто приходилось помогать матери сидеть с малышами. Поэтому ее звонок был неожиданным, странным истораживающим.

— Все здоровы? — осторожно спросила Розмари. «Наверное, кто-нибудь умер, — подумала она. — Но кто — мама? Папа? Брайан?..»

— Да, все здоровы.

— Точно?

— Точно. А ты как?

— Я тоже здорова. У меня все нормально.

— Знаешь, Розмари, у меня сегодня весь день было очень странное чувство. Будто с тобой что-то случилось. Несчастный случай или что-то вроде этого. Короче, что тебе грозит опасность. Возможно — больница.

— Ничего подобного, — рассмеялась Розмари. — Со мной все в порядке.

— Но это было очень сильное чувство, — продолжала Маргарита. — Я была просто уверена, что с тобой что-то случилось. В конце концов Джин сказал, что лучше всего позвонить и узнать.

— А как он поживает?

— Прекрасно.

— А дети?

"Oh, the usual scrapes and scratches, but they're fine too. I've got another one on the way, you know."

"No, I didn't know. That's wonderful. When is it due?"

We'll have one on the way soon too.

"The end of March. How's your husband, Rosemary?"

"He's fine. He's got an important part in a new play that's going into rehearsal soon."

"Say, did you get a good look at the Pope?" Margaret asked. "There must be terrific excitement there."

"There is," Rosemary said. "I've been watching it on television. It's in Omaha too, isn't it?"

"Not live? You didn't go out and see him live?"

"No, I didn't."

"Really?"

"Really."

"Honest to goodness, Rosemary," Margaret said. "Do you know Ma and Pa were going to fly there to see him but they couldn't because there's going to be a strike vote and Pa's seconding the motion? Lots of people did fly, though; the Donovans, and Dot and Sandy Wallingford; and you're right there, living there, and didn't go out and see him?"

"Religion doesn't mean as much to me now as it did back home," Rosemary said.

"Well," Margaret said, "I guess that's inevitable," and Rosemary heard, unspoken, when you're married to a Protestant.

She said, "It was nice of you to call, Margaret. There's nothing for you to worry about. I've never been healthier or happier."

"It was such a strong feeling," Margaret said. "From the minute I woke up. I'm so used to taking care of you little brats..."

"Give my love to everyone, will you? And tell Brian to answer my letter."

"I will. Rosemary—"

"Yes?"

"I still have the feeling. Stay home tonight, will you?"

"That's just what we're planning to do," Rosemary said, looking over at the partially set table.

"Good," Margaret said. "Take care of yourself."

"I will," Rosemary said. "You too, Margaret."

"I will. Good-by."

"Good-by."

She went back to setting the table, feeling pleasantly sad and nostalgic for Margaret and Brian and the other kids, for Omaha and the irretrievable past.

With the table set, she bathed; then powdered and perfumed herself, did her eyes and lips and hair, and put on a pair of burgundy silk lounging pajamas that Guy had given her the previous Christmas.

He came home late, after six.

"Mmm," he said, kissing her, "you look good enough to eat. Shall we? Damn!"

"What?"

"I forgot the pie."

— Ну, как обычно — синяки и царапины, а в остальном все нормально. Да, кстати, у меня скоро будет еще один.

— А я и не знала. Как здорово! А когда?

«У нас тоже скоро будет», — подумала Розмари.

— В конце марта. А как твой муж, Розмари?

— Все хорошо. Он получил большую роль в спектакле и скоро начнет репетировать.

— Послушай, а ты видела Папу? — спросила вдруг Маргарита. — Наверное, у вас там все с ума сойдут?

— Это уж точно... Я его смотрела по телевизору. В Омахе ведь тоже показывают?

— Как, ты даже не пошла на него посмотреть?

— Нет.

— Правда?

— Правда.

— Боже мой! Да ты знаешь, что отец с матерью хотели даже лететь в Нью Йорк, чтобы увидеть его, и не смогли только из-за этой проклятой забастовки. Но некоторым все-таки удалось: Донованы уехали, Дот и Сэнди Валлингфорд... А ты там живешь, и не пошла на него посмотреть?

— Религия для меня теперь значит намного меньше, чем раньше.

— Я так и знала, — горько вздохнула Маргарита. — Это было неизбежно. И Розмари поняла, что про себя Маргарита сейчас думает: «Ты ведь вышла замуж за протестанта».

— Спасибо, что позвонила, — попыталась закончить разговор Розмари. — Но тебе не стоит за меня волноваться. Я еще никогда не чувствовала себя такой здоровой и счастливой.

— Но это было очень сильное чувство, — ответила Маргарита. — С той самой минуты, как я сегодня проснулась. Ведь я привыкла о вас, малышах, заботиться...

— Ну спасибо. Передавай всем привет и скажи Брайану, чтобы ответил на мое письмо.

— Обязательно. Розмари...

— Да?

— Меня это чувство все-таки не покидает. Побудь сегодня вечером дома, ладно?

— Мы как раз и собирались это сделать, — заверила Розмари, поглядывая на стол, который был уже наполовину накрыт.

— Ну и хорошо. Береги себя.

— Ладно. И ты тоже, Маргарита.

— Обязательно. До свидания.

— Пока.

Розмари снова занялась сервировкой стола и вдруг почувствовала приступ ностальгии. Ей вспомнилась и Маргарита, и другие родственники, и Омаха, и безвозвратно ушедшее прошлое.

Когда стол был накрыт, Розмари приняла ванну, напудрилась, надушилась, подкрасила глаза и губы, сделала прическу и надела красную пижаму, которую ей подарил Ги на прошлое Рождество.

Он пришел домой сравнительно поздно, уже после шести вечера.

— М-м-м! — сладко промычал Ги, целуя ее. — Ты так аппетитно выглядишь. — Вдруг он нахмурился. — Вот черт!

— В чем дело?

— Я совсем забыл про пирог.

He had told her not to make a dessert; he would bring home his absolute all-time favorite, a Horn and Hardart pumpkin pie.

"I could kick myself," he said. "I passed two of those damn retail stores; not one but two."

"It's all right," Rosemary said. "We can have fruit and cheese. That's the best dessert anyway, really."

"It is not; Horn and Hardart pumpkin pie is."

He went in to wash up and she put a tray of stuffed mushrooms into the oven and mixed the salad dressing. In a few minutes Guy came to the kitchen door, buttoning the collar of a blue velour shirt. He was bright-eyed and a bit on edge, the way he had been the first time they slept together, when he knew it was going to happen. It pleased Rosemary to see him that way.

"Your pal the Pope really loused up traffic today," he said.

"Did you see any of the television?" she asked. "They've had fantastic coverage."

"I got a glimpse up at Allan's," he said. "Glasses in the freezer?"

"Yes. He made a wonderful speech at the UN. 'War never again,' he told them."

"Rotsa ruck. Hey, those look good."

They had Gibsons and the stuffed mushrooms in the living room. Guy put crumpled newspaper and sticks of kindling on the fireplace grate, and two big chunks of cannel coal.

"Here goes nothing," he said, and struck a match and lit the paper. It flamed high and caught the kindling. Dark smoke began spilling out over the front of the mantel and up toward the ceiling.

"Good grief," Guy said, and groped inside the fireplace.

"The paint, the paint!" Rosemary cried.

He got the flue opened; and the air conditioner, set at exhaust, drew out the smoke.

"Nobody, but nobody, has a fire tonight," Guy said.

Rosemary, kneeling with her drink and staring into the spitting flamewrapped coals, said,

"Isn't it gorgeous? I hope we have the coldest winter in eighty years."

Guy put on Ella Fitzgerald singing Cole Porter. They were halfway through the swordfish when the doorbell rang.

"Shit," Guy said.

He got up, tossed down his napkin, and went to answer it. Rosemary cocked her head and listened.

The door opened and Minnie said, "Hi, Guy!" and more that was unintelligible. Oh, no, Rosemary thought. Don't let her in, Guy. Not now, not tonight.

Guy spoke, and then Minnie again: ". . . extra. We don't need them." Guy again and Minnie again. Rosemary eased out held-in breath; it didn't sound as if she was coming in, thank God.

The door closed and was chained (Good!) and bolted (Good!). Rosemary watched and waited, and Guy sidled into the archway, smiling smugly, with both hands behind his back.

"Who says there's nothing to ESP?" he said, and coming toward the table brought forth his hands with two white custard cups sitting one on each palm. "Madame and Monsieur shall

Ги просил ее не готовить десерт, он хотел принести домой свой любимый тыквенный пирог.

— Я готов себя расстрелять. Я прошел мимо двух магазинов, но так и не вспомнил про пирог; ладно бы мимо одного, а то — двух!

— Все в порядке, — успокоила его Розмари. — Будем есть фрукты и сыр. Это самый лучший десерт.

— Неправда, тыквенный пирог лучше.

Ги пошел мыть руки, а она поставила в духовку фаршированную рыбу и заправила салат. Через несколько минут Ги появился в дверях кухни, застегивая воротничок синей велюровой рубашки. Он улыбался и был слегка заведен, как в первую брачную ночь. Розмари нравилось видеть его таким.

— Твой друг Папа Римский сегодня весь транспорт остановил, — сообщил он. — Никуда не проехать.

— Ты его видел по телевизору? Просто потрясающе!

— Чуть чуть посмотрел у Аллана. Стаканы в морозилке?

— Да. Он выступил с прекрасной речью в ООН. Против войны.

— Чепуха. А напитки мне нравятся.

Они пили в гостиной джин и закусывали грибами. Ги положил в камин скомканную газету и несколько лучин, а потом еще два брикета кеннелевого угля.

— Наверное, ничего не выйдет, — сказал он, зажег спичку и поднес к бумаге, которая сразу же вспыхнула, а от нее занялись и лучины. Густой дым клубами повалил к потолку.

— Черт побери! — Ги вскочил и бросился к камину.

— Осторожно, краска! — крикнула Розмари.

Он открыл задвижку трубы и включил кондиционер, который сразу же начал выгонять из комнаты дым.

— Ни у кого сегодня нет такого очага, — самодовольно заметил Ги.

Розмари со стаканом в руке присела на корточки и заглянула в камин на пылающие угли.

— Как здорово! Надеюсь, что зима в этом году будет суrowая.

Они поставили пластинку Эллы Фитцджеральд, Но как только супруги приступили к рыбным котлетам, в дверь кто-то позвонил.

— Вот зараза! — выругался Ги.

Он поднялся, положил салфетку на стол и отправился открывать. Розмари наклонила голову и прислушалась.

Послышался голос Минни: «Привет, Ги!», а потом что-то неразборчивое. «Только не это, — подумала Розмари. — Не впускай ее, Ги, только не сегодня вечером!»

Ги что-то ответил, потом опять заговорила Минни. Розмари успела услышать: «...лишние. Мы их есть не будем». Снова тихий голос Ги, потом опять Минни. Розмари облегченно вздохнула. Было похоже, что Минни не останется. Слава Богу!

Дверь захлопнулась, Ги закрыл ее и на цепочку (отлично), и на засов (прекрасно!). Розмари выжидающе смотрела в коридор, и вот появился Ги с довольной улыбкой. Обе руки он держал за спиной.

— Кто утверждал, что телепатии не существует? — загадочно произнес он, подошел к столу и выставил на него два стакана с какой-то кремовой смесью. — У мадам и

have ze dessairt after all,” he said, setting one cup by Rosemary’s wineglass and the other by his own. “Mousse au chocolat,” he said, ‘or chocolate mouse’ as Minnie calls it. Of course with her it could be chocolate mouse, so eat with care.”

Rosemary laughed happily.

“That’s wonderful,” she said. “It’s what I was going to make.”

“See?” Guy said, sitting. “ESP.” He replaced his napkin and poured more wine.

“I was afraid she was going to come charging in and stay all evening,” Rosemary said, forking up carrots.

“No,” Guy said, “she just wanted us to try her chocolate mouse, seem’ as how it’s one of her speci-al-ities.”

“It looks good.”

“It does, doesn’t it.”

The cups were filled with peaked swirls of chocolate. Guy’s was topped with a sprinkling of chopped nuts, and Rosemary’s with a half walnut.

“It’s sweet of her, really,” Rosemary said. “We shouldn’t make fun of her.”

“You’re right,” Guy said, “you’re right.”

The mousse was excellent, but it had a chalky undertaste that reminded Rosemary of blackboards and grade school. Guy tried but could find no “undertaste” at all, chalky or otherwise. Rosemary put her spoon down after two swallows.

Guy said, “Aren’t you going to finish it? That’s silly, honey; there’s no ‘undertaste.’”

Rosemary said there was.

“Come on,” Guy said, “the old bat slaved all day over a hot stove; eat it.”

“But I don’t like it,” Rosemary said.

“It’s delicious.”

“You can have mine.”

Guy scowled.

“All right, don’t eat it,” he said; “you don’t wear the charm she gave you, you might as well not eat her dessert too.”

Confused, Rosemary said, “What does one thing have to do with the other?”

“They’re both examples of—well, unkindness, that’s all.” Guy said. “Two minutes ago you said we should stop making fun of her. That’s a form of making fun too, accepting something and then not using it.”

“Oh—” Rosemary picked up her spoon. “If it’s going to turn into a big scene—” she took a full spoonful of the mousse and thrust it into her mouth.

“It isn’t going to turn into a big scene,” Guy said. “Look, if you really can’t stand it, don’t eat it.”

“Delicious,” Rosemary said, full-mouthed and taking another spoonful, “no undertaste at all. Turn the records over.”

Guy got up and went to the record player. Rosemary doubled her napkin in her lap and plopped two spoonfuls of the mousse into it, and another half-spoonful for good measure. She folded the napkin closed and then showily scraped clean the inside of the cup and swallowed down the scrapings as Guy came back to the table.

“There, Daddy,” she said, tilting the cup toward him. “Do I

месье десерт сегодня все-таки будет. — Он поставил один стакан возле Розмари, а другой пододвинул к себе. — Шоколадный мусс, вернее «шоколадный му-ш-ш-ш», как произнесла это Минни. Почти что «мышь». Правда, у нее вполне мог получиться и «шоколадный мышь», так что ешь осторожно.

Розмари рассмеялась.

— Вот и отлично! Я именно такой и хотела приготовить.

— Вот видишь? Это телепатия. — Он постелил на колени салфетку и подлил ей и себе вина.

— Я так боялась, что она опять тебя заговорит и останется у нас на весь вечер, — созналась Розмари, нанизывая на вилку кусочки моркови.

— Нет, она просто хотела, чтобы мы попробовали «шоколадного мышья» — это ее фирменное блюдо.

— А что, выглядит неплохо!

— В самом деле.

Сверху мусс был посыпан шоколадной крошкой. В стакане Ги кроме этого лежал дробленый арахис, а у Розмари — половинка грецкого ореха.

— Это очень мило с ее стороны, — сказала Розмари. — Не надо над ней смеяться.

— Конечно, — отозвался Ги, — конечно.

Мусс оказался великолепным, несмотря на легкий привкус мела, который сразу же напомнил Розмари школу и классную доску. Ги, правда, не заметил никакого привкуса. Розмари пару раз зачерпнула ложкой и отстранила стакан.

— Больше не будешь? — спросил Ги. — Ну и глупо. Я ничего странного не чувствую.

Но Розмари упрямылась.

— Да брось ты, — продолжал Ги. — Старушка старалась, жарилась весь день у плиты. Доешь. Что ты, очень вкусно!

— Тогда можешь съесть и мой.

Ги нахмурился.

— Ну не ешь. Раз ты не носишь амулет, который она тебе подарила, можешь и мусс не есть. Розмари смутилась.

— А какая здесь связь?

— Просто и то и другое — примеры... ну, твоего недоброго отношения к ней, вот и все. Ведь только минуту назад ты сказала, что не надо над ней смеяться. А сама смеешься — принимаешь подарки и не используешь их как надо.

— Ох ты! — Розмари снова взялась за ложку. — Я и не знала, что ты из-за какого-то пустяка можешь раздуть такое. — Она демонстративно зачерпнула побольше мусса и сунула ложку в рот.

— Объедение, — сказала она с набитым ртом и зачерпнула еще. — И никакого привкуса! Переставь пластинку.

Ги встал и пошел к проигрывателю. Розмари сложила салфетку вдвое и швырнула туда две полных ложки мусса, а потом еще одну для ровного счета. Потом аккуратно свернула из салфетки кулек, и когда Ги вернулся, уже старательно выскабливала ложкой остатки мусса со дна стакана.

— Ну вот, папочка, — она протянула ему пустой стакан.

get a gold star on my chart?"

"Two of them," he said. "I'm sorry if I was stuffy."

"You were."

"I'm sorry." He smiled.

Rosemary melted.

"You're forgiven," she said. "It's nice that you're considerate of old ladies. It means you'll be considerate of me when I'm one."

They had coffee and creme de menthe.

"Margaret called this afternoon," Rosemary said.

"Margaret?"

"My sister."

"Oh. Everything okay?"

"Yes. She was afraid something had happened to me. She had a feeling."

"Oh?"

"We're to stay home tonight."

"Drat. And I made a reservation at Nedick's. In the Orange Room."

"You'll have to cancel it."

"How come you turned out sane when the rest of your family is nutty?"

The first wave of dizziness caught Rosemary at the kitchen sink as she scraped the uneaten mousse from her napkin into the drain. She swayed for a moment, then blinked and frowned. Guy, in the den, said,

"He isn't there yet. Christ, what a mob." The Pope at Yankee Stadium.

"I'll be in in a minute," Rosemary said.

Shaking her head to clear it, she rolled the napkins up inside the tablecloth and put the bundle aside for the hamper. She put the stopper in the drain, turned on the hot water, squeezed in some Joy, and began loading in the dishes and pans. She would do them in the morning, let them soak overnight.

The second wave came as she was hanging up the dish towel. It lasted longer, and this time the room turned slowly around and her legs almost slued out from under her. She hung on to the edge of the sink.

When it was over she said "Oh boy," and added up two Gibsons, two glasses of wine (or had it been three?), and one creme de menthe. No wonder.

She made it to the doorway of the den and kept her footing through the next wave by holding on to the knob with one hand and the jamb with the other.

"What is it?" Guy asked, standing up anxiously.

"Dizzy," she said, and smiled.

He snapped off the TV and came to her, took her arm and held her surely around the waist.

"No wonder," he said. "All that booze. You probably had an empty stomach, too."

He helped her toward the bedroom and, when her legs buckled, caught her up and carried her. He put her down on the bed and sat beside her, taking her hand and stroking her forehead sympathetically. She closed her eyes. The bed was a raft that floated on gentle ripples, tilting and swaying pleasantly.

"Nice," she said.

"Sleep is what you need," Guy said, stroking her forehead. "A good night's sleep."

— Я все съела. Мне за это приз полагается?

— Даже два. Извини, если я тебя обидел.

— Немножко.

— Ну, извини.

Розмари растаяла.

— Ты прощен. Это даже хорошо, что ты так заботишься о старушках. Значит, будешь заботиться и обо мне, когда я стану такой же.

Потом они пили кофе с мятным ликером.

— Мне сегодня звонила Маргарита, — сообщила Розмари.

— Маргарита?

— Это моя сестра.

— А-а. Все в порядке?

— Да. Она подумала, что со мной что-то случилось. У нее было такое чувство, будто у нас что-то стряслось.

— Правда?

— Так что сегодня посидим дома.

— Черт! А я заказал столик «У Недика». В оранжевом зале.

— Придется отменить.

— Как же это получилось, что ты единственная нормальная в семье чокнутых? — нежно улыбнулся Ги.

Первая волна головокружения застала Розмари в кухне, когда она вываливала несъеденный мусс в раковину. Она покачнулась, потом заморгала и нахмурилась. Из кабинета послышался голос Ги:

— Его еще нет. Но народу уже тьма. — Они собирались посмотреть по телевизору выступление Папы на стадионе Янки.

— Сейчас приду, — отозвалась Розмари.

Она потрясла головой и сложила салфетки и скатерть в один узелок для стирки. Потом заткнула раковину пробкой, открыла горячую воду, добавила туда шампунь для мытья посуды и начала закладывать тарелки и кастрюли. Помыть все можно будет и утром, пусть пока отмокает.

Второй приступ длился дольше, и начался в тот момент, когда Розмари вешала посудное полотенце. На этот раз вся комната стала вращаться, и у нее чуть не подкосились ноги. Розмари схватилась за край раковины.

Придя в себя, она мысленно стала складывать: стаканчик джина плюс два стакана вина (или три?), плюс рюмка мятного ликера — не удивительно, что началось головокружение.

Она направилась к двери и, вновь почувствовав, что все вокруг поплыло, схватилась одной рукой за дверную ручку, а другой — за косяк.

— Что с тобой? — встревоженно спросил Ги.

— Голова кружится, — ответила Розмари и улыбнулась.

Он выключил телевизор, подошел к ней и крепко взял ее за руку, одновременно поддерживая за талию.

— Ничего странного, — сказал он. — Столько всего выпить. И, наверное, на голодный желудок.

Ги повел ее в спальню и, когда она уже не могла больше идти сама, легко подхватил ее и донес на руках, положил на кровать, а сам сел рядом и осторожно погладил по голове. Розмари закрыла глаза. Кровать показалась ей огромным плотом, мерно покачивающимся на волнах.

— Как хорошо!.. — тихо произнесла она.

— Тебе надо выспаться. Как следует отдохнуть.

"We have to make a baby."

"We will. Tomorrow. There's plenty of time."

"Missing the mass."

"Sleep. Get a good night's sleep. Go on..."

"Just a nap," she said, and was sitting with a drink in her hand on President Kennedy's yacht. It was sunny and breezy, a perfect day for a cruise. The President, studying a large map, gave terse and knowing instructions to a Negro mate.

Guy had taken off the top of her pajamas.

"Why are you taking them off?" she asked.

"To make you more comfortable," he said.

"I'm comfortable."

"Sleep, Ro."

He undid the snaps at her side and slowly drew off the bottoms. Thought she was asleep and didn't know. Now she had nothing on at all except a red bikini, but the other women on the yacht — Jackie Kennedy, Pat Lawford, and Sarah Churchill — were wearing bikinis too, so it was all right, thank goodness. The President was in his Navy uniform. He had completely recovered from the assassination and looked better than ever. Hutch was standing on the dock with armloads of weather-forecasting equipment.

"Isn't Hutch coming with us?" Rosemary asked the President.

"Catholics only," he said, smiling. "I wish we weren't bound by these prejudices, but unfortunately we are."

"But what about Sarah Churchill?" Rosemary asked. She turned to point, but Sarah Churchill was gone and the family was there in her place: Ma, Pa, and everybody, with the husbands, wives, and children. Margaret was pregnant, and so were Jean and Dodie and Ernestine.

Guy was taking off her wedding ring. She wondered why, but was too tired to ask.

"Sleep," she said, and slept.

It was the first time the Sistine Chapel had been opened to the public and she was inspecting the ceiling on a new elevator that carried the visitor through the chapel horizontally, making it possible to see the frescoes exactly as Michelangelo, painting them, had seen them. How glorious they were! She saw God extending his finger to Adam, giving him the divine spark of life; and the underside of a shelf partly covered with gingham contact paper as she was carried backward through the linen closet.

"Easy," Guy said, and another man said,

"You've got her too high."

"Typhoon!" Hutch shouted from the dock amid all his weather-forecasting equipment. "Typhoon! It killed fifty-five people in London and it's heading this way!"

And Rosemary knew he was right. She must warn the President. The ship was heading for disaster.

But the President was gone. Everyone was gone. The deck was infinite and bare, except for, far away, the Negro mate holding the wheel unremittingly on its course.

Rosemary went to him and saw at once that he hated all white people, hated her. "You'd better go down below, Miss,"

— Но сегодня подходящая ночь для ребенка.

— Завтра тоже. Времени у нас много, — успокоил ее Ги.

— И мессу пропускаем... — расстроилась Розмари.

— Спи. Тебе надо хорошенько выспаться. Давай...

— Да, подремлю немножко, — согласилась она и сразу же очутилась на яхте президента Кеннеди со стаканом в руке. Был солнечный день, дул легкий ветерок — отличная погода для морского путешествия. Президент, изучая большую карту, отдавал короткие приказы своему помощнику негру.

Ги начал снимать с нее пижаму.

— Зачем ты меня раздеваешь? — сонно спросила Розмари.

— Чтобы тебе было удобнее.

— Мне и так хорошо.

— Спи, Ро.

Ги расстегнул пуговицы и снял пижамные брюки, решив, что она уже заснула и ничего не чувствует. Теперь на ней оставалось только красное бикини, но и все остальные женщины на яхте — Джеки Кеннеди, Поэт Лофорд и Сара Черчилль — тоже были в бикини, поэтому все, слава Богу, обошлось. Президент был в военной форме. Он тоже полностью оправился после покушения и выглядел теперь отлично. Хатч тоже стоял на палубе и в обеих руках держал множество приборов для предсказания погоды.

— А Хатч поедет с нами? — спросила Розмари у президента.

— Нет, только католики, — ответил он, улыбаясь. — Жаль, конечно, что мы обременены такими предрассудками, но ничего не поделаешь.

— А как же Сара Черчилль? — Розмари повернулась и увидела что Сара Черчилль куда-то исчезла, а на ее месте оказалась вся семья Розмари — мать, отец и все остальные с мужьями, женами и детьми. Маргарита была беременна, и Джин тоже, и Доди, и Эрнестин.

Ги снял с ее пальца обручальное кольцо. Розмари стало интересно, зачем, но она уже очень устала и не было сил спросить.

— Спи, — тихо сказала она и уснула.

Впервые для публики открылась Сикстинская часовня, и теперь она изучала потолок, стоя в новом лифте, который возил посетителей по горизонтали, чтобы они смогли увидеть фрески такими, какими их видел во время работы сам Микеланджело. Какие они были великолепные! Розмари увидела, как Господь протягивает руку к Адаму и дарует ему божественную искру жизни, и тут же перед ее глазами появилась оклеенная полосатой бумагой полка стенового шкафа, в который втаскивал ее Ги.

— Осторожней, — сказал Ги. А кто-то другой добавил:

— Ты ее чересчур напоил.

— Тайфун! — закричал вдруг с палубы Хатч, высунувшись из-за своих приборов. — Тайфун! Он убил уже пятьдесят пять человек в Лондоне и сейчас приближается к нам!

Розмари знала, что Хатч не ошибается. Она должна предупредить президента. Ведь их корабль направляется навстречу верной гибели.

Но президент куда-то исчез. И все остальные тоже. Палуба была пустая и бесконечно длинная. Где-то вдали негр помощник упорно держался за штурвал.

Розмари подошла к нему, но по выражению его лица сразу же поняла, что он ненавидит всех белых, ненавидит и ее.

he said, courteous but hating her, not even waiting to hear the warning she had brought.

Below was a huge ballroom where on one side a church burned fiercely and on the other a black-bearded man stood glaring at her. In the center was a bed. She went to it and lay down, and was suddenly surrounded by naked men and women, ten or a dozen, with Guy among them. They were elderly, the women grotesque and slack-breasted. Minnie and her friend Laura-Louise were there, and Roman in a black miter and a black silk robe. With a thin black wand he was drawing designs on her body, dipping the wand's point in a cup of red held for him by a sun-browned man with a white moustache. The point moved back and forth across her stomach and down ticklingly to the insides of her thighs. The naked people were chanting-flat, unmusical, foreign-tongued syllables — and a flute or clarinet accompanied them.

“She’s awake, she sees!” Guy whispered to Minnie. He was large-eyed, tense.

“She don’t see,” Minnie said. “As long as she ate the mouse she can’t see nor hear. She’s like dead. Now sing.”

Jackie Kennedy came into the ballroom in an exquisite gown of ivory satin embroidered with pearls.

“I’m so sorry to hear you aren’t feeling well,” she said, hurrying to Rosemary’s side.

Rosemary explained about the mouse-bite, minimizing it so Jackie wouldn’t worry.

“You’d better have your legs tied down,” Jackie said, “in case of convulsions.”

“Yes, I suppose so,” Rosemary said. “There’s always a chance it was rabid.” She watched with interest as white-smocked interns tied her legs, and her arms too, to the four bed-posts.

“If the music bothers you,” Jackie said, “let me know and I’ll have it stopped.”

“Oh, no,” Rosemary said. “Please don’t change the program on my account. It doesn’t bother me at all, really it doesn’t.”

Jackie smiled warmly at her.

“Try to sleep,” she said. “We’ll be waiting up on deck.” She withdrew, her satin gown whispering.

Rosemary slept a while, and then Guy came in and began making love to her. He stroked her with both hands — a long, relishing stroke that began at her bound wrists, slid down over her arms, breasts, and loins, and became a voluptuous tickling between her legs. He repeated the exciting stroke again and again, his hands hot and sharp-nailed, and then, when she was ready-ready-more-than-ready, he slipped a hand in under her buttocks, raised them, lodged his hardness against her, and pushed it powerfully in. Bigger he was than always; painfully, wonderfully big. He lay forward upon her, his other arm sliding under her back to hold her, his broad chest crushing her breasts. (He was wearing, because it was to be a costume party, a suit of coarse leathery armor.) Brutally, rhythmically, he drove his new hugeness. She opened her eyes and looked into yellow furnace-eyes, smelled sulphur and tannis root, felt wet breath on her

«Вам лучше спуститься вниз, мадам», — сказал он довольно вежливо, но в то же время не скрывая своей ненависти, и не пожелал даже выслушать ее предупреждения о страшном тайфуне.

Внизу был огромный танцевальный зал. С одной его стороны она увидела объятую пламенем церковь, с другой стоял высокий черноротый мужчина и горящими глазами смотрел на нее. В самом центре зала находилась кровать. Розмари подошла к ней и легла, и сразу же ее окружили обнаженные мужчины и женщины, их было около десяти, и Ги среди них. Все они были пожилые, груди у женщин давно уже сморщились и обвисли. Здесь были также Минни со своей подругой Лаурой Луизой и Роман в черной митре и черном шелковом одеянии. Тонкой черной палочкой он рисовал непонятные узоры на ее теле, время от времени окуная палочку в чашу с липкой красной жидкостью, которую держал загорелый мужчина с белыми усами. Кончик палочки двигался по ее животу, а потом начал щекотать внутреннюю поверхность бедер. Обнаженные люди пели молитвы — нестройно, заунывно, на непонятном ей языке, и их пение сопровождалось звуками флейты или кларнета.

— Она не спит, она все видит! — прошептал Ги, обращаясь к Минни. Он широко раскрыл глаза и напрягся.

— Ничего она не видит, — ответила Минни. — После того, как она съела моего мыша, она больше не видит и не слышит. Она как будто умерла. Пой же.

В зал вошла Джеки Кеннеди в великолепном, расшитом жемчугом, наряде цвета слоновой кости.

— Мне очень жаль, что ты так неважно себя чувствуешь, — сказала она, быстро подходя к Розмари.

Розмари объяснила ей, что ее укусила мышь, стараясь не вдаваться в подробности, чтобы Джеки не волновалась.

— Тебе надо связать ноги, — сказала Джеки. — Вдруг начнутся судороги.

— Да, вы правы, — согласилась Розмари. — Не исключено, что мышь была бешеная. — Она с любопытством наблюдала, как молодые врачи в белых халатах привязывают ее ноги и руки к кровати.

— Если музыка мешает тебе, — сказала Джеки, — то я велю ее выключить.

— О нет, не надо из-за меня менять программу. Мне она совсем не мешает, правда.

Джеки тепло улыбнулась.

— А теперь постарайся заснуть. Мы будем ждать тебя на палубе. — И она удалилась, шелестя своим шелковым нарядом.

Розмари поспала немного, но потом пришел Ги и стал заниматься с ней любовью. Он гладил ее обеими ладонями, продвигаясь от связанных запястий по рукам, груди и животу, а потом ласкал между ног. Он повторял это снова и снова. И руки его были горячими, с длинными ногтями. А когда она возбудилась до предела, Ги просунул одну руку ей под ягодицы, приподнял их, лег сверху и вошел в нее. Теперь он был больше, чем всегда, и ей стало немного больно, но очень приятно. Вторую руку он положил ей под спину и навалился сверху широкой грудью. На нем были кожаные доспехи, потому что в этот вечер проводился маскарад. Розмари приподняла веки и увидела его глаза — желтые, как два пылающих огня, а потом почувствовала запах серы и танникового корня, горячее влажное дыхание у своих губ и услышала стоны наблюдателей.

mouth, heard lust-grunts and the breathing of onlookers.

This is no dream, she thought. This is real, this is happening.

Protest woke in her eyes and throat, but something covered her face, smothering her in a sweet stench.

The hugeness kept driving in her, the leathery body banging itself against her again and again and again.

The Pope came in with a suitcase in his hand and a coat over his arm.

"Jackie tells me you've been bitten by a mouse," he said.

"Yes," Rosemary said. "That's why I didn't come see you." She spoke sadly, so he wouldn't suspect she had just had an orgasm.

"That's all right," he said. "We wouldn't want you to jeopardize your health."

"Am I forgiven, Father?" she asked.

"Absolutely," he said. He held out his hand for her to kiss the ring. Its stone was a silver filigree ball less than an inch in diameter; inside it, very tiny, Anna Maria Alberghetti sat waiting.

Rosemary kissed it and the Pope hurried out to catch his plane.

Chapter 9

"Hey, it's after nine," Guy said, shaking her shoulder.

She pushed his hand away and turned over onto her stomach.

"Five minutes," she said, deep in the pillow.

"No," he said, and yanked her hair. "I've got to be at Dominick's at ten."

"Eat out."

"The hell I will." He slapped her behind through the blanket.

Everything came back: the dreams, the drinks, Minnie's chocolate mousse, the Pope, that awful moment of not-dreaming. She turned back over and raised herself on her arms, looking at Guy. He was lighting a cigarette, sleep-rumpled, needing a shave. He had pajamas on. She was nude.

"What time is it?" she asked.

"Ten after nine."

"What time did I go to sleep?" She sat up.

"About eight-thirty," he said. "And you didn't go to sleep, honey; you passed out. From now on you get cocktails or wine, not cocktails and wine."

"The dreams I had," she said, rubbing her forehead and closing her eyes. "President Kennedy, the Pope, Minnie and Roman..." She opened her eyes and saw scratches on her left breast; two parallel hairlines of red running down into the nipple. Her thighs stung; she pushed the blanket from them and saw more scratches, seven or eight going this way and that.

"Don't yell," Guy said. "I already filed them down." He showed short smooth fingernails.

«Это не сон, — подумала она. — Это происходит на самом деле».

Она хотела закричать, но что-то темное накрыло ее лицо, и Розмари ощутила сладкий запах гнили.

Она чувствовала, что Ги продолжает ласкать ее своим членом, его кожаное тело поднималось и опускалось снова, снова и снова.

Папа Римский пришел с чемоданчиком в руке. Через другую его руку было перекинута легкое пальто.

— Джеки сказала мне, что вас укусила мышь. Это правда? — спросил он.

— Да, — ответила Розмари. — Поэтому я и не смогла прийти посмотреть на вас. — Она пыталась говорить с грустью в голосе, чтобы он не догадался, что у нее только что был оргазм.

— Все правильно. Мы не хотим, чтобы вы рисковали своим здоровьем.

— Так вы мне прощаете, ваше святейшество?

— Конечно. — Он вытянул руку, чтобы она поцеловала кольцо. Вместо камня на кольце был филигранный шарик, меньше дюйма в диаметре; внутри него сидела крошечная Анна Мария Альбергетти и чего-то ждала.

Розмари поцеловала кольцо, и Папа Римский поспешил на самолет.

Глава 9

— Эй, уже десятый час, — сказал Ги и потряс ее за плечо.

Розмари оттолкнула его руку и перевернулась на живот.

— Еще пять минут, — пробормотала она и зарылась лицом в подушку.

— Нет. — Он легонько дернул ее за волосы. — В десять я уже должен быть у Доминика.

— Ну и что?

— Ничего. — Он хлопнул ее через одеяло по мягкому месту.

И тут все всплыло в ее памяти: сон, выпивка, шоколадный мусс Минни, Папа Римский и тот страшный момент, когда ей показалось, что это не сон. Розмари перевернулась и приподнялась в кровати, глядя на Ги. Он прикуривал сигарету, еще помятый со сна и небритый.

— Сколько времени? — спросила она.

— Десять минут десятого.

— А когда я легла спать? — Розмари села в кровати.

— Примерно в полдевятого. Только ты не легла спать, дорогая, а буквально вырубилась. Значит, теперь будем пить или коктейли, или вино, а не то и другое сразу.

— Мне такое снилось! — нахмурилась она, потирая лоб руками и опять закрывая глаза. — Президент Кеннеди, Папа Римский, Минни и Роман... — Тут она снова открыла глаза и увидела царапины на своей левой груди — две маленькие красные полосочки, спускавшиеся почти до самого соска. Бедра у нее горели, Розмари откинула одеяло и на их внутренних сторонах тоже увидела множество царапин — около десятка аккуратных полосок, бегущих во всех направлениях.

— Только не шуми, — сказал Ги. — Я их уже подстриг. — И он продемонстрировал свои аккуратные ногти.

Rosemary looked at him uncomprehendingly.

"I didn't want to miss Baby Night," he said.

"You mean you—"

"And a couple of my nails were ragged."

"While I was-out?"

He nodded and grinned.

"It was kind of fun," he said, "in a necrophile sort of way."

She looked away, her hands pulling the blanket back over her thighs.

"I dreamed someone was raping me," she said. "I don't know who. Someone — unhuman."

"Thanks a lot," Guy said.

"You were there, and Minnie and Roman, other people ... It was some kind of ceremony."

"I tried to wake you," he said, "but you were out like a light."

She turned further away and swung her legs out on the other side of the bed.

"What's the matter?" Guy asked.

"Nothing," she said, sitting there, not looking around at him.

"I guess I feel funny about your doing it that way, with me unconscious."

"I didn't want to miss the night," he said.

"We could have done it this morning or tonight. Last night wasn't the only split second in the whole month. And even if it had been..."

"I thought you would have wanted me to," he said, and ran a finger up her back.

She squirmed away from it.

"It's supposed to be shared, not one awake and one asleep," she said. Then: "Oh, I guess I'm being silly." She got up and went to the closet for her housecoat.

"I'm sorry I scratched you," Guy said. "I was a wee bit loaded myself."

She made breakfast and, when Guy had gone, did the sinkful of dishes and put the kitchen to rights. She opened windows in the living room and bedroom — the smell of last night's fire still lingered in the apartment — made the bed, and took a shower; a long one, first hot and then cold. She stood capless and immobile under the downpour, waiting for her head to clear and her thoughts to find an order and conclusion.

Had last night really been, as Guy had put it, Baby Night? Was she now, at this moment, actually pregnant? Oddly enough, she didn't care. She was unhappy — whether or not it was silly to be so. Guy had taken her without her knowledge, had made love to her as a mindless body ("kind of fun in a necrophile sort of way") rather than as the complete mind-and-body person she was; and had done so, moreover, with a savage gusto that had produced scratches, aching soreness, and a nightmare so real and intense that she could almost see on her stomach the designs Roman had drawn with his red-dipped wand. She scrubbed soap on herself vigorously, resentfully. True, he had done it for the best motive in the world, to make a baby, and true too he had drunk as much as she had; but she wished that no motive and no number of drinks could have enabled him to take her that way, taking only her body without her soul or self or she-ness-whatever it was he presumably loved. Now, looking

Розмари непонимающе посмотрела на него.

— Я же не мог упустить такую благоприятную ночь.

— Ты хочешь сказать, что...

— Да. И два ногтя у меня были с заусенцами.

— Пока я была... без чувств?

Он кивнул и улыбнулся.

— Мне было даже приятно, я чувствовал себя как некрофил.

— А мне как раз снилось, что меня кто-то насилует. Я не знаю, кто. Это был даже не человек.

— Ну спасибо за это!

— Ты там тоже был, и Минни, и Роман, и другие... Это было похоже на церемонию.

— Я пытался тебя добудиться, но ты вырубилась, как перегоревшая лампочка.

Розмари отодвинулась подальше и свесила ноги с другой стороны кровати.

— Что с тобой? — спросил Ги.

— Ничего. — Она даже не оглянулась. — Мне просто не очень приятно слышать, что ты со мной делал это, пока я лежала без памяти.

— Но я не хотел пропускать эту ночь.

— Можно было сделать это утром или сегодня ночью. Вчерашняя ночь — это одно мгновение по сравнению с целой неделей. Но даже если бы это была единственная ночь...

— Я подумал, что ты будешь не против, — сказал он и провел ей по спине указательным пальцем.

Она отпрянула.

— Этим надо заниматься вместе, а не так: один бодрствует, а другой спит. Впрочем, наверное, я не права. — Розмари встала и пошла к шкафу за халатом.

— Прости, что я тебя оцарапал. Я ведь и сам был немного навеселе.

Розмари приготовила завтрак, потом, когда Ги ушел, вымыла посуду и навела порядок на кухне. Она раскрыла настежь окна в гостиной и спальне — после растопки камина в воздухе еще держался запах горелой бумаги, — убрала кровать, пошла в душ и долго стояла под ним, включив сначала горячую воду, а потом, сделав ее довольно прохладной, — без шапочки, неподвижная, Розмари ждала, когда наконец у нее прояснится в голове, все встанет на свои места, и можно будет делать какие-то выводы и заключения.

Ги говорил, что вчера была «опасная» ночь. Тогда, может быть, в данный момент она уже беременна? Как ни странно, ей было все равно. Розмари чувствовала себя несчастной, даже если это и глупо. Ги воспользовался ее телом без ее ведома и согласия, просто одним телом без разума (как «некрофил»), а не полностью ею — человеком, и при этом вел себя грубо, даже оцарапал. От этого все тело ныло, и в результате ей приснился такой кошмар. Она почти видела те узоры, которые Роман выводил у нее на животе своей черной палочкой, погруженной в красное. Розмари возмущенно и яростно терла свою кожу губкой. Правда, он сделал это из самых чистых побуждений, — чтобы у них был ребенок; правда также и то, что он был выпивши, но она всегда думала, что никакие побуждения и никакие коктейли в мире не заставят его сделать это — взять ее тело без души, без сознания, без ее «Я» — без того, что он в ней в общем-то лю-

back over the past weeks and months, she felt a disturbing presence of overlooked signals just beyond memory, signals of a shortcoming in his love for her, of a disparity between what he said and what he felt. He was an actor; could anyone know when an actor was true and not acting?

It would take more than a shower to wash away these thoughts. She turned the water off and, between both hands, pressed out her streaming hair.

On the way out to shop she rang the Castevets' doorbell and returned the cups from the mousse.

"Did you like it, dear?" Minnie asked. "I think I put a little too much cream de cocoa in it."

"It was delicious," Rosemary said. "You'll have to give me the recipe."

"I'd love to. You going marketing? Would you do me a teeny favor? Six eggs and a small Instant Sanka; I'll pay you later. I hate going out for just one or two things, don't you?"

There was distance now between her and Guy, but he seemed not to be aware of it. His play was going into rehearsal November first — Don't I Know You From Somewhere? was the name of it — and he spent a great deal of time studying his part, practicing the use of the crutches and leg-braces it called for, and visiting the Highbridge section of the Bronx, the play's locale. They had dinner with friends more evenings than not; when they didn't, they made natural sounding conversation about furniture and the ending any day now newspaper strike and the World Series. They went to a preview of a new musical and a screening of a new movie, to parties and the opening of a friend's exhibit of metal constructions. Guy seemed never to be looking at her, always at a script or TV or at someone else. He was in bed and asleep before she was. One evening he went to the Castevets' to hear more of Roman's theater stories, and she stayed in the apartment and watched Funny Face on TV.

"Don't you think we ought to talk about it?" she said the next morning at breakfast.

"About what?"

She looked at him; he seemed genuinely unknowing.

"The conversations we've been making," she said.

"What do you mean?"

"The way you haven't been looking at me."

"What are you talking about? I've been looking at you."

"No you haven't."

"I have so. Honey, what is it? What's the matter?"

"Nothing. Never mind."

"No, don't say that. What is it? What's bothering you?"

"Nothing."

"Ah look, honey, I know I've been kind of preoccupied, with the part and the crutches and all; is that it? Well gee whiz, Ro,

бит. Теперь, оглядываясь на прошедшие недели и месяцы, Розмари начала вспоминать кое-какие тревожные симптомы, на которые раньше не обращала внимания. Ей казалось, что он уже не так сильно любит ее, в памяти всплыли замеченные ею несоответствия между тем, что он говорил, и тем, что чувствовал на самом деле. Не следует также забывать, что он актер, а кто может сказать наверняка, когда актер играет, а когда — нет?

Да, одним душем такие мысли не смыть. Она выключила воду и отжала волосы.

Розмари собралась в магазин и по дороге позвонила в дверь Кастиветам, чтобы отдать назад стаканы из под мусса.

— Ну, как он тебе понравился, дорогая? — спросила Минни. — По моему, я положила туда слишком много какао.

— Очень вкусно, — ответила Розмари. — Я потом запишу рецепт.

— Хорошо. Ты идешь за покупками? Ты мне не сделаешь одолжение? Купи, пожалуйста, шесть яиц и маленькую баночку растворимого кофе. Деньги я потом отдам. А то я не люблю ходить в магазин за одной или двумя покупками.

Теперь между ней и Ги появилась настоящая пропасть, но он этого, казалось, не замечал. Пьесу начинали репетировать первого ноября. Она называлась «Мы с вами раньше не встречались?», и Ги теперь подолгу занимался ролью. Для этого нужно было научиться пользоваться костылями и палкой. Кроме того, он часто ездил в район Хай бридж в Бронксе, где должны были проводиться съемки для телевидения. Большую часть вечеров они проводили в компании друзей, а когда им приходилось оставаться вдвоем, они заводили разговоры на нейтральные темы: о мебели, о забастовке, о телепередачах, и при этом пытались быть естественными. Они ходили на предварительной просмотр музыкальной пьесы, на новый фильм, на разное вечеринки и даже попали к своему приятелю на открытие выставки созданных им металлоконструкций. Ги, казалось, вообще больше на нее не смотрел, а только в сценарий своей пьесы, на экран телевизора или на кого-нибудь другого. Он ложился спать поздно, но засыпал раньше ее. Однажды он снова пошел к Кастиветам послушать рассказы Романа, а Розмари осталась дома одна и смотрела телевизор.

На следующее утро за завтраком она не выдержала.

— Тебе не кажется, что нам пора поговорить?

— О чем? — удивился Ги.

Она пристально посмотрела на него: он на самом деле ничего не понимал.

— О разговорах, которые мы с тобой ведем...

— Что ты имеешь в виду?

— И о том, как ты начал на меня смотреть.

— О чем ты вообще говоришь? — не понял он. — Ну, я смотрю на тебя, и что?

— Нет, не смотришь.

— Смотрю. Дорогая, что случилось?

— Ничего. Ерунда.

— Нет, не говори так. Что тебя беспокоит?

— Да ничего, пустяки все это.

— Ну послушай, милая, я знаю, что я сейчас слишком занят своей ролью, костылями и прочим, так ты из-за это-

it's important, you know? But it doesn't mean I don't love you, just because I'm not riveting you with a passionate gaze all the time. I've got to think about practical matters too." It was awkward and charming and sincere, like his playing of the cowboy in Bus Stop.

"All right," Rosemary said. "I'm sorry I'm being pesty."

"You? You couldn't be pesty if you tried."

He leaned across the table and kissed her.

Hutch had a cabin near Brewster where he spent occasional weekends. Rosemary called him and asked if she might use it for three or four days, possibly a week.

"Guy's getting into his new part," she explained, "and I really think it'll be easier for him with me out of the way."

"It's yours," Hutch said, and Rosemary went down to his apartment on Lexington Avenue and Twenty-fourth Street to pick up the key.

She looked in first at a delicatessen where the clerks were friends from her own days in the neighborhood, and then she went up to Hutch's apartment, which was small and dark and neat as a pin, with an inscribed photo of Winston Churchill and a sofa that had belonged to Madame Pompadour. Hutch was sitting barefoot between two bridge tables, each with its typewriter and piles of paper. His practice was to write two books at once, turning to the second when he struck a snag on the first, and back to the first when he struck a snag on the second.

"I'm really looking forward to it," Rosemary said, sitting on Madame Pompadour's sofa. "I suddenly realized the other day that I've never been alone in my whole life — not for more than a few hours, that is. The idea of three or four days is heaven."

"A chance to sit quietly and find out who you are; where you've been and where you're going."

"Exactly."

"All right, you can stop forcing that smile," Hutch said. "Did he hit you with a lamp?"

"He didn't hit me with anything," Rosemary said. "It's a very difficult part, a crippled boy who pretends that he's adjusted to his crippled-ness. He's got to work with crutches and leg-braces, and naturally he's preoccupied and, and, well, preoccupied."

"I see," Hutch said. "We'll change the subject: The News had a lovely rundown the other day of all the gore we missed during the strike. Why didn't you tell me you'd had another suicide up there at Happy House?"

"Oh, didn't I tell you?" Rosemary asked.

"No, you didn't," Hutch said.

"It was someone we knew. The girl I told you about; the one who'd been a drug addict and was rehabilitated by the Casteverts, these people who live on our floor. I'm sure I told you that."

"The girl who was going to the basement with you."

"That's right."

го? Но ведь, Ро, это же все очень важно, понимаешь? Если я теперь не так часто приковываю к тебе долгие страстные взгляды, то это совсем еще не значит, что я перестал тебя любить. Нужно же думать и о работе. — Это прозвучало очаровательно и искренне: такая роль у него уже была — он играл ковбоя в пьесе «Автобусная остановка».

— Ну, ладно, — сказала Розмари. — Извини, что я к тебе пристала.

— Ты? Ты совсем не приставала.

Он перегнулся через стол и поцеловал ее.

У Хатча был домик недалеко от Брустера, где он проводил иногда выходные. Розмари позвонила ему и, спросила, можно ли ей пожить там дня три или четыре, а может и целую неделю.

— Ги разучивает новую роль, — объяснила она. — И мне сейчас лучше куда-нибудь уехать.

— Конечно, — ответил Хатч, и Розмари поехала за ключом к нему на квартиру на пересечении Лексингтон авеню и Двадцать четвертой улицы.

Сначала она заглянула в закусочную — здесь все постоянные посетители были знакомы ей с давних пор, — а потом поднялась к Хатчу. Квартира у него была маленькая и темная, но всегда в идеальном порядке. На стене висела фотография Уинстона Черчилля с его собственноручным автографом, а под ней стоял диван, принадлежавший некогда самой мадам Помпадур. Хатч сидел босой между двумя журнальными столиками, на которых стояли пишущие машинки и лежали груды бумаг. Он, как обычно, писал сразу две книги: переходил ко второй, когда возникали затруднения с первой, и возвращался к первой, когда заходил в тупик со второй.

— Я очень хочу туда поехать, — сказала Розмари, присаживаясь на диван мадам Помпадур. — Я поняла недавно, что никогда еще в жизни не оставалась совсем одна больше, чем на несколько часов, вот в чем дело. Как подумаю, что у меня впереди целых три или четыре дня!..

— Будет время посидеть спокойно и поразмышлять, кто же я такая на самом деле, что уже сделано и что еще предстоит, — с иронией продолжил за нее Хатч.

— Точно! — засмеялась Розмари.

— Ну ладно, не выдавливай из себя улыбку. Он что, лампой тебя ударил?

— Ничем он меня не ударял. Просто у него сейчас очень сложная роль — юноша калека, который старается сделать вид, что приспособился к своей болезни. Она теперь — суть его жизни. Ему приходится подолгу привыкать к костылям, разным подпоркам, он очень занят, и естественно, что он... он... очень занят.

— Понятно. Давай сменим тему. «Ньюс» подробно описывает ужасы тех дней, когда была забастовка. А мы и не знали, что происходит в городе. И почему ты мне не сказала, что в вашем счастливейшем доме произошло еще одно самоубийство?

— Разве я не говорила?

— Нет.

— Мы ее знали. Это та самая девушка, о которой я вам рассказывала. Она раньше была наркоманкой, а потом ее реабилитировали Кастиветы — они живут на нашем этаже. Но, по моему, я уже об этом говорила.

— Та девушка, которая ходила с тобой в подвал?

— Точно.

“They didn’t rehabilitate her very successfully, it would seem. Was she living with them?”

“Yes,” Rosemary said. “We’ve gotten to know them fairly well since it happened. Guy goes over there once in a while to hear stories about the theater. Mr. Castevet’s father was a producer around the turn of the century.”

“I shouldn’t have thought Guy would be interested,” Hutch said. “An elderly couple, I take it?”

“He’s seventy-nine; she’s seventy or so.”

“It’s an odd name,” Hutch said. “How is it spelled?”

Rosemary spelled it for him.

“I’ve never heard it before,” he said. “French, I suppose.”

“The name may be but they aren’t,” Rosemary said. “He’s from right here and she’s from a place called — believe it or not-Bushyhead, Oklahoma.”

“My God,” Hutch said. “I’m going to use that in a book. That one. I know just where to put it. Tell me, how are you planning to get to the cabin? You’ll need a car, you know.”

“I’m going to rent one.”

“Take mine.”

“Oh no, Hutch, I couldn’t.”

“Do, please,” Hutch said. “All I do is move it from one side of the street to the other. Please. You’ll save me a great deal of bother.”

Rosemary smiled.

“All right,” she said. “I’ll do you a favor and take your car.”

Hutch gave her the keys to the car and the cabin, a sketch-map of the route, and a typed list of instructions concerning the pump, the refrigerator, and a variety of possible emergencies. Then he put on shoes and a coat and walked her down to where the car, an old light-blue Oldsmobile, was parked.

“The registration papers are in the glove compartment,” he said. “Please feel free to stay as long as you like. I have no immediate plans for either the car or the cabin.”

“I’m sure I won’t stay more than a week,” Rosemary said. “Guy might not even want me to stay that long.”

When she was settled in the car, Hutch leaned in at the window and said,

“I have all kinds of good advice to give you but I’m going to mind my own business if it kills me.”

Rosemary kissed him.

“Thank you,” she said. “For that and for this and for everything.”

She left on the morning of Saturday, October 16th, and stayed five days at the cabin. The first two days she never once thought about Guy — a fitting revenge for the cheerfulness with which he had agreed to her going. Did she look as if she needed a good rest? Very well, she would have one, a long one, never once thinking about him.

She took walks through dazzling yellow-and-orange woods, went to sleep early and slept late, read *Flight of The Falcon* by Daphne du Maurier, and made glutton’s meals on the bottled-gas stove. Never once thinking about him.

On the third day she thought about him. He was vain, self-centered, shallow, and deceitful. He had married her to have an audience, not a mate. (Little Miss Just-out-of-Omaha, what a

— Видимо, они не до конца ее реабилитировали. Она жила у них?

— Да. С тех пор мы с ними и подружились. Ги иногда к ним заходит, чтобы послушать рассказы о театре. Отец мистера Кастивета был продюсером в начале века.

— Вот бы не подумал, что для Ги это будет интересно, — заметил Хатч. — Это пожилая пара?

— Ему семьдесят девять лет, а ей семьдесят или около того.

— Странная, однако, фамилия. Как она пишется?

Розмари показала.

— Никогда раньше такой фамилии не встречал. Они что, французы?

— Фамилия, может быть, и французская, но сами они — нет. Он из Нью Йорка, а она — не поверите! — из местечка под названием Косматая Голова, в Оклахоме.

— Боже мой! — воскликнул Хатч. — Это надо использовать в моих рассказах. Я даже знаю, где именно. Послушай, а как ты собираешься ехать до моей дачи? Тебе ведь нужна будет машина.

— Я возьму напрокат.

— Возьми мою.

— Нет, Хатч, я не могу.

— Ну пожалуйста. Я ведь дальше своей улицы все равно никуда не хожу. Пожалуйста. И тогда я не буду беспокоиться.

Розмари улыбнулась.

— Ну ладно. Сделаю одолжение и возьму вашу машину.

Хатч дал ей ключи от дачи и машины, карту маршрута и обычный список инструкций, как пользоваться водопроводом, холодильником и что делать в экстренных случаях. Потом он надел пальто и ботинки и проводил ее к машине, старому голубому «олдсмобилю».

— Все документы в бардачке, — напутствовал он. — Оставайся там сколько хочешь. Мне пока ни машина, ни дача не нужны.

— Я уверена, что больше недели не выдержу. Да и Ги мне дольше не разрешит.

Когда она села в машину, Хатч наклонился к окошку и сказал ей:

— Я мог бы дать тебе множество полезных советов, но решил сдержать свое слово и заниматься только своими делами.

Розмари поцеловала его.

— Спасибо и за это, и за все остальное.

Она уехала утром в субботу, 16 октября, и пробыла на даче пять дней. Первые два дня она даже не вспоминала о Ги — это была месть за то, что он так легко и радостно отпустил ее. А может быть, он по ее виду понял, что ей необходимо отдохнуть... Ну ладно, она отдохнет, причем очень долго, и за все время ни разу про него не вспомнит!..

Розмари совершала длинные прогулки по желто-оранжевым лесам, ложилась рано, вставала поздно, прочитала «Полет сокола» Дафне де Морьер и готовила себе шикарные обеды на переносной газовой плите. И ни одной минуты не думала о Нем.

Но на третий день она загрустила. Ги, конечно, тщеславный, мелочный, эгоистичный и лживый. Он женился на ней, чтобы у него была поклонница, а не подруга жизни. («Ах,

goop she had been! “Oh, I’m used to actors; I’ve been here almost a year now.” And she had all but followed him around the studio carrying his newspaper in her mouth.) She would give him a year to shape up and become a good husband; if he didn’t make it she would pull out, and with no religious qualms whatever. And meanwhile she would go back to work and get again that sense of independence and self-sufficiency she had been so eager to get rid of. She would be strong and proud and ready to go if he failed to meet her standards.

Those glutton’s meals man-size cans of beef stew and chili con carne began to disagree with her, and on that third day she was mildly nauseated and could eat only soup and crackers.

On the fourth day she awoke missing him and cried. What was she doing there, alone in that cold crummy cabin? What had he done that was so terrible? He had gotten drunk and had grabbed her without saying may I. Well that was really an earth-shaking offense, now wasn’t it? There he was, facing the biggest challenge of his career, and she — instead of being there to help him, to cue and encourage him — was off in the middle of nowhere, eating herself sick and feeling sorry for herself. Sure he was vain and self-centered; he was an actor, wasn’t he? Laurence Olivier was probably vain and self-centered. And yes he might lie now and then; wasn’t that exactly what had attracted her and still did?—that freedom and nonchalance so different from her own boxed-in propriety?

She drove into Brewster and called him. Service answered, the friendly one:

“Oh hi, dear, are you back from the country? Oh. Guy is out, dear; can he call you? You’ll call him at five. Right. You’ve certainly got lovely weather. Are you enjoying yourself? Good.”

At five he was still out, her message waiting for him. She ate in a diner and went to the one movie theater. At nine he was still out and Service was someone new and automatic with a message for her: she should call him before eight the next morning or after six in the evening.

That next day she reached what seemed like a sensible and realistic view of things. They were both at fault; he for being thoughtless and self-absorbed, she for failing to express and explain her discontent. He could hardly be expected to change until she showed him that change was called for. She had only to talk—no, they had only to talk, for he might be harboring a similar discontent of which she was similarly unaware—and matters couldn’t help but improve. Like so many unhappinesses, this one had begun with silence in the place of honest open talk.

She went into Brewster at six and called and he was there.

“Hi, darling,” he said. “How are you?”

“Fine. How are you?”

“All right. I miss you.”

She smiled at the phone.

“I miss you,” she said. “I’m coming home tomorrow.”

“Good, that’s great,” he said. “All kinds of things have been going on here. Rehearsals have been postponed until January.”

“They haven’t been able to cast the little girl. It’s a break for

эта маленькая мисс из Омахи, какая же она приставучая! И ведь ходит все время за мной по пятам и носит мне газеты!..») Розмари решила дать ему срок в один год, чтобы он стал добропорядочным мужем. Если не станет, она уйдет, и никакие религиозные предрассудки тут не помогут. А пока она снова поступит на работу, сможет зарабатывать и вернет себе чувство независимости. Хотя еще совсем недавно она пыталась от всего этого отделаться. Но теперь она будет гордой, сильной и готовой уйти навсегда, если он не станет таким, как ей нужно.

Но «шикарные» обеды, которые Розмари готовила себе из банок с мясным рагу и перченой тушенкой, начали на ней сказываться. На третий день ее уже подташнивало, и она перешла на легкий суп с гренками.

На четвертый день Розмари проснулась и заплакала, потому что поняла, как ей не хватает Ги. Что она здесь делает одна — в этой холодной и мерзкой лачуге? Что он такого ужасного натворил? Просто напился и овладел ею, не спросив на это разрешения. Да, вот уж, действительно, смертельное оскорбление! Но сейчас у него, может быть, самый ответственный момент во всей его карьере, а она, вместо того, чтобы быть рядом, помочь, находится неизвестно где и жалеет себя с утра до вечера. Да, он тщеславный и эгоистичный, но он ведь актер. И Лоренс Оливье тоже, наверное, тщеславен и эгоистичен. Конечно, временами он слегка привирает, но разве не это так нравилось ей всегда, да и сейчас нравится? — этакая свобода и беспечность в противоположность ее замкнутости.

Розмари поехала в Брустер и позвонила в студию Ги. Ей ответили очень радостно:

— Привет, дорогая! Уже вернулась из-загородной поездки? О, Ги сейчас нет, он вышел. Куда тебе позвонить? Ты ему позвони лучше ровно в пять. Погода стоит отличная. Тебе там нравится? Ну и хорошо.

В пять он еще не пришел. Она пообедала в столовой и пошла в кино, перезвонив в девять вечера. На этот раз подсоединился автоответчик, и ей передали, что Ги просил после шести часов позвонить ему на квартиру, где он будет до восьми утра.

На следующий день она решила посмотреть на вещи разумно. «Они, — рассуждала Розмари, — виноваты оба: он — в том, что так сильно занят собой и не думает о ней, а она — что не смогла объяснить ему своих забот и тревог. Но он не сможет измениться, если она не докажет, что перемены просто необходимы. Ей нужно поговорить с ним. Вернее, ИМ нужно поговорить, ведь у него, может быть, тоже есть какое-то недовольство, только он все скрывает. И тогда сразу пойдут дела на лад, обязательно. Так часто бывает, — молчание порождает несчастье, а нужно лишь открыто и честно поговорить друг с другом».

В шесть вечера она приехала в Брустер и позвонила на квартиру. Ги оказался дома.

— Привет, дорогая. Как твои дела?

— Прекрасно, а твои?

— Нормально. Я по тебе очень скучаю.

Она улыбнулась в трубку.

— А я по тебе. Я завтра приеду.

— Отлично, — обрадовался он. — Тут столько всего произошло!.. Репетиции отменили до января.

— Да?

— Они не могут никого найти на роль девочки. Но для

me though; I'm going to do a pilot next month. A half-hour comedy series."

"You are?"

"It fell into my lap, Ro. And it really looks good. ABC loves the idea. It's called Greenwich Village; it's going to be filmed there, and I'm a way-out writer. It's practically the lead."

"That's marvelous, Guy!"

"Allan says I'm suddenly very hot."

"That's wonderful!"

"Listen, I've got to shower and shave; he's taking me to a screening that Stanley Kubrick is going to be at. When are you going to get in?"

"Around noon, maybe earlier."

"I'll be waiting. Love you."

"Love you!"

She called Hutch, who was out, and left word with his serv-ice that she would return the car the following afternoon.

The next morning she cleaned the cabin, closed it up and locked it, and drove back to the city. Traffic on the Saw Mill River Parkway was bottlenecked by a three-car collision, and it was close to one o'clock when she parked the car half-in half-out-of the bus stop in front of the Bramford. With her small suitcase she hurried into the house.

The elevator man hadn't taken Guy down, but he had been off duty from eleven-fifteen to twelve.

He was there, though. The No Strings album was playing. She opened her mouth to call and he came out of the bedroom in a fresh shirt and tie, headed for the kitchen with a used coffee cup in his hand.

They kissed, lovingly and fully, he hugging her one-armed because of the cup.

"Have a good time?" he asked.

"Terrible. Awful. I missed you so."

"How are you?"

"Fine. How was Stanley Kubrick?"

"Didn't show, the fink."

They kissed again.

She brought her suitcase into the bedroom and opened it on the bed. He came in with two cups of coffee, gave her one, and sat on the vanity bench while she unpacked. She told him about the yellow-and-orange woods and the still nights; he told her about Greenwich Village, who else was in it and who the producers, writers, and director were.

"Are you really fine?" he asked when she was zipping closed the empty case. She didn't understand.

"Your period," he said. "It was due on Tuesday."

"It was?"

He nodded.

"Well it's just two days," she said matter of factly, as if her heart weren't racing, leaping. "It's probably the change of water, or the food I ate up there."

"You've never been late before," he said.

"It'll probably come tonight. Or tomorrow."

"You want to bet?"

меня это даже лучше, ведь в следующем месяце начинаются съемки на телевидении. Комедийный сериал по полчаса.

— Правда?

— Да. Мне это прямо как снег на голову свалилось. И пьеса неплохая. Называется «Гринвич Вилледж», там же и снимать будут. Я играю писателя, это фактически главная роль.

— Это же прекрасно, Ги!

— Аллан говорит, что я иду в гору.

— Как замечательно!

— Послушай, мне еще надо успеть под душ и побриться.

Он меня повезет на съемки, а там будет присутствовать сам Стэнли Кубрик. Ты когда будешь здесь?

— Днем. А может быть, и раньше.

— Буду ждать. Я люблю тебя.

— А я — тебя.

Розмари позвонила Хатчу, но того не оказалось дома, и она попросила передать ему, что завтра вернет машину.

На следующее утро она привела в порядок дачу, закрыла ее и поехала в город. В одном месте движение на шоссе было приостановлено из-за аварии — столкнулись сразу три автомобиля, — и лишь во втором часу дня Розмари припарковала (впрочем, весьма посредственно, почти на автобусной остановке) возле Брэмфорда старенький «олдсмобиль» Хатча.

Лифтер сказал, что Ги сегодня еще не выходил из дому, хотя это не точно, так как сам лифтер на полчаса отлучался.

Ги был дома. В квартире играла музыка. Розмари открыла рот, чтобы позвать его, но он сам вышел из спальни в чистой рубашке с галстуком, направляясь на кухню с пустой чашкой из под кофе в руке.

Они крепко и страстно поцеловались, но из-за чашки ему приходилось обнимать ее только одной рукой.

— Хорошо провела время? — спросил он.

— Просто ужасно. Я так без тебя скучала!

— Ну, как ты себя чувствуешь?

— Прекрасно. А как тебе понравился Стэнли Кубрик?

— Да он так и не приехал.

Они снова поцеловались.

Розмари отнесла свой чемоданчик в спальню и раскрыла его прямо на кровати. Ги пришел с двумя чашками кофе и протянул одну ей. Сам он сел на пуфик возле трюмо и с улыбкой наблюдал, как она распаковывалась. Розмари рассказала про желто-оранжевые леса и тихие ночи. Он же поведал ей о «Гринвич Вилледж» — о тех, кто еще снимался, кто был продюсером, кто режиссером, кто сценаристом.

— Ты правда себя нормально чувствуешь? — спросил он, когда она уже закрывала пустой чемодан. Розмари не поняла его.

— Твои месячные. Они должны были начаться во вторник.

— Разве?

Ги кивнул.

— Ну, ведь прошло еще только два дня, — сказала она как бы между прочим, не подавая виду, но сердце у нее бешено застучало. — Наверное, это из-за перемены пищи или воды.

— У тебя раньше такого не было.

— Ну, может быть, начнется сегодня ночью. Или завтра.

— Давай поспорим, что не начнется.

“Yes.”

“A quarter?”

“Okay.”

“You’re going to lose, Ro.”

“Shut up. You’re getting me all jumpy. It’s only two days. It’ll probably come tonight.”

Chapter 10

It didn’t come that night or the next day. Or the day after that or the day after that. Rosemary moved gently, walked lightly, so as not to dislodge what might possibly have taken hold inside her.

Talk with Guy? No, that could wait.

Everything could wait.

She cleaned, shopped, and cooked, breathing carefully. Laura-Louise came down one morning and asked her to vote for Buckley. She said she would, to get rid of her.

“Give me my quarter,” Guy said.

“Shut up,” she said, giving his arm a backhand punch.

She made an appointment with an obstetrician and, on Thursday, October 28th, went to see him. His name was Dr. Hill. He had been recommended to her by a friend, Elise Dunstan, who had used him through two pregnancies and swore by him. His office was on West Seventy-second Street.

He was younger than Rosemary had expected — Guy’s age or even less — and he looked a little bit like Dr. Kildare on television. She liked him. He asked her questions slowly and with interest, examined her, and sent her to a lab on Sixtieth Street where a nurse drew blood from her right arm.

He called the next afternoon at three-thirty.

“Mrs. Woodhouse?”

“Dr. Hill?”

“Yes. Congratulations.”

“Really?”

“Really.”

She sat down on the side of the bed, smiling past the phone. Really, really, really, really, really.

“Are you there?”

“What happens now?” she asked.

“Very little. You come in and see me again next month. And you get those Natalin pills and start taking them. One a day. And you fill out some forms that I’m going to mail you for the hospital; it’s best to get the reservation in as soon as possible.”

“When will it be?” she asked.

“If your last period was September twenty-first,” he said, “it works out to June twenty-eighth.”

“That sounds so far away.”

“It is. Oh, one more thing, Mrs. Woodhouse. The lab would like another blood sample. Could you drop by there tomorrow or Monday and let them have it?”

“Yes, of course,” Rosemary said. “What for?”

“The nurse didn’t take as much as she should have.”

“But — I’m pregnant, aren’t I?”

— Давай.

— На четверть доллара?

— Хорошо.

— Проиграешь, Ро.

— Замолчи, не нервировуй меня. Всего-то два дня прошло. Сегодня ночью и начнется.

Глава 10

Но они не начались ни в ту ночь, ни на другой день, ни через два дня, ни через три. Розмари стала двигаться осторожно, чтобы не повредить и не сместить то, что, вероятно, уже находилось внутри ее.

Поговорить с Ги? Нет, время еще будет.

Время еще для всего будет.

Она по-прежнему убирала квартиру, готовила еду и ходила по магазинам. И делала все очень аккуратно. Один раз к ней спустилась Лаура Луиза и попросила проголосовать за Бакли. Розмари пообещала, чтобы побыстрее отделаться от нее.

— Отдай четверть доллара, — попросил Ги через несколько дней.

— Заткнись, — ответила она и отпихнула его протянутую руку.

Розмари записалась на прием к гинекологу и пошла к нему в четверг, 28 октября. Его звали доктор Хилл, и порекомендовала его подруга Розмари, Элиза Дунстан, которая уже имела двоих детей и оба раза наблюдалась у него. Кабинет доктора Хилла находился в западной части города, на Семьдесят второй улице.

Врач оказался моложе, чем Розмари ожидала, — примерно как Ги — и был похож на доктора Килдера из телесериала. Он ей сразу понравился, медленно задавал вопросы, интересовался всем, осмотрел ее и направил в лабораторию на Шестнадцатой улице, где у нее взяли кровь из вены.

На следующий день она позвонила ему в полчетвертого.

— Миссис Вудхаус?

— Доктор Хилл?

— Да. Я вас поздравляю.

— Правда?

— Правда.

Она присела на кровать и улыбнулась. Правда, правда, правда!

— Вы меня слышите?

— Да, конечно! Что же я теперь должна делать?

— Очень небольшое. Придете ко мне в следующем месяце. А пока купите таблетки нафталина и начинайте их принимать. По одной в день. Я вам пришлю бланки, и вы их заполните, это для больницы — лучше забронировать место с самого начала.

— А когда это произойдет?

— Если последний раз у вас были месячные двадцать первого сентября, то значит, вы родите двадцать восьмого июня.

— Еще так не скоро!..

— Да. И вот еще что: миссис Вудхаус, в лаборатории нужен еще один анализ крови. Вы не могли бы зайти туда завтра или в понедельник?

— Да, конечно. А для чего?

— Сестра взяла недостаточное количество.

— Но... я ведь правда беременна?

“Yes, they did that test,” Dr. Hill said, “but I generally have them run a few others besides — blood sugar and so forth — and the nurse didn’t know and only took enough for the one. It’s nothing to be concerned about. You’re pregnant. I give you my word.”

“All right,” she said. “I’ll go back tomorrow morning.”

“Do you remember the address?”

“Yes, I still have the card.”

“I’ll put those forms in the mail, and let’s see you again the last week in November.”

They made an appointment for November 29th at one o’clock and Rosemary hung up feeling that something was wrong. The nurse at the lab had seemed to know exactly what she was doing, and Dr. Hill’s offhandedness in speaking about her hadn’t quite rung true. Were they afraid a mistake had been made?— Vials of blood mixed up and wrongly labeled?— and was there still a possibility that she wasn’t pregnant? But wouldn’t Dr. Hill have told her so frankly and not have been as definite as he had?

She tried to shake it away. Of course she was pregnant; she had to be, with her period so long overdue. She went into the kitchen, where a wall calendar hung, and in the next day’s square wrote Lab; and in the square for November 29th, Dr. Hill-13:00.

When Guy came in she went to him without saying a word and put a quarter in his hand.

“What’s this for?” he asked, and then caught on. “Oh, that’s great, honey!” he said. “Just great!”— and taking her by the shoulders he kissed her twice and then a third time.

“Isn’t it?” she said.

“Just great. I’m so happy.”

“Father.”

“Mother.”

“Guy, listen,” she said, and looked up at him, suddenly serious. “Let’s make this a new beginning, okay? A new openness and talking to each other. Because we haven’t been open. You’ve been so wrapped up in the show and the pilot and the way things have been breaking for you — I’m not saying you shouldn’t be; it wouldn’t be normal if you weren’t. But that’s why I went to the cabin, Guy. To settle in my mind what was going wrong between us. And that’s what it was, and is: a lack of openness. On my part too. On my part as much as yours.”

“It’s true,” he said, his hands holding her shoulders, his eyes meeting hers earnestly. “It’s true. I felt it too. Not as much as you did, I guess. I’m so God-damned self-centered, Ro. That’s what the whole trouble is. I guess it’s why I’m in this idiot nutty profession to begin with. You know I love you though, don’t you? I do, Ro. I’ll try to make it plainer from now on, I swear to God I will. I’ll be as open as —”

“It’s my fault as much as —”

“Bull. It’s mine. Me and my self-centeredness. Bear with me, will you, Ro? I’ll try to do better.”

“Oh, Guy,” she said in a tide of remorse and love and forgiveness, and met his kisses with fervent kisses of her own.

“Fine way for parents to be carrying on,” he said.

She laughed, wet-eyed.

“Gee, honey,” he said, “do you know what I’d love to do?”

— Да, это они уже проверили, — сказал доктор Хилл. — Но надо провести и другие анализы — на сахар и так далее, а сестра не знала, и взяла мало крови. Не волнуйтесь. Вы беременны. Даю вам честное слово.

— Ну ладно. Я схожу туда завтра утром.

— Вы помните адрес?

— Да, у меня осталась карточка.

— Я перешлю вам бланки по почте, а ко мне приходите в последнюю неделю ноября.

Они договорились встретиться 23 ноября в час дня, и Розмари повесила трубку с таким чувством, что с ней что-то неладно. Сестра в лаборатории должна точно знать, что она делает, а та беспечность, с которой говорил об этом доктор Хилл, показалась ей напускной. Может быть, они боятся, что ошиблись? Перепутали пузырьки и, пробирки или не помнят, где чья кровь? А вдруг я не беременна? Но тогда бы доктор Хилл все сказал начистоту и не был бы так уверен в своих словах...

Розмари попыталась не думать об этом. Конечно, она беременна. Не может быть, чтобы месячные так сильно запаздывали. Она пошла на кухню, где висел календарь, и на следующем дне записала «лаборатория», а на 23 ноября «доктор Хилл, 13:00».

Когда вернулся Ги, она молча подошла к нему и вложила ему в ладонь 25 центов.

— А это за что? — удивился он, но сразу же вспомнил. — Боже мой, как это здорово, дорогая! Просто здорово! — Потом он взял ее за плечи и два раза поцеловал. Подумал и поцеловал третий раз.

— Правда? — спросила она.

— Просто отлично. Я так счастлив!..

— Папочка.

— Мамочка.

— Послушай, Ги. — Она сразу стала серьезной. — Пусть это будет для нас началом новой жизни. Будем откровенны друг с другом. Ты был очень занят из-за своей новой роли и работы на телевидении... Я не говорю, что ты был совсем не прав; конечно, с твоей стороны было бы неразумно вести себя по другому. Но именно из-за этого я и поехала на дачу. Чтобы разобраться, что же все-таки между нами происходит. И вот что я поняла: мы недостаточно откровенны. Но не только ты, и я тоже. Я так же виновата, как и ты.

— Это верно, — согласился Ги, все еще держа ее за плечи, и посмотрел ей прямо в глаза. — Это верно. Я тоже это почувствовал. Может быть, конечно, не так сильно, как ты. По моему, я чертовски эгоистичен, Ро. И в этом вся беда. Наверное, это из-за того, что у меня такая идиотская профессия. Но ты ведь знаешь, что я люблю тебя, Ро. Правда люблю. Теперь я попытаюсь быть проще, в самом деле, клянусь Богом. Я буду откровенным, как...

— Но я тоже не меньше виновата...

— Чепуха. Виноват я. Только я и мой эгоизм. Но ты меня простишь, ладно? Я постараюсь исправиться.

— Ох, Ги!.. — Розмари почувствовала угрызения совести, прилив нежности и готова была сразу же все забыть. Они поцеловались.

— Так и должны вести себя настоящие родители, — улыбнулся Ги.

Розмари засмеялась, и на глазах у нее заблестели слезы.

— Послушай, дорогая, знаешь, что я хочу сделать?

“What?”

“Tell Minnie and Roman.” He raised a hand. “I know, I know; we’re supposed to keep it a deep dark secret. But I told them we were trying and they were so pleased, and, well, with people that old” — he spread his hands ruefully — “if we wait too long they might never get to know at all.”

“Tell them,” she said, loving him.

He kissed her nose.

“Back in two minutes,” he said, and turned and hurried to the door.

Watching him go, she saw that Minnie and Roman had become deeply important to him. It wasn’t surprising; his mother was a busy selfinvolved chatterer and none of his fathers had been truly fatherly. The Castevets were filling a need in him, a need of which he himself was probably unaware. She was grateful to them and would think more kindly of them in the future.

She went into the bathroom and splashed cold water on her eyes and fixed her hair and lips.

“You’re pregnant,” she told herself in the mirror. (But the lab wants another blood sample. What for?)

As she came back out they came in at the front door: Minnie in a housedress, Roman holding in both hands a bottle of wine, and Guy behind them flushed and smiling.

“Now that’s what I call good news!” Minnie said. “Congratulations!” She bore down on Rosemary, took her by the shoulders, and kissed her cheek hard and loud.

“Our best wishes to you, Rosemary,” Roman said, putting his lips to her other cheek. “We’re more pleased than we can say. We have no champagne on hand, but this 1961 Saint Julien, I think, will do just as nicely for a toast.”

Rosemary thanked them.

“When are you due, dear?” Minnie asked.

“June twenty-eighth.”

“It’s going to be so exciting,” Minnie said, “between now and then.”

“We’ll do all your shopping for you,” Roman said.

“Oh, no,” Rosemary said. “Really.”

Guy brought glasses and a corkscrew, and Roman turned with him to the opening of the wine. Minnie took Rosemary’s elbow and they walked together into the living room.

“Listen, dear,” Minnie said, “do you have a good doctor?”

“Yes, a very good one,” Rosemary said.

“One of the top obstetricians in New York,” Minnie said, “is a dear friend of ours. Abe Sapirstein. A Jewish man. He delivers all the Society babies and he would deliver yours too if we asked him. And he’d do it cheap, so you’d be saving Guy some of his hard-earned money.”

“Abe Sapirstein?” Roman asked from across the room. “He’s one of the finest obstetricians in the country, Rosemary. You’ve heard of him, haven’t you?”

“I think so,” Rosemary said, recalling the name from an article in a newspaper or magazine.

“I have,” Guy said. “Wasn’t he on Open End a couple of

— Что?

— Рассказать об этом Минни и Роману. — Он предупреждающе поднял руку. — Знаю знаю, мы должны хранить глубокую тайну. Но я говорил им, что у нас, может быть, все скоро получится, и они тоже переживают. А они ведь такие старенькие, — Ги печально развел руками. — И если мы будем откладывать, то они, возможно, так никогда и не узнают...

— Ну, расскажи, — улыбнулась Розмари. Она была согласна сейчас на все.

Ги поцеловал ее в нос.

— Вернусь через две минуты, — сказал он и бросился к двери.

Наблюдая за ним, Розмари поняла, что Минни и Роман стали ему очень близки. Это и не удивительно: его мать была очень занятой женщиной, а ни один из ее мужей так и не заменил ему по настоящему отца. Кастиветы же были необходимы ему вместо родителей, даже если он сам этого не осознавал. И Розмари решила в дальнейшем думать о них получше.

Она прошла в ванную, умылась холодной водой, причесалась и подкрасила губы.

— А ведь ты беременная, — сказала она своему отражению в зеркале. (Но надо еще сдать анализ крови. Для чего?..) Когда она вышла в коридор, все уже стояли у входной двери: Минни в домашнем платье, Ром? — н с бутылкой в руках и Ги позади них, довольный и покрасневший.

— Вот это я называю «радостные вести»! — Минни подошла к Розмари, взяла ее за плечи и громко чмокнула в щеку. — По-здрав-ля-ем!

— Всего тебе наилучшего, Розмари, — сказал Роман и поцеловал ее в другую щеку. — Мы так рады, что и сказать нельзя. У нас, правда, не оказалось под рукой шампанского, но я думаю, что по такому случаю мы можем выпить бутылочку «Сен Джульена» 1961 года.

Розмари поблагодарила их.

— Когда же он родится? — спросила Минни.

— 28 июня.

— Теперь у тебя будет много забот, — сказала Минни.

— Мы будем вместо тебя ходить в магазин, — объявил Роман.

— Не надо, — пыталась отговориться Розмари.

Ги принес стаканы и штопор, и они с Романом занялись откупориванием бутылки. Минни взяла Розмари под локоть, и они вместе прошли в гостиную.

— Послушай, дорогая, — начала Минни. — У тебя хороший врач?

— Да, очень хороший.

— Дело в том, что один из самых известных гинекологов Нью Йорка — наш старый знакомый. Это Эйб Сапирштейн, еврей, он обследует женщин из медицинского профсоюза, но может понаблюдать и тебя, если мы его обетом попросим. И для нас он это сделает подешевле, так что вы еще сэкономите деньги.

— Эйб Сапирштейн? — переспросил Роман из коридора. — Он один из лучших врачей во всей стране! Ты должна была слышать о нем.

— Я слышал, — сказал Ги. — Он действительно очень

years ago?"

"That's right," Roman said. "He's one of the finest obstetricians in the country."

"Ro?" Guy said.

"But what about Dr. Hill?" she asked.

"Don't worry, I'll tell him something," Guy said. "You know me."

Rosemary thought about Dr. Hill, so young, so Kildare, with his lab that wanted more blood because the nurse had goofed or the technician had goofed or someone had goofed, causing her needless bother and concern.

Minnie said, "I'm not going to let you go to no Dr. Hill that nobody heard of! The best is what you're going to have, young lady, and the best is Abe Sapirstein!"

Gratefully Rosemary smiled her decision at them.

"If you're sure he can take me," she said. "He might be too busy."

"He'll take you," Minnie said. "I'm going to call him right now. Where's the phone?"

"In the bedroom," Guy said.

Minnie went into the bedroom. Roman poured glasses of wine.

"He's a brilliant man," he said, "with all the sensitivity of his much-tormented race." He gave glasses to Rosemary and Guy. "Let's wait for Minnie," he said.

They stood motionless, each holding a full wineglass, Roman holding two.

Guy said, "Sit down, honey," but Rosemary shook her head and stayed standing.

Minnie in the bedroom said,

"Abe? Minnie. Fine. Listen, a dear friend of ours just found out today that she's pregnant. Yes, isn't it? I'm in her apartment now. We told her you'd be glad to take care of her and that you wouldn't charge none of your fancy Society prices neither." She was silent, then said, "Wait a minute," and raised her voice.

"Rosemary? Can you go see him tomorrow morning at eleven?"

"Yes, that would be fine," Rosemary called back.

Roman said, "You see?"

"Eleven's fine, Abe," Minnie said. "Yes. You too. No, not at all. Let's hope so. Good-by."

She came back.

"There you are," she said. "I'll write down his address for you before we go. He's on Seventy-ninth Street and Park Avenue."

"Thanks a million, Minnie," Guy said, and Rosemary said, "I don't know how to thank you. Both of you."

Minnie took the glass of wine Roman held out to her.

"It's easy," she said. "Just do everything Abe tells you and have a fine healthy baby; that's all the thanks we'll ever ask for."

Roman raised his glass.

"To a fine healthy baby," he said.

"Hear, hear," Guy said, and they all drank; Guy, Minnie, Rosemary, Roman.

"Mmm," Guy said. "Delicious."

"Isn't it?" Roman said. "And not at all expensive."

"Oh my," Minnie said, "I can't wait to tell the news to

известный.

— Да, — подтвердил Роман. — Один из лучших гинекологов.

— Ну как, Ро? — спросил Ги.

— А как же с доктором Хиллом?

— Не волнуйся. Я ему что-нибудь скажу. Ты же знаешь меня...

Розмари подумала о докторе Хилле, очень молодом и похожем на Килдера, потом о лаборатории, где нужен был еще один анализ из-за того, что сестра чего-то недосмотрела или лаборант, или кто-то другой, а ей теперь придется напрасно волноваться.

— Я не позволю тебе ходить к доктору Хиллу, которого никто не знает, — заявила Минни. — Вам, юная леди, нужен только самый хороший врач, а это — Эйб Сапирштейн.

Розмари покорно улыбнулась.

— Ну, если вы считаете, что он сможет меня принять...

Он ведь, наверное, очень занятый человек.

— Он тебя примет, — твердо заверила Минни. — Я позвоню ему прямо сейчас. Где у вас телефон?

— В спальне, — ответил Ги.

Минни прошла в спальню, а Роман разлил по стаканам вино.

— Это прекрасный человек, — сказал он. — Очень чуткий, как и вся его многострадальная нация. Давайте подождем Минни.

Они молча ждали, держа в руках полные стаканы.

— Садись, дорогая, — предложил Ги, но Розмари покачала головой и продолжала стоять.

Послышался голос Минни из спальни.

— Эйб? Это Минни. Послушай, одна наша хорошая знакомая сегодня выяснила, что она беременна. Да, это прекрасно. Я звоню из ее квартиры. Мы сказали, что ты сможешь ее принять и что не будешь брать с нее дополнительной платы. — Она немного помолчала. — Подожди минуточку. — Она закричала из спальни, обращаясь к Розмари:

— Ты сможешь приехать к нему завтра в одиннадцать утра?

— Да, это очень удобно, — ответила Розмари.

— Вот видите? — улыбнулся Роман.

— Очень хорошо, в одиннадцать часов, Эйб, — говорила в трубку Минни. — Да. И ты тоже. Нет, вовсе нет. Будем надеяться. До свидания.

Она вышла из комнаты.

— Ну вот и все. Перед тем, как уйти, я напишу тебе его адрес. Это на пересечении Семьдесят девятой улицы и Парк авеню.

— Огромное вам спасибо, Минни, не знаю, как и благодарить вас обоих, — ответила Розмари.

Минни взяла протянутый ей Романом стакан.

— Это очень просто: делай все, что тебе скажет Эйб, и у тебя будет здоровый ребенок. Другой благодарности нам и не надо.

Роман поднял стакан.

— За чудесного здорового ребенка.

— За него, — поддержал Ги, и все выпили.

— О! — воскликнул Ги. — Очень вкусно!

— Правда? — спросил Роман. — И не очень дорого.

— Мне не терпится рассказать об этом Лауре Луизе, —

Laura-Louise.”

Rosemary said, “Oh, please. Don’t tell anyone else. Not yet. It’s so early.”

“She’s right,” Roman said. “There’ll be plenty of time later on for spreading the good tidings.”

“Would anyone like some cheese and crackers?” Rosemary asked.

“Sit down, honey,” Guy said. “I’ll get it.”

That night Rosemary was too fired with joy and wonder to fall asleep quickly. Within her, under the hands that lay alertly on her stomach, a tiny egg had been fertilized by a tiny seed. Oh miracle, it would grow to be Andrew or Susan! (“Andrew” she was definite about; “Susan” was open to discussion with Guy.) What was Andrew-or-Susan now, a pinpoint speck? No, surely it was more than that; after all, wasn’t she in her second month already? Indeed she was. It had probably reached the early tadpole stage. She would have to find a chart or book that told month by month exactly what was happening. Dr. Sapirstein would know of one.

A fire engine screamed by. Guy shifted and mumbled, and behind the wall Minnie and Roman’s bed creaked.

There were so many dangers to worry about in the months ahead; fires, falling objects, cars out of control; dangers that had never been dangers before but were dangers now, now that Andrew-or-Susan was begun and living. (Yes, living!) She would give up her occasional cigarette, of course. And check with Dr. Sapirstein about cocktails.

If only prayer were still possible! How nice it would be to hold a crucifix again and have God’s ear: ask Him for safe passage through the eight more months ahead; no German measles, please, no great new drugs with Thalidomide side effects. Eight good months, please, free of accident and illness, full of iron and milk and sunshine.

Suddenly she remembered the good luck charm, the ball of tannis root; and foolish or not, wanted it — no, needed it — around her neck. She slipped out of bed, tiptoed to the vanity, and got it from the Louis Sherry box, freed it from its aluminum-foil wrapping. The smell of the tannis root had changed; it was still strong but no longer repellent. She put the chain over her head.

With the ball tickling between her breasts, she tiptoed back to bed and climbed in. She drew up the blanket and, closing her eyes, settled her head down into the pillow. She lay breathing deeply and was soon asleep, her hands on her stomach shielding the embryo inside her.

PART TWO

Chapter 1

Now she was alive; was doing, was being, was at last herself and complete. She did what she had done before — cooked, cleaned, ironed, made the bed, shopped, took laundry to the basement, went to her sculpture class — but did everything against a new and serene background of knowing that Andrew-or-Susan (or Melinda) was every day a little bit bigger inside her than the day before, a little bit more clearly defined and

сказала Минни.

— Ну пожалуйста, — взмолилась Розмари. — Никому больше не говорите. Пока еще слишком рано!

— Она права, — согласился Роман. — Будет еще достаточно времени, чтобы сообщить это приятное известие.

— Кто-нибудь хочет сыр или галеты? — спросила Розмари.

— Садись, милая, — сказал Ги. — Я принесу все сам.

В этот день Розмари очень устала и заснула быстро. Внутри нее — под ладонями, которые она настороженно держала на животе, крошечное яичко было оплодотворено крошечным семенем. И вот чудо! — теперь оно превратится в Эндрю или в Сюзан! (Насчет «Эндрю» она была уверена, а «Сюзан» еще предстояло обсудить с Ги.) Какой сейчас Эндрю или Сюзан? Какого размера? С булавочную головку? Нет, наверное, больше, ведь идет уже второй месяц. Видимо, да. Возможно, он теперь размером с головастика. Надо будет купить книгу, в которой об этом подробно рассказывается: как развивается плод месяц за месяцем. Доктор Сапирштейн должен знать, где взять такую книгу.

Мимо их дома пронеслась пожарная машина. Ги проворчал что-то во сне и повернулся на другой бок, а за стеной за скрипела кровать Минни и Романа.

Теперь вокруг Розмари появилось множество новых опасностей: пожары, падающие предметы, потерявшие управление автомобили... То, что раньше не представляло для нее особой угрозы, отныне приобрело совсем другое значение, потому что уже начал жить Эндрю или Сюзан. (Да, жить!) Она, конечно, перестанет курить. И нужно будет спросить доктора Сапирштейна насчет коктейлей.

Если бы еще помогали молитвы! Как было бы хорошо снова взять в руки распятие и поговорить с Богом: попросить его, чтобы эти восемь месяцев прошли благополучно, чтобы не было ни краснухи, ни последствий от принятых когда-то лекарств. Восемь спокойных солнечных месяцев безо всяких несчастных случаев и болезней.

Неожиданно она вспомнила про талисман — шарик с таннисовым корнем — и, как ни странно, ей захотелось, чтобы он оказался на шее. Розмари выскользнула из под одеяла, прошла на цыпочках к трюмо, достала из коробки шарик, и развернула фольгу. Запах корня теперь изменился: он все еще был достаточно сильным, но уже не таким противным. Она надела цепочку на шею.

Шарик упал ей на грудь, и она вернулась в кровать, накрылась одеялом и уткнулась лицом в подушку. Скоро Розмари заснула, ровно дыша и положив обе руки на живот, как бы оберегая внутри себя крошечный зародыш.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1

Розмари словно ожила: в ее действиях и всей жизни появился новый смысл, она почувствовала себя полноценной. Делала она то же самое, что и раньше — готовила еду, убирала квартиру, гладила белье, заправляла постель, бегала по магазинам, ходила стирать в подвал и посещала кружок скульптуры, — но теперь все это делалось по другому, с сознанием того, что каждый день Эндрю или Сюзан (или Ме-

closer to readiness.

Dr. Sapirstein was wonderful; a tall sunburned man with white hair and a shaggy white moustache (she had seen him somewhere before but couldn't think where; maybe on Open End) who despite the Mies van der Rohe chairs and cool marble tables of his waiting room was reassuringly old-fashioned and direct.

"Please don't read books," he said. "Every pregnancy is different, and a book that tells you what you're going to feel in the third week of the third month is only going to make you worry. No pregnancy was ever exactly like the ones described in the books. And don't listen to your friends either. They'll have had experiences very different from yours and they'll be absolutely certain that their pregnancies were the normal ones and that yours is abnormal."

She asked him about the vitamin pills Dr. Hill had prescribed.

"No, no pills," he said. "Minnie Castevet has a herbarium and a blender; I'm going to have her make a daily drink for you that will be fresher, safer, and more vitamin-rich than any pill on the market. And another thing: don't be afraid to satisfy your cravings. The theory today is that pregnant women invent cravings because they feel it's expected of them. I don't hold with that. I say if you want pickles in the middle of the night, make your poor husband go out and get some, just like in the old jokes. Whatever you want, be sure you get it. You'll be surprised at some of the strange things your body will ask for in these next few months. And any questions you have, call me night or day. Call me, not your mother or your Aunt Fanny. That's what I'm here for."

She was to come in once a week, which was certainly closer attention than Dr. Hill gave his patients, and he would make a reservation at Doctors Hospital without any bother of filling out forms.

Everything was right and bright and lovely. She got a Vidal Sassoon haircut, finished with the dentist, voted on Election Day (for Lindsay for mayor), and went down to Greenwich Village to watch some of the outdoor shooting of Guy's pilot. Between takes Guy running with a stolen hot-dog wagon down Sullivan Street — she crouched on her heels to talk to small children and smiled, "Me too at pregnant women".

Salt, she found, even a few grains of it, made food inedible.

"That's perfectly normal," Dr. Sapirstein said on her second visit. "When your system needs it, the aversion will disappear. Meanwhile, obviously, no salt. Trust your aversions the same as you do your cravings."

She didn't have any cravings though. Her appetite, in fact, seemed smaller than usual. Coffee and toast was enough for breakfast, a vegetable and a small piece of rare meat for dinner. Each morning at eleven Minnie brought over what looked like

линда) был уже чуть больше, чем вчера, на день ближе к рождению.

Доктор Сапирштейн оказался прекрасным человеком: он был высокий, загорелый, с белыми волосами и пушистыми светлыми усами (где-то она уже видела его раньше, но никак не могла вспомнить, где именно — может быть, по телевизору?). И, несмотря на то, что в его кабинете стояли старинные дорогие стулья и холодные мраморные столы, сам он был приветливым и открытым.

— Пожалуйста, не увлекайтесь никакими книгами, — попросил он. — Каждая беременность протекает по своему, и вы будете волноваться, если начитаетесь таких пособий, где говорится, что вы должны ощущать на такой-то неделе или на таком-то месяце. Ни одна беременность не протекает так, как это описано в популярной литературе. И подруг тоже не надо слушать. То, что чувствовали они, может быть, совсем непохоже на то, что будет у вас, но на этом основании они могут начать убеждать вас, что их беременность прошла нормально, а ваша — нет.

Она спросила про таблетки с витаминами, которые посоветовал ей доктор Хилл.

— Не надо никаких таблеток, — ответил он. — У Минни Кастивет есть прекрасная оранжерея трав и миксер; я дам ей инструкции, и она будет готовить вам ежедневный напиток — более свежий, полезный и насыщенный витаминами, чем все аптечные таблетки. И еще одно: не стесняйтесь удовлетворять ваши прихоти в еде. Некоторые считают, что беременные женщины сами себе выдумывают разные причуды, потому что им так положено. Я с этим не согласен. Если вам среди ночи захочется маринованных огурчиков, пусть ваш бедный муж просыпается и достает их где угодно — как в старых анекдотах. Чего бы вам ни захотелось — ешьте, не задумываясь. Вы и сами удивитесь, как много новых вкусов появится у вас в эти месяцы. И по любому вопросу звоните мне — хоть днем, хоть ночью. Но только мне, а не своей маме или тетушке. Я здесь для этого и сижу.

Они договорились, что Розмари будет приходить каждую неделю. Конечно, это было более тщательное наблюдение, чем у доктора Хилла. К тому же Сапирштейн сказал, что место в больнице для врачей он займет сразу же в любой момент и без всякого заполнения бланков.

Наконец-то все встало на свои места, и это ей понравилось. Розмари сделала себе стрижку «сэссон», подлечила зубы, проголосовала на выборах за Линдсея и поехала в Гринвич Вилледж смотреть натуральные съемки телесериала, в котором играл Ги. Она часто садилась на корточки, болтая с маленькими ребятишками, и приветливо улыбалась беременным женщинам. «И я тоже беременна», — говорила ее улыбка.

Розмари обнаружила, что соль — даже несколько крупинок — делает для нее пищу совершенно несъедобной.

— Это вполне нормально, — успокоил доктор Сапирштейн, когда она пришла к нему во второй раз. — Как только организм потребует, все это прекратится. Ну, а пока, значит, никакая соль вам не нужна. Доверяйте своему организму во всем. И отвращениям, и новым потребностям.

Но потребности не появлялись. Аппетит у нее пропал. На завтрак она ела всего один ломтик поджаренного хлеба и кофе, на обед хватало маленького кусочка мяса с кровью и немного овощей. Каждое утро в одиннадцать часов Мин-

a watery pistachio milkshake. It was cold and sour.

“What’s in it?” Rosemary asked.

‘snips and snails and puppy-dogs’ tails,” Minnie said, smiling.

Rosemary laughed. “That’s fine,” she said, “but what if we want a girl?”

“Do you?”

“Well of course we’ll take what we get, but it would be nice if the first one were a boy.”

“Well there you are,” Minnie said.

Finished drinking, Rosemary said,

“No, really, what’s in it?”

“A raw egg, gelatin, herbs...”

“Tannis root?”

“Some of that, some of some other things.”

Minnie brought the drink every day in the same glass, a large one with blue and green stripes, and stood waiting while Rosemary drained it.

One day Rosemary got into a conversation by the elevator with Phyllis Kapp, young Lisa’s mother. The end of it was a brunch invitation for Guy and her on the following Sunday, but Guy vetoed the idea when Rosemary told him of it. In all likelihood he would be in Sunday’s shooting, he explained, and if he weren’t he would need the day for rest and study. They were having little social life just then. Guy had broken a dinner-and-theater date they had made a few weeks earlier with Jimmy and Tiger Haenigsen, and he had asked Rosemary if she would mind putting off Hutch for dinner. It was because of the pilot, which was taking longer to shoot than had been intended.

It turned out to be just as well though, for Rosemary began to develop abdominal pains of an alarming sharpness. She called Dr. Sapirstein and he asked her to come in. Examining her, he said that there was nothing to worry about; the pains came from an entirely normal expansion of her pelvis. They would disappear in a day or two, and meanwhile she could fight them with ordinary doses of aspirin.

Rosemary, relieved, said,

“I was afraid it might be an ectopic pregnancy.”

“Ectopic?” Dr. Sapirstein asked, and looked skeptically at her. She colored.

He said, “I thought you weren’t going to read books, Rosemary.”

“It was staring me right in the face at the drug store,” she said.

“And all it did was worry you. Will you go home and throw it away, please?”

“I will. I promise.”

“The pains will be gone in two days,” he said. “Ectopic pregnancy.” He shook his head.

But the pains weren’t gone in two days; they were worse, and grew worse still, as if something inside her were encircled by a wire being drawn tighter and tighter to cut it in two. There would be pain for hour after hour, and then a few minutes of relative painlessness that was only the pain gathering itself for a new assault. Aspirin did little good, and she was afraid of tak-

ни приносила стакан с напитком фисташкового цвета. Он был холодный и кислый.

— А что туда входит? — как-то поинтересовалась Розмари.

— Кидаю, что попало, — ответила Минни и улыбнулась. — Даже винтики и пружинки — для мальчика.

— Это прекрасно! — засмеялась Розмари. — А что, если мы захотим девочку?

— Девочку?

— Ну, нам, конечно, и то и другое неплохо, но все же лучше, чтобы первым оказался мальчик.

— Пей поскорее, — приказала Минни.

Закончив пить, Розмари спросила:

— Нет, а если серьезно, что входит в этот напиток?

— Сырое яйцо, желатин, травы...

— Таннисовый корень?

— Немного и его, и других трав.

Каждый день Минни приносила напиток в одном и том же стакане — он был большой, с синими и зелеными полосками — и ждала, пока Розмари опорожнит его.

Как-то раз Розмари разговорилась около лифта с Филлис Капп, матерью маленькой Лизы, которая пригласила ее и Ги на обед в воскресенье, но Ги сумел вежливо отказаться. Он объяснил, что скорее всего в воскресенье он уедет на съемки, а если нет, то ему надо будет отдохнуть и поучить свою роль. Они вообще в последнее время стали мало встречаться с друзьями. Ги позвонил Джимми и Тайгер Хенигсен и отменил встречу, о которой они договаривались за несколько недель до этого, а потом попросил Розмари, чтобы она не ходила больше в ресторан с Хатчем. И все это из-за съемок, затянувшихся на более длительное время, чем предполагалось.

Но оказалось, что они очень вовремя отменили свои визиты к друзьям, потому что у Розмари неожиданно начались боли в животе, и это ее очень встревожило. Она позвонила доктору Сапирштейну и договорилась о встрече. После обследования он заверил ее, что волноваться не следует: боли происходят из-за того, что началось расширение тазовых костей. И они обязательно пройдут через день или два, а пока можно принимать простой аспирин.

Розмари облегченно вздохнула.

— А я-то подумала, что у меня может быть неправильное размещение плода.

— Что? — переспросил доктор Сапирштейн и укоризненно посмотрел на нее. Розмари покраснела.

— А я-то подумал, что вы не будете читать всякую чепуху, — улыбнулся он.

— Но эта книжка так и смотрела на меня в магазине, — попыталась оправдаться Розмари.

— И только взволновала вас понапрасну. Когда придете домой, выкиньте ее, пожалуйста.

— Обязательно. Я вам обещаю.

— Боль пройдет через пару дней, — убеждал доктор. — Неправильное размещение плода, надо же!.. — и покачал головой.

Но через два дня боль не прошла, а, наоборот, усилилась; как будто внутри нее что-то медленно стягивалось проволокой и уже готово было вот вот разорваться. Боль продолжалась по несколько часов, затем на какое-то время наступало затишье, после которого приступ возобновлялся с новой силой. Аспирин помогал плохо, и, кроме того, Розмари боя-

ing too many. Sleep, when it finally came, brought harried dreams in which she fought against huge spiders that had cornered her in the bathroom, or tugged desperately at a small black bush that had taken root in the middle of the living room rug. She woke tired, to even sharper pain.

“This happens sometimes,” Dr. Sapirstein said. “It’ll stop any day now. Are you sure you haven’t been lying about your age? Usually it’s the older women with less flexible joints who have this sort of difficulty.”

Minnie, bringing in the drink, said,

“You poor thing. Don’t fret, dear; a niece of mine in Toledo had exactly the same kind of pains and so did two other women I know own. And their deliveries were real easy and they had beautiful healthy babies.”

“Thanks,” Rosemary said.

Minnie drew back righteously.

“What do you mean? That’s the gospel truth! I swear to God it is, Rosemary!”

Her face grew pinched and wan and shadowed; she looked awful. But Guy insisted otherwise.

“What are you talking about?” he said. “You look great. It’s that haircut that looks awful, if you want the truth, honey. That’s the biggest mistake you ever made in your whole life.”

The pain settled down to a constant presence, with no respite whatever. She endured it and lived with it, sleeping a few hours a night and taking one aspirin where Dr. Sapirstein allowed two. There was no going out with Joan or Elise, no sculpture class or shopping. She ordered groceries by phone and stayed in the apartment, making nursery curtains and starting, finally, on *The Decline and Fall of The Roman Empire*. Sometimes Minnie or Roman came in of an afternoon, to talk a while and see if there was anything she wanted. Once Laura-Louise brought down a tray of gingerbread. She hadn’t been told yet that Rosemary was pregnant.

“Oh my, I do like that haircut, Rosemary,” she said. “You look so pretty and up-to-date.” She was surprised to hear she wasn’t feeling well.

When the pilot was finally finished Guy stayed home most of the time. He had stopped studying with Dominick, his vocal coach, and no longer spent afternoons auditioning and being seen. He had two good commercials on deck — for Pall Mall and Texaco — and rehearsals of *Don’t I Know You From Somewhere?* were definitely scheduled to begin in mid-January. He gave Rosemary a hand with the cleaning, and they played time-limit Scrabble for a dollar a game. He answered the phone and, when it was for Rosemary, made plausible excuses.

She had planned to give a Thanksgiving dinner for some of their friends who, like themselves, had no family nearby; with the constant pain, though, and the constant worry over Andrew-or-Melinda’s well-being, she decided not to, and they ended up going to Minnie and Roman’s instead.

лась, что он может повредить ребенку. Когда сон одолевал ее, то начинали сниться кошмары: сражения с огромными пауками, которые загоняли ее в ванну, или же тщетные попытки вырваться из объятий маленького черного куста, выросшего прямо из ковра в гостиной. Розмари просыпалась измученная, и снова начинались боли.

— Иногда это встречается, — говорил ей доктор Сапирштейн. — Но теперь это может пройти в любую минуту. А вы не обманули меня насчет своего возраста? Обычно такое бывает у женщин постарше — у них кости таза не такие подвижные.

Минни, принося напиток, старалась успокоить ее:

— Бедняжка моя! Не волнуйся, у моей племянницы в Толедо были точно такие же боли, и еще у двух моих знакомых. А зато роды — легкие, и дети выросли здоровые.

— Спасибо, — отвечала Розмари.

Минни начала сердиться.

— Что ты хочешь этим сказать? Это же чистейшая правда! Клянусь Богом!

Лицо у Розмари стало бледным, изнуренным, под глазами залегли глубокие тени. Выглядела она ужасно. Но Ги с этим не соглашался.

— О чем ты говоришь, — негодовал он. — Если хочешь правду, то ты испортила свой вид этой прической, а все остальное прекрасно. Эта стрижка — твоя самая большая ошибка за всю жизнь.

Боль надежно обосновалась в ее теле, не давая больше никаких передышек. Постепенно Розмари свыклась с ней, спала всего несколько часов в сутки и принимала по одной таблетке аспирина, хотя доктор Сапирштейн разрешил ей по две. Теперь она уже не встречалась с Джоан и Элизой, перестала ходить на занятия и по магазинам. Продукты заказывала по телефону, а сама оставалась все время в квартире, шила занавески для детской и наконец начала читать «Крушение Римской империи». Иногда к ней заходили Минни с Романом, чтобы просто поговорить или спросить, не надо ли купить чего-нибудь. Один раз пришла Лаура Луиза и принесла поднос с пряниками. Она еще не знала о том, что Розмари беременна.

— Как мне нравится твоя стрижка, Розмари! — сказала она. — Ты с ней очень симпатичная и современная. — Она очень удивилась, когда узнала, что Розмари плохо себя чувствует.

Наконец съемки закончились, и Ги большую часть времени стал проводить дома. Он перестал заниматься с Домиником вокалом и не ходил больше на просмотры и прослушивания. Ему предложили сняться в двух рекламках — для «Пэлл Мэлл» и «Тексако», а репетиции пьесы «Мы с вами раньше не встречались?» теперь уже совершенно точно откладывались до середины января. Он помогал Розмари убирать квартиру, и они часто играли на время в скрэббл по доллару за партию. Ги сам подходил к телефону и, если спрашивали Розмари, придумывал правдоподобные отговорки.

Какое-то время она собиралась устроить в честь Дня Благодарения обед для друзей, у которых семьи были далеко, как и у них с Ги, но из-за сильной боли и волнений за Эндрю или Мелинду, решила все отложить, и они просто пошли в гости к Минни и Роману.

Chapter 2

One afternoon in December, while Guy was doing the Pall Mall commercial, Hutch called.

"I'm around the corner at City Center picking up tickets for Marcel Marceau," he said. "Would you and Guy like to come on Friday night?"

"I don't think so, Hutch," Rosemary said. "I haven't been feeling too well lately. And Guy's got two commercials this week."

"What's the matter with you?"

"Nothing, really. I've just been a bit under the weather."

"May I come up for a few minutes?"

"Oh do; I'd love to see you."

She hurried into slacks and a jersey top, put on lipstick and brushed her hair. The pain sharpened — locking her for a moment with shut eyes and clenched teeth — and then it sank back to its usual level and she breathed out gratefully and went on brushing.

Hutch, when he saw her, stared and said,

"My God."

"It's Vidal Sassoon and it's very in," she said.

"What's wrong with you?" he said. "I don't mean your hair."

"Do I look that bad?" She took his coat and hat and hung them away, smiling a fixed bright smile.

"You look terrible," Hutch said. "You've lost God-knows-how-many pounds and you have circles around your eyes that a panda would envy. You aren't on one of those 'Zen diets,' are you?"

"No."

"Then what is it? Have you seen a doctor?"

"I suppose I might as well tell you," Rosemary said. "I'm pregnant. I'm in my third month."

Hutch looked at her, nonplussed.

"That's ridiculous," he said. "Pregnant women gain weight, they don't lose it. And they look healthy, not —"

"There's a slight complication," Rosemary said, leading the way into the living room. "I have stiff joints or something, so I have pains that keep me awake most of the night. Well, one pain, really; it just sort of continues. It's not serious, though. It'll probably stop any day now."

"I never heard of 'stiff joints' being a problem," Hutch said.

"Stiff pelvic joints. It's fairly common."

Hutch sat in Guy's easy chair.

"Well, congratulations," he said doubtfully. "You must be very happy."

"I am," Rosemary said. "We both are."

"Who's your obstetrician?"

"His name is Abraham Sapirstein. He's —"

"I know him," Hutch said. "Or of him. He delivered two of Doris's babies." Doris was Hutch's elder daughter.

"He's one of the best in the city," Rosemary said.

"When did you see him last?"

"The day before yesterday. And he said just what I told you; it's fairly common and it'll probably stop any day now. Of course he's been saying that since it started..."

Глава 2

Однажды декабрьским днем, когда Ги был на съемках рекламы сигарет «Пэлл Мэлл», позвонил Хатч.

— Я здесь рядом — в Сити Сентр, пытаюсь достать билеты на Марселя Марсо. Вы с Ги не сможете пообедать со мной в пятницу?

— Вряд ли, Хатч, — ответила Розмари. — Я в последнее время неважно себя чувствую. А у Ги две съемки на этой неделе.

— Что с тобой случилось? — встревожился Хатч.

— Ничего страшного. Наверное, погода действует.

— Тогда можно, я найду к тебе на пару минут?

— Конечно, я очень хочу повидаться.

Она быстро нарядилась в джерсовую кофту и брюки, подкрасила губы и причесалась. На какой-то момент боль усилилась — Розмари закрыла глаза и стиснула зубы, — а потом опять стихла до обычного уровня. Она облегченно вздохнула и закончила приводить себя в порядок.

Увидев ее, Хатч изумился.

— Боже мой!

— Это все из-за прически.

— Да нет, я не имею в виду твою прическу, что с тобой такое?

— Неужели я так плохо выгляжу? — попыталась улыбнуться Розмари, вешая в шкаф его пальто.

— Просто ужасно! Ты похудела Бог знает на сколько, а под глазами такие круги, что даже бамбуковый медведь позавидует. Ты случайно не сидишь на какой-нибудь дзен буддистской диете?

— Нет.

— Тогда в чем же дело? Ты была у врача?

— Наверное надо все рассказать: я беременна. И пошел уже третий месяц.

Хатч удивленно поднял брови.

— Странно, — сказал он наконец. — Обычно беременные женщины набирают вес, а не худеют. И выглядят здоровыми, а не...

— У меня небольшие осложнения, — пояснила Розмари, провожая его в гостиную. — Суставы не очень подвижные, а от этого начались боли, и я плохо сплю по ночам. Вернее, это одна сплошная боль, и она не прекращается ни на минуту. Хотя это не опасно. Боль может кончиться в любую минуту.

— Впервые слышу, чтобы из-за суставов начинались какие-то осложнения.

— Неподвижные кости таза. Это обычное явление.

Хатч опустил в кресло Ги.

— Ну, поздравляю тебя, — не очень-то весело сказал он. — Ты, наверное, счастлива?

— Конечно, мы оба счастливы.

— А кто твой врач?

— Его зовут Авраам Сапирштейн. Он...

— Я знаю его, — перебил Хатч. — Не лично, правда. Он наблюдал Дорис. (Дорис была старшей дочерью Хатча.)

— Это один из лучших врачей в городе, — сообщила Розмари.

— Когда ты была у него последний раз?

— Позавчера. И он опять повторил то же самое — что это бывает и может пройти в любую минуту. Правда, он давно уже так говорит...

"How much weight have you lost?"

"Only three pounds. It looks —"

"Nonsense! You've lost far more than that!"

Rosemary smiled.

"You sound like our bathroom scale," she said. "Guy finally threw it out, it was scaring me so. No, I've lost only three pounds and one little space more. And it's perfectly normal to lose a little during the first few months. Later on I'll be gaining."

"I certainly hope so," Hutch said. "You look as if you're being drained by a vampire. Are you sure there aren't any puncture marks?"

Rosemary smiled.

"Well," Hutch said, leaning back and smiling too, "we'll assume that Dr. Sapirstein knows where of he speaks. God knows he should; he charges enough. Guy must be doing sensationally."

"He is," Rosemary said. "But we're getting bargain rates. Our neighbors the Castevets are close friends of his; they sent me to him and he's charging us his special non-Society prices."

"Does that mean Doris and Axel are Society?" Hutch said. "They'll be delighted to hear about it."

The doorbell rang. Hutch offered to answer it but Rosemary wouldn't let him.

"Hurts less when I move around," she said, going out of the room; and went to the front door trying to recall if there was anything she had ordered that hadn't been delivered yet.

It was Roman, looking slightly winded. Rosemary smiled and said,

"I mentioned your name two seconds ago."

"In a favorable context, I hope," he said. "Do you need anything from outside? Minnie is going down in a while and our house phone doesn't seem to be functioning."

"No, nothing," Rosemary said. "Thanks so much for asking. I phoned out for things this morning."

Roman glanced beyond her for an instant, and then, smiling, asked if Guy was home already.

"No, he won't be back until six at the earliest," Rosemary said; and, because Roman's pallid face stayed waiting with its questioning smile, added, "A friend of ours is here." The questioning smile stayed. She said, "Would you like to meet him?"

"Yes, I would," Roman said. "If I won't be intruding."

"Of course you won't." Rosemary showed him in.

He was wearing a black-and-white checked jacket over a blue shirt and a wide paisley tie. He passed close to her and she noticed for the first time that his ears were pierced — that the left one was, at any rate.

She followed him to the living-room archway.

"This is Edward Hutchins," she said, and to Hutch, who was rising and smiling, "This is Roman Castevet, the neighbor I just mentioned."

She explained to Roman:

"I was telling Hutch that it was you and Minnie who sent me to Dr. Sapirstein."

The two men shook hands and greeted each other. Hutch said,

"One of my daughters used Dr. Sapirstein too. On two occasions."

— И на сколько же ты похудела?

— Всего на три фунта. Хотя с виду кажется...

— Ерунда! Наверняка ты сбросила не меньше десяти. Розмари улыбнулась.

— Вы такой же противный, как наши весы. Ги их в конце концов выбросил, потому что они меня очень расстраивали. Нет, я похудела только на три фунта, и это вполне нормально — терять вес в начале беременности. Потом я начну поправляться.

— Я очень на это надеюсь, — сказал Хатч. — Но все равно ты выглядишь так, будто тебя высасывает вампир. Ты смотрела, на шее дырочек нет?

Розмари засмеялась.

— Ну, — продолжал Хатч, откинувшись на спинку кресла, — будем считать, что доктор Сапирштейн знает, что говорит. Я представляю, сколько вы ему платите! Наверное, Ги сейчас неплохо зарабатывает...

— Да, — ответила Розмари. — Но мы ему платим, как обычному врачу. Наши соседи Кастиветы — его хорошие друзья, это вы меня рекомендовали, и он не берет с нас дополнительной платы, хоть мы и не члены его профсоюза.

— Значит, Дорис и Аксель тоже входят в медицинский профсоюз! Надо будет их обрадовать.

Неожиданно в дверь позвонили. Хатч хотел было пойти открыть, но Розмари ему не дала.

— У меня боль утихает, когда я двигаюсь, — объяснила она, выходя из комнаты и вспоминая, не заказывала ли она что-то такое, что должны были доставить на дом.

Это оказался Роман, и выглядел он немного взбудораженным.

— А я о вас только что вспоминала, — улыбнулась Розмари.

— Я надеюсь, не плохими словами? Тебе ничего не нужно купить? Минни как раз отправляется по магазинам, а внутренний телефон испортился.

— Нет, спасибо. Я утром все заказала.

Роман заглянул в квартиру через ее плечо и спросил, дома ли Ги.

— Нет, он вернется самое раннее в шесть часов, — ответила Розмари и, видя на его бледном лице вопрос, добавила: — Ко мне пришел наш приятель. Я вас сейчас познакомлю.

— С удовольствием, если я не помешаю.

— Конечно, нет. — Розмари проводила его в гостиную.

На Романа был белый с черным клетчатый пиджак, голубая рубашка и широкий узорчатый галстук. Проходя через дверь, он на секунду оказался совсем близко к Розмари, и она с удивлением заметила, что у него проколоты уши. Во всяком случае, левое.

Розмари прошла вслед за ним в комнату.

— Это Эдвард Хатчинс. — Хатч встал и улыбнулся. — А это Роман Кастивет, наш сосед, о котором я только что вам говорила.

Она пояснила Роману:

— Я только что рассказывала Хатчу, что это вы с Минни направили меня к доктору Сапирштейну.

Мужчины пожали друг другу руки, и Хатч сказал:

— Одна из моих дочерей тоже наблюдалась у доктора Сапирштейна. Даже два раза.

“He’s a brilliant man,” Roman said. “We met him only last spring but he’s become one of our closest friends.”

“Sit down, won’t you?” Rosemary said. The men seated themselves and Rosemary sat by Hutch.

Roman said, “So Rosemary has told you the good news, has she?”

“Yes, she has,” Hutch said.

“We must see that she gets plenty of rest,” Roman said, “and complete freedom from worry and anxiety.”

Rosemary said, “That would be heaven.”

“I was a bit alarmed by her appearance,” Hutch said, looking at Rosemary as he took out a pipe and a striped rep tobacco pouch.

“Were you?” Roman said.

“But now that I know she’s in Dr. Sapirstein’s care I feel considerably relieved.”

“She’s only lost two or three pounds,” Roman said. “Isn’t that so, Rosemary?”

“That’s right,” Rosemary said.

“And that’s quite normal in the early months of pregnancy,” Roman said. “Later on she’ll gain — probably far too much.”

“So I gather,” Hutch said, filling his pipe.

Rosemary said, “Mrs. Castivet makes a vitamin drink for me every day, with a raw egg and milk and fresh herbs that she grows.”

“All according to Dr. Sapirstein’s directions, of course,” Roman said. “He’s inclined to be suspicious of commercially prepared vitamin pills.”

“Is he really?” Hutch asked, pocketing his pouch. “I can’t think of anything I’d be less suspicious of; they’re surely manufactured under every imaginable safeguard.” He struck two matches as one and sucked flame into his pipe, blowing out puffs of aromatic white smoke. Rosemary put an ashtray near him.

“That’s true,” Roman said, “but commercial pills can sit for months in a warehouse or on a druggist’s shelf and lose a great deal of their original potency.”

“Yes, I hadn’t thought of that,” Hutch said; “I suppose they can.”

Rosemary said,

“I like the idea of having everything fresh and natural. I’ll bet expectant mothers chewed bits of tannis root hundreds and hundreds of years ago when nobody’d even heard of vitamins.”

“Tannis root?” Hutch said.

“It’s one of the herbs in the drink,” Rosemary said. “Or is it an herb?” She looked to Roman. “Can a root be an herb?”

But Roman was watching Hutch and didn’t hear.

“Tannis?” Hutch said. “I’ve never heard of it. Are you sure you don’t mean ‘anise’ or ‘orris root’?”

Roman said, “Tannis.”

“Here,” Rosemary said, drawing out her charm. “It’s good luck too, theoretically. Brace yourself; the smell takes a little

— Он очень способный врач, — ответил Роман. — Мы с женой познакомились с ним меньше года назад, но он уже стал одним из лучших наших друзей.

— Садитесь, пожалуйста, — предложила Розмари и сама села в кресло рядом с Хатчем.

— Так Розмари уже сообщила вам приятные новости, да? — спросил Роман.

— Да, — подтвердил Хатч.

— Мы теперь следим, чтобы она побольше отдыхала, — продолжал Роман, — и совсем не волновалась.

— Так будет только в раю, — с улыбкой заметила Розмари.

— Меня немного встревожил ее вид, — сказал Хатч, озабоченно поглядывая на Розмари. Он достал трубку и полосатый репсовый кисет с табаком.

— Почему? — с недоумением спросил Роман.

— Она сильно сбавила в весе, — ответил Хатч. — Но теперь я знаю, что за ней наблюдает доктор Сапирштейн, и поэтому я спокоен.

— Что вы! Она похудела всего на два или три фунта, — убежденно заявил Роман. — Правда, Розмари?

— Правда, — согласилась она.

— А это вполне возможно в первые месяцы беременности. Потом она обязательно наберет вес и, может быть, даже лишний.

— Будем надеяться, — кивнул Хатч и начал набивать трубку.

— Миссис Кастивет каждый день готовит мне витаминный напиток из сырого яйца, молока и трав, которые она сама выращивает, — объяснила Розмари Хатчу.

— Конечно, в соответствии с рекомендациями доктора Сапирштейна, — поспешил добавить Роман. — Он не очень-то доверяет промышленным таблеткам.

— Правда? — удивился Хатч, убирая кисет в карман. — А по моему, нет ничего безопаснее того, что производится под тщательным наблюдением и контролем. — Он чиркнул сразу двумя спичками и втянул пламя в трубку, выпуская клубы ароматного дыма. Розмари поставила рядом с ним пепельницу.

— Это так, — согласился Роман, — но таблетки месяцами лежат на полках складов и аптек, и за это время теряют силу.

— Об этом я как-то не подумал. Наверное, вы правы, — сухо ответил Хатч.

Вдруг в разговор вмешалась Розмари:

— Мне тоже нравится принимать все свежее и натуральное. Я думаю, что давным давно, когда никто еще не слышал о витаминах, беременные женщины только и делали, что жевали кусочки таннисового корня.

— Таннисового корня? — переспросил Хатч.

— Это одна из трав, которые входят в мой напиток, — Объяснила Розмари. — А может, это и не трава вовсе? — Она вопросительно посмотрела на Романа. — Корни считаются травой?

Но Роман не сводил глаз с Хатча и, казалось, не слушал ее.

— Таннисовый? — задумался Хатч. — Никогда о таком не слышал. Ты уверена? Может быть, анисовый?

— Таннисовый, — подтвердил Роман.

— Вот, — сказала Розмари и вынула свой талисман. — Считается, что он приносит счастье. Только не пугайтесь: к

getting-used-to." She held the charm out, leaning forward to bring it closer to Hutch.

He sniffed at it and drew away, grimacing.

"I should say it does," he said.

He took the chained ball between two fingertips and squinted at it from a distance.

"It doesn't look like root matter at all," he said; "it looks like mold or fungus of some kind." He looked at Roman. "Is it ever called by another name?" he asked.

"Not to my knowledge," Roman said.

"I shall look it up in the encyclopedia and find out all about it," Hutch said. "Tannis. What a pretty holder or charm or whatever-it-is. Where did you get it?"

With a quick smile at Roman, Rosemary said,

"The Castevets gave it to me." She tucked the charm back inside her top.

Hutch said to Roman,

"You and your wife seem to be taking better care of Rosemary than her own parents would."

Roman said, "We're very fond of her, and of Guy too." He pushed against the arms of his chair and raised himself to his feet. "If you'll excuse me, I have to go now," he said. "My wife is waiting for me."

"Of course," Hutch said, rising. "It's a pleasure to have met you."

"We'll meet again, I'm sure," Roman said. "Don't bother, Rosemary."

"It's no bother." She walked along with him to the front door. His right ear was pierced too, she saw, and there were many small scars on his neck like a flight of distant birds. "Thanks again for stopping by," she said.

"Don't mention it," Roman said. "I like your friend Mr. Hutchins; he seems extremely intelligent."

Rosemary, opening the door, said, "He is."

"I'm glad I met him," Roman said. With a smile and a hand-wave he started down the hall.

"By," Rosemary said, waving back.

Hutch was standing by the bookshelves.

"This room is glorious," he said. "You're doing a beautiful job."

"Thanks," Rosemary said. "I was until my pelvis intervened. Roman has pierced ears. I just noticed it for the first time."

"Pierced ears and piercing eyes," Hutch said. "What was he before he became a Golden Ager?"

"Just about everything. And he's been everywhere in the world. Really everywhere."

"Nonsense; nobody has. Why did he ring your bell?— if I'm not being too inquisitive."

"To see if I needed anything from outside. The house phone isn't working. They're fantastic neighbors. They'd come in and do the cleaning if I let them."

"What's she like?"

Rosemary told him.

"Guy's gotten very close to them," she said. "I think they've become sort of parent-figures for him."

"And you?"

его запаху еще надо привыкнуть. — Она поднесла шарик поближе к Хатчу.

Тот понюхал его, сморщился и отпрянул.

— Да уж, действительно!..

Затем он взял шарик в руки и стал внимательно рассматривать его, немного прищурившись.

— Да он совсем и не похож на корень. Скорее тут плесень какая-то или грибок. — Хатч вопросительно посмотрел на Романа. — А у него есть другое название?

— Если и есть, то мне оно неизвестно, — отозвался тот.

— Я посмотрю в энциклопедии и все о нем разузнаю. Тannis. Какой симпатичный сувенир! Или амулет, или как там его называют... Откуда он у тебя?

Розмари улыбнулась.

— Кастиветы мне подарили. — Она убрала талисман под кофту.

Хатч заметил:

— По моему, вы заботитесь о Розмари даже больше, чем ее собственные родители.

— Мы очень любим ее, и Ги тоже. — Роман встал со стула. — Извините, но мне пора. Жена ждет.

— Да, конечно, — сказал Хатч, вежливо поднимаясь. — Приятно было познакомиться.

— Мы еще увидимся. Я уверен. Не провожай меня, Розмари, — ответил Роман.

— Мне не трудно. — Около самой двери она заметила, что и правое ухо у него тоже проколото, а на шее — множество мелких царапин, как будто от нападения какой-то хищной птицы. — Еще раз спасибо, что зашли, мистер Кастивет, — поблагодарила она.

— Не стоит. Мне понравился ваш друг Хатчинс. По моему, он очень интеллигентный человек.

— Да, это правда, — согласилась Розмари, открывая дверь.

— Я рад, что познакомился с ним. — Роман улыбнулся, помахал рукой и пошел к себе.

— До свидания, — сказала Розмари и тоже помахала ему.

Хатч все еще стоял у книжных полок.

— Комната у вас прекрасная. Ты, наверное, неплохо над ней поработала.

— Спасибо. Трудилась, пока не начались боли. А у Романа проколоты уши. Я только что это заметила.

— Пронзенные уши и пронзительные глаза... А кем он был, пока не достиг такого почтенного возраста?

— Ой, где он только не работал!.. Он за свою жизнь побывал буквально везде. В самом деле.

— Ерунда. Никто не может побывать везде. А зачем он заходил, если не секрет? Или, может быть, я становлюсь слишком любопытным?

— Он спросил, что мне купить. Домофон не работает.

Хатч, это просто необыкновенные соседи! Когда я решаю, они мне даже квартиру убирают.

— А она какая?

Розмари описала Минни и добавила:

— В последнее время Ги очень к ним привязался. Они буквально заменили ему родителей.

— А тебе?

"I'm not sure. Sometimes I'm so grateful I could kiss them, and sometimes I get a sort of smothery feeling, as if they're being too friendly and helpful. Yet how can I complain? You remember the power failure?"

"Shall I ever forget it? I was in an elevator."

"No."

"Yes indeed. Five hours in total darkness with three women and a John Bircher who were all sure that the Bomb had fallen."

"How awful."

"You were saying?"

"We were here, Guy and I, and two minutes after the lights went out Minnie was at the door with a handful of candles." She gestured toward the mantel. "Now how can you find fault with neighbors like that?"

"You can't, obviously," Hutch said, and stood looking at the mantel. "Are those the ones?" he asked.

Two pewter candlesticks stood between a bowl of polished stones and a brass microscope; in them were three-inch lengths of black candle ribbed with drippings.

"The last survivors," Rosemary said. "She brought a whole month's worth. What is it?"

"Were they all black?" he asked.

"Yes," she said. "Why?"

"Just curious." He turned from the mantel, smiling at her. "Offer me coffee, will you? And tell me more about Mrs. Castevet. Where does she grow those herbs of hers? In window boxes?"

They were sitting over cups at the kitchen table some ten minutes later when the front door unlocked and Guy hurried in.

"Hey, what a surprise," he said, coming over and grabbing Hutch's hand before he could rise. "How are you, Hutch? Good to see you!" He clasped Rosemary's head in his other hand and bent and kissed her cheek and lips. "How you doing, honey?" He still had his make-up on; his face was orange, his eyes black-lashed and large.

"You're the surprise," Rosemary said. "What happened?"

"Ah, they stopped in the middle for a rewrite, the dumb bastards. We start again in the morning. Stay where you are, nobody move; I'll just get rid of my coat." He went out to the closet.

"Would you like some coffee?" Rosemary called.

"Love some!"

She got up and poured a cup, and refilled Hutch's cup and her own. Hutch sucked at his pipe, looking thoughtfully before him.

Guy came back in with his hands full of packs of Pall Mall.

"Loot," he said, dumping them on the table. "Hutch?"

"No, thanks."

Guy tore a pack open, jammed cigarettes up, and pulled one out. He winked at Rosemary as she sat down again.

Hutch said, "It seems congratulations are in order."

Guy, lighting up, said,

"Rosemary told you? It's wonderful, isn't it? We're delight-

— Сама не пойму. Иногда я их так люблю, что готова расцеловать. А иногда появляется какое-то смутное чувство, будто они чересчур уж доброжелательны ко мне, и все это неспроста. Хотя как я могу на них жаловаться? Помните, в городе не было света?

— Как не помнить! Я в тот момент как раз оказался в лифте.

— Не может быть!

— Да, так получилось. Пришлось провести пять часов в полной темноте в компании трех женщин и Джона Берчера, и все они были уверены, что на нас упала атомная бомба.

— Это ужасно.

— Так что ты говорила?

— Мы в это время были дома, и через две минуты после того, как погас свет, пришла Минни и принесла свечи. — Розмари махнула рукой в сторону камина. — Как можно сердиться на таких соседей?

— Очевидно, нельзя, — сказал Хатч и посмотрел на камин. — Вот эти свечи? — спросил он.

Между вазой из полированного камня и старинным медным микроскопом стояли два оловянных подсвечника, в которых виднелись огарки двух черных свечей.

— Это последние, — пояснила Розмари. — Хотя она принесла тогда запас на целый месяц. А в чем дело?

— Они все были черные?

— Да, ну и что?

— Просто интересно. — Он повернулся и улыбнулся ей. — Давай выпьем кофе, хорошо? И расскажи мне еще о миссис Кастивет. Где она выращивает свои травы? За окном?

Они сидели за столом в кухне, как вдруг входная дверь распахнулась, и в квартиру влетел Ги.

— Вот это сюрприз! — воскликнул он и подскочил к Хатчу пожать руку, прежде чем тот успел встать со стула. — Как поживаете, Хатч? Рад вас видеть! — Другой рукой он обнял Розмари и поцеловал ее сперва в щеку, а потом в губы. — Как у тебя дела, дорогая? — На Ги еще оставался грим: лицо было оранжевым, а глаза с огромными искусственными ресницами.

— Да ты сам сюрприз, — улыбнулась Розмари. — Что случилось?

— Съёмки прервали прямо на середине, негодяи. Завтра с утра начнем опять. Сидите на месте и не шевелитесь — я сейчас сниму пальто. — И он вышел в коридор.

— Хочешь выпить с нами кофе? — вдогонку спросила Розмари.

— С удовольствием! — крикнул Ги уже из прихожей.

Она встала, налила еще одну чашку, а потом добавила кофе Хатчу и немного себе. Хатч потягивал трубку и о чем-то сосредоточенно думал.

Ги вернулся, держа в руках несколько пачек «Пэлл Мэлл».

— Это добыча, — пояснил он и положил сигареты на стол. — Будешь, Хатч?

— Нет, спасибо.

Ги распечатал пачку и достал сигарету. Розмари села за стол, и Ги заговорщически подмигнул ей.

— Тебя я тоже поздравляю, — сказал Хатчинс.

Ги прикурил.

— Так Розмари уже все вам рассказала? Это чудесно,

ed. Of course I'm scared stiff that I'll be a lousy father, but Rosemary'll be such a great mother that it won't make much difference."

"When is the baby due?" Hutch asked.

Rosemary told him, and told Guy that Dr. Sapirstein had delivered two of Hutch's grandchildren.

Hutch said, "I met your neighbor, Roman Castevet."

"Oh, did you?" Guy said. "Funny old duck, isn't he? He's got some interesting stories, though, about Otis Skinner and Modjeska. He's quite a theater buff."

Rosemary said, "Did you ever notice that his ears are pierced?"

"You're kidding," Guy said.

"No I'm not; I saw."

They drank their coffee, talking of Guy's quickening career and of a trip Hutch planned to make in the spring to Greece and Turkey.

"It's a shame we haven't seen more of you lately," Guy said, when Hutch had excused himself and risen. "With me so busy and Ro being the way she is, we really haven't seen anyone."

"Perhaps we can have dinner together soon," Hutch said; and Guy, agreeing, went to get his coat.

Rosemary said, "Don't forget to look up tannis root."

"I won't," Hutch said. "And you tell Dr. Sapirstein to check his scale; I still think you've lost more than three pounds."

"Don't be silly," Rosemary said. "Doctors' scales aren't wrong."

Guy, holding open a coat, said,

"It's not mine, it must be yours."

"Right you are," Hutch said. Turning, he put his arms back into it. "Have you thought about names yet," he asked Rosemary, "or is it too soon?"

"Andrew or Douglas if it's a boy," she said. "Melinda or Sarah if it's a girl."

"Sarah?" Guy said. "What happened to 'Susan'?" He gave Hutch his hat.

Rosemary offered her cheek for Hutch's kiss.

"I do hope the pain stops soon," he said.

"It will," she said, smiling. "Don't worry."

Guy said, "It's a pretty common condition."

Hutch felt his pockets.

"Is there another one of these around?" he asked, and showed them a brown fur-lined glove and felt his pockets again.

Rosemary looked around at the floor and Guy went to the closet and looked down on the floor and up onto the shelf.

"I don't see it, Hutch," he said.

"Nuisance," Hutch said. "I probably left it at City Center. I'll stop back there. Let's really have that dinner, shall we?"

"Definitely," Guy said, and Rosemary said, "Next week."

They watched him around the first turn of the hallway and then stepped back inside and closed the door.

"That was a nice surprise," Guy said. "Was he here long?"

правда? Вы даже не можете представить себе, как мы счастливы! Я, конечно, очень боюсь, что из меня получится никудышный отец, зато Розмари наверняка будет заботливейшей мамашей, поэтому все не так уж страшно.

— А когда родится ребенок?

Розмари ответила, а потом сообщила Ги, что доктор Сапирштейн принимал двух внуков Хатча.

— А я познакомился с вашим соседом Романом Кастиветом, — добавил он.

— Правда? — удивился Ги. — Смешной старикан, да? Но он очень интересно рассказывает про Отгиса Скиннера и Моджеску. Театральный старикашка.

— Ты никогда не замечал, что у него проколоты уши? — спросила Розмари.

— Ты шутишь.

— Нет. Я сама видела.

Они пили кофе и разговаривали о головокружительной карьере Ги и о путешествии по Греции и Турции, которое Хатч хотел совершить будущей весной.

— Нам так неудобно, что мы перестали видеться в последнее время, — сказал Ги, когда Хатч начал уже собираться. — Я сейчас очень занят, а Розмари себя неважно чувствует, так что мы почти ни с кем не встречаемся.

— Можно будет как-нибудь пообедать вместе, — предложил Хатч. Ги согласился и пошел в коридор доставать его пальто.

— Не забудьте посмотреть про таннисовый корень, — напомнила Розмари.

— Обязательно. А ты попроси доктора Сапирштейна, чтобы он проверил свои весы. Мне все-таки кажется, что ты похудела не на три фунта.

— Ерунда, — ответила Розмари. — У врачей весы не обманывают.

Ги помог Хатчу надеть пальто.

— Это, наверное, ваше? — шутливо спросил он.

— Правильно. — Хатч оделся. — А вы уже выбрали имя, или это еще рано?

— Если мальчик, то Эндрю или Даглас, — сказала Розмари. — А если девочка — Мелинда или Сара.

— Сара? — удивленно спросил Ги. — А куда девалась Сюзан? — Он уже подавал гостю шляпу.

Розмари по родственному подставила Хатчу щеку.

— Я все же надеюсь, что боли скоро пройдут, — сказал он.

— Конечно. — Она улыбнулась. — Не беспокойтесь.

— Это иногда бывает, — добавил Ги.

Хатч сунул руки в карманы.

— Второй такой же нигде не видно? — спросил он, показывая им коричневую отороченную мехом перчатку, и снова проверил карманы.

Розмари посмотрела на полу, а Ги пошел к шкафу и проверил полки.

— Тут не видно, — растерянно сказал он.

— Какая досада! — расстроился Хатч. — Наверное, я оставил ее в Сити Центр. Зайду туда по пути. И все-таки давайте как-нибудь пообедаем вместе.

— Обязательно. На этой неделе, — ответила Розмари.

Они подождали, пока Хатч завернет за угол коридора, потом вернулись в квартиру и закрыли дверь.

— Какой приятный сюрприз, — усмехнулся Ги. — И

“Not very,” Rosemary said. “Guess what he said.”

“What?”

“I look terrible.”

“Good old Hutch,” Guy said, “spreading cheer wherever he goes.”

Rosemary looked at him questioningly.

“Well he is a professional crepe-hanger, honey,” he said.

“Remember how he tried to sour us on moving in here?”

“He isn’t a professional crepe-hanger,” Rosemary said, going into the kitchen to clear the table.

Guy leaned against the doorjamb.

“Then he sure is one of the top-ranking amateurs,” he said.

A few minutes later he put his coat on and went out for a newspaper.

The telephone rang at ten-thirty that evening, when Rosemary was in bed reading and Guy was in the den watching television. He answered the call and a minute later brought the phone into the bedroom.

“Hutch wants to speak to you,” he said, putting the phone on the bed and crouching to plug it in. “I told him you were resting but he said it couldn’t wait.”

Rosemary picked up the receiver.

“Hutch?” she said.

“Hello, Rosemary,” Hutch said. “Tell me, dear, do you go out at all or do you stay in your apartment all day?”

“Well I haven’t been going out,” she said, looking at Guy; “but I could. Why?” Guy looked back at her, frowning, listening.

“There’s something I want to speak to you about,” Hutch said. “Can you meet me tomorrow morning at eleven in front of the Seagram Building?”

“Yes, if you want me to,” she said. “What is it? Can’t you tell me now?”

“I’d rather not,” he said. “It’s nothing terribly important so don’t brood about it. We can have a late brunch or early lunch if you’d like.”

“That would be nice.”

“Good. Eleven o’clock then, in front of the Seagram Building.”

“Right. Did you get your glove?”

“No, they didn’t have it,” he said, “but it’s time I got some new ones anyway. Good night, Rosemary. Sleep well.”

“You too. Good night.”

She hung up.

“What was that?” Guy asked.

“He wants me to meet him tomorrow morning. He has something he wants to talk to me about.”

“And he didn’t say what?”

“Not a word.”

Guy shook his head, smiling.

“I think those boys’ adventure stories are going to his head,” he said. “Where are you meeting him?”

“In front of the Seagram Building at eleven o’clock.”

Guy unplugged the phone and went out with it to the den; almost immediately, though, he was back.

“You’re the pregnant one and I’m the one with yens,” he said, plugging the phone back in and putting it on the night table. “I’m going to go out and get an ice cream cone. Do you

долго он здесь был?”

— Не очень. Знаешь, что он мне сказал?

— Что?

— Что я ужасно выгляжу.

— Добрый старый Хатч! Куда бы он ни пришел, везде становится веселее...

Розмари непонимающе посмотрела на него.

— Да он просто завел себе хобби портить людям настроение, — раздраженно продолжал Ги. — Помнишь, как он пытался отговорить нас въезжать сюда?

Ги оперся плечом о дверной косяк.

— Во всяком случае, у него это здорово выходит.

Через несколько минут Ги надел пальто и пошел за газетой.

В половине одиннадцатого вечера зазвонил телефон. Розмари уже лежала в кровати с книгой, а Ги сидел в кабине перед телевизором. Он подошел к телефону и через минуту принес его в спальню.

— Хатч хочет с тобой поговорить. — Он протянул трубку. — Я сказал, что ты уже отдыхаешь, но у него какое-то срочное дело.

Розмари взяла трубку.

— Хатч?

— Здравствуй, Розмари. Скажи мне дорогая, ты весь день сидишь дома, или все-таки куда-то выходишь?

— Я не выхожу, но мне можно. А что такое? Ги смотрел на нее и хмурился.

— Я с тобой хочу кое о чем поговорить, — сказал Хатч. — Давай встретимся завтра утром, в одиннадцать часов, перед зданием «Сигрэм».

— Ладно, если вам так удобно. А в чем дело? Сейчас нельзя рассказать?

— Лучше не надо. Ничего особенного, так что не переживай. Мы могли бы где-нибудь перекусить. Пусть это будет поздний завтрак. Или ранний ланч.

— Хорошо.

— Ну, ладно. Значит, завтра в одиннадцать у здания «Сигрэм».

— Хорошо. А вы нашли перчатку?

— Нет, ее там не было. Но мне все равно уже надо покупать новые. Спокойной ночи, Розмари. Отдыхай.

— Спокойной ночи, Хатч.

Она повесила трубку.

— Что у него случилось? — недовольно спросил Ги.

— Он хочет завтра со мной встретиться. Надо о чем-то поговорить.

— Он не сказал, о чем именно?

— Ни единого слова.

Ги покачал головой и саркастически усмехнулся.

— По моему, эти приключенческие детские рассказы начали действовать на его рассудок. И где же вы с ним договорились?

— Перед зданием «Сигрэм», в одиннадцать часов.

Ги выдернул телефон из розетки и понес его в кабинет. Однако очень скоро он вернулся.

— Беременная у нас ты, а прихоти появляются у меня, — сказал он и снова включил аппарат в спальне, поставив его на ночной столик. — Я пройду и куплю мороженого.

want one?"

"Okay," Rosemary said.

"Vanilla?"

"Fine."

"I'll be as quick as I can."

He went out, and Rosemary leaned back against her pillows, looking ahead at nothing with her book forgotten in her lap. What was it Hutch wanted to talk about? Nothing terribly important, he had said. But it must be something not unimportant too, or else he wouldn't have summoned her as he had. Was it something about Joan?—or one of the other girls who had shared the apartment?

Far away she heard the Castevets' doorbell give one short ring. Probably it was Guy, asking them if they wanted ice cream or a morning paper. Nice of him.

The pain sharpened inside her.

Chapter 3

The following morning Rosemary called Minnie on the house phone and asked her not to bring the drink over at eleven o'clock; she was on her way out and wouldn't be back until one or two.

"Why, that's fine, dear," Minnie said. "Don't you worry about a thing. You don't have to take it at no fixed time; just so you take it sometime, that's all. You go on out. It's a nice day and it'll do you good to get some fresh air. Buzz me when you get back and I'll bring the drink in then."

It was indeed a nice day; sunny, cold, clear, and invigorating. Rosemary walked through it slowly, ready to smile, as if she weren't carrying her pain inside her. Salvation Army Santa Clauses were on every corner, shaking their bells in their fool-nobody costumes. Stores all had their Christmas windows; Park Avenue had its center line of trees.

She reached the Seagram Building at a quarter of eleven and, because she was early and there was no sign yet of Hutch, sat for a while on the low wall at the side of the building's forecourt, taking the sun on her face and listening with pleasure to busy footsteps and snatches of conversation, to cars and trucks and a helicopter's racketing. The dress beneath her coat was — for the first satisfying time — snug over her stomach; maybe after lunch she would go to Bloomingdale's and look at maternity dresses. She was glad Hutch had called her out this way (but what did he want to talk about?); pain, even constant pain, was no excuse for staying indoors as much as she had. She would fight it from now on, fight it with air and sunlight and activity, not succumb to it in Bramford gloom under the well-meant pamperings of Minnie and Guy and Roman. Pain, begone! she thought; I will have no more of thee! The pain stayed, immune to positive thinking.

At five of eleven she went and stood by the building's glass doors, at the edge of their heavy flow of traffic. Hutch would probably be coming from inside, she thought, from an earlier appointment; or else why had he chosen here rather than someplace else for their meeting? She scouted the outgoing faces as best she could, saw him but was mistaken, then saw a man she had dated before she met Guy and was mistaken again. She

Тебе взять?

— Хорошо бы.

— Ванильного?

— Да.

Он ушел, а Розмари опустила на подушки и усталилась в пустоту, забыв о своей книге. О чем хочет поговорить Хатч? Ничего особенного, сказал он. Но и не пустяк, иначе бы он не стал беспокоить ее на ночь глядя. Может быть, что-то случилось с Джоан? Или с другой девушкой, которая тоже с ними жила?

Она услышала, как в коридоре кто-то позвонил один раз в дверь Кастиветов. Наверное, это Ги; хочет узнать, не купить ли и им тоже мороженого или газет. Очень мило с его стороны.

Боль усилилась.

Глава 3

На следующее утро Розмари позвонила Минни и попросила ее не приносить напиток в одиннадцать часов. Она объяснила, что будет в городе и вернется не раньше, чем в час или в два.

— Ничего страшного, дорогая, — сказала Минни. — Не беспокойся. Тебе ведь не обязательно пить его в определенное время, можно принимать когда угодно, вот и все. Иди, куда тебе надо. День сегодня чудесный и будет полезно подышать свежим воздухом. Позвони мне, когда вернешься, и я сразу же принесу твой напиток.

День был и правда чудесный: солнечный, свежий и бодрящий. Несмотря на сильную боль, Розмари готова была улыбаться. Санта Клаусы из Армии Спасения стояли с колокольчиками на каждом углу в своих нарядных костюмах, которые уже никого не могли обмануть. Витрины магазинов были украшены по рождественски, а на Парк авеню выросла целая аллея из елок.

Она подошла к зданию «Сигрэм» без четверти одиннадцать. Хатча еще не было, поэтому она уселась перед фонтаном и подставила лицо солнцу, прислушиваясь к шагам прохожих и обрывкам разговоров, шуму легковых машин и грузовиков. Сейчас она первый раз с удовольствием почувствовала, что платье туго обтягивает ее живот. Розмари решила, что после встречи с Хатчем она пройдет по магазинам и поищет платье для будущей матери. Она была рада, что из-за Хатча ей пришлось наконец-то выйти на улицу (только о чем он хочет с ней поговорить?). Боль, даже такая сильная, как у нее, все равно не должна быть оправданием для того, чтобы целыми днями сидеть дома. Надо бороться с ней, бороться очень активно, взяв в помощники воздух и солнце. Нельзя поддаваться унынию и потакать баловству Минни, Романа и Ги. «Боль, уходи! — подумала она. — Исчезни навсегда!» Но, несмотря на такое внушение, боль оставалась.

Без пяти одиннадцать она подошла к стеклянным дверям небоскреба «Сигрэм», где поток людей был наибольшим. «Возможно, Хатч выйдет изнутри, — подумала она. — Может быть, у него там другая встреча. Иначе зачем он выбрал именно это место?» Она напряжений всматривалась в лица прохожих, и в какой-то момент ей даже показалось, что она увидела его, но это была ошибка. Потом Розмари заметила

kept looking, stretching now and then on tiptoes; not anxiously, for she knew that even if she failed to see him, Hutch would see her.

He hadn't come by five after eleven, nor by ten after. At a quarter after she went inside to look at the building's directory, thinking she might see a name there that he had mentioned at one time or another and to which she might make a call of inquiry. The directory proved to be far too large and many-named for careful reading, though; she skimmed over its crowded columns and, seeing nothing familiar, went outside again.

She went back to the low wall and sat where she had sat before, this time watching the front of the building and glancing over occasionally at the shallow steps leading up from the sidewalk. Men and women met other men and women, but there was no sign of Hutch, who was rarely if ever late for appointments.

At eleven-forty Rosemary went back into the building and was sent by a maintenance man down to the basement, where at the end of a white institutional corridor there was a pleasant lounge area with black modern chairs, an abstract mural, and a single stainless-steel phone booth. A Negro girl was in the booth, but she finished soon and came out with a friendly smile. Rosemary slipped in and dialed the number at the apartment. After five rings Service answered; there were no messages for Rosemary, and the one message for Guy was from a Rudy Horn, not a Mr. Hutchins. She had another dime and used it to call Hutch's number, thinking that his service might know where he was or have a message from him. On the first ring a woman answered with a worried non-service —

“Yes?”

“Is this Edward Hutchins' apartment?” Rosemary asked.

“Yes. Who is this, please?” She sounded like a woman neither young nor old-in her forties, perhaps.

Rosemary said, “My name is Rosemary Woodhouse. I had an eleven o'clock appointment with Mr. Hutchins and he hasn't shown up yet. Do you have any idea whether he's coming or not?”

There was silence, and more of it.

“Hello?” Rosemary said.

“Hutch has told me about you, Rosemary,” the woman said. “My name is Grace Cardiff. I'm a friend of his. He was taken ill last night. Or early this morning, to be exact.”

Rosemary's heart dropped.

“Taken ill?” she said.

“Yes. He's in a deep coma. The doctors haven't been able to find out yet what's causing it. He's at St. Vincent's Hospital.”

“Oh, that's awful,” Rosemary said. “I spoke to him last night around ten-thirty and he sounded fine.”

“I spoke to him not much later than that,” Grace Cardiff said, “and he sounded fine to me too. But his cleaning woman came in this morning and found him unconscious on the bedroom floor.”

молодого человека, с которым встречалась еще до знакомства с Ги, но, приглядевшись внимательнее, поняла, что опять обозналась. Она продолжала искать глазами Хатча и изредка даже вставала на цыпочки, но все-таки не особенно старалась, потому что была уверена, что если даже и пропустит его, он все равно подойдет сам.

Однако Хатч не появился ни в пять минут двенадцатого, ни в десять. Розмари зашла в холл первого этажа, чтобы посмотреть списки служащих. Возможно, ей попадет какая-нибудь знакомая фамилия, которую она уже слышала от Хатча, и тогда можно будет навести справки. Но список оказался слишком длинный, чтобы прочитать все фамилии; она пробежалась по нему глазами, не нашла никого знакомого и снова вышла на улицу.

Сев на прежнее место, откуда по большим электронным часам на Парк авеню удобно было отсчитывать время, Розмари нетерпеливо поглядывала на проходивших мимо людей. Чужие мужчины и женщины находили друг друга, но Хатча по-прежнему не было, хотя раньше он никогда не опаздывал на свидания; во всяком случае — на свидания с ней.

В одиннадцать сорок она вошла в здание, и служащий из справочной направил ее в подвал, где в конце длинного белого коридора находился зал ожидания с современными черными стульями, абстрактной картиной на стене и единственной стеклянной телефонной кабиной. В кабине стояла симпатичная негритянка, но она быстро закончила разговор и вышла, приветливо улыбаясь. Розмари набрала номер своей квартиры. Однако дома никого не было. Тогда она перезвонила портье и выяснила, что для нее сообщений не было, а ее мужу звонил Руди Хорн, а не мистер Хатчинс. Розмари вынула еще одну десятицентовую монетку, чтобы позвонить Хатчу — там-то уж наверняка должны знать, где он сейчас находится. С первым же гудком трубку подняли и послышался взволнованный женский голос:

— Да?

— Это квартира Эдварда Хатчинса? — поинтересовалась Розмари.

— Да, а кто эта говорит? — Голос у женщины на тем конце провода был не старый и не молодой. «Сорок с небольшим, наверное», — решила Розмари.

— Меня зовут Розмари Вудхаус. Мистер Хатчинс назначил мне встречу в одиннадцать часов, но его до сих пор нет. Вы не знаете, он вообще придет?

Наступила долгая пауза.

— Алло! — взволнованно позвала Розмари.

— Хатч говорил мне о вас, — наконец ответила женщина. — Меня зовут Грейс Кардифф. Я его знакомая. Вчера вечером он заболел. Вернее, уже сегодня ночью.

У Розмари оборвалось сердце.

— Заболел?..

— Да. Он в состоянии глубокой комы. Врачи не могут понять, что происходит. Он в госпитале святого Винсента.

— Какой ужас! Я ведь только вчера разговаривала с ним, примерно в половине одиннадцатого, и голос у него был вполне здоровый...

— Я тоже с ним поздно разговаривала, и мне он тоже казался совершенно нормальным. Но уборщица пришла сегодня утром и увидела, что он лежит на полу без сознания.

“And they don't know what from?”

“Not yet. It's early though, and I'm sure they'll find out soon. And when they do, they'll be able to treat him. At the moment he's totally unresponsive.”

“How awful,” Rosemary said. “And he's never had anything like this before?”

“Never,” Grace Cardiff said. “I'm going back to the hospital now, and if you'll give me a number where I can reach you, I'll let you know when there's any change.”

“Oh, thank you,” Rosemary said. She gave the apartment number and then asked if there was anything she could do to help.

“Not really,” Grace Cardiff said. “I just finished calling his daughters, and that seems to be the sum total of what has to be done, at least until he comes to. If there should be anything else I'll let you know.”

Rosemary came out of the Seagram Building and walked across the forecourt and down the steps and north to the corner of Fifty-third Street. She crossed Park Avenue and walked slowly toward Madison, wondering whether Hutch would live or die, and if he died, whether she (selfishness!) would ever again have anyone on whom she could so effortlessly and completely depend. She wondered too about Grace Cardiff, who sounded silver-gray and attractive; had she and Hutch been having a quiet middle-aged affair? She hoped so. Maybe this brush with death—that's what it would be, a brush with death, not death itself; it couldn't be—maybe this brush with death would nudge them both toward marriage, and turn out in the end to have been a disguised blessing. Maybe. Maybe.

She crossed Madison, and somewhere between Madison and Fifth found herself looking into a window in which a small creche was spotlighted, with exquisite porcelain figures of Mary and the Infant and Joseph, the Magi and the shepherds and the animals of the stable. She smiled at the tender scene, laden with meaning and emotion that survived her agnosticism; and then saw in the window glass, like a veil hung before the Nativity, her own reflection smiling, with the skeletal cheeks and black-circled eyes that yesterday had alarmed Hutch and now alarmed her.

“Well this is what I call the long arm of coincidence!” Minnie exclaimed, and came smiling to her when Rosemary turned, in a white mock-leather coat and a red hat and her neckchained eyeglasses.

“I said to myself, ‘As long as Rosemary's out, I might as well go out, and do the last little bit of my Christmas shopping.’ And here you are and here I am! It looks like we're just two of a kind that go the same places and do the same things! Why, what's the matter, dear? You look so sad and downcast.”

“I just heard some bad news,” Rosemary said. “A friend of mine is very sick. In the hospital.”

“Oh, no,” Minnie said. “Who?”

“His name is Edward Hutchins,” Rosemary said.

“The one Roman met yesterday afternoon? Why, he was going on for an hour about what a nice intelligent man he was! Isn't that a pity! What's troubling him?”

— И никто не знает, отчего это произошло?

— Пока нет. Но еще рано. Я уверена, потом они выяснят. И тогда смогут лечить. А пока никто не может ему помочь.

— Господи, какой кошмар! — чуть не плакала Розмари. — С ним раньше ничего такого не случалось?

— Нет, никогда. Я сейчас еду в госпиталь, и если вы оставите мне свой телефон, я вам сразу же позвоню, как только узнаю что-нибудь новое.

— О, спасибо вам. — Розмари дала свой домашний телефон и спросила, не может ли она чем-нибудь быть полезной.

— Нет, спасибо. Пока ничего не надо. Я уже сообщила его дочерям, а больше для него ничего и не сделаешь, пока он не пришел в себя. Но как только понадобится ваша помощь, я сразу же дам вам знать.

Розмари вышла из здания «Сигрэм» и направилась на север по Пятдесят третьей улице. Перейдя через Парк авеню, она побрела в сторону Мэдисон Сквер, размышляя о том, выживет ли Хатч, а если он умрет (какой эгоизм!), то найдет ли она себе еще такого же друга, на которого можно было бы полностью положиться. Потом Розмари задумалась о Грейс Кардифф. По голосу ей представлялась красивая женщина с сединой. Может быть, у них с Хатчем был роман? Может, эта стычка со смертью — а именно так это и окажется: не сама смерть, а только стычка с ней, — так вот, может быть, эта стычка подтолкнет их, и они поженятся? И в конце концов выйдет, что все было к лучшему? Может быть, может быть...

Розмари перешла через Мэдисон Сквер и где-то около Пятой авеню заглянула в одну из витрин, в которой переливались на солнце яркие фарфоровые фигурки девы Марии, Иосифа, младенца, волхвов, пастухов и домашних животных. Розмари тепло улыбнулась: откуда-то из самого детства на нее вдруг нахлынули забытые приятные чувства, поселившиеся в ее душе еще задолго до теперешнего агностицизма. А потом в зеркальном стекле витрины словно сквозь пелену, наброшенную на сцену Рождества, она увидела свое худое улыбающееся лицо с резко очерченными скулами и черные круги под глазами, которые так напугали вчера Хатча, а сейчас встревожили и ее. Неожиданно кто-то тронул ее за плечо.

— Вот это рука судьбы! — радостно воскликнула возникшая за ее спиной Минни. Она была в белом пальто из искусственной кожи, красной шляпе и своих неизменных очках на цепочке. Ослепительно улыбаясь, Минни весело затараторила:

— А я сегодня сказала себе: если уж Розмари вышла на улицу, то, значит, и мне тоже пора идти и купить кое-что к Рождеству. И вдруг вижу тебя! Неужели мы с тобой ходим по одним и тем же магазинам?.. Но что с тобой, милочка? На тебе просто лица нет!

— У меня неприятные новости, — сообщила Розмари. — Мой друг серьезно заболел, и сейчас его отвезли в больницу.

— Какой кошмар! Кто же это?

— Его зовут Эдвард Хатчинс.

— Тот, с которым вчера познакомился Роман? Да он целый час потом говорил мне, какой это милый и интеллигентный человек! Какая жалость! А что с ним?

Rosemary told her.

"My land," Minnie said, "I hope it doesn't turn out the way it did for poor Lily Gardenia! And the doctors don't even know? Well at least they admit it; usually they cover up what they don't know with a lot of high-flown Latin. If the money spent putting those astronauts up where they are was spent on medical research down here, we'd all be a lot better off, if you want my opinion. Do you feel all right, Rosemary?"

"The pain is a little worse," Rosemary said.

"You poor thing. You know what I think? I think we ought to be going home now. What do you say?"

"No, no, you have to finish your Christmas shopping."

"Oh shoot," Minnie said, "there's two whole weeks yet. Hold onto your ears." She put her wrist to her mouth and blew stabbing shrillness from a whistle on a gold-chain bracelet. A taxi veered toward them. "How's that for service?" she said. "A nice big Checker one too."

Soon after, Rosemary was in the apartment again. She drank the cold sour drink from the blue-and-green-striped glass while Minnie looked on approvingly.

Chapter 4

She had been eating her meat rare; now she ate it nearly raw-broiled only long enough to take away the refrigerator's chill and seal in the juices.

The weeks before the holidays and the holiday season itself were dismal. The pain grew worse, grew so grinding that something shut down in Rosemary some center of resistance and remembered well-being — and she stopped reacting, stopped mentioning pain to Dr. Sapirstein, stopped referring to pain even in her thoughts. Until now it had been inside her; now she was inside it; pain was the weather around her, was time, was the entire world. Numbed and exhausted, she began to sleep more, and to eat more too more nearly raw meat.

She did what had to be done: cooked and cleaned, sent Christmas cards to the family — she hadn't the heart for phone calls — and put new money into envelopes for the elevator men, doormen, porters, and Mr. Micklas. She looked at newspapers and tried to be interested in students burning draft cards and the threat of a city-wide transit strike, but she couldn't: this was news from a world of fantasy; nothing was real but her world of pain. Guy bought Christmas presents for Minnie and Roman; for each other they agreed to buy nothing at all. Minnie and Roman gave them coasters.

They went to nearby movies a few times, but most evenings they stayed in or went around the hall to Minnie and Roman's, where they met couples named Fountain and Gilmore and Wees, a woman named Mrs. Sabatini who always brought her cat, and Dr. Shand, the retired dentist who had made the chain for Rosemary's tannis-charm. These were all elderly people who treated Rosemary with kindness and concern, seeing, apparently, that she was less than well. Laura-Louise was there

Розмари рассказала.

— Боже мой! — сокрушалась Минни. — Надеюсь, что все не кончится так, как с бедной Лили Гардинией. Неужели врачи ничего не могут сделать? Ну хорошо хоть, что они признаются в этом. Обычно медики прикрывают свое невежество потоком латинских выражений. Если хочешь знать, что я об этом думаю, то послушай: если бы все деньги, которые мы тратим на астронавтов и запуски ракет в космос, применить для медицинских исследований здесь, на земле, то болезней стало бы гораздо меньше. Тебе плохо, Розмари?

— Боль немного усилилась.

— Бедняжка! Знаешь что — нам уже пора домой. Как ты на это смотришь?

— Нет нет, вам же надо еще купить что-то к Рождеству.

— Ерунда. Впереди целых две недели. А теперь заткни уши. — Минни достала свисток на тонкой золотой цепочке и пронзительно свистнула. К ним сразу же подрулило такси — Ну, как тебе это нравится? — спросила она.

Скоро Розмари была уже в своей квартире. Она снова пила холодный кислый напиток из полосатого стакана, а Минни довольная наблюдала за ней.

Глава 4

Розмари всегда любила мясо с кровью, теперь же она ела его почти сырым — грела ровно столько, чтобы после холодильника оно не сводило зубы.

Неделя перед праздником и само Рождество были для нее просто ужасными. Боль усилилась до такой степени, что Розмари стало казаться, будто внутри нее что-то оборвалось — какой-то центр, сопротивлявшийся этой боли. Исчезли воспоминания о хорошем самочувствии, и она с какого-то момента просто перестала обращать внимание на эту боль; перестала говорить о ней с доктором Сапириштейном и даже думать на эту тему. Если раньше боль жила в ней, то теперь она сама начала жить внутри этой боли: боль для нее стала всем тем, что постоянно окружает человека — целым миром и временем. Розмари вконец измучилась, и теперь много спала и жадно поедала почти сырое мясо.

Она по-прежнему делала все необходимое по дому: готовила еду и убирала квартиру, отправила рождественские открытки домой (у нее не было настроения поздравлять родных по телефону), потом вложила деньги в поздравительные конверты лифтерам, портье и мистеру Микласу. Розмари читала газеты, старательно пытаясь проявить хоть какой-то интерес к студенческому протесту против призыва в армию или к забастовке, которая угрожала всему городу, но у нее ничего не получалось: ничего не было для нее более реальным, чем призрачный и абсурдный мир боли. Ги купил подарки для Минни и Романа, а друг другу они с Розмари договорились вообще ничего не покупать. Кастиветы подарили им серебряные подносы.

Несколько раз Розмари и Ги ходили в ближайший кино-театр, но в основном сидели дома или навещали Кастиветов. Там они познакомились с супругами Фаунтэн, Гилмор и Виз, потом с женщиной по фамилии Сабатини, которая все время привозила с собой кошку, и с доктором Шандом — бывшим зубным врачом, который изготовил цепочку для талисмана с таннисом. Все они были пожилые и относились к Розмари с неизменным вниманием и заботой, очевидно, за-

too, and sometimes Dr. Sapirstein joined the group. Roman was an energetic host, filling glasses and launching new topics of conversation. On New Year's Eve he proposed a toast "To 1966, The Year One" — that puzzled Rosemary, although everyone else seemed to understand and approve of it. She felt as if she had missed a literary or political reference — not that she really cared. She and Guy usually left early, and Guy would see her into bed and go back. He was the favorite of the women, who gathered around him and laughed at his jokes.

Hutch stayed as he was, in his deep and baffling coma. Grace Cardiff called every week or so.

"No change, no change at all," she would say. "They still don't know. He could wake up tomorrow morning or he could sink deeper and never wake up at all."

Twice Rosemary went to St. Vincent's Hospital to stand beside Hutch's bed and look down powerlessly at the closed eyes, the scarcely discernible breathing. The second time, early in January, his daughter Doris was there, sitting by the window working a piece of needlepoint. Rosemary had met her a year earlier at Hutch's apartment; she was a short pleasant woman in her thirties, married to a Swedish-born psychoanalyst. She looked, unfortunately, like a younger wigged Hutch.

Doris didn't recognize Rosemary, and when Rosemary had re-introduced herself she made a distressed apology.

"Please don't," Rosemary said, smiling. "I know. I look awful."

"No, you haven't changed at all," Doris said. "I'm terrible with faces. I forget my children, really I do."

She put aside her needlepoint and Rosemary drew up another chair and sat with her. They talked about Hutch's condition and watched a nurse come in and replace the hanging bottle that fed into his taped arm.

"We have an obstetrician in common," Rosemary said when the nurse had gone; and then they talked about Rosemary's pregnancy and Dr. Sapirstein's skill and eminence. Doris was surprised to hear that he was seeing Rosemary every week.

"He only saw me once a month," she said. "Till near the end, of course. Then it was every two weeks, and then every week, but only in the last month. I thought that was fairly standard."

Rosemary could find nothing to say, and Doris suddenly looked distressed again.

"But I suppose every pregnancy is a law unto itself," she said, with a smile meant to rectify tactlessness.

"That's what he told me," Rosemary said.

That evening she told Guy that Dr. Sapirstein had only seen Doris once a month.

"Something is wrong with me," she said. "And he knew it right from the beginning."

"Don't be silly," Guy said. "He would tell you. And even if he wouldn't, he would certainly tell me."

"Has he? Has he said anything to you?"

"Absolutely not, Ro. I swear to God."

мечая ее плохое самочувствие. Лаура Луиза тоже бывала там, а иногда к ним присоединялся и доктор Сапирштейн. Роман был прекрасным хозяином — он всегда вовремя наполнял стаканы и умело менял темы бесед. В канун Нового года он предложил тост «За 1966 год, год Номер Один». Розмари это удивило, хотя все остальные его поняли и тост им понравился. Она подумала, что чего-то не успела прочесть в газетах, но, в общем, ей было все равно. Обычно они уходили рано, Ги клал ее спать, а сам возвращался. Он был любимчиком у здешних женщин, которые стойкой собирались вокруг него и весело смеялись над всеми его шутками.

Хатч оставался в коме, по-прежнему глубокой и непобедимой. Грейс Кардифф звонила каждую неделю.

— Никаких перемен, никаких... — с горечью говорила она. — Они до сих пор ничего не в силах понять. Он может прийти в себя завтра утром, а может погрузиться еще глубже, и тогда уже больше не очнется.

Два раза Розмари ездила в госпиталь святого Винсента. Она стояла у кровати Хатча и беспомощно смотрела на его закрытые глаза, чутко прислушиваясь к едва различимому дыханию. Второй раз, в начале января, она встретила там с его дочерью Дорис, которая сидела у окна палаты с каким-то рукоделием. Розмари познакомилась с ней у Хатча год назад. Эта невысокая милая женщина лет тридцати была замужем за инженером, шведом по происхождению. К несчастью, дочь очень сильно походила на Хатча, но в отличие от отца была с длинными волосами.

Дорис не узнала Розмари, но когда та представилась еще раз, начала смущенно извиняться.

— Не надо, — улыбнулась Розмари. — Я сейчас ужасно выгляжу и прекрасно об этом знаю.

— Нет, вы совсем не изменились. Просто я очень плохо помню лица. Я иногда даже своих детей не узнаю.

Дорис отложила вышивание, и Розмари под села к ней. Они обсудили состояние Хатча. Потом пришла медсестра и поменяла пузырек в капельнице.

— А у нас с вами один и тот же гинеколог, — сообщила Розмари, как только ушла медсестра. Они поговорили немного о беременности Розмари и о докторе Сапирштейне, о том, какой он способный и знаменитый. Дорис очень удивилась, когда Розмари сказала, что Ходит к нему каждую неделю.

— Поначалу он осматривал меня раз в месяц, — сказала она. — Потом мы стали встречаться каждые две недели, и лишь в самом конце — раз в неделю. Это было уже на последнем месяце. И мне казалось, что так у всех.

Розмари не нашлась, что ответить, и Дорис почувствовала себя неловко.

— Но, наверное, каждая беременность проходит по своему, — спохватилась она и улыбнулась, пытаясь замаять свою бестактность.

— Именно это он мне и говорит.

Вечером она рассказала Ги, что доктор Сапирштейн осматривал Дорис только раз в месяц.

— Со мной что-то не так, — забеспокоилась она. — И он это знал с самого начала.

— Не будь дурочкой, — ответил Ги. — Он бы тебе все рассказал. А если не тебе, то уж мне-то наверняка.

— Да? Он тебе что-нибудь говорил?

— Ничего. Клянусь Богом, ничего.

“Then why do I have to go every week?”

“Maybe that’s the way he does it now. Or maybe he’s giving you better treatment, because you’re Minnie and Roman’s friend.”

“No...”

“Well I don’t know; ask him,” Guy said. “Maybe you’re more fun to examine than she was.”

She asked Dr. Sapirstein two days later.

“Rosemary, Rosemary,” he said to her; “what did I tell you about talking to your friends? Didn’t I say that every pregnancy is different?”

“Yes, but —”

“And the treatment has to be different too. Doris Allert had had two deliveries before she ever came to me, and there had been no complications whatever. She didn’t require the close attention a first-timer does.”

“Do you always see first-timers every week?”

“I try to,” he said. “Sometimes I can’t. There’s nothing wrong with you, Rosemary. The pain will stop very soon.”

“I’ve been eating raw meat,” she said. “Just warmed a little.”

“Anything else out of the ordinary?”

“No,” she said, taken aback; wasn’t that enough?

“Whatever you want, eat it,” he said. “I told you you’d get some strange cravings. I’ve had women eat paper. And stop worrying. I don’t keep things from my patients; it makes life too confusing. I’m telling you the truth. Okay?”

She nodded.

“Say hello to Minnie and Roman for me,” he said. “And Guy too.”

She began the second volume of *The Decline and Fall*, and began knitting a red-and-orange-striped muffler for Guy to wear to rehearsals. The threatened transit strike had come about but it affected them little since they were both at home most of the time. Late in the afternoon they watched from their bay windows the slow-moving crowds far below.

“Walk, you peasants!” Guy said. “Walk! Home, home, and be quick about it!”

Not long after telling Dr. Sapirstein about the nearly raw meat, Rosemary found herself chewing on a raw and dripping chicken heart in the kitchen one morning at four-fifteen. She looked at herself in the side of the toaster, where her moving reflection had caught her eye, and then looked at her hand, at the part of the heart she hadn’t yet eaten held in red-dripping fingers. After a moment she went over and put the heart in the garbage, and turned on the water and rinsed her hand. Then, with the water still running, she bent over the sink and began to vomit.

When she was finished she drank some water, washed her face and hands, and cleaned the inside of the sink with the spray attachment. She turned off the water and dried herself and stood for a while, thinking; and then she got a memo pad and a pencil from one of the drawers and went to the table and sat down

— Тогда почему он хочет, чтобы я показывалась ему каждую неделю?

— Может быть, он сейчас всех так смотрит. А может, он проявляет к тебе больше внимания, потому что ты знакомая Минни и Романа.

— Нет.

— Ну тогда я не знаю, спроси у него самого. Может быть, ему нравится тебя осматривать, а ее — нет.

Через два дня она все же спросила об этом самого доктора Сапирштейна.

— Эх, Розмари, Розмари... Ну что я вам говорил по поводу ваших подружек! Разве я не предупреждал, что каждая беременность протекает по своему?

— Да, но...

— И наблюдение тоже надо вести по разному. Дорис Аллерт уже два раза рожала до нашей с ней встречи, и во время предыдущих беременностей никаких отклонений у нее не было. Поэтому ее и не надо было наблюдать так тщательно, как женщину, которая собирается рожать впервые.

— А вы разве всех смотрите каждую неделю, кто рожает первый раз?

— Пытаюсь, но иногда мне это не удается. С вами все в порядке, Розмари. Боль скоро пройдет.

— Я начала есть сырое мясо. Только немного его разогреваю.

— Еще что-нибудь необычное?

— Нет, — сказала она и про себя удивилась: разве этого не достаточно?

— Ешьте все, что вам захочется. Я ведь уже говорил вам, что у беременной женщины могут появиться самые разные вкусы. Некоторые даже едят бумагу. И перестаньте наконец волноваться! Я не держу никаких секретов от своих пациентов — жизнь и без того сложна. Я вам говорю чистую правду. Ну так как, вы успокоились?

Розмари кивнула.

— Передавайте привет Минни и Роману, — сказал он. — И Ги тоже.

Розмари читала уже второй том «Крушения» и начала вязать Ги полосатый красно-оранжевый шарф для репетиций. Забастовка, о которой так много писали в газетах, все-таки началась, но они практически не ощутили ее последствий, потому что большую часть времени сидели дома, лишь иногда по вечерам наблюдая из окна за толпами, медленно плывущими по улице.

— Эй, крестьяне! — кричал на них Ги. — Домой! Убирайтесь домой, да побыстрее!

Вскоре после того как Розмари рассказала доктору Сапирштейну о своем пристрастии к сырому мясу, она поймала себя на том, что жует сырое куриное сердце. Произошло это на кухне. Розмари посмотрела на свое тусклое отражение в хромированном корпусе тостера, потом опустила взгляд на руку и увидела полусъеденное сердце; по ее пальцам струилась кровь. Она тут же выбросила остатки сердца в мусор, открыла воду и смыла с ладони кровь. Потом, не выключая воду, наклонилась над раковиной и ее вырвало.

Попив воды, она немного успокоилась, умыла лицо, руки и тщательно вычистила раковину специальным средством, выключила воду, вытерлась и некоторое время молча простояла в задумчивости. Затем достала из ящика блокнот, ручку, села за стол и начала писать.

and began to write.

Guy came in just before seven in his pajamas. She had the Life Cookbook open on the table and was copying a recipe out of it.

"What the hell are you doing?" he asked.

She looked at him. "Planning the menu," she said. "For a party. We're giving a party on January twenty-second. A week from next Saturday." She looked among several slips of paper on the table and picked one up. "We're inviting Elise Dunstan and her husband," she said, "Joan and a date, Jimmy and Tiger, Allan and a date, Lou and Claudia, the Chens, the Wendells, Dee Bertillon and a date unless you don't want him, Mike and Pedro, Bob and Thea Goodman, the Kapps" — she pointed in the Kapps' direction — "and Doris and Axel Allen, if they'll come. That's Hutch's daughter."

"I know," Guy said.

She put down the paper.

"Minnie and Roman are not invited," she said. "Neither is Laura-Louise. Neither are the Fountains and the Gilmores and the Weeses. Neither is Dr. Sapirstein. This is a very special party. You have to be under sixty to get in."

"Whew," Guy said. "For a minute there I didn't think I was going to make it."

"Oh, you make it," Rosemary said. "You're the bartender."

"Swell," Guy said. "Do you really think this is such a great idea?"

"I think it's the best idea I've had in months."

"Don't you think you ought to check with Sapirstein first?"

"Why? I'm just going to give a party; I'm not going to swim the English Channel or climb Annapurna."

Guy went to the sink and turned on the water. He held a glass under it.

"I'll be in rehearsal then, you know," he said. "We start on the seventeenth."

"You won't have to do a thing," Rosemary said. "Just come home and be charming."

"And tend bar." He turned off the water and raised his glass and drank.

"We'll hire a bartender," Rosemary said. "The one Joan and Dick used to have. And when you're ready to go to sleep I'll chase everyone out."

Guy turned around and looked at her.

"I want to see them," she said. "Not Minnie and Roman. I'm tired of Minnie and Roman."

He looked away from her, and then at the floor, and then at her eyes again.

"What about the pain?" he asked.

She smiled drily. "Haven't you heard?" she said. "It's going to be gone in a day or two. Dr. Sapirstein told me so."

Everyone could come except the Allerts, because of Hutch's condition, and the Chens, who were going to be in London taking pictures of Charlie Chaplin. The bartender wasn't available but knew another one who was. Rosemary took a loose brown velvet hostess gown to the cleaner, made an appointment to have her hair done, and ordered wine and liquor and ice cubes and the ingredients of a Chilean seafood casserole called chupe.

On the Thursday morning before the party, Minnie came with the drink while Rosemary was picking apart crabmeat and

Ги, уже в пижаме, пришел к ней на кухню в половине восьмого. Перед Розмари лежала раскрытая кулинарная книга. Она выписывала из нее рецепты.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он.

— Составляю меню, — сказала она. — Для вечеринки. Двадцать второго января у нас будут гости. Через неделю. — Она поглядела на разбросанные по столу листочки бумаги и подняла один из них. — Мы пригласим Элизу Дунстан с мужем, Джоан с приятелем, Джимми и Тайгер, Аллана с подругой, Лу и Клаудию, Ченсов, Венделлов, Ди Бертиллона с его девушкой — если, конечно, ты хочешь их видеть, — Майка и Педро, Боба и Теа Гудманов, Каппов, — тут она жестом указала в сторону их двери, — и еще Дорис и Аксель Аллерт, если они смогут прийти. Дорис — это дочь Хатча, — пояснила она.

— Знаю, — ответил Ги.

Розмари положила листок на стол.

— Минни и Роман не приглашены. И Лаура Луиза тоже. А также Фаунгэны, Гилморы и Визы. И доктор Сапирштейн вместе с ними. Это будет особая вечеринка — только для тех, кому меньше шестидесяти.

— Вот это да! — озабоченно покачал головой Ги. — А я-то в списке есть?

— Да, ты есть. И ты будешь барменом.

— О Господи! Ты и правда думаешь, что это будет хорошо?

— По моему, у меня уже давно не было такой блестящей идеи.

— Может быть, сначала стоит посоветоваться с Сапирштейном?

— Зачем? Я просто собираюсь устроить вечеринку, а не переплывать Ла Манш и не взбираться на Аннапурну.

Ги подошел к умывальнику, открыл воду и подставил под струю стакан.

— Ты знаешь, у меня ведь с семнадцатого уже начнутся репетиции.

— Но тебе ничего не придется делать, — ответила Розмари. — Просто быть дома и всех очаровывать.

— И готовить напитки. — Он поднял стакан и выпил.

— Ладно, бармена мы найдем. Того, который был у Джоан и Дика, — помнишь? А когда ты захочешь спать, я всех выгоню.

Ги повернулся и с сомнением посмотрел на нее.

— Я хочу видеть именно их, — пояснила Розмари. — А не Минни с Романом. Я устала уже от всех этих стариков.

Ги отвернулся и уставился в пол. Потом снова посмотрел на нее.

— А как твои боли? Розмари сухо улыбнулась.

— Разве я тебе не говорила? Через пару дней все пройдет. Так мне сказал доктор Сапирштейн.

Обещали прийти все, кроме Аллертов — из-за болезни Хатча — и Ченсов, которые уезжали в Лондон фотографировать Чарли Чаплина. Бармен тоже не смог прийти, зато он порекомендовал другого. Розмари отнесла в чистку свое длинное коричневое бархатное платье, договорилась в парикмахерской насчет прически, заказала вино, ликеры, лед и все необходимое для чилийской запеканки из даров моря.

Утром в четверг как всегда пришла Минни со своим полосатым стаканом и застала Розмари за разделкой крабов и

lobster tails.

"That looks interesting," Minnie said, glancing into the kitchen. "What is it?"

Rosemary told her, standing at the front door with the striped glass cold in her hand.

"I'm going to freeze it and then bake it Saturday evening," she said. "We're having some people over."

"Oh, you feel up to entertaining?" Minnie asked.

"Yes, I do," Rosemary said. "These are old friends whom we haven't seen in a long time. They don't even know yet that I'm pregnant."

"I'd be glad to give you a hand if you'd like," Minnie said. "I could help you dish things out."

"Thank you, that's sweet of you," Rosemary said, "but I really can manage by myself. It's going to be buffet, and there'll be very little to do."

"I could help you take the coats."

"No, really, Minnie, you do enough for me as it is. Really."

Minnie said, "Well, let me know if you change your mind. Drink your drink now."

Rosemary looked at the glass in her hand.

"I'd rather not," she said, and looked up at Minnie. "Not this minute. I'll drink it in a little while and bring the glass back to you."

Minnie said, "It doesn't do to let it stand."

"I won't wait long," Rosemary said. "Go on. You go back and I'll bring the glass to you later on."

"I'll wait and save you the walk."

"You'll do no such thing," Rosemary said. "I get very nervous if anyone watches me while I'm cooking. I'm going out later, so I'll be passing right by your door."

"Going out?"

"Shopping. Scoot now, go on. You're too nice to me, really you are."

Minnie backed away.

"Don't wait too long," she said. "It's going to lose its vitamins."

Rosemary closed the door. She went into the kitchen and stood for a moment with the glass in her hand, and then went to the sink and tipped out the drink in a pale green spire drilling straight down into the drain.

She finished the chupe, humming and feeling pleased with herself. When it was covered and stowed away in the freezer compartment she made her own drink out of milk, cream, an egg, sugar, and sherry. Shaken in a covered jar, it poured out tawny and delicious-looking.

"Hang on, David-or-Amanda," she said, and tasted it and found it great.

Chapter 5

For a little while around half past nine it looked as if no one was going to come. Guy put another chunk of cannel coal on the fire, then raked the tongs and brushed his hands with his handkerchief; Rosemary came from the kitchen and stood motionless in her pain and her just-right hair and her brown velvet; and the bartender, by the bedroom door, found things to do with lemon peel and napkins and glasses and bottles. He was a prosperous-looking Italian named Renato who gave the impression that he tended bar only as a pastime and would leave if he

омаров.

— Как интересно! — заулыбалась она, устремляясь в кухню. — Что это?

Розмари объяснила, остановив ее в дверях.

— Сейчас я все это заморозю, а в субботу буду готовить. К нам придут гости.

— Решили повеселиться?

— Да. У нас много старых друзей, которых мы не видели уже сто лет. Многие даже не знают еще, что я беременна.

— Я могла бы помочь, если хочешь. Я умею хорошо накрывать на стол.

— Спасибо за предложение. Но я думаю, что управлюсь сама. У нас будет все а ля фуршет, так что мне почти ничего не придется делать.

— Пальто можно будет сложить у нас.

— Не стоит, Минни. Вы и без того для меня много делаете. Правда.

— Ну, если передумаешь, дай знать. А теперь пей.

Розмари с отвращением посмотрела на стакан.

— Я не хочу. То есть, сейчас не хочу. Я попозже выпью, а стакан принесу.

— Ему нельзя долго стоять.

— А он и не будет стоять. Вы идите. А стакан я верну потом.

— Я могу и подождать, чтобы тебе не надо было идти ко мне.

— Не стоит. Я очень нервничаю, когда на меня смотрят во время готовки. И потом мне все равно надо на улицу, так что я буду проходить мимо вашей двери.

— На улицу?

— Да, в магазин. Ну, а теперь идите. Вы очень добры ко мне, даже слишком...

Минни обиженно нахмурилась и сделала шаг назад.

— Только долго не жди. А то витамины пропадут.

Наконец Розмари с облегчением закрыла за ней дверь, вернулась в кухню, постояла немного со стаканом в руке, а потом решительно вылила его содержимое в раковину.

Через час, очень довольная собой, она уже заканчивала запеканку. Когда блюдо было готово и поставлено в холодильник, Розмари приготовила свой собственный напиток из молока и сливок, добавив туда яйцо, сахар и херес — получилась душистая рыжеватого коричневого цвета жидкость.

— Ну держись, Дэвид или Аманда! — сказала она и попробовала. Ей очень понравилось.

Глава 5

В половине десятого уже казалось, что никто не придет. Ги засыпал в камин угля, приготовил лучину и вытер руки платком. Розмари вышла из кухни и остановилась, глядя на мужа со своей болью и только что сделанной прической, в коричневом бархатном платье. Бармен возился с лимонными корками, салфетками, стаканами и бутылками. Он был очень симпатичным итальянцем и звали его Ренато. Бармен производил впечатление человека не бедного и, видимо, мог в любой момент бросить это занятие, если оно ему наску-

got more bored than he already was.

Then the Wendells came — Ted and Carole — and a minute later Elise Dunstan and her husband Hugh, who limped. And then Allan Stone, Guy's agent, with a beautiful Negro model named Rain Morgan, and Jimmy and Tiger, and Lou and Claudia Comfort and Claudia's brother Scott.

Guy put the coats on the bed; Renato mixed drinks quickly, looking less bored. Rosemary pointed and gave names: "Jimmy, Tiger, Rain, Allan, Elise, Hugh, Carole, Ted, Claudia and Lou and Scott."

Bob and Thea Goodman brought another couple, Peggy and Stan Keeler.

"Of course it's all right," Rosemary said; "don't be silly, the more the merrier!" The Kapps came without coats.

"What a trip!" Mr. Kapp ("It's Bernard") said. "A bus, three trains, and a ferry! We left five hours ago!"

"Can I look around?" Claudia asked. "If the rest of it's as nice as this I'm going to cut my throat."

Mike and Pedro brought bouquets of bright red roses. Pedro, with his cheek against Rosemary's, murmured,

"Make him feed you, baby; you look like a bottle of iodine."

Rosemary said,

"Phyllis, Bernard, Peggy, Stan, Thea, Bob, Lou, Scott, Carole..."

She took the roses into the kitchen. Elise came in with a drink and a fake cigarette for breaking the habit.

"You're so lucky," she said; "it's the greatest apartment I've ever seen. Will you look at this kitchen? Are you all right, Rosie? You look a little tired."

"Thanks for the understatement," Rosemary said. "I'm not all right but I will be. I'm pregnant."

"You aren't! How great! When?"

"June twenty-eighth. I go into my fifth month on Friday."

"That's great!" Elise said. "How do you like C. C. Hill? Isn't he the dreamboy of the western world?"

"Yes, but I'm not using him," Rosemary said.

"No."

"I've got a doctor named Sapirstein, an older man."

"What for? He can't be better than Hill!"

"He's fairly well known and he's a friend of some friends of ours," Rosemary said.

Guy looked in.

Elise said, "Well congratulations, Dad."

"Thanks," Guy said. "Weren't nothin' to it. Do you want me to bring in the dip, Ro?"

"Oh, yes, would you? Look at these roses! Mike and Pedro brought them."

Guy took a tray of crackers and a bowl of pale pink dip from the table.

"Would you get the other one?" he asked Elise.

"Sure," she said, and took a second bowl and followed after

чит.

Сначала пришли Венделлы — Тэд и Кэрол, а через минуту Элиза Данстан со своим мужем Хьюгом, который немного прихрамывал. Потом появился Аллан Стоун, агент Ги, с красивой манекенщицей негритянкой Рэйн Морган, за ними — Джимми и Тайгер, Лу, Клаудия Камфорт и ее брат Скотт.

Ги складывал пальто на кровать. Renato повеселел и принялся размешивать коктейли... Розмари указывала пальцем на входящих и знакомила всех Джимми, Тайгер, Рэйн, Алан, Элиза, Хьюг, Кэрол, Тэд, Клаудия, Лу, Скотт.

Боб и Теа Гудманы пришли со своими друзьями Пегги и Стэном Килер.

— Ничего страшного! — улыбнулась Розмари. — Ерунда. Чем больше гостей, тем веселее! Каппы явились без пальто.

— Ну и путешествие! — сказал мистер Капп («Это Бернارد»), — машинально представила его Розмари). — Автобус, три поезда и паром. Мы вышли из дома пять часов назад!

— Можно, я посмотрю квартиру? — спросила Клаудия. — Если она вся такая симпатичная, то я себе просто горло перережу.

Майк и Педро принесли букеты алых роз. Педро прижался щекой к Розмари и прошептал:

— Пусть он тебя получше кормит, а то ты прямо зеленая стала.

Розмари продолжала знакомить гостей:

— Филлис, Бернанд, Пегги, Стэн, Теа, Боб, Лу, Скотт, Кэрол...

Потом понесла розы на кухню, куда следом за ней сразу же вошла Элиза со стаканом в руке и фальшивой сигаретой, с помощью которой она пыталась бросить курить.

— Какая ты счастливая! — сказала она. — Такой прекрасной квартиры я еще ни у кого не видела. Вот это кухня! С тобой все в порядке, Розы? Ты выглядишь какой-то усталой.

— Спасибо, что не сказала хуже. Мне сейчас действительно не совсем хорошо, но я скоро поправлюсь. Я беременна.

— Не может быть. Это же здорово! И когда ждете?

— Двадцать восьмого июня. С пятницы уже пойдет пятый месяц.

— Вот здорово! А как тебе доктор Хилл? Просто мечта Запада, правда?

— Да, но я к нему больше не хожу.

— Почему?

— У меня теперь другой врач, пожилой, — Сапирштейн.

— Зачем? Он ведь не может быть лучше Хилла.

— Он очень известный и к тому же — друг наших хороших знакомых.

Вошел Ги.

— Ну, поздравляю тебя, папочка! — улыбнулась Элиза.

— Спасибо. Ро, подавать соус?

— Да, пожалуйста. Посмотри, какие розы! Это Майк и Педро принесли.

Ги взял со стола поднос с галетами и кувшин с розовым соусом.

— А ты возьми другой, ладно? — попросил он Элизу.

— Конечно, — ответила она, взяла второй кувшин и по-

him.

"I'll be out in a minute," Rosemary called.

Dee Bertillon brought Portia Haynes, an actress, and Joan called to say that she and her date had got stuck at another party and would be there in half an hour.

Tiger said, "You dirty stinking secret-keeper!" She grabbed Rosemary and kissed her.

"Who's pregnant?" someone asked, and someone else said, "Rosemary is."

She put one vase of roses on the mantel — "Congratulations," Rain Morgan said, "I understand you're pregnant" — and the other in the bedroom on the dressing table.

When she came out Renato made a Scotch and water for her.

"I make the first ones strong," he said, "to get them happy. Then I go light and conserve."

Mike wig-wagged over heads and mouthed Congratulations.

She smiled and mouthed Thanks.

"The Trench sisters lived here," someone said; and Bernard Kapp said, "Adrian Marcato too, and Keith Kennedy."

"And Pearl Ames," Phyllis Kapp said.

"The Trent sisters?" Jimmy asked.

"Trench," Phyllis said. "They ate little children."

"And she doesn't mean just ate them," Pedro said; "she means ate them!"

Rosemary shut her eyes and held her breath as the pain wound tighter. Maybe because of the drink; she put it aside.

"Are you all right?" Claudia asked her.

"Yes, fine," she said, and smiled. "I had a cramp for a moment."

Guy was talking with Tiger and Portia Haynes and Dee.

"It's too soon to say," he said; "we've only been in rehearsals six days. It plays much better than it reads, though."

"It couldn't play much worse," Tiger said. "Hey, what ever happened to the other guy? Is he still blind?"

"I don't know," Guy said.

Portia said, "Donald Baumgart? You know who he is, Tiger; he's the boy Zoe Piper lives with."

"Oh, is he the one?" Tiger said. "Gee, I didn't know he was someone I knew."

"He's writing a great play," Portia said. "At least the first two scenes are great. Really burning anger, like Osborne before he made it."

Rosemary said, "Is he still blind?"

"Oh, yes," Portia said. "They've pretty much given up hope. He's going through hell trying to make the adjustment. But this great play is coming out of it. He dictates and Zoe writes."

Joan came. Her date was over fifty. She took Rosemary's arm and pulled her aside, looking frightened.

"What's the matter with you?" she asked. "What's wrong?"

шла за ним.

— Я сейчас приду! — крикнула вдогонку им Розмари.

Ди Бертиллон пришел с актрисой Портией Хэйнес, а Джоан позвонила и предупредила, что они задерживаются в других гостях и будут только через полчаса.

— Какая же ты вредная со своими секретами! — Тайгер крепко обняла Розмари и поцеловала.

— Кто беременный? — раздался вдруг чей-то голос, а другой ответил: — Розмари.

Она поставила одну вазу с цветами на камин, а другую — на столик в спальне. — Поздравляю, — сказала Рэйн Морган. — Я так и поняла, что это ты беременная.

Ренато подал Розмари стакан с разведенным виски.

— Первый напиток я всегда делаю крепким, — объяснил он. — Чтобы все разогрелись. А потом перехожу на более легкие.

Майк через всю комнату помахал ей рукой и одними губами выразительно произнес: «Поздравляю».

Розмари улыбнулась, кивнула и тоже одними губами ответила: «Спасибо».

— Здесь жили сестры Тренч, — сказал вдруг кто-то из гостей, а Бернанд Капп добавил: — И Адриан Маркато, и Кит Кеннеди.

— И Перл Эймс, — поддержала его Филлис Капп.

— Сестры Трент? — переспросил Джимми.

— Тренч, — поправила Филлис. — Они ели маленьких детей.

— И не просто ели, — сказал Педро, — а прямо-таки пожирали.

Розмари закрыла глаза и затаила дыхание — боль резко усилилась. Может быть, это из-за выпивки? Она отставила стакан в сторону.

— Тебе плохо? — наклонилась к ней Клаудия.

— Все в порядке. — Розмари улыбнулась. — Просто небольшой спазм.

Ги разговаривал с Тайгер, Портией Хэйнес и Ди.

— Еще рано судить, — объяснил он, — Мы репетируем только шесть дней. Хотя смотреть ее гораздо приятнее, чем читать.

— А играть, наверное, тяжело, — предположила Тайгер. — Послушай, а что сейчас с тем парнем? Он все еще слепой?

— Не знаю, — пожал плечами Ги.

— С Дональдом Бомгартом? — уточнила Портя. — Да ты его знаешь, Тайгер. Он живет с Зоей Пайпер.

— Так это он? А я и не знала, что знакома с ним!

— Он сейчас пишет великолепную пьесу, — продолжала Портя. — По крайней мере первые два акта очень интересные. Такой яростный гнев, как у Осборна.

— К нему не вернулось зрение? — осторожно спросила Розмари.

— Нет, — вздохнула Портя. — Все уже отчаялись. Он, конечно, храбрится, изо всех сил пытается привыкнуть к своему состоянию... Это, собственно, и побудило его взяться за пьесу. Он диктует, а Зоя пишет.

Наконец пришла Джоан. Ее спутнику было за пятьдесят. Она взяла Розмари за руку, отвела в сторону и взволнованно спросила:

— Что с тобой стряслось? Что случилось?

"Nothing's wrong," Rosemary said. "I'm pregnant, that's all."

She was in the kitchen with Tiger, tossing the salad, when Joan and Elise came in and closed the door behind them.

Elise said, "What did you say your doctor's name was?"

"Sapirstein," Rosemary said.

Joan said, "And he's satisfied with your condition?"

Rosemary nodded.

"Claudia said you had a cramp a while ago."

"I have a pain," she said. "But it's going to stop soon; it's not abnormal."

Tiger said, "What kind of a pain?"

"A — a pain. A sharp pain, that's all. It's because my pelvis is expanding and my joints are a little stiff."

Elise said, "Rosie, I've had that—two times—and all it ever meant was a few days of like a Charley horse, an ache through the whole area."

"Well, everyone is different," Rosemary said, lifting salad between two wooden spoons and letting it drop back into the bowl again. "Every pregnancy is different."

"Not that different," Joan said. "You look like Miss Concentration Camp of 1966. Are you sure this doctor knows what he's doing?"

Rosemary began to sob, quietly and defeatedly, holding the spoons in the salad. Tears ran from her cheeks.

"Oh, God," Joan said, and looked for help to Tiger, who touched Rosemary's shoulder and said, "Shh, ah, shh, don't cry, Rosemary. Shh."

"It's good," Elise said. "It's the best thing. Let her. She's been wound up all night like — like I don't know what."

Rosemary wept, black streaks smearing down her cheeks. Elise put her into a chair; Tiger took the spoons from her hands and moved the salad bowl to the far side of the table.

The door started to open and Joan ran to it and stopped and blocked it. It was Guy.

"Hey, let me in," he said.

"Sorry," Joan said. "Girls only."

"Let me speak to Rosemary."

"Can't; she's busy."

"Look," he said, "I've got to wash glasses."

"Use the bathroom." She shouldered the door click-closed and leaned against it.

"Damn it, open the door," he said outside.

Rosemary went on crying, her head bowed, her shoulders heaving, her hands limp in her lap. Elise, crouching, wiped at her cheeks every few moments with the end of a towel; Tiger smoothed her hair and tried to still her shoulders. The tears slowed.

"It hurts so much," she said. She raised her face to them. "And I'm so afraid the baby is going to die."

"Is he doing anything for you?" Elise asked. "Giving you any medicine, any treatment?"

"Nothing, nothing."

Tiger said, "When did it start?"

— Ничего, — ответила Розмари. — Просто я беременна.

Розмари с Тайгер заправляли салат на кухне, когда к ним вошли Джоан и Элиза и закрыли за собой дверь.

— Как, ты говоришь, зовут твоего врача? — начала Элиза.

— Сапирштейн.

— И его удовлетворяет твое состояние? — спросила Джоан.

Розмари кивнула.

— Клаудия сказала, что у тебя только что был спазм.

— У меня начались сильные боли, но они скоро пройдут, это нормально.

— Что еще за боли? — удивилась Тайгер.

— Боль, просто боль. Сильная боль, вот и все. Это потому, что у меня с трудом расходятся кости таза.

— Розы, поверь мне: у меня это уже дважды позади, но боль не бывает такая сильная; просто немного ноет, и все, — сказала Элиза.

— У всех по разному, — ответила Розмари, механически размешивая деревянной ложкой салат. — Каждая беременность имеет свои особенности.

— Но не такие же! — возразила Джоан. — Ты выглядишь, как чемпионка среди заключенных концлагеря. Ты уверена, что твой врач все правильно тебе назначает?

Розмари заплакала, тихо и беспомощно, продолжая держать ложку в салате. Слезы побежали по ее бледным щекам.

— О, Боже! — всплеснула руками Джоан и посмотрела на Тайгер, ожидая от нее подмоги. Тайгер обняла Розмари за плечи и принялась утешать: — Ш-ш-ш, тихо. Ну не надо, Розы! Ш-ш-ш...

— Ладно вам, — сказала Элиза. — Лучше не трогайте ее. Она и так весь вечер, как на иголках.

Розмари беззвучно рыдала, и черные полосы туши пролегли по ее щекам. Элиза усадила ее на стул. Тайгер забрала ложку и отодвинула вазы с салатом на дальний угол стола.

Дверь приоткрылась, но Джоан подскочила и захлопнула ее. Это был Ги.

— Эй, дайте мне войти, — попросил он.

Извини, — отозвалась Джоан. — Вход только девушкам.

— Мне надо поговорить с Розмари.

— Нельзя, она занята.

— Послушай, мне надо вымыть стаканы.

— Иди в ванную. — Она прислонилась плечом к двери и не пускала его.

— Черт побери, да откройте же! — требовал он с другой стороны.

Розмари, все еще сторбившись, плакала, руки беспомощно лежали на коленях, плечи вздрагивали. Элиза то и дело вытирала ей лицо краем полотенца, а Тайгер ласково гладила по голове и тихонько шептала какие-то слова утешения. Постепенно слезы стали стихать.

— Мне так больно! — пожаловалась Розмари. — И я так боюсь, что ребенок умрет.

— Твой врач что-нибудь делает? — спросила Элиза. — Лечит тебя как-нибудь, дает лекарства?

— Ничего, совсем ничего.

— А когда это началось?

She sobbed.

Elise asked, "When did the pain start, Rosie?"

"Before Thanksgiving," she said. "November."

Elise said, "In November?" and Joan at the door said,

"What?"

Tiger said, "You've been in pain since November and he isn't doing anything for you?"

"He says it'll stop."

Joan said, "Has he brought in another doctor to look at you?"

Rosemary shook her head.

"He's a very good doctor," she said with Elise wiping at her cheeks. "He's well known. He was on Open End."

Tiger said, "He sounds like a sadistic nut, Rosemary."

Elise said, "Pain like that is a warning that something's not right. I'm sorry to scare you, Rosie, but you go see Dr. Hill. See somebody besides that —"

"That nut," Tiger said.

Elise said, "He can't be right, letting you just go on suffering."

"I won't have an abortion," Rosemary said.

Joan leaned forward from the door and whispered,

"Nobody's telling you to have an abortion! Just go see another doctor, that's all."

Rosemary took the towel from Elise and pressed it to each eye in turn.

"He said this would happen," she said, looking at mascara on the towel. "That my friends would think their pregnancies were normal and mine wasn't."

"What do you mean?" Tiger asked.

Rosemary looked at her.

"He told me not to listen to what my friends might say," she said.

Tiger said, "Well you do listen! What kind of sneaky advice is that for a doctor to give?"

Elise said, "All we're telling you to do is check with another doctor. I don't think any reputable doctor would object to that, if it would help his patient's peace of mind."

"You do it," Joan said. "First thing Monday morning."

"I will," Rosemary said.

"You promise?" Elise asked.

Rosemary nodded.

"I promise." She smiled at Elise, and at Tiger and Joan. "I feel a lot better," she said. "Thank you."

"Well you look a lot worse," Tiger said, opening her purse. "Fix your eyes. Fix everything." She put large and small compacts on the table before Rosemary, and two long tubes and a short one.

"Look at my dress," Rosemary said.

"A damp cloth," Elise said, taking the towel and going to the sink with it.

"The garlic bread!" Rosemary cried.

"In or out?" Joan asked.

"In." Rosemary pointed with a mascara brush at two foil-wrapped loaves on top of the refrigerator.

Розмари всхлипнула.

— Когда начались боли, Роззи?

— Перед Днем Благодарения. В ноябре.

— В ноябре?

— Что?!

— У тебя такая боль ноября, а врач ничего не делает?!

— Он говорит, что все скоро пройдет.

— А он показывал тебя другим докторам? — спросила Джоан.

Розмари отрицательно покачала головой.

— Он очень хороший, — сказала она, пока Элиза вытирала ей щеки. — Известный.

— По моему, он просто сумасшедший садист, — отрезала Тайгер.

— Такая боль — это сигнал, что что-то случилось, — добавила Элиза. — Я не хочу тебя пугать, Роззи, но лучше тебе показаться доктору Хиллу. Кому угодно, покажись, кроме этого...

— Этого идиота, — подсказала Тайгер.

— Он не может быть прав, если позволяет тебе так страдать, — поддержала Элиза.

— Я не соглашусь на аборт, — заявила Розмари.

Джоан от двери прошептала:

— А тебе никто и не говорит про аборт! Просто пойдди к другому врачу, и все.

Розмари забрала у Элизы полотенце и промакнула глаза.

— Он предупреждал, что все так и будет. — Она посмотрела на следы туши на полотенце. — Что мои подружки скажут, будто у них все прошло нормально, а со мной что-то не так.

— Я не понимаю тебя, — обиделась Тайгер.

— Он сказал мне не слушать подруг, — объяснила Розмари.

— Но ты же слушаешь нас! Что за мерзкие советы он тебе дает?

— Мы просто хотим, чтобы ты пошла к другому врачу, — ласково сказала Элиза. — Я думаю, ни один уважающий себя специалист не станет возражать против этого, если так лучше для его пациента.

— Так и сделай, — добавила Джоан. — Прямо в понедельник утром.

— Ладно, — согласилась Розмари.

— Обещаешь? — строго спросила Элиза.

Розмари кивнула.

— Обещаю. — Она улыбнулась. — Мне уже лучше. Спасибо.

— Ну, теперь ты еще хуже выглядишь. — Тайгер раскрыла сумочку. — На, подрисуй глаза. И все остальное. — Она выложила на стол перед Розмари все свои коробочки и тюбики.

— Мой наряд! — воскликнула Розмари.

— Мокрую тряпку! — тут же среагировала Элиза и бросилась к раковине.

— Чесночный хлеб! — закричала Розмари.

— Ставить или вынимать? — вскочила Джоан.

— Ставить. — Розмари щеточкой для туши указала на холодильник, на котором лежали две завернутые в фольгу буханки.

Tiger began tossing the salad and Elise wiped at the lap of Rosemary's gown.

"Next time you're planning to cry," she said, "don't wear velvet."

Guy came in and looked at them.

Tiger said, "We're trading beauty secrets. You want some?"

"Are you all right?" he asked Rosemary.

"Yes, fine," she said with a smile.

"A little spilled salad dressing," Elise said.

Joan said, "Could the kitchen staff get a round of drinks, do you think?"

The chupe was a success and so was the salad. (Tiger said under her breath to Rosemary, "It's the tears that give it the extra zing.")

Renato approved of the wine, opened it with a flourish, and served it solemnly.

Claudia's brother Scott, in the den with a plate on his knee, said,

"His name is Altizer and he's down in Atlanta, I think; and what he says is that the death of God is a specific historic event that happened right now, in our time. That God literally died."

The Kapps and Rain Morgan and Bob Goodman sat listening and eating.

Jimmy, at one of the living-room windows, said,

"Hey, it's beginning to snow!"

Stan Keeler told a string of wicked Polish jokes and Rosemary laughed out loud at them.

"Careful of the booze," Guy murmured at her shoulder.

She turned and showed him her glass, and said, still laughing,

"It's only ginger ale!"

Joan's over-fifty date sat on the floor by her chair, talking up to her earnestly and fondling her feet and ankles. Elise talked to Pedro; he nodded, watching Mike and Allan across the room. Claudia began reading palms.

They were low on Scotch but everything else was holding up fine.

She served coffee, emptied ashtrays, and rinsed out glasses. Tiger and Carole Wendell helped her.

Later she sat in a bay with Hugh Dunstan, sipping coffee and watching fat wet snowflakes shear down, an endless army of them, with now and then an outrider striking one of the diamond panes and sliding and melting.

"Year after year I swear I'm going to leave the city," Hugh Dunstan said; "get away from the crime and the noise and all the rest of it. And every year it snows or the New Yorker has a Bogart Festival and I'm still here."

Rosemary smiled and watched the snow.

"This is why I wanted this apartment," she said; "to sit here and watch the snow, with the fire going."

Hugh looked at her and said,

Тайгер взялась за салат, а Элиза стала вытирать длинное вечернее платье Розмари, испачканное каплями размытой туши.

— В следующий раз, когда соберешься плакать, не надевай бархат, — посоветовала она.

Вошел Ги и удивленно посмотрел на них.

— Обмениваемся косметическими советами, — сказала Тайгер. — Тебе интересно?

— Все в порядке? — спросил он у Розмари.

— Да, — ответила она, улыбаясь.

— Немного пролила заправки на платье, — объяснила Элиза.

— А кухонным работникам полагается выпить, как вы считаете? — поинтересовалась Джоан.

Запеканка пользовалась успехом, салат тоже (Тайгер чуть слышно шепнула Розмари: «Это он из-за твоих слез такой вкусный»).

Ренато выбрал шипучее вино и с хлопком откупорил его.

Брат Клаудии, Скотт, сидел в кабинете с тарелкой на коленях и вещал:

— Зовут его Альтизер и сейчас он, по моему, в Атланте, а заявляет он следующее: «Бог умер, и это исторический факт, свершившийся уже в наше время». Причем он имеет в виду, что Бог умер в буквальном смысле этого слова.

Его внимательно слушали Каппы, Рэйн Морган и Боб Гудман.

Джимми, который стоял в гостиной у окна, вдруг радостно воскликнул:

— Ого, снег начинается!

Стэн Килер рассказал целую серию польских анекдотов, и Розмари громко смеялась над ними.

— Смотри не напейся, — тихо шепнул ей Ги.

Все еще смеясь, она повернулась и показала ему стакан:

— Да ведь это же лимонад!

Приятель Джоан сидел на полу и гладил лодыжки своей подружки. Элиза беседовала с Педро, который вежливо кивал, а сам поглядывал на Майка и Аллана, устроившихся на диване в другом конце комнаты. Клаудия начала гадать желющим по руке.

Виски кончалось, но все остальное было просто замечательно.

Розмари подала кофе, вытряхнула пепельницы и ополоснула стаканы. Тайгер и Кэрол Венделл помогали ей.

Потом она села на подоконник рядом с Хьюгом Дунстаном и, попивая кофе, стала смотреть на падающие снежные хлопья. Их было много — целая армия снежинок. Время от времени самая отчаянная снежинка выбивалась из общего потока и, ударяясь о стекло, тут же таяла.

— Каждый год я даю себе слово уехать из города, — задумчиво говорил Хьюг Дунстан, — чтобы избавиться от всех этих преступлений, шума и всего прочего. Но вдруг начинается снегопад или какой-нибудь фестиваль, и я остаюсь.

Розмари улыбнулась, продолжая следить за снежинками.

— Вот из-за чего мне так хотелось получить эту квартиру, — сказала она, — Чтобы сидеть у камина и смотреть, как падает снег.

Хьюг с любопытством посмотрел на нее.

"I'll bet you still read Dickens."

"Of course I do," she said. "Nobody stops reading Dickens."

Guy came looking for her.

"Bob and Thea are leaving," he said.

By two o'clock everyone had gone and they were alone in the living room, with dirty glasses and used napkins and spilling-over ashtrays all around. ("Don't forget," Elise had whispered, leaving. Not very likely.)

"The thing to do now," Guy said, "is move."

"Guy."

"Yes?"

"I'm going to Dr. Hill. Monday morning."

He said nothing, looking at her.

"I want him to examine me," she said. "Dr. Sapirstein is either lying or else he's — I don't know, out of his mind. Pain like this is a warning that something is wrong."

"Rosemary," Guy said.

"And I'm not drinking Minnie's drink any more," she said. "I want vitamins in pills, like everybody else. I haven't drunk it for three days now. I've made her leave it here and I've thrown it away."

"You've —"

"I've made my own drink instead," she said.

He drew together all his surprise and anger and, pointing back over his shoulder toward the kitchen, cried it at her.

"Is that what those bitches were giving you in there? Is that their hint for today? Change doctors?"

"They're my friends," she said; "don't call them bitches."

"They're a bunch of not very bright bitches who ought to mind their own God-damned business."

"All they said was get a second opinion."

"You've got the best doctor in New York, Rosemary. Do you know what Dr. Hill is? Charley Nobody, that's what he is."

"I'm tired of hearing how great Dr. Sapirstein is," she said, starting to cry, "when I've got this pain inside me since before Thanksgiving and all he does is tell me it's going to stop!"

"You're not changing doctors," Guy said. "We'll have to pay Sapirstein and pay Hill too. It's out of the question."

"I'm not going to change," Rosemary said; "I'm just going to let Hill examine me and give his opinion."

"I won't let you," Guy said. "It's — it's not fair to Sapirstein."

"Not fair to — What are you talking about? What about what's fair to me?"

"You want another opinion? All right. Tell Sapirstein; let him be the one who decides who gives it. At least have that much courtesy to the top man in his field."

"I want Dr. Hill," she said. "If you won't pay I'll pay my —"

She stopped short and stood motionless, paralyzed, no part of her moving. A tear slid on a curved path toward the corner of her mouth.

"Ro?" Guy said.

The pain had stopped. It was gone. Like a stuck auto horn

— Ты, наверное, до сих пор еще читаешь Диккенса?

— Конечно. Все читают Диккенса.

К ним подошел Ги.

— Боб и Теа тоже уходят, — сообщил он.

В два часа ночи все разошлись, и Розмари с Ги остались одни в огромной пустой гостиной среди грязных стаканов, салфеток и переполненных пепельниц. («Не забудь», — напомнила ей на прощанье Элиза и погрозила пальцем. Но она и так не забудет.)

— Ну, а теперь — за работу! — скомандовал Ги, собравшись с духом начать уборку.

— Ги, — тихо позвала Розмари.

— Да?

— Я пойду к доктору Хиллу. В понедельник утром.

Он ничего не ответил, только молча посмотрел на нее.

— Я хочу, чтобы он проверил меня. Доктор Сапирштейн или обманывает меня, или... Или я не знаю, но он, наверное, выжил из ума. Такая боль — это сигнал, что со мной что-то не так.

— Розмари...

— И я больше не пью тот напиток, который приносит мне Минни. Я хочу принимать витамины в таблетках, как и все остальные. Я уже три дня его не пью. Я оставляю его, а когда она уходит, выливаю.

— Ты...

— Я вместо этого пью свой собственный напиток.

Ги вдруг рассвирепел и, указывая пальцем в сторону кухни, закричал:

— Так вот что наговорили тебе эти сучки! Вот зачем они приходили! Уговорить тебя поменять врача?!

— Они мои подруги, не называй их так.

— Да это просто свора обезумевших сучек, которые лезут не в свое дело, черт бы их побрал!

— Они просто хотели, чтобы я посоветовалась с другим врачом.

— У тебя самый лучший врач в Нью Йорке! А кто такой этот доктор Хилл? Никто — вот кто он такой!

— Я уже устала слышать о том, как знаменит ваш любимый Сапирштейн. — Розмари чуть не плакала. — У меня боль не прекращается с самого Дня Благодарения, а он только и твердит, что она не сегодня завтра пройдет!

— Ты не будешь менять врача. Мы и так уже черт знает сколько платим Сапирштейну, а теперь еще придется платить твоему Хиллу? Даже и речи об этом быть не может!

— Я не буду менять врача. Пусть просто доктор Хилл осмотрит меня и даст свое заключение.

— Я тебе не разрешаю. Это... это, в конце концов, нечестно по отношению к Сапирштейну.

— Нечестно? О чем ты говоришь вообще? А по отношению ко мне это честно?

— Тебе нужно еще одно мнение? Ладно. Скажи Сапирштейну. Пусть он сам решит, кому тебя показать. И придется тебе быть с ним вежливой до конца, он все-таки специалист в своем деле.

— Я хочу пойти к доктору Хиллу. Если ты не желаешь платить, я отдам свои...

Внезапно Розмари замолчала и замерла как вкопанная. По лицу ее покатила слеза и остановилась у уголка рта.

— Ро?

Боль прекратилась. Ее больше не было! Она смолкла,

finally put right. Like anything that stops and is gone and is gone for good and won't ever be back again, thank merciful heaven. Gone and finished and oh, how good she might possibly feel as soon as she caught her breath!

"Ro?" Guy said, and took a step forward, worried.

"It stopped," she said. "The pain."

"Stopped?" he said.

"Just now." She managed to smile at him. "It stopped. Just like that." She closed her eyes and took a deep breath, and deeper still, deeper than she had been allowed to breathe for ages and ages. Since before Thanksgiving.

When she opened her eyes Guy was still looking at her, still looking worried.

"What was in the drink you made?" he asked.

Her heart dropped out of her. She had killed the baby. With the sherry. Or a bad egg. Or the combination. The baby had died, the pain had stopped. The pain was the baby and she had killed it with her arrogance.

"An egg," she said. "Milk. Cream. Sugar." She blinked, wiped at her cheek, looked at him. "Sherry," she said, trying to make it sound non-toxic.

"How much sherry?" he asked.

Something moved in her.

"A lot?"

Again, where nothing had ever moved before. A rippling little pressure. She giggled.

"Rosemary, for Christ's sake, how much?"

"It's alive," she said, and giggled again. "It's moving. It's all right; it isn't dead. It's moving." She looked down at her brown-velvet stomach and put her hands on it and pressed in lightly. Now two things were moving, two hands or feet; one here, one there.

She reached for Guy, not looking at him; snapped her fingers quickly for his hand. He came closer and gave it. She put it to the side of her stomach and held it there. Obliging movement came.

"You feel it?" she asked, looking at him. "There, again; you feel it?"

He jerked his hand away, pale.

"Yes," he said. "Yes. I felt it."

"It's nothing to be afraid of," she said, laughing. "It won't bite you."

"It's wonderful," he said.

"Isn't it?" She held her stomach again, looking down at it. "It's alive. It's kicking. It's in there."

"I'll clean up some of this mess," Guy said, and picked up an ashtray and a glass and another glass.

"All right now, David or Amanda," Rosemary said, "you've made your presence known, so kindly settle down and let Mommy attend to the cleaning up." She laughed. "My God," she said, "it's so active! That means a boy, doesn't it?" She said, "All right, you, just take it easy. You've got five more months yet, so save your energy." And laughing,

"Talk to it, Guy; you're its father. Tell it not to be so impa-

как заклинивший автомобильный сигнал, который наконец-таки отключили. Боль прошла, она исчезла навсегда, безвозвратно. Слава Всевышнему! Нет ее, и все тут. И, Боже мой, как же хорошо она начнет теперь чувствовать себя, вот только надо перевести дыхание...

— Ро? — озабоченно переспросил Ги и сделал осторожный шаг к ней.

— Она прекратилась. Эта боль.

— Прекратилась?

— Только что. — Розмари попыталась улыбнуться. — Она куда-то исчезла, и все. — Она закрыла глаза и глубоко вздохнула, потом прислушалась к себе и вздохнула еще глубже. Как давно ей не приходилось так вот свободно дышать! С самого Дня Благодарения.

Когда Розмари открыла глаза, Ги продолжал обеспокоенно смотреть на нее.

— Что за напиток ты себе готовила?

Сердце у нее оборвалось. Она убила ребенка. Хересом. Или испорченным яйцом. Или их сочетанием. Ребенок умер, поэтому боль прекратилась. Боль была ребенком, а она убила его своей самоуверенностью!

— Яйцо, — сказала она, — молоко, сливки, сахар. — Розмари моргнула, провела рукой по щеке и посмотрела на него. — Херес, — добавила она невинным голосом.

— Сколько ты наливала хереса?

И вдруг что-то внутри нее шевельнулось.

— Много?

И еще раз. Там, где раньше ничего не шевелилось. Легкое приятное щекотание. Она глупо и беспомощно хихикнула.

— Розмари, ради Бога, скажи мне, сколько ты наливала хереса?

— Он живой, — тихо сказала она и снова беззвучно засмеялась, поджав губы и изумленно подняв брови. — Он шевелится. Все в порядке. Он не умер. Он двигается! — Она посмотрела на свой живот под коричневым бархатом и осторожно положила на него руки. Теперь она уже ясно почувствовала, как что-то внутри нее снова шевельнулось — это были ручки. Или ножки.

Розмари подошла к Ги, и, не глядя на него, протянула руку, взяла его ладонь и положила себе на живот. Внутри тут же что-то послушно шевельнулось в ответ.

— Ты чувствуешь? — спросила она. — Ну вот, опять. Чувствуешь?

Он побледнел и отнял руку.

— Да. Да, я почувствовал.

— Не надо его бояться. — Она рассмеялась. — Он тебя не укусит.

— Это чудесно! — выдохнул Ги.

— Правда? — Она снова посмотрела на живот. — Он живой. Он лягается. Там, внутри.

— Я тут немного приберу, — сказал Ги, подняв со стола пепельницу и стакан. Потом еще один.

— Ну ладно, Дэвид или Аманда. Ты доказал свое присутствие, а теперь успокойся. Мамочке надо убирать квартиру. — Розмари засмеялась. — Боже мой! Он такой подвижный! Значит, будет мальчик, да? Ну ладно там, потише. У тебя впереди еще целых пять месяцев, так что экономь силы. — Все еще смеясь, она обратилась к Ги:

— Поговори с ним, Ги, ты ведь все-таки отец. Скажи

tient.”

And she laughed and laughed and was crying too, holding her stomach with both hands.

Chapter 6

As bad as it had been before, that was how good it was now. With the stopping of the pain came sleep, great dreamless ten-hour spans of it; and with the sleep came hunger, for meat that was cooked, not raw, for eggs and vegetables and cheese and fruit and milk. Within days Rosemary's skullface had lost its edges and sunk back behind filling-in flesh; within weeks she looked the way pregnant women are supposed to look: lustrous, healthy, proud, prettier than ever.

She drank Minnie's drink as soon as it was given to her, and drank it to the last chill drop, driving away as by a ritual the remembered guilt of I-killed-the-baby. With the drink now came a cake of white gritty sweet stuff like marzipan; this too she ate at once, as much from enjoyment of its candy like taste as from a resolve to be the most conscientious expectant mother in all the world.

Dr. Sapirstein might have been smug about the pain's stopping, but he wasn't, bless him. He simply said "It's about time" and put his stethoscope to Rosemary's really-showing-now belly. Listening to the stirring baby, he betrayed an excitement that was unexpected in a man who had guided hundreds upon hundreds of pregnancies. It was this undimmed first-time excitement, Rosemary thought, that probably marked the difference between a great obstetrician and a merely good one.

She bought maternity clothes; a two-piece black dress, a beige suit, a red dress with white polka dots. Two weeks after their own party, she and Guy went to one given by Lou and Claudia Comfort.

"I can't get over the change in you!" Claudia said, holding onto both Rosemary's hands. "You look a hundred per cent better, Rosemary! A thousand per cent!"

And Mrs. Gould across the hall said,

"You know, we were quite concerned about you a few weeks ago; you looked so drawn and uncomfortable. But now you look like an entirely different person, really you do. Arthur remarked on the change just last evening."

"I feel much better now," Rosemary said. "Some pregnancies start out bad and turn good, and some go the other way around. I'm glad I've had the bad first and have gotten it out of the way."

She was aware now of minor pains that had been overshadowed by the major one — aches in her spinal muscles and her swollen breasts — but these discomforts had been mentioned as typical in the paperback book Dr. Sapirstein had made her throw away; they felt typical too, and they increased rather than lessened her sense of well-being. Salt was still nauseating, but what, after all, was salt?

Guy's show, with its director changed twice and its title changed three times, opened in Philadelphia in mid-February. Dr. Sapirstein didn't allow Rosemary to go along on the try-out

ему, что нельзя быть таким нетерпеливым.

Розмари смеялась, потом смеялась и плакала одновременно, бережно обхватив обеими руками живот, на который капали сладкие слезы счастья.

Глава 6

Насколько плохо ей было раньше, настолько теперь все стало хорошо. Боль прекратилась, и вернулся сон. Розмари спала по десять часов, без всяких сновидений, а со сна пришел и аппетит: теперь ей хотелось мяса — только не сырого, а жареного, — яиц, овощей, сыра, фруктов и молока. За несколько дней исхудалое лицо Розмари вернулось к своим прежним очертаниям, и через пару недель она выглядела уже так, как и подобает всякой беременной женщине: здоровая, гордая и очень красивая.

Она выпивала напиток Минни, как только та приносила его, причем до последней капли, чтобы не было причин опасаться, что ребенку может повредить недостаток витаминов. Вместе с напитком ей стали приносить и какое-то пирожное с хрустящей белой начинкой, похожей на марципан. Она тоже сразу съедала его, наслаждаясь необычным вкусом и сознанием того, что сейчас она, наверное, самая исполнительная на свете будущая мама.

Доктор Сапирштейн мог бы долго распространяться по поводу исчезновения боли, но, слава Богу, не стал. Он просто сказал: «Пора бы уж» — и приставил стетоскоп к выпирающему животу Розмари. Почувствовав движение ребенка, он очень обрадовался и даже взволновался, что было довольно странно, ведь ему наверняка приходилось испытывать такое уже сотни и сотни раз. Но это, наверное, и было именно то восхищение и радость, которые отличают великолепного врача от просто хорошего.

Розмари купила туалеты для будущей мамы: черный костюм и красное платье в белый горошек. Через две недели после вечеринки они с Ги пошли в гости к Лу и Клаудии Камфорт.

— Никак не могу привыкнуть к тебе! — радостно воскликнула Клаудия, держа Розмари за руки. — Ты теперь выглядишь в сто раз лучше. Нет, в тысячу раз!

Миссис Гоульд, которая жила по соседству, тоже обрадовалась:

— Еще несколько недель назад мы так волновались за вас — вы выглядели очень усталой и изможденной. А теперь вы просто другой человек! Артур только вчера рассказывал мне о вашем состоянии...

— Спасибо, я сейчас действительно чувствую себя гораздо лучше. Некоторые беременности начинаются плохо, но потом все исправляется. А ведь бывает и наоборот... Так что я рада, что все плохое у меня уже позади.

Теперь она стала ощущать лишь слабую боль, которая скрывалась раньше за основной — в мышцах спины и в набухшей груди, — но об этих неудобствах писалось в книге, которую заставил выбросить доктор Сапирштейн. Однако эта боль не казалась Розмари странной; наоборот, с ней она чувствовала себя более уверенно. Соль по-прежнему вызывала тошноту, но что в конце концов такое была для нее соль?

Пьеса, в которой участвовал Ги, должна была впервые исполняться в Филадельфии в середине февраля. К этому времени режиссер сменялся уже дважды, а название — це-

tour, and so on the afternoon of the opening, she and Minnie and Roman drove to Philadelphia with Jimmy and Tiger, in Jimmy's antique Packard. The drive was a less than joyous one. Rosemary and Jimmy and Tiger had seen a bare-stage run-through of the play before the company left New York and they were doubtful of its chances. The best they hoped for was that Guy would be singled out for praise by one or more of the critics, a hope Roman encouraged by citing instances of great actors who had come to notice in plays of little or no distinction.

With sets and costumes and lighting the play was still tedious and verbose; the party afterwards was broken up into small separate enclaves of silent gloom. Guy's mother, having flown down from Montreal, insisted to their group that Guy was superb and the play was superb. Small, blonde, and vivacious, she chirped her confidence to Rosemary and Allan Stone and Jimmy and Tiger and Guy himself and Minnie and Roman. Minnie and Roman smiled serenely; the others sat and worried. Rosemary thought that Guy had been even better than superb, but she had thought so too on seeing him in *Luther* and *Nobody Loves An Albatross*, in neither of which he had attracted critical attention.

Two reviews came in after midnight; both panned the play and lavished Guy with enthusiastic praise, in one case two solid paragraphs of it. A third review, which appeared the next morning, was headed *Dazzling Performance Sparks New Comedy-Drama* and spoke of Guy as "a virtually unknown young actor of slashing authority" who was "sure to go on to bigger and better productions."

The ride back to New York was far happier than the ride out.

Rosemary found much to keep her busy while Guy was away. There was the white-and-yellow nursery wallpaper finally to be ordered, and the crib and the bureau and the bathinette. There were long-postponed letters to be written, telling the family all the news; there were baby clothes and more maternity clothes to be shopped for; there were assorted decisions to be made, about birth announcements and breast or bottle and the name, the name, the name. Andrew or Douglas or David; Amanda or Jenny or Hope.

And there were exercises to be done, morning and evening, for she was having the baby by natural childbirth. She had strong feelings on the subject and Dr. Sapirstein concurred with them wholeheartedly. He would give her an anesthetic only if at the very last moment she asked for one. Lying on the floor, she raised her legs straight up in the air and held them there for a count of ten; she practiced shallow breathing and panting, imagining the sweaty triumphant moment when she would see whatever-its-name-was coming inch by inch out of her effectively helping body.

She spent evenings at Minnie and Roman's, one at the Kapps', and another at Hugh and Elise Dunstan's. ("You don't have a nurse yet?" Elise asked. "You should have arranged for one long ago; they'll all be booked by now.") But Dr. Sapirstein, when she called him about it the next day, told her that he had lined up a fine nurse who would stay with her for as long as she wanted after the delivery. Hadn't he mentioned it before? Miss Fitzpatrick; one of the best.)

ных три раза. Доктор Сапирштейн не разрешил Розмари выехать с мужем на репетиции, поэтому она поехала в Филадельфию в день премьеры вместе с Минни, Романом, Джимми и Тайгер в старом «паккарде» Джимми. Поездка была не из приятных. Розмари, Джимми и Тайгер видели эту постановку еще в Нью Йорке и мало рассчитывали на успех. Они, правда, надеялись, что кто-нибудь из критиков все же заметит и оценит игру Ги, тем более что Роман привел много случаев из жизни великих актеров, которые сделали свою карьеру на пьесах, мало интересовавших публику.

Несмотря на необычные декорации, костюмы и освещение, спектакль был скучным и многословным. Мать Ги, которая специально прилетела из Монреаля, утверждала, что представление замечательное, а Ги просто великолепен. Это была маленькая жизнерадостная блондинка, беспрестанно щебечущая о своем расположении к Розмари, Аллану Стоуну, Джимми, Тайгер и Минни с Романом. Минни и Роман улыбались, все остальные были очень взволнованы. Розмари показалось, что Ги и правда играет неплохо, но такое же чувство было у нее, когда она видела его и в «Лютере», и в пьесе «Никто не любит альбатроса», однако ни один из этих спектаклей не заслужил никакой похвалы критиков.

Первые отзывы прессы появились лишь после полуночи, и все как один в пух и прах разносили саму пьесу и восхваляли игру Ги, причем в одной из рецензий ему были посвящены целых два абзаца. Другая статья, появившаяся на следующее утро, была озаглавлена: «Исключительная игра на убогой сцене», и в ней говорилось, что Ги — это «практически неизвестный до сих пор актер, который несомненно обладает феноменальными способностями и должен играть в более интересных и значительных постановках».

Поездка назад в Нью Йорк была намного приятней.

Пока Ги был в отъезде, у Розмари нашлось немало дел. Ей надо было оформить заказ на желто-белые обои для детской, купить ванночку, кроватку и стол. Потом написать о новостях домой (она давно уже это откладывала), купить одежду для малыша и что-нибудь для себя; решить, какое объявление дать о рождении, как кормить — грудью или искусственной смесью, и как назвать его или ее: Эндрю, Даглас или Дэвид; Аманда, Дженни или Хоуп.

И еще следовало заняться гимнастикой — утром и вечером — потому что она решила рожать сама. Розмари твердо была в этом уверена, и доктор Сапирштейн полностью ее поддерживал. Они договорились, что стимулирующий укол он сделает в самый последний момент, и то, если она его специально об этом попросит. Лежа на полу, Розмари поднимала ноги вертикально вверх и держала их так, считая до десяти. Она училась быстро и поверхностно дышать, представляя себе тот счастливый момент, когда ребенок выйдет наконец из ее активно помогающего ему тела.

Розмари проводила вечера у Минни и Романа, один раз ходила к Каппам и к Хьюгу и Элизе Дунстан. («Ты еще не наняла няньку? — спросила Элиза. — Об этом давно надо было позаботиться. Сейчас, наверное, уже и не найдешь»). Но доктор Сапирштейн, когда на другой день она ему все рассказала, успокоил ее, заявив, что он давно уже договорился с нянькой, которая готова после родов помогать ей сколько угодно. И разве он раньше ей этого не говорил? Это мисс Фицпатрик — одна из самых лучших.)

Guy called every second or third night after the show. He told Rosemary of the changes that were being made and of the rave he had got in *Variety*; she told him about Miss Fitzpatrick and the wallpaper and the shaped-all-wrong bootees that Laura-Louise was knitting.

The show folded after fifteen performances and Guy was home again, only to leave two days later for California and a Warner Brothers screen test. And then he was home for good, with two great next-season parts to choose from and thirteen half-hour Greenwich Village's to do. Warner Brothers made an offer and Allan turned it down.

The baby kicked like a demon. Rosemary told it to stop or she would start kicking back.

Her sister Margaret's husband called to tell of the birth of an eight-pound boy, Kevin Michael, and later a too — cute announcement came — an impossibly rosy baby megaphoning his name, birth date, weight, and length. (Guy said, "What, no blood type?") Rosemary decided on simple engraved announcements, with nothing but the baby's name, their name, and the date. And it would be Andrew John or Jennifer Susan. Definitely. Breast-fed, not bottle-fed.

They moved the television set into the living room and gave the rest of the den furniture to friends who could use it. The wallpaper came, was perfect, and was hung; the crib and bureau and bathinette came and were placed first one way and then another. Into the bureau Rosemary put receiving blankets, waterproof pants, and shirts so tiny that, holding one up, she couldn't keep from laughing.

"Andrew John Woodhouse," she said, "stop it! You've got two whole months yet!"

They celebrated their second anniversary and Guy's thirty-third birthday; they gave another party — a sit-down dinner for the Dunstons, the Chens, and Jimmy and Tiger; they saw Morgan! and a preview of *Mame*.

Bigger and bigger Rosemary grew, her breasts lifting higher atop her ballooning belly that was drum-solid with its navel flattened away, that rippled and jutted with the movements of the baby inside it. She did her exercises morning and evening, lifting her legs, sitting on her heels, shallow-breathing, panting.

At the end of May, when she went into her ninth month, she packed a small suitcase with the things she would need at the hospital — nightgowns, nursing brassieres, a new quilted housecoat, and so on — and set it ready by the bedroom door.

On Friday, June 3rd, Hutch died in his bed at St. Vincent's Hospital. Axel Allen, his son-in-law, called Rosemary on Saturday morning and told her the news. There would be a memorial service on Tuesday morning at eleven, he said, at the Ethical Culture Center on West Sixty-fourth Street.

Rosemary wept, partly because Hutch was dead and partly because she had all but forgotten him in the past few months and felt now as if she had hastened his dying. Once or twice Grace Cardiff had called and once Rosemary had called Doris Allen; but she hadn't gone to see Hutch; there had seemed no point in it when he was still frozen in coma, and having been restored to health herself, she had been averse to being near someone sick, as if she and the baby might somehow have been

Ги звонил каждые два или три дня — по вечерам после спектакля. Он рассказывал Розмари о своих делах и о том, что ему предложили хорошую роль в новом мюзикле, а она сообщила ему про мисс Фицпатрик, про обои и пинетки, которые собиралась вязать Лаура Луиза.

Пьесу повторяли пятнадцать раз, и Ги смог приехать домой всего на два дня, а потом улетел в Калифорнию на пробы по приглашению кинокомпании «Уорнер Энтерпрайзес». И лишь после завершения проб он приехал уже надолго. У него было теперь две роли, из которых он мог выбрать любую: или кино, или тринадцать серий «Гринвич Вилледж», по полчаса каждая. Фирма братьев Уорнер тоже сделала ему предложение, но Аллан отклонил его из-за низкой оплаты.

Мальш лягался, как демон. Розмари требовала, чтобы он утих и грозилась отшлепать его.

Муж сестры Маргариты позвонил им и сообщил, что у них родился сын весом в восемь фунтов и назвали его Кевин Майкл. Позже появилось официальное сообщение о рождении — очень подробное, с именем, датой и часом рождения, весом и ростом («Почему не указана группа крови?» — с иронией спросил Ги). Розмари решила, что лучше дать самое скромное объявление: их имена, имя ребенка и число. И назвать его Эндрю Джон или Дженнифер Сюзан. И кормить грудью, а не искусственно.

Они перенесли телевизор в гостиную и раздали всю мебель из кабинета друзьям. Потом привезли и наклеили обои, поставили ванночку, кроватку и стол, но через несколько дней переставили все заново. Розмари положила в стол пеленки, резиновые штанишки и распашонки, настолько крошечные, что, держа одну из них в руках, она не удержалась и засмеялась.

Они отметили вторую годовщину свадьбы и тридцатитрехлетие Ги, потом устроили еще одну вечеринку, пригласив Дунстанов, Ченсов, Джимми и Тайгер. Ходили смотреть «Морган», и еще им удалось попасть на закрытый просмотр «Мэйм».

Живот Розмари становился все больше и больше, он раздувался, как шар, и был тугой, как барабан, а над ним возвышалась крупная грудь. Утром и вечером Розмари делала упражнения: поднимала вверх ноги, сидела на пятках, тренировала поверхностное дыхание.

В конце мая, когда пошел уже девятый месяц, она собрала небольшой чемоданчик со всем необходимым для больницы — ночными рубашками, специальными лифчиками для кормления грудью, новым стеганым халатом и тому подобным, и поставила его наготове у дверей спальни.

В пятницу 3 июня в госпитале святого Винсента умер Хатч. Аксель Аллерт, его зять, позвонил Розмари и сообщил эту печальную новость. Он сказал, что панихида будет во вторник, в одиннадцать, в культурном центре на Шестьдесят четвертой улице, в западной части города.

Розмари расплакалась. Отчасти из-за того, что ей было очень жаль Хатча, а еще потому, что она совсем позабыла о нем в последние месяцы, и теперь ей казалось, что это тоже ускорило его смерть. Раз или два ей звонила Грейс Кардифф, и лишь однажды она сама позвонила Дорис Аллерт, но так ни разу и не навестила его. Сначала ей думалось, что в этом нет особого смысла, раз он не пришел в себя, а как только она сама оправилась от своего недуга, ей стало бояз-

endangered by the nearness.

Guy, when he heard the news, turned bloodless gray and was silent and self-enclosed for several hours. Rosemary was surprised by the depth of his reaction.

She went alone to the memorial service; Guy was filming and couldn't get free and Joan begged off with a virus. Some fifty people were there, in a handsome paneled auditorium. The service began soon after eleven and was quite short. Axel Allen spoke, and then another man who apparently had known Hutch for many years. Afterwards Rosemary followed the general movement toward the front of the auditorium and said a word of sympathy to the Allerts and to Hutch's other daughter, Edna, and her husband. A woman touched her arm and said,

"Excuse me, you're Rosemary, aren't you?"— a stylishly dressed woman in her early fifties, with gray hair and an exceptionally fine complexion.

"I'm Grace Cardiff."

Rosemary took her hand and greeted her and thanked her for the phone calls she had made.

"I was going to mail this last evening," Grace Cardiff said, holding a book-size brown-paper package, "and then I realized that I'd probably be seeing you this morning." She gave Rosemary the package; Rosemary saw her own name and address printed on it, and Grace Cardiff's return address.

"What is it?" she asked.

"It's a book Hutch wanted you to have; he was very emphatic about it."

Rosemary didn't understand.

"He was conscious at the end for a few minutes," Grace Cardiff said. "I wasn't there, but he told a nurse to tell me to give you the book on his desk. Apparently he was reading it the night he was stricken. He was very insistent, told the nurse two or three times and made her promise not to forget. And I'm to tell you that 'the name is an anagram. '"

"The name of the book?"

"Apparently. He was delirious, so it's hard to be sure. He seemed to fight his way out of the coma and then die of the effort. First he thought it was the next morning, the morning after the coma began, and he spoke about having to meet you at eleven o'clock —"

"Yes, we had an appointment," Rosemary said.

"And then he seemed to realize what had happened and he began telling the nurse that I was to give you the book. He repeated himself a few times and that was the end." Grace Cardiff smiled as if she were making pleasant conversation. "It's an English book about witchcraft," she said.

Rosemary, looking doubtfully at the package, said,

"I can't imagine why he wanted me to have it."

"He did though, so there you are. And the name is an anagram. Sweet Hutch. He made everything sound like a boy's adventure, didn't he?"

но находиться возле больного человека: она инстинктивно опасалась, что это может как-то вредно сказаться на ее ребенке.

Когда Ги услышал новость, он побледнел, замолчал и просидел в таком состоянии несколько часов. Розмари была тронута глубиной его переживаний.

Она пошла на церемонию одна: у Ги были съемки, и он никак не мог пропустить их, а Джоан как назло заболела гриппом. В красивом небольшом зале собралось человек пятьдесят. Пришел священник, и в двенадцатом часу началась служба, которая оказалась очень короткой. Потом выступил Аксель Аллерт и еще один мужчина, который, очевидно, знал Хатча много лет. Затем все двинулись к выходу, и Розмари выразила свое сочувствие стоявшим у гроба Акселю и Дорис Аллерт, а также второй дочери Хатча, Эдне, и ее мужу. Вдруг какая-то женщина взяла ее за руку и спросила:

— Простите меня, вы ведь Розмари, да? Это была симпатичная и модно одетая женщина лет пятидесяти, с семью волосами.

— Я Грейс Кардифф, — представилась она.

Розмари пожала ей руку и поблагодарила за телефонные звонки.

— Вот это я хотела вчера отправить вам по почте, — сказала Грейс Кардифф, показывая сверток, по форме напоминавший книгу. — А потом мне пришло в голову, что я вас сегодня, наверное, увижу. — Она отдала сверток Розмари, и та увидела, что на нем был написан ее собственный домашний адрес и обратный адрес Грейс Кардифф.

— Что это? — спросила она.

— Это книга, которую Хатч просил передать вам. Он очень на этом настаивал.

Розмари не поняла ее.

— Перед самой смертью к нему на несколько минут вернулось сознание, — рассказала Грейс Кардифф. — Меня в это время там не было, но он попросил сестру передать, чтобы я отдала эту книгу вам. Она лежала у него дома на письменном столе. Он, очевидно, читал ее в ту самую ночь, когда произошел удар. Он очень беспокоился и напомнил об этом сестре два или три раза — боялся, что она забудет. И еще он просил вам передать, что в этой книге содержится анаграмма.

— В названии книги? — уточнила Розмари.

— Очевидно. Может быть, он был в бреду, сейчас уже трудно сказать. Он изо всех сил сражался с комой, от этих усилий и умер. Когда он очнулся, то подумал, что проснулся на следующее утро, и вспомнил, что ему надо встретиться с вами в одиннадцать часов...

— Да, у нас была назначена встреча, — со слезами кивнула Розмари.

— А потом он понял, что с ним случилось, и сказал сестре, чтобы я передала эту книгу вам. Он повторил это несколько раз... и потом умер. — Грейс Кардифф улыбнулась, будто говорила о чем-то приятном. — Это старая английская книга о колдовстве.

Розмари с интересом оглядела сверток.

— Не понимаю, зачем ему надо было, чтобы я это прочла, — удивилась она.

— Он очень этого хотел. А в названии есть анаграмма. Милый Хатч! Он мечтал, чтобы в жизни все было так же, как в его добрых приключенческих книгах...

They walked together out of the auditorium and out of the building onto the sidewalk.

"I'm going uptown; can I drop you anywhere?" Grace Cardiff asked.

"No, thank you," Rosemary said. "I'm going down and across."

They went to the corner. Other people who had been at the service were hailing taxis; one pulled up, and the two men who had got it offered it to Rosemary. She tried to decline and, when the men insisted, offered it to Grace Cardiff, who wouldn't have it either.

"Certainly not," she said. "Take full advantage of your love-ly condition. When is the baby due?"

"June twenty-eighth,"

Rosemary said. Thanking the men, she got into the cab. It was a small one and getting into it wasn't easy.

"Good luck," Grace Cardiff said, closing the door.

"Thank you," Rosemary said, "and thank you for the book." To the driver she said, "The Bramford, please."

She smiled through the open window at Grace Cardiff as the cab pulled away.

Chapter 7

She thought of unwrapping the book there in the cab, but it was a cab that had been fitted out by its driver with extra ash-trays and mirrors and handlettered pleas for cleanliness and consideration, and the string and the paper would have been too much of a nuisance. So she went home first and got out of her shoes, dress, and girdle, and into slippers and a new gigantic peppermint-striped smock.

The doorbell rang and she went to answer it holding the still-unopened package; it was Minnie with the drink and the little white cake.

"I heard you come in," she said. "It certainly wasn't very long."

"It was nice," Rosemary said, taking the glass. "His son-in-law and another man talked a little about what he was like and why he'll be missed, and that was it." She drank some of the thin pale-green.

"That sounds like a sensible way of doing it," Minnie said. "You got mail already?"

"No, someone gave it to me," Rosemary said, and drank again, deciding not to go into who and why and the whole story of Hutch's return to consciousness.

"Here, I'll hold it," Minnie said, and took the package.

"Oh, thanks," Rosemary said — so that Rosemary could take the white cake.

Rosemary ate and drank.

"A book?" Minnie asked, weighing the package.

"Mm-hmm. She was going to mail it and then she realized she'd be seeing me."

Minnie read the return address.

"Oh, I know that house," she said. "The Gilmores used to

Они вместе вышли из зала.

— Я еду в город. Может быть, вас подбросить куда-нибудь? — предложила Грейс Кардифф.

— Нет, спасибо, — ответила Розмари. — Мне надо до-мой.

Они направились к перекрестку. Многие из присутствовавших на панихиде уже ловили такси. Двое мужчин остано-вили машину и предложили ее Розмари. Она отказалась и хотела уступить очередь Грейс Кардифф, но та запротесто-вала:

— Я не могу воспользоваться этой машиной, — объяс-нила она. — Сперва должны ехать вы; вы ведь сейчас в при-вилегированном положении... Когда вы ждете ребенка?

— Двадцать восьмого июня.

Розмари поблагодарила мужчин и села в такси. Машина оказалась маленькой и сидеть в ней было неудобно.

— Желаю удачи, — сказала Грейс Кардифф и мягко за-крыла дверцу.

— Спасибо, — ответила Розмари. — И за книгу спаси-бо. — Потом она обратилась к шоферу: — В Брэмфорд, по-жалуйста.

Когда такси уже тронулось, она еще раз напоследок улы-бнулась Грейс Кардифф.

Глава 7

Розмари хотела развернуть книгу прямо в такси, но уви-дела, что машина увешана всякими просьбами соблюдать полную чистоту, разными пепельницами и зеркалами, к то-му же ей не хотелось возиться с бумагой и бечевкой. При-ехав домой, она сняла туфли, платье и пояс и переделалась в новый широкий полосатый халат и тапочки.

В дверь позвонили, и она пошла открывать, все еще дер-жа в руке нераспечатанный сверток. Это была Минни с тра-диционным напитком и пирожным.

— Я слышала, как ты вернулась. Церемония, видно, и в самом деле была недлинная.

— Все прошло очень хорошо, — с грустью ответила Розмари, безропотно забирая у нее стакан. — Говорил его зять и еще один мужчина о том, какой он был замечатель-ный и почему нам его будет так не хватать; вот и все. — Она отпила немного мутной зеленоватой жидкости.

— По моему, это очень разумно, — согласилась Минни. — Ты уже получила сегодняшнюю почту? — Она указала глазами на пакет.

— Нет, мне это передали на панихиде. — Розмари реши-ла не объяснять, кто и почему, и вообще ничего не говорить о том, что Хатч перед смертью приходил в себя.

— Давай я пока подержу, — предложила Минни и взяла у нее сверток.

— Спасибо, — ответила Розмари и освободившейся ру-кой приняла пирожное.

Она выпила и съела все принесенное.

— Это книга? — спросила Минни, с интересом рассмат-ривая сверток.

— Угу. Она хотела сперва отправить ее по почте, но по-том сообразила, что мы сегодня встретимся.

Минни прочитала на обертке обратный адрес.

— О, да я знаю этот дом! Там раньше жили Гилморы —

live there before they moved over to where they are now.”

“Oh?”

“I’ve been there lots of times. ‘Grace.’ That’s one of my favorite names. One of your girl friends?”

“Yes,” Rosemary said; it was easier than explaining and it made no difference really.

She finished the cake and the drink, and took the package from Minnie and gave her the glass.

“Thanks,” she said, smiling.

“Say listen,” Minnie said, “Roman’s going down to the cleaner in a while; do you have anything to go or pick up?”

“No, nothing, thanks. Will we see you later?”

“Sure. Take a nap, why don’t you?”

“I’m going to. ‘By.”

She closed the door and went into the kitchen. With a paring knife she cut the string of the package and undid its brown paper. The book within was *All Of Them Witches* by J. R. Hanslet. It was a black book, not new, its gold lettering all but worn away. On the flyleaf was Hutch’s signature, with the inscription Torquay, 1934 beneath it. At the bottom of the inside cover was a small blue sticker imprinted J. Waghorn & Son, Booksellers.

Rosemary took the book into the living room, riffling its pages as she went. There were occasional photographs of respectable-looking Victorians, and, in the text, several of Hutch’s underlinings and marginal checkmarks that she recognized from books he had lent her in the Higgins-Eliza period of their friendship. One underlined phrase was “the fungus they call ‘devil’s Pepper’.”

She sat in one of the window bays and looked at the table of contents. The name Adrian Marcato jumped to her eye; it was the title of the fourth chapter. Other chapters dealt with other people — all of them, it was to be presumed from the book’s title, witches: Gilles de Rais, Jane Wenham, Aleister Crowley, Thomas Weir. The final chapters were Witch Practices and Witchcraft and Satanism.

Turning to the fourth chapter, Rosemary glanced over its twenty-odd pages; Marcato was born in Glasgow in 1846, he was brought soon after to New York (underlined), and he died on the island of Corfu in 1922. There were accounts of the 1896 tumult when he claimed to have called forth Satan and was attacked by a mob outside the Bramford (not in the lobby as Hutch had said), and of similar happenings in Stockholm in 1898 and Paris in 1899. He was a hypnoticeyed black-bearded man who, in a standing portrait, looked fleetingly familiar to Rosemary. Overleaf there was a less formal photograph of him sitting at a Paris cafe table with his wife Hessia and his son Steven (underlined).

Was this why Hutch had wanted her to have the book; so that she could read in detail about Adrian Marcato? But why? Hadn’t he issued his warnings long ago, and acknowledged later on that they were unjustified?

She flipped through the rest of the book, pausing near the end to read other underlinings. “The stubborn fact remains,”

перед тем как переехать.

— Правда?

— Я там часто бывала... Грейс... Мне очень нравится это имя. Это твоя подруга?

— Да. — Розмари было все равно и не хотелось вдаваться в подробности.

Она забрала книгу у Минни и, вернув ей стакан, улыбнулась.

— Спасибо. — Она замолчала, ожидая, что Минни наконец-то уйдет.

— Послушай-ка, Роман собирается в химчистку. Может быть, надо что-нибудь отнести туда или забрать?

— Нет, спасибо. Вы к нам потом заглянете?

— Конечно. А ты пока отдохни.

— Да. Я как раз собиралась прилечь. До свидания.

Розмари закрыла дверь, пошла в кухню, там перерезала ножом бечевку и сняла оберточную бумагу. Книга оказалась сочинением Дж. Р. Ханслета и называлась «Все о колдунах». Она была старая и черная, золотое тиснение местами облетело с переплета. На форзаце стояла подпись Хатча, а под ней значилось: «Торкуэй, 1934». Ниже была приклеена маленькая бумажка с надписью «Книжный магазин Дж. Вагхорна и сына».

Розмари понесла книгу в гостиную, на ходу перелистывая ее. Здесь она увидела фотографии почтенных людей викторианской эпохи, а кое-где в тексте — сделанные Хатчем пометки на полях и подчеркнутые фразы: так он работал со всеми книгами; Розмари помнила это еще по тем временам, когда они жили по соседству, и библиотека Хатча была для нее чуть ли не единственным источником духовной пищи. Она успела прочитать одну из подчеркнутых фраз: «...грибок, который называется дьявольский перец».

Устроившись на подоконнике, Розмари изучила оглавление. Взгляд ее привлекло имя «Адриан Маркато» — таково было название четвертой главы. В книге рассказывалось и про других людей; и все они, если верить заглавию, были колдунами: Гиль де Ре, Джейн Венгам, Алистер Кроули, Томас Вейр. Две последние главы назывались «Искусство колдовства» и «Колдовство и сатанизм».

Розмари проглядела четвертую главу, которая занимала двадцать с небольшим страниц, и из нее узнала, что Маркато родился в Глазго в 1846 году, потом переехал в Нью Йорк (подчеркнуто), а умер на острове Корфу в 1922 году. Здесь же упоминалось и о шумихе, вызванной в 1896 году его заявлением, будто он вытащил из ада самого дьявола. В результате на Маркато напала разъяренная толпа на улице возле Брэмфорда (а не в самом доме, как говорил Хатч). Подобные происшествия имели также место в Стокгольме в 1898 и в Париже в 1899 году. Маркато был высоким чернородым мужчиной с выразительными глазами, который на фотографии почему-то показался Розмари знакомым. Рядом помещался еще один снимок, поменьше, на котором он был запечатлен в парижском кафе со своей женой Гессией и сыном Стивеном (подчеркнуто).

Может быть, именно из-за этой главы Хатч так хотел передать ей книгу — чтобы она прочитала подробный рассказ об Адриане Маркато? Но зачем?.. Ведь он давно уже рассказал о всех своих опасениях, и потом выяснилось, что они совершенно напрасны.

Розмари пролистала книгу еще раз и начала читать подчеркнутые Хатчем места: «Остается непреложным тот

one read, "that whether or not we believe, they most assuredly do." And a few pages later: "the universally held belief in the power of fresh blood." And "surrounded by candles, which needless to say are also black."

The black candles Minnie had brought over on the night of the power failure. Hutch had been struck by them and had begun asking questions about Minnie and Roman. Was this the book's meaning; that they were witches? Minnie with her herbs and tannis-charms, Roman with his piercing eyes? But there were no witches, were there? Not really.

She remembered then the other part of Hutch's message, that the name of the book was an anagram. All Of Them Witches. She tried to juggle the letters in her head, to transpose them into something meaningful, revealing. She couldn't; there were too many of them to keep track of. She needed a pencil and paper. Or better yet, the Scrabble set.

She got it from the bedroom and, sitting in the bay again, put the unopened board on her knees and picked out from the box beside her the letters to spell All Of Them Witches. The baby, which had been still all morning, began moving inside her. You're going to be a born Scrabble-player, she thought, smiling. It kicked.

"Hey, easy," she said.

With All Of Them Witches laid out on the board, she jumbled the letters and mixed them around, then looked to see what else could be made of them. She found comes with the fall and, after a few minutes of rearranging the flat wood tiles, how is hell fact met. Neither of which seemed to mean anything. Nor was there revelation in who shall meet it, we that chose ill, and if he shall come, all of which weren't real anagrams anyway, since they used less than the full complement of letters. It was foolishness. How could the title of a book have a hidden anagram message for her and her alone? Hutch had been delirious; hadn't Grace Cardiff said so? Time-wasting. Elf shot lame witch. Tell me which fatso.

But maybe it was the name of the author, not the book, that was the anagram. Maybe J. R. Hanslet was a pen name; it didn't sound like a real one, when you stopped to think about it.

She took new letters. The baby kicked. J. R. Hanslet was Jan Shrelt. Or J. H. Snartle. Now that really made sense.

Poor Hutch.

She took up the board and tilted it, spilling the letters back into the box. The book, which lay open on the window seat beyond the box, had turned its pages to the picture of Adrian Marcato and his wife and son. Perhaps Hutch had pressed hard there, holding it open while he underlined "Steven."

The baby lay quiet in her, not moving.

She put the board on her knees again and took from the box the letters of Steven Marcato. When the name lay spelled before her, she looked at it for a moment and then began transposing the letters. With no false moves and no wasted motion she made them into Roman Castevet.

And then again into Steven Marcato. And then again into Roman Castevet.

The baby stirred ever so slightly.

She read the chapter on Adrian Marcato and the one called

факт, что даже если мы не верим в это, то они сами наверняка верят». А еще через несколько страниц: «...всемирно известная вера в силу человеческой крови». И еще: «...окружены свечами, которые — нет необходимости повторять — должны быть черными».

Черные свечи приносила Минни в тот день, когда отключили электричество. Хатча это тогда очень удивило, и он начал с пристрастием спрашивать про Минни и Романа. Может, это как-то связано с книгой? Все о колдунах... И Минни со своей оранжереей трав и таннисовыми амулетами, и Роман с пронзительным взглядом... Но они-то ведь не колдуны! А если?..

Она вспомнила еще одно: в книге есть анаграмма. Может быть, в названии? «All of Them Witches» ... Розмари попыталась мысленно переставить буквы так, чтобы получилось что-нибудь понятное и значимое. Но ей это не удалось: букв оказалось слишком много, и они стали путаться в голове. Надо было взять листок бумаги и ручку. Или, еще лучше, коробку «скрэбл».

Она сходила в спальню за игрой и снова села на подоконник, потом выложила на чистую доску нужные буквы и составила из них название книги. Малыш, который все утро вел себя тихо, зашевелился. «Ты будешь прирожденным игроком в скрэбл», — подумала Розмари и улыбнулась. Малыш лягнулся сильнее.

— Эй, полегче! — сказала она вслух.

После этого перемешала буквы и попробовала сложить их в слова. У нее получилось: «Comes with the fall», а немного погодя: «how is hell fact met». Но смысла не было ни в том, ни в другом выражениях. Ничего не дали ей и такие фразы, как «who shall meet it»; «we that those ill» и «if she shall come». И к тому же, их нельзя было назвать настоящими анаграммами, потому что в них использовались не все буквы. Какая глупость! Как в названии книги может быть запрятана анаграмма, важная для нее и только для нее одной? Наверное, у Хатча просто начался бред; ведь и Грейс Кардифф тоже говорила об этом. Пустая трата времени... «elf shot lame witch», «tell me which fatso».

Но, может быть, все дело в фамилии автора, а не в названии книги? Что если Дж. Р. Ханслет — только литературный псевдоним? Имя это и вправду казалось каким-то ненастоящим, если хорошенько призадуматься.

Розмари стала набирать заново. Малыш опять пнул ее. Фамилия Ханслет превращалась в другие, но тоже неизвестные, хотя здесь хоть какой-то смысл еще сохранялся.

Бедный Хатч!..

Она взяла коробку и ссыпала в нее все буквы. Книга, лежащая на подоконнике, зашелестела от ветра, и страницы раскрылись на том месте, где была фотография Адриано Маркато с женой и сыном. Наверное, Хатч часто смотрел на нее и даже подчеркнул имя Стивен.

Малыш затих и больше не шевелился.

Розмари снова взяла «скрэбл», вынула доску и на ней старательно выложила: «Стивен Маркато». Несколько секунд она задумчиво смотрела на это имя, а потом стала переставлять фишки. Очень быстро у нее получилось: «Роман Кастивет».

А потом снова — Стивен Маркато. И опять — Роман Кастивет.

Малыш недовольно зашевелился.

Розмари прочла до конца главу «Адриан Маркато», за-

Witch Practices, and then she went into the kitchen and ate some tuna salad and lettuce and tomatoes, thinking about what she had read.

She was just beginning the chapter called Witchcraft and Satanism when the front door unlocked and was pushed against the chain. The doorbell rang as she went to see who it was. It was Guy.

“What’s with the chain?” he asked when she had let him in.

She said nothing, closing the door and rechainning it.

“What’s the matter?” He had a bunch of daisies and a box from Bronzini.

“I’ll tell you inside,” she said as he gave her the daisies and a kiss.

“Are you all right?” he asked.

“Yes,” she said. She went into the kitchen.

“How was the memorial?”

“Very nice. Very short.”

“I got the shirt that was in The New Yorker,” he said, going to the bedroom. “Hey,” he called, “On A Clear Day and Skyscraper are both closing.”

She put the daisies in a blue pitcher and brought them into the living room. Guy came in and showed her the shirt. She admired it.

Then she said, “Do you know who Roman really is?”

Guy looked at her, blinked, and frowned.

“What do you mean, honey?” he said. “He’s Roman.”

“He’s Adrian Marcato’s son,” she said. “The man who said he conjured up Satan and was attacked downstairs by a mob. Roman is his son Steven. ‘Roman Castevet’ is ‘Steven Marcato’ rearranged-an anagram.”

Guy said, “Who told you?”

“Hutch,” Rosemary said. She told Guy about All Of Them Witches and Hutch’s message. She showed him the book, and he put aside his shirt and took it and looked at it, looked at the title page and the table of contents and then sprung the pages out slowly from under his thumb, looking at all of them.

“There he is when he was thirteen,” Rosemary said. “See the eyes?”

“It might just possibly be a coincidence,” Guy said.

“And another coincidence that he’s living here? In the same house Steven Marcato was brought up in?” Rosemary shook her head. “The ages match too,” she said. “Steven Marcato was born in August, 1886, which would make him seventy-nine now. Which is what Roman is. It’s no coincidence.”

“No, I guess it’s not,” Guy said, springing out more pages. “I guess he’s Steven Marcato, all right. The poor old geezer. No wonder he switched his name around, with a crazy father like that.”

Rosemary looked at Guy uncertainly and said,

“You don’t think he’s — the same as his father?”

“What do you mean?” Guy said, and smiled at her. “A witch? A devil worshiper?”

She nodded.

“Ro,” he said. “Are you kidding? Do you really —” He laughed and gave the book back to her. “Ah, Ro, honey,” he

тем ту, которая называлась «Искусство колдовства». Потом пошла на кухню, поела салата из тунца, зелени и помидоров, ни на секунду не переставая думать о прочитанном.

Вернувшись в комнату, она уже начала главу «Колдовство и сатанизм», как вдруг входная дверь резко открылась, натянув цепочку. Зазвенел звонок. Вернулся Ги.

— Что это ты на цепочке? — спросил он, когда Розмари открыла.

Она ничего не ответила, но дверь снова закрыла на все замки.

— Так в чем все-таки дело? — нахмурился Ги. Он принес букетик маргариток и подарочную коробку из универмага Бронзони.

— Сейчас все расскажу, — пообещала Розмари. Ги поцеловал ее и отдал цветы.

— С тобой все в порядке?

— Да. — Она прошла на кухню.

— Как похороны?

— Все хорошо. Служба оказалась очень короткой.

— Я купил рубашку, которую рекламировали в «Нью-Йоркере», — крикнул Ги из спальни. — Слушай, а «Ясным днем» и «Небоскреб» снимают с постановки.

Розмари поставила цветы в голубую вазу и принесла их в гостиную. Вошел Ги и продемонстрировал новую рубашку. Ей очень понравилось.

— А ты знаешь, кто такой Роман? — тихо спросила она.

Ги непонимающе посмотрел на нее, моргнул и нахмурился.

— Что ты имеешь в виду, дорогая? Он просто Роман, и все...

— Он сын Адриана Маркато. Того человека, который вызвал Сатану, и за это на него напала толпа. Роман — его сын Стивен. «Роман Кастивет» — просто анаграмма. Если переставить буквы, то получится «Стивен Маркато».

— Кто это тебе сказал?

— Хатч. — Она рассказала Ги про книгу и про то, что велел передать ей Хатч. Потом показала ему саму эту книжку, и Ги, отложив в сторону рубашку, взял потрепанный черный том, придирчиво осмотрел обложку и быстро пролистал пожелтевшие страницы.

— Вот здесь ему тринадцать лет. — Розмари показала Ги фотографию. — Ты узнаешь его глаза?

— Наверное, это просто совпадение.

— Тогда еще одно совпадение — это то, что он живет именно здесь. В том же доме, где воспитывался сын Маркато... — Розмари покачала головой. — И возраст тоже совпадает: Стивен Маркато родился в августе 1886 года, сейчас ему семьдесят девять лет. И Роману столько же. Нет, это уже не совпадение.

— Наверное, нет, — нехотя согласился Ги и перевернул еще несколько страниц. — Ну хорошо, возможно, он Стивен Маркато. Бедный старикашка!.. Ничего удивительного, что он изменил имя, имея такого сумасшедшего папочку.

Розмари вопросительно посмотрела на Ги.

— А ты не считаешь, что он... такой же, как и его отец?

— Какой? — Ги улыбнулся. — Колдун? Почитатель дьявола?

Она кивнула.

— Ро, ты что, шутишь? Неужели ты правда... — Он засмеялся и вернул ей книгу. — Ах, Ро, милая!

said.

"It's a religion," she said. "It's an early religion that got pushed into the corner."

"All right," he said, "but today?"

"His father was a martyr to it," she said. "That's how it must look to him. Do you know where Adrian Marcato died? In a stable. On Corfu. Wherever that is. Because they wouldn't let him into the hotel. Really. 'No room at the inn.' So he died in the stable. And he was with him. Roman. Do you think he's given it up after that?"

"Honey, it's 1966," Guy said.

"This book was published in 1933," Rosemary said; "there were covens in Europe — that's what they're called, the groups, the congregations; covens in Europe, in North and South America, in Australia; do you think they've all died out in just thirty-three years? They've got a coven here, Minnie and Roman, with Laura-Louise and the Fountains and the Gilmores and the Weeses; those parties with the flute and the chanting, those are Sabbaths or esbats or whatever-they-are!"

"Honey," Guy said, "don't get excited. Let's —"

"Read what they do, Guy," she said, holding the book open at him and jabbing a page with her forefinger. "They use blood in their rituals, because blood has power, and the blood that has the most power is a baby's blood, a baby that hasn't been baptized; and they use more than the blood, they use the flesh too!"

"For God's sake, Rosemary!"

"Why have they been so friendly to us?" she demanded.

"Because they're friendly people! What do you think they are, maniacs?"

"Yes! Yes. Maniacs who think they have magic power, who think they're real storybook witches, who perform all sorts of crazy rituals and practices because they're — sick and crazy maniacs!"

"Honey —"

"Those black candles Minnie brought us were from the black mass! That's how Hutch caught on. And their living room is clear in the middle so that they have room. "

"Honey," Guy said, "they're old people and they have a bunch of old friends, and Dr. Shand happens to play the recorder. You can get black candles right down in the hardware store, and red ones and green ones and blue ones. And their living room is clear because Minnie is a lousy decorator. Roman's father was a nut, okay; but that's no reason to think that Roman is too."

"They're not setting foot in this apartment ever again," Rosemary said. "Either one of them. Or Laura-Louise or any of the others. And they're not coming within fifty feet of the baby."

"The fact that Roman changed his name proves that he's not like his father," Guy said. "If he were he'd be proud of the name and would have kept it."

"He did keep it," Rosemary said. "He switched it around, but he didn't really change it for something else. And this way he can get into hotels." She went away from Guy, to the win-

— Это же целая религия, — объяснила она. — Религия, которую... просто отгеснили.

— Ну хорошо, но не в наши же дни!

— А его отец был своего рода великомучеником этой религии, — продолжала Розмари. — Ты знаешь, где умер Адриан Маркато? В конюшне. На Корфу. Потому что его не пустили в гостиницу. Это правда. «В человеческом жилище вам места нет» — вот что ответил ему хозяин. Поэтому он так и умер в конюшне. А сын был тогда вместе с ним. Ты думаешь. Роман оставит эту религию после такого?

— Дорогая, но сейчас же 1966 год!

— Эта книга написана в 1933 году — тогда в Европе очень активно проводились их собрания, или как они там еще называются — конгрегации. И не только в Европе, но и в Северной и Южной Америке, в Австралии. Ты думаешь, все они умерли за прошедшие тридцать три года? Наверняка у них и здесь свое общество — у Минни и Романа вместе с Лаурой Луизой, Фаунтэнами, Гилморами и Визами; все эти их вечеринки с флейтой и молитвенным пением — это их шабаш или как там еще!

— Дорогая, — попытался успокоить ее Ги. — Не волнуйся так...

— Почитай, что они делают, — чуть не плача сказала Розмари, протягивая ему книгу и тыча пальцем в страницу. — Они используют в своих ритуалах кровь, потому что кровь обладает силой. А самая могущественная — это кровь младенца, которого еще не успели окрестить, и они используют не только его кровь, но и тело тоже!

— Ну ради Бога, Розмари!

— А почему, ты думаешь, они к нам так по дружески относятся?

— Потому что они хорошие люди. Ты что, считаешь, что они маньяки?

— Да! Да, маньяки, которые убеждены, что обладают магической силой, которые уверены в том, что они настоящие колдуны, которые практикуют всяческие колдовские номера и ритуалы, потому что они — больные и сумасшедшие люди!

— Милая...

— Те черные свечи, которые принесла нам Минни, — они были с черной мессой! Вот как Хатч раскусил их! А в гостиной у них ничего нет — это для того, чтобы было где проводить их бесовские сборища!

— Милая, — начал Ги. — Они старые, и у них своя компания стариков, а доктор Шанд просто заводит магнитофон. Черные свечи можно купить в любом магазине, и красные тоже, и синие, и зеленые. А в гостиной у них пусто, потому что какой из Минни декоратор! Допустим, отец у Романа действительно был чокнутый, хорошо; но это еще не основание считать, что и сам Роман тоже ненормальный.

— Они к нам больше и ногой не ступят, — безапелляционно заявила Розмари. — Ни один из них: ни Лаура Луиза, ни прочие их друзья. И они не подойдут к моему ребенку ближе, чем на пятьдесят футов.

— Но ведь то, что Роман поменял имя, только лишний раз доказывает, что он совсем не такой, как его отец. Если бы он гордился своим отцом, то оставил бы его фамилию.

— Он и оставил ее. Просто поменял буквы местами, но не менял фамилию. Зато теперь его пустят в любую гостиницу. — Она прошла мимо Ги к набору «скрэбл». — В об-

dow where the Scrabble set lay. "I won't let them in again," she said. "And as soon as the baby is old enough I want to sub-let and move. I don't want them near us. Hutch was right; we never should have moved in here." She looked out the window, holding the book clamped in both hands, trembling.

Guy watched her for a moment.

"What about Dr. Sapirstein?" he said. "Is he in the covenant?"

She turned and looked at him.

"After all," he said, "there've been maniac doctors, haven't there? His big ambition is probably to make house calls on a broomstick."

She turned to the window again, her face sober.

"No, I don't think he's one of them," she said. "He's — too intelligent."

"And besides, he's Jewish," Guy said and laughed. "Well, I'm glad you've exempted somebody from your McCarthy-type smear campaign. Talk about witch hunting, wow! And guilt by association."

"I'm not saying they're really witches," Rosemary said. "I know they haven't got real power. But there are people who do believe, even if we don't; just the way my family believes that God hears their prayers and that the wafer is the actual body of Jesus. Minnie and Roman believe their religion, believe it and practice it, I know they do; and I'm not going to take any chances with the baby's safety."

"We're not going to sub-let and move," Guy said.

"Yes we are," Rosemary said, turning to him.

He picked up his new shirt.

"We'll talk about it later," he said.

"He lied to you," she said. "His father wasn't a producer. He didn't have anything to do with the theater at all."

"All right, so he's a bullthrower," Guy said; "who the hell isn't?" He went into the bedroom.

Rosemary sat down next to the Scrabble set. She closed it and, after a moment, opened the book and began again to read the final chapter, Witchcraft and Satanism.

Guy came back in without the shirt.

"I don't think you ought to read any more of that," he said.

Rosemary said, "I just want to read this last chapter."

"Not today, honey," Guy said, coming to her; "you've got yourself worked up enough as it is. It's not good for you or the baby." He put his hand out and waited for her to give him the book.

"I'm not worked up," she said.

"You're shaking," he said. "You've been shaking for five minutes now. Come on, give it to me. You'll read it tomorrow."

"Guy —"

"No," he said. "I mean it. Come on, give it to me."

She said "Ohh" and gave it to him. He went over to the bookshelves, stretched up, and put it as high as he could reach, across the tops of the two Kinsey Reports.

"You'll read it tomorrow," he said. "You've had too much stirring-up today already, with the memorial and all."

щем, как хочешь, но я их здесь больше не приму. А как только ребенок слегка подрастет, мы отсюда уедем. Я не хочу даже жить рядом с ними. Хатч был прав — не надо нам было вообще сюда переезжать. — Она посмотрела в окно, нервно дрожа и крепко сжимая обеими руками книгу.

Ги осторожно взглянул на нее.

— А как же доктор Сапирштейн? Он тоже входит в их общество?

Розмари повернулась.

— В конце концов, — продолжал он, — среди врачей очень часто встречаются маньяки. Он, наверное, тоже не исключение и любит ездить на метле, когда нужно навесить на дому пациента.

Но Розмари не засмеялась и снова отвернулась к окну.

— Нет, я не думаю, что он с ними. Он... слишком интеллигентный для этого.

— И к тому же еврей. — Ги рассмеялся. — Ну хорошо, что ты хоть кого-то исключила из этой гнусной компании. А теперь давай поговорим об охоте на ведьм.

— Я не говорю, что они настоящие ведьмы, — возразила Розмари. — У них нет подлинной силы. Но они верят в то, что она есть, даже если другие будут над ними смеяться; это похоже на то, как мои родители считают, что Бог слышит их молитвы и что гостия — это тело Христово. А Минни и Роман верят в свою религию и практикуют свои дьявольские ритуалы; я это знаю и поэтому не могу рисковать безопасностью нашего ребенка.

— Никуда мы отсюда переезжать, не будем, — перебил ее Ги.

— Будем, — ответила Розмари, решительно поворачиваясь к нему.

Он опять взял свою новую рубашку.

— Об этом мы поговорим с тобой позже, — отрезал Ги.

— Как ты не понимаешь, что этот Роман тебе просто наврал! Его отец никогда не был продюсером. Он вообще никакого отношения к театру не имел.

— Ну хорошо; значит, он любит приврать. А кто — нет? — проворчал Ги и пошел в спальню.

Розмари села рядом с коробкой «скрэббл». Она расколотила книгу и начала читать последнюю главу «Колдовство и сатанизм».

Ги вошел к ней уже без рубашки.

— Мне кажется, тебе больше не следует сегодня читать.

— Мне осталась только одна последняя глава.

— Но только не сегодня, дорогая, ты переутомилась. Это не принесет пользы ни тебе, ни ребенку. — И он протянул руку к книге.

— Но я еще не устала.

— Ты вся дрожишь. Ты уже минут пять, как дрожишь. Отдай книгу мне. Дочитаешь ее завтра.

— Ги...

— Нет, давай ее сюда, — с неожиданной настойчивостью потребовал Ги.

Розмари беспомощно вздохнула и отдала мужу книгу. Он подошел к полкам, встал на цыпочки и засунул ее как можно дальше между другими томами.

— Дочитаешь завтра, а сегодня ты и так уже утомилась от похорон и всего прочего.

Chapter 8

Dr. Sapirstein was amazed.

"Fantastic," he said. "Absolutely fantastic. What did you say the name was, 'Machado'?"

"Marcato," Rosemary said.

"Fantastic," Dr. Sapirstein said. "I had no idea whatsoever. I think he told me once that his father was a coffee importer. Yes, I remember him going on about different grades and different ways of grinding the beans."

"He told Guy that he was a producer."

Dr. Sapirstein shook his head.

"It's no wonder he's ashamed of the truth," he said. "And it's no wonder that you're upset at having discovered it. I'm as sure as I am of anything on earth that Roman doesn't hold any of his father's weird beliefs, but I can understand completely how disturbed you must be to have him for a close neighbor."

"I don't want anything more to do with him or Minnie," Rosemary said. "Maybe I'm being unfair, but I don't want to take even the slightest chance where the baby's safety is concerned."

"Absolutely," Dr. Sapirstein said. "Any mother would feel the same way."

Rosemary leaned forward.

"Is there any chance at all," she said, "that Minnie put something harmful in the drink or in those little cakes?"

Dr. Sapirstein laughed.

"I'm sorry, dear," he said; "I don't mean to laugh, but really, she's such a kind old woman and so concerned for the baby's well-being... No, there's no chance at all that she gave you anything harmful. I would have seen evidence of it long ago, in you or in the baby."

"I called her on the house phone and told her I wasn't feeling well. I won't take anything else from her."

"You won't have to," Dr. Sapirstein said. "I can give you some pills that will be more than adequate in these last few weeks. In a way this may be the answer to Minnie and Roman's problem too."

"What do you mean?" Rosemary said.

"They want to go away," Dr. Sapirstein said, "and rather soon. Roman isn't well, you know. In fact, and in the strictest of confidence, he hasn't got more than a month or two left to him. He wants to pay a last visit to a few of his favorite cities and they were afraid you might take offense at their leaving on the eve of the baby's birth, so to speak. They broached the subject to me the night before last, wanted to know how I thought you would take it. They don't want to upset you by telling you the real reason for the trip."

"I'm sorry to hear that Roman isn't well," Rosemary said.

"But glad at the prospect of his leaving?" Dr. Sapirstein smiled. "A perfectly reasonable reaction," he said, "all things considered. Suppose we do this, Rosemary: I'll tell them that I've sounded you out and you aren't at all offended by the idea of their going; and until they do go — they mentioned Sunday as a possibility — you continue as before, not letting Roman know that you've learned his true identity. I'm sure he would be embarrassed and unhappy if he knew, and it seems a shame to upset him when it's only a matter of three or four more days."

Rosemary was silent for a moment, and then she said,

Глава 8

Доктор Сапирштейн был поражен.

— Фантастика, — сказал он. — Вот это да! Как, вы говорите, его звали — Макандо?

— Маркато, — поправила Розмари.

— Удивительно. Я бы никогда не подумал. По моему, он мне когда-то говорил, что его отец занимался импортом кофе. Да да, я припоминаю, как подробно он рассказывал мне о разных сортах кофе и способах перемолки...

— А Ги он сказал, что его отец был продюсером.

Доктор Сапирштейн с сожалением покачал головой.

— Нет ничего странного в том, что он стыдится правды; я его даже понимаю в чем то. Но вы, должно быть, так расстроены этой новостью!.. Однако я твердо уверен, что Роман не разделяет веры своего отца. Но и вас мне легко понять: вам ведь, наверное, не очень приятно иметь такого соседа.

— Я не хочу больше общаться ни с ним, ни с его Минни! — бушевала Розмари. — Может быть, я к ним несправедлива, но я забочусь о безопасности своего ребенка.

— Конечно. Любая мать на вашем месте вела бы себя точно так же.

Вдруг Розмари вся подалась вперед.

— А вдруг Минни подсыпала мне в напиток или в пирожное что-нибудь вредное?

И тут доктор Сапирштейн рассмеялся.

— Извините, я, честное слово, не хотел смеяться над вашими опасениями, но я абсолютно уверен, что эта старушка заботится о здоровье вашего ребенка не меньше, чем о своем собственном... Нет, ничего вредного она вам не даст, иначе бы это уже сказалось на вас или на мальшке.

— Я ей уже звонила и сказала, что неважно себя чувствую, и поэтому больше ничего от нее брать не буду...

— А вам больше и не надо. Я теперь выпишу таблетки, которые вполне заменят напиток в эти последние недели. И кстати, ваша проблема с Минни и Романом тоже в скором времени будет решена.

— Простите, я не совсем вас поняла...

— Они хотят уехать, — пояснил доктор Сапирштейн. — Причем довольно скоро. Роман сейчас в очень плохом состоянии. Между нами говоря, ему осталось жить всего каких-нибудь пару месяцев. И перед смертью он хотел навесить свои любимые места и города, но они боялись, что вы обидитесь на них за отъезд накануне рождения вашего ребенка. Они мне рассказали об этом позавчера вечером и спросили, как вы, по моему мнению, к этому отнесетесь. Они не хотят расстраивать вас и объяснять причину отъезда.

— Мне очень жаль, что Роман так серьезно болен.

— Но вы все же рады, что они уезжают? Не нужно стесняться, это вполне естественная реакция. Давайте сделаем так, Розмари: я скажу им, будто раскрыл вам их намерения насчет отъезда и вы не обиделись, но до воскресенья — а они в воскресенье уедут — вы будете делать вид, что не знаете ничего о болезни Романа. Мне кажется, что он очень огорчится, если кто-то узнает о его неприятностях, а вам это будет нетрудно — ведь речь идет всего о каких-то трех четырех днях.

Розмари помолчала немного, но потом спросила:

"Are you sure they'll be leaving on Sunday?"

"I know they'd like to," Dr. Sapirstein said.

Rosemary considered. "All right," she said; "I'll go on as before, but only until Sunday."

"If you'd like," Dr. Sapirstein said, "I can have those pills sent over to you tomorrow morning; you can get Minnie to leave the drink and the cake with you and throw them away and take a pill instead."

"That would be wonderful," Rosemary said. "I'd be much happier that way."

"That's the main thing at this stage," Dr. Sapirstein said, "keeping you happy."

Rosemary smiled. "If it's a boy," she said, "I may just name him Abraham Sapirstein Woodhouse."

"God forbid," Dr. Sapirstein said.

Guy, when he heard the news, was as pleased as Rosemary.

"I'm sorry Roman is on his last lap," he said, "but I'm glad for your sake that they're going away. I'm sure you'll feel more relaxed now."

"Oh, I will," Rosemary said. "I feel better already, just knowing about it."

Apparently Dr. Sapirstein didn't waste any time in telling Roman about Rosemary's supposed feelings, for that same evening Minnie and Roman stopped by and broke the news that they were going to Europe.

"Sunday morning at ten," Roman said. "We fly directly to Paris, where we'll stay for a week or so, and then we'll go on to Zurich, Venice, and the loveliest city in all the world, Dubrovnik, in Yugoslavia."

"I'm green with envy," Guy said.

Roman said to Rosemary, "I gather this doesn't come as a complete bolt from the blue, does it, my dear?" A conspirator's gleam winked from his deep-socketed eyes.

"Dr. Sapirstein mentioned you were thinking of going," Rosemary said.

Minnie said, "We'd have loved to stay till the baby came—"

"You'd be foolish to," Rosemary said, "now that the hot weather is here."

"We'll send you all kinds of pictures," Guy said.

"But when Roman gets the wanderlust," Minnie said, "there's just no holding him."

"It's true, it's true," Roman said. "After a lifetime of traveling I find it all but impossible to stay in one city for more than a year; and it's been fourteen months now since we came back from Japan and the Philippines."

He told them about Dubrovnik's special charms, and Madrid's, and the Isle of Skye's. Rosemary watched him, wondering which he really was, an amiable old talker or the mad son of a mad father.

The next day Minnie made no fuss at all about leaving the drink and the cake; she was on her way out with a long list of going-away jobs to do. Rosemary offered to pick up a dress at the cleaner's for her and buy toothpaste and Dramamine. When she threw away the drink and the cake and took one of the large white capsules Dr. Sapirstein had sent, she felt just the slightest bit ridiculous.

— А вы уверены, что они уедут именно в воскресенье?

— Они сами так сказали, — пожал плечами доктор.

— Ладно, пусть все будет как раньше, но только до воскресенья, — согласилась она.

— Если хотите, я вам завтра же пришлю таблетки, а вы просто берите у Минни напиток и пирожное, выбрасывайте их и вместо этого принимайте таблетку.

— Прекрасно, так мне будет гораздо спокойнее.

— А сейчас самое главное, чтобы вы не волновались.

Розмари улыбнулась.

— Если будет мальчик, я назову его Авраам Сапирштейн Вудхаус.

— Ни за что!

Когда Ги услышал новости, он тоже обрадовался.

— Конечно, жаль, что Роман долго не протянет, но я все же рад за тебя — ты хоть перестанешь наконец так волноваться.

— Да, — согласилась Розмари. — Мне стало гораздо легче, как только я об этом услышала.

Вероятно, доктор Сапирштейн сразу же им все рассказал, потому что тем же вечером Минни и Роман зашли в гости и сообщили, что уезжают путешествовать по Европе.

— В воскресенье в десять утра, — уточнил Роман. — Самолетом прямо в Париж на неделю, потом в Цюрих, оттуда — в Венецию, а затем в самый прекрасный город на Земле — в Дубровник. Это в Югославии.

— Я вам так завидую! — признался Ги.

— Я думаю, для вас это не как гром среди ясного неба? — обратился Роман к Розмари, и в его глазах появился заговорщический блеск.

— Доктор Сапирштейн говорил мне, что у вас есть такие планы.

— Нам бы так хотелось остаться здесь и дожидаться рождения ребенка... — начала было Минни.

— Зачем же? — перебила Розмари. — Погода сейчас такая прекрасная. В Европе наверняка — сущий рай.

— Мы вам пришлем фотографию новорожденного, — пообещал Ги.

— Когда у Романа пробуждается страсть к путешествиям, его уже ничем не удержать, — извиняющимся тоном сказала Минни.

— Верно, верно, — согласился Роман. — После бурной жизни кочевника мне трудно оставаться в одном городе больше года, а уже прошел год и два месяца, как мы вернулись из поездки по Японии и Филиппинам.

Потом Роман рассказал им о красотах Дубровника, Мадрида и острова Скай. А Розмари смотрела на него и думала, кто же он на самом деле — очаровательный старый болтун или безумный сын безумного отца.

На следующий день Минни спокойно оставила на столе напиток и пирожное и не стала настаивать на их немедленном приеме: ей надо было идти по Магазинам покупать всякую всячину к отъезду. Розмари предложила сходить вместе в химчистку, а потом купить зубную пасту и таблетку от тошноты в самолете. Когда Минни ушла, она вылила напиток в унитаз и выкинула пирожное, а вместо этого проглотила капсулу, которую прислал утром доктор Сапирштейн. Ей было смешно.

On Saturday morning Minnie said,
“You know, don’t you, about who Roman’s father was.”
Rosemary nodded, surprised.

“I could tell by the way you turned sort of cool to us,” Minnie said. “Oh, don’t apologize, dear; you’re not the first and you won’t be the last. I can’t say that I really blame you. Oh, I could kill that crazy old man if he wasn’t dead already! He’s been the bane in poor Roman’s existence! That’s why he likes to travel so much; he always wants to leave a place before people can find out who he is. Don’t let on to him that you know, will you? He’s so fond of you and Guy, it would near about break his heart. I want him to have a real happy trip with no sorrows, because there aren’t likely to be many more. Trips, I mean. Would you like the perishables in my icebox? Send Guy over later on and I’ll load him up.”

Laura-Louise gave a bon voyage party Saturday night in her small dark tannis-smelling apartment on the twelfth floor. The Weeses and the Gilmores came, and Mrs. Sabatini with her cat Flash, and Dr. Shand. (How had Guy known that it was Dr. Shand who played the recorder? Rosemary wondered. And that it was a recorder, not a flute or a clarinet? She would have to ask him.) Roman told of his and Minnie’s planned itinerary, surprising Mrs. Sabatini, who couldn’t believe they were bypassing Rome and Florence. Laura-Louise served homemade cookies and a mildly alcoholic fruit punch. Conversation turned to tornadoes and civil rights. Rosemary, watching and listening to these people who were much like her aunts and uncles in Omaha, found it hard to maintain her belief that they were in fact a coven of witches. Little Mr. Wees, listening to Guy talking about Martin Luther King; could such a feeble old man, even in his dreams, imagine himself a caster of spells, a maker of charms? And dowdy old women like Laura-Louise and Minnie and Helen Wees; could they really bring themselves to cavort naked in mock-religious orgies? (Yet hadn’t she seen them that way, seen all of them naked? No, no, that was a dream, a wild dream that she’d had a long, long time ago.)

The Fountains phoned a good-by to Minnie and Roman, and so did Dr. Sapirstein and two or three other people whose names Rosemary didn’t know. Laura-Louise brought out a gift that everyone had chipped in for, a transistor radio in a pigskin carrying case, and Roman accepted it with an eloquent thank-you speech, his voice breaking. He knows he’s going to die, Rosemary thought, and was genuinely sorry for him.

Guy insisted on lending a hand the next morning despite Roman’s protests; he set the alarm clock for eight-thirty and, when it went off, hopped into chinos and a T-shirt and went around to Minnie and Roman’s door. Rosemary went with him in her peppermint-striped smock. There was little to carry; two suitcases and a hatbox. Minnie wore a camera and Roman his new radio.

“Anyone who needs more than one suitcase,” he said as he double-locked their door, “is a tourist, not a traveler.”

On the sidewalk, while the doorman blew his whistle at

В субботу утром Минни спросила:
— Ты ведь знаешь, кто у Романа отец, да?

Розмари удивилась, но кивнула. Минни горестно покачала головой.

— Я это поняла, когда ты стала относиться к нам не так ласково. Нет, не надо извиняться, милочка! Не ты первая, не ты последняя. Я бы с радостью сама убила этого психа, если бы он не был уже мертв! Он испортил Роману всю жизнь! Вот почему нам приходится так много путешествовать. Роман уезжает из каждого города прежде, чем люди успевают узнать о нем всю эту правду. Только не говори ему, что тебе все известно. Он так любит вас с Ги, что не вынесет этого. А я очень хочу, чтобы эта поездка была для него счастливой; у него ведь осталось их не так уж и много... Я имею в виду — путешествий. Может быть, перед нашим отъездом ты возьмешь у меня кое-какие продукты из морозилки? Пришли к нам Ги, и я его нагружу.

Лаура Луиза в своей небольшой темной квартирке на двенадцатом этаже, где тоже пахло танисом, устроила вечеринку в честь отбытия Кастиветов. Приехали Визы и Гилморы, миссис Сабатини со своим котом Флэшем и доктор Шанд. («Почему Ги считает, что это именно доктор Шанд заводит магнитофон? — удивлялась Розмари. — И откуда он знает, что это магнитофон, а не флейта или кларнет? Надо будет у него спросить».) Роман рассказал о маршруте, и миссис Сабатини была очень удивлена, узнав, что они не останутся ни в Риме, ни во Флоренции. Лаура Луиза угощала самодельными пирожными и слабоалкогольным пуншем. Поговорили о гражданских правах. Розмари слушала этих людей, которые так напоминали с виду ее тетюшек и дядюшек из Омахи, и никак не могла поверить, что на самом деле все они входят в собрание колдунов и ведьм. Вот маленький мистер Виз: он слушает, что говорит ему Ги о Мартине Лютере Кинге. Неужели такой щедушный человечек может считать себя заклинателем и чародеем даже глубоко в мечтах? А эти безвкусно одетые пожилые женщины — Лаура Луиза, Минни и Хелен Виз — неужели они прыгают обнаженными во время своих дьявольских оргий? (Впрочем, она, кажется, где-то уже видела их всех вместе и именно обнаженных... Но нет; это был просто сон, причем очень очень давно.)

Позвонили Фаунтэны и пожалели Роману и Минни всего хорошего. Потом звонил доктор Сапирштейн и еще несколько человек — Розмари их не знала. Лаура Луиза внесла подарок, деньги на который собрали все сообща — маленький транзистор в кожаном футляре. Роман произнес долгую ответную речь, голос его дрожал от волнения. «Он знает, что скоро умрет», — подумала Розмари. Ей вдруг стало искренне жаль его.

Ги настоял на том, чтобы утром помочь им с отъездом, хотя Роман бурно протестовал. Вернувшись домой, Ги поставил будильник на полдевятого, и как только он прозвенел, быстро надел холщовые брюки и майку и отправился к Кастиветам. Розмари пошла вместе с ним в своем широком полосатом халате. Вещей было мало: два чемодана и шляпная коробка. Минни надела на шею фотоаппарат, а Роман — новый приемник.

— Если человек берет с собой больше одного чемодана, — весело сказал он, запирая дверь на оба замка, — то он обыкновенный турист, а никакой не путешественник.

Стоя у подъезда в ожидании такси. Роман еще раз прове-

oncoming cars, Roman checked through tickets, passport, traveler's checks, and French currency. Minnie took Rosemary by the shoulders.

"No matter where we are," she said, "our thoughts are going to be with you every minute, darling, till you're all happy and thin again with your sweet little boy or girl lying safe in your arms."

"Thank you," Rosemary said, and kissed Minnie's cheek. "Thank you for everything."

"You make Guy send us lots of pictures, you hear?" Minnie said, kissing Rosemary back.

"I will. I will," Rosemary said.

Minnie turned to Guy. Roman took Rosemary's hand.

"I won't wish you luck," he said, "because you won't need it. You're going to have a happy, happy life."

She kissed him.

"Have a wonderful trip," she said, "and come back safely."

"Perhaps," he said, smiling. "But I may stay on in Dubrovnik, or Pescara or maybe Mallorca. We shall see, we shall see..."

"Come back," Rosemary said, and found herself meaning it. She kissed him again.

A taxi came. Guy and the doorman stowed the suitcases beside the driver. Minnie shouldered and grunted her way in, sweating under the arms of her white dress. Roman folded himself in beside her.

"Kennedy Airport," he said; "the TWA Building."

There were more good-by's and kisses through open windows, and then Rosemary and Guy stood waving at the taxi that sped away with hands ungloved and white-gloved waving from either side of it.

Rosemary felt less happy than she had expected.

That afternoon she looked for *All Of Them Witches*, to reread parts of it and perhaps find it foolish and laughable. The book was gone. It wasn't atop the Kinsey Reports or anywhere else that she could see. She asked Guy and he told her he had put it in the garbage Thursday morning.

"I'm sorry, honey," he said, "but I just didn't want you reading any more of that stuff and upsetting yourself."

She was surprised and annoyed.

"Guy," she said, "Hutch gave me that book. He left it to me."

"I didn't think about that part of it," Guy said. "I just didn't want you upsetting yourself. I'm sorry."

"That's a terrible thing to do."

"I'm sorry. I wasn't thinking about Hutch."

"Even if he hadn't given it to me, you don't throw away another person's books. If I want to read something, I want to read it."

"I'm sorry," he said.

It bothered her all day long. And she had forgotten something that she meant to ask him; that bothered her too.

She remembered it in the evening, while they were walking back from La Scala, a restaurant not far from the house.

рил билеты, паспорта и деньги. Минни обняла Розмари за плечи.

— Где бы мы ни находились, мы мысленно каждую минуту будем с вами. А ты, милочка, не волнуйся — скоро ты снова станешь счастливой и стройной, все тревоги пройдут, а рядом с тобой будет лежать твой маленький сыночек или дочка.

— Спасибо. — Розмари поцеловала ее в щеку. — Спасибо вам за все.

— И пусть Ги присылает нам побольше ваших фотографий, ладно? — И Минни поцеловала ее в ответ.

— Обязательно.

Потом Минни повернулась к Ги, а Роман взял Розмари за руку.

— Я не буду желать вам всего хорошего, потому что уверен — вы в этом не нуждаетесь. У вас и так все будет очень, очень хорошо.

Розмари поцеловала и его.

— Счастливого путешествия. И возвращайтесь назад целыми и невредимыми.

— Возможно, — с внезапной грустью ответил Роман, — я останусь в Дубровнике, Пескаре или на Мальорке. Посмотрим, посмотрим...

— Возвращайтесь, — повторила Розмари и поймала себя на том, что ей действительно хочется, чтобы они вернулись. Она снова поцеловала его.

Подъехало такси. Ги и привратник поставили чемоданы возле багажника. Минни сгорбилась и пролезла в машину. На ее белом платье проступили пятна от пота под мышками. Роман, кряхтя, устроился рядом.

— В аэропорт Кеннеди, — сказал он шоферу.

Кастиветы отчаянно заулыбались и стали махать на прощание руками. Такси отъехало.

Но Розмари не почувствовала особого облегчения от того, что скоро они будут уже далеко.

Несколькими часами позже она решила отыскать книгу Хатча и перечитать кое-что. Может быть, сейчас ей все это покажется глупым и смешным? Но книги нигде не было. Ни на полках, ни в шкафу. Тогда она спросила Ги, и он ответил, что выбросил ее с мусором еще в четверг.

— Извини, дорогая, но я не хотел, чтобы ты читала всякую ерунду, которая к тому же так расстраивает тебя.

Розмари была обижена и раздражена.

— Ги, но ведь Хатч дал мне книгу, это же он мне ее оставил!

— Прости, но об этом я тогда не подумал. Я только помнил, что эта книга тебя очень расстроила. Извини.

— Это просто свинство с твоей стороны!

— Ну прости, я действительно не подумал о Хатче.

— Даже если бы это не он дал ее мне, все равно — как же можно выбрасывать чужие книги? Если я теперь вообще захочу читать, то только эту книгу, так и знай.

— Извини, — повторил Ги.

Мысли о книге не давали ей покоя весь день. Розмари хотела сказать мужу еще кое-что, но забыла, что именно, и это еще сильнее разозлило ее.

Наконец вечером, когда они возвращались из Ла Скала — ресторанчика, расположенного недалеко от дома, — она

“How did you know Dr. Shand plays the recorder?” she said.

He didn't understand.

“The other day,” she said, “when I read the book and we argued about it; you said that Dr. Shand just happened to play the recorder. How did you know?”

“Oh,” Guy said. “He told me. A long time ago. And I said we'd heard a flute or something through the wall once or twice, and he said that was him. How did you think I knew?”

“I didn't think,” Rosemary said. “I just wondered, that's all.”

She couldn't sleep. She lay awake on her back and frowned at the ceiling. The baby inside her was sleeping fine, but she couldn't; she felt unsettled and worried, without knowing what she was worried about.

Well the baby of course, and whether everything would go the way it should. She had cheated on her exercises lately. No more of that; solemn promise.

It was really Monday already, the thirteenth. Fifteen more days. Two weeks. Probably all women felt edgy and unsettled two weeks before. And couldn't sleep from being sick and tired of sleeping on their backs! The first thing she was going to do after it was all over was sleep twenty-four solid hours on her stomach, hugging a pillow, with her face snuggled deep down into it.

She heard a sound in Minnie and Roman's apartment, but it must have been from the floor above or the floor below. Sounds were masked and confused with the air conditioner going.

They were in Paris already. Lucky them. Some day she and Guy would go, with their three lovely children.

The baby woke up and began moving.

Chapter 9

She bought cotton balls and cotton swabs and talcum powder and baby lotion; engaged a diaper service and rearranged the baby's clothing in the bureau drawers. She ordered the announcements — Guy would phone in the name and date later — and addressed and stamped a boxful of small ivory envelopes. She read a book called Summerhill that presented a seemingly irrefutable case for permissive child-rearing, and discussed it at Sardi's East with Elise and Joan, their treat.

She began to feel contractions; one one day, one the next, then none, then two.

A postcard came from Paris, with a picture of the Arc de Triomphe and a neatly written message: Thinking of you both. Lovely weather, excellent food. The flight over was perfect. Love, Minnie.

The baby dropped low inside her, ready to be born.

Early in the afternoon of Friday, June 24th, at the stationery counter at Tiffany's where she had gone for twenty-five more

вспомнила:

— А откуда ты знаешь, что это доктор Шанд заводит магнитофон?

Ги не понял ее.

— Ну, совсем недавно, когда я читала ту книгу и мы поспорили, ты сказал, что доктор Шанд заводит магнитофон. Откуда ты это знаешь?

— А-а . — догадался наконец Ги. — Он мне сам говорил. Уже давно. Я сказал, что до нас доносятся через стенку звуки флейты, и он объяснил мне, что это он заводит пленку. А как бы я еще узнал?

— Понятия не имею, — ответила Розмари. — Мне просто интересно, вот и все.

В этот вечер она никак не могла заснуть; лежала на спине и хмурилась, глядя в потолок. Ребенок вел себя тихо — видимо, уже спал. А она никак не могла — чувствовала себя обеспокоенной и сама не знала, почему.

Ну, конечно же, прежде всего ее мысли о ребенке и о том, все ли с ним будет хорошо. Вот уже несколько дней она не делала никаких упражнений и теперь торжественно пообещала себе, что больше это не повторится.

Часы у соседней пробили полночь и наступил понедельник, тринадцатое. Осталось пятнадцать дней. Две недели. Может быть, все женщины становятся такими нервными и подозрительными в последние дни перед родами? И им тоже трудно заснуть, потому что они устали от вечного спанья на спине . Первое, что она сделает после того, как все будет позади, — так это хорошенько выспится! Будет спать по двадцать четыре часа в сутки на животе, зарывшись лицом в подушку.

Внезапно Розмари услышала шум в квартире Минни и Романа. Но на самом деле звук доносился, вероятно, с верхнего или нижнего этажа. Шум был приглушенный, сливающийся с гулом работающего кондиционера.

Сейчас Кастиветы, наверное, уже в Париже. Счастливые!.. Возможно, когда-нибудь и она поедет туда вместе с Ги и их тремя ребятишками.

Ребенок проснулся и зашевелился.

Глава 9

Розмари купила ватные тампоны, тальк и детский лосьон, позвонила насчет пеленок и разложила в ящики детское белье. Потом сделала заказ на объявление в газете — Ги оставалось только сообщить имя ребенка и дату рождения, написала целую кучу маленьких конвертиков родным и знакомым и наклеила марки. Затем прочитала книгу о воспитании детей, где рекомендовалось многое им позволять, и обсудила ее в кафе с Элизой и Джоан. Угощение шло за их счет.

У нее уже начались одиночные схватки — по разу в день два дня подряд, потом один день прошел без них, зато на следующий было сразу две.

Пришла открытка из Парижа с видом Триумфальной арки и короткой запиской на обороте: «Думаем о вас. Погода отличная, еда нравится. Долетели великолепно. Привет, Минни».

Ребенок опустился ниже, готовый вот вот появиться на свет.

Днем в пятницу, двадцать четвертого июня, когда Розмари пошла докупить конвертов, она неожиданно встретила на

envelopes, Rosemary met Dominick Pozzo, who in the past had been Guy's vocal coach. A short, swarthy, hump-backed man with a voice that was rasping and unpleasant, he seized Rosemary's hand and congratulated her on her appearance and on Guy's recent good fortune, for which he disavowed all credit. Rosemary told him of the play Guy was signing for and of the latest offer Warner Brothers had made. Dominick was delighted; now, he said, was when Guy could truly benefit from intensive coaching. He explained why, made Rosemary promise to have Guy call him, and, with final good wishes, turned toward the elevators. Rosemary caught his arm. "I never thanked you for the tickets to *The Fantasticks*," she said. "I just loved it. It's going to go on and on forever, like that Agatha Christie play in London."

"The *Fantasticks*?" Dominick said.

"You gave Guy a pair of tickets. Oh, long ago. In the fall. I went with a friend. Guy had seen it already."

"I never gave Guy tickets for *The Fantasticks*," Dominick said.

"You did. Last fall."

"No, my dear. I never gave anybody tickets to *The Fantasticks*; I never had any to give. You're mistaken."

"I'm sure he said he got them from you," Rosemary said.

"Then he was mistaken," Dominick said. "You'll tell him to call me, yes?"

"Yes. Yes, I will."

It was strange, Rosemary thought when she was waiting to cross Fifth Avenue. Guy had said that Dominick had given him the tickets, she was certain of it. She remembered wondering whether or not to send Dominick a thank-you note and deciding finally that it wasn't necessary. She couldn't be mistaken.

Walk, the light said, and she crossed the avenue.

But Guy couldn't have been mistaken either. He didn't get free tickets every day of the week; he must have remembered who gave them to him. Had he deliberately lied to her? Perhaps he hadn't been given the tickets at all, but had found and kept them. No, there might have been a scene at the theater; he wouldn't have exposed her to that.

She walked west on Fifty-seventh Street, walked very slowly with the bigness of the baby hanging before her and her back aching from withstanding its forward-pulling weight. The day was hot and humid; ninety-two already and still rising. She walked very slowly.

Had he wanted to get her out of the apartment that night for some reason? Had he gone down and bought the tickets himself? To be free to study the scene he was working on? But there wouldn't have been any need for trickery if that had been the case; more than once in the old one-room apartment he had asked her to go out for a couple of hours and she had gone gladly. Most of the time, though, he wanted her to stay, to be his line-feeder, his audience.

Was it a girl? One of his old flames for whom a couple of hours hadn't been enough, and whose perfume he had been washing off in the shower when she got home? No, it was tan-

улице Доминика Подзо, который раньше был у Ги преподавателем по вокалу. Она сразу узнала этого невысокого, немного сутулого смуглого мужчину, с резким и неприятным голосом. Он схватил Розмари за руку и горячо поздравил ее с близким рождением первенца, а потом и с карьерой Ги, в блестящий взлет которой он так долго не хотел верить. Розмари рассказала ему о пьесе, где Ги пришлось много петь и еще о том, что фирма «Уорнер» сделала ему интересное предложение. Доминик очень обрадовался и добавил, что теперь их уроки по вокалу ему наверняка очень пригодятся. Он попросил, чтобы Розмари заставила Ги позвонить ему, еще раз поздравил ее и направился к входу в метро. Но в последний момент Розмари поймала его за руку — Я так и не поблагодарила вас за билеты на «Фантастике». Мне очень понравилось. Я уверена, что это представление долго еще не сойдет со сцены, как та нашумевшая пьеса по Агате Кристи в Лондоне.

— «Фантастике»? — удивился Доминик.

— Вы же достали для Ги два билета. Еще осенью. Помните? Но я ходила с подругой, потому что Ги этот спектакль уже видел.

— Но я не давал Ги никаких билетов.

— Давали. Прошлой осенью. Вы, наверное, забыли.

— Нет, дорогая моя. Я никому не давал билеты на «Фантастике», у меня их просто не было. Вы ошибаетесь.

— А я была уверена, что он взял их именно у вас; да он и сам так говорил...

— Тогда, значит, ошибается он. Вы передадите ему, чтобы он мне позвонил?

— Да, конечно.

«Странно», — размышляла Розмари, стоя у перехода на Пятой авеню. Ги говорил ей, что билеты достал Доминик, это она помнила хорошо. Она еще подумала тогда, не послать ли Доминику открытку, чтобы поблагодарить его, но потом решила, что это лишнее. Нет, она не могла ошибиться.

Загорелся зеленый свет, и она перешла на другую сторону.

Но и Ги не мог ошибиться. Не так уж часто ему бесплатно достают билеты. Он должен был запомнить, кто их ему дал. Может быть, он сознательно обманул ее? Может, никто не давал ему этих билетов, а он просто нашел их где-нибудь и взял себе? Нет, тогда в театре могла бы разыгаться неприятная сцена, он не мог подвергать ее такому риску.

Розмари медленно пошла на запад по Пятьдесят седьмой улице, бережно неся перед собой ребенка. Спина ныла от его тяжести. День выдался жаркий, влажность достигла уже девяноста двух процентов и продолжала расти. Она шла очень медленно.

Может быть, по какой-то причине Ги просто хотел, чтобы она ушла из дома в тот вечер, и сам купил для нее эти билеты? Но зачем? Чтобы побыть вечером одному и поучить роль? Но для этого не надо было прибегать к обману; раньше, на старой квартире, он просто просил ее погулять пару часиков, что она с удовольствием и делала. Хотя очень часто ему наоборот хотелось, чтобы она присутствовала при его занятиях, слушала и, в случае чего, подсказывала.

Неужели девушка? Одна из его прежних пассий, для которой два часа было маловато, и чей аромат он пытался смыть тогда под душем? Нет, в тот вечер пахло не духами, а

nis root not perfume that the apartment had smelled of that night; she had had to wrap the charm in foil because of it. And Guy had been far too energetic and amorous to have spent the earlier part of the night with someone else. He had made unusually violent love to her, she remembered; later, while he slept, she had heard the flute and the chanting at Minnie and Roman's.

No, not the flute. Dr. Shand's recorder.

Was that how Guy knew about it? Had he been there that evening? At a sabbath...

She stopped and looked in Henri Bendel's windows, because she didn't want to think any more about witches and covens and baby's blood and Guy being over there. Why had she met that stupid Dominick? She should never have gone out today at all. It was too hot and sticky.

There was a great raspberry crepe dress that looked like a Rudi Gernreich. After Tuesday, after she was her own real shape again, maybe she would go in and price it. And a pair of lemon-yellow hip-huggers and a raspberry blouse...

Eventually, though, she had to go on. Go on walking, go on thinking, with the baby squirming inside her.

The book (which Guy had thrown away) had told of initiation ceremonies, of covens inducting novice members with vows and baptism, with anointing and the infliction of a "witch mark." Was it possible (the shower to wash away the smell of a tannis anointing) that Guy had joined the coven? That he (no, he couldn't be!) was one of them, with a secret mark of membership somewhere on his body?

There had been a flesh-colored Band-Aid on his shoulder. It had been there in his dressing room in Philadelphia ("That damn pimple," he had said when she had asked him) and it had been there a few months before ("Not the same one!" she had said). Was it still there now?

She didn't know. He didn't sleep naked any more. He had in the past, especially in hot weather. But not any more, not for months and months. Now he wore pajamas every night. When had she last seen him naked?

A car honked at her; she was crossing Sixth Avenue.

"For God's sake, lady," a man behind her said.

But why, why? He was Guy, he wasn't a crazy old man with nothing better to do, with no other way to find purpose and self-esteem! He had a career, a busy, exciting, every-day-getting-better career! What did he need with wands and witch knives and censers and—and junk; with the Weeses and the Gilmores and Minnie and Roman? What could they give him that he couldn't get elsewhere?

She had known the answer before she asked herself the question. Formulating the question had been a way to put off facing the answer.

The blindness of Donald Baumgart. If you believed.

But she didn't. She didn't.

Yet there Donald Baumgart was, blind, only a day or two after that Saturday. With Guy staying home to grab the phone every time it rang. Expecting the news.

таннисовым корнем, ей даже пришлось завернуть талисман в фольгу. А Ги тогда был очень энергичным и любвеобильным, так что вряд ли в тот вечер у него уже кто-то успел побывать. Ей запомнилось, что тогда он был особенно настойчивым, а потом она слышала через стену звуки флейты и молитвенное пение в квартире у Минни и Романа.

Нет, это не флейта, а магнитофон доктора Шанда.

Вот откуда Ги знает про это! Тогда вечером он был у них. На шабаше.

Розмари остановилась и начала разглядывать витрину. Ей не хотелось больше думать о ведьмах, тайных собраниях, детской крови и о том, что Ги тоже входит в это общество. Зачем ей встретился этот дурацкий Доминик? Вообще не надо было сегодня никуда выходить. На улице так противно и жарко!

В витрине она заметила красивое малиновое платье. Надо будет потом прицениться к нему — после того, как все свершится. А еще она купит себе лимонные брюки в обтяжку и малиновую кофту.

Но надо идти дальше. Идти и думать.

В книге (которую Ги выбросил) описывались церемонии посвящения с обетами, помазанием и нанесением «дьявольской метки». Неужели возможно (душем он пытался смыть запах таннисового корня, при помощи которого происходит помазание), что Ги тоже стал членом их собрания? И теперь он (нет, это невозможно!) тоже имеет где-нибудь на теле тайный знак, свидетельствующий о его членстве?

Он наклеивает на плечо косметический пластырь под цвет кожи. Она заметила это еще давно («Проклятый прыщик», — объяснил он тогда), но за несколько месяцев до этого она тоже видела пластырь на том же самом месте. Носит ли он его до сих пор?

Этого Розмари не знала. Ги перестал спать голым. Раньше это было обычным делом, особенно в жару. А теперь нет, и уже давно. Теперь каждый вечер он надевает пижаму. Когда же она последний раз видела его голым?..

Когда она переходила Шестую авеню, совсем рядом с ней громко засигналила машина.

— Ради Бога, осторожней! — сказал сзади какой-то прохожий.

Но почему, почему? Ведь это же Ги, а не какой-нибудь полоумный старикашка, который не может найти другого способа самовыражения! У него прекрасная карьера, которая день ото дня становится все ослепительней! Что у него может быть общего с колдовскими кинжалами, волшебными палочками, кадилами и... прочей ерундой; с этими Визами, Гилморами, Минни и Романом? Что они могут дать ему такого, что он никак иначе не получит?..

Но она уже знала ответ. Она знала его даже раньше, чем задала себе этот вопрос. Формулируя сам вопрос, Розмари только малодушно пыталась отодвинуть момент осознания жуткой истины.

Слепота Дональда Бомгарта — вот что они ему дали! Если только поверить в это...

Но она не верила. Не верила.

Однако Дональд Бомгарт ослеп. Это факт. И ослеп он через два дня после той самой субботы, начиная с которой Ги сидел дома и каждый раз бросался к телефону, как только раздавался звонок. Как будто ждал новостей.

The blindness of Donald Baumgart.

Out of which had come everything; the play, the reviews, the new play, the movie offer... Maybe Guy's part in Greenwich Village, too, would have been Donald Baumgart's if he hadn't gone inexplicably blind a day or two after Guy had joined (maybe) a coven (maybe) of witches (maybe).

There were spells to take an enemy's sight or hearing, the book had said. All Of Them Witches. (Not Guy!) The united mental force of the whole coven, a concentrated battery of malevolent wills, could blind, deafen, paralyze, and ultimately kill the chosen victim.

Paralyze and ultimately kill.

"Hutch?" she asked aloud, standing motionless in front of Carnegie Hall.

A girl looked up at her, clinging to her mother's hand.

He had been reading the book that night and had asked her to meet him the next morning. To tell her that Roman was Steven Marcato. And Guy knew of the appointment, and knowing, went out for — what, ice cream?—and rang Minnie and Roman's bell. Was a hasty meeting called? The united mental force... But how had they known what Hutch would be telling her? She hadn't known herself; only he had known.

Suppose, though, that "tannis root" wasn't "tannis root" at all. Hutch hadn't heard of it, had he? Suppose it was — that other stuff he underlined in the book, Devil's Fungus or whatever it was. He had told Roman he was going to look into it; wouldn't that have been enough to make Roman wary of him? And right then and there Roman had taken one of Hutch's gloves, because the spells can't be cast without one of the victim's belongings! And then, when Guy told them about the appointment for the next morning, they took no chances and went to work.

But no, Roman couldn't have taken Hutch's glove; she had shown him in and shown him out, walking along with him both times.

Guy had taken the glove. He had rushed home with his make-up still on which he never did — and had gone by himself to the closet. Roman must have called him, must have said, "This man Hutch is getting suspicious about 'tannis root'; go home and get one of his belongings, just in case!" And Guy had obeyed. To keep Donald Baumgart blind.

Waiting for the light at Fifty-fifth Street, she tucked her handbag and the envelopes under her arm, unhooked the chain at the back of her neck, drew the chain and the tannis-charm out of her dress and dropped them together down through the sewer grating.

So much for "tannis root." Devil's Fungus.

She was so frightened she wanted to cry. Because she knew what Guy was giving them in exchange for his success. The baby. To use in their rituals. He had never wanted a baby until after Donald Baumgart was blind. He didn't like to feel it moving; he didn't like to talk about it; he kept himself as distant and busy as if it weren't his baby at all. Because he knew what they

Слепота Дональда Бомгарта...

И отсюда началось все: новая роль, премьера, еще одна пьеса, предложение кинокомпании... Может быть, даже роль в «Гринвич Вилледж» должна была принадлежать Дональду Бомгарту, если бы он неожиданно не ослеп, после того как Ги вступил (возможно) в собрание (возможно) сатанистов (возможно).

У них есть заклинания, при помощи которых можно забрать у человека зрение или слух, писалось в книге. Все в колдунах. Но только Ги не колдун! Объединенная сила мысли всего собрания — сконцентрированная энергия зла — могла ослепить, оглушить, парализовать. И в конце концов убить избранную жертву.

Парализовать и затем убить...

— Хатч? — громко спросила она вслух, резко остановившись у Карнеги холла.

Маленькая девочка испуганно посмотрела на нее и крепче вцепилась в руку своей матери.

Он как раз читал эту самую книгу той страшной ночью, когда позвонил ей и назначил встречу на другое утро. Он просил о свидании, чтобы рассказать, что Роман — это Стивен Маркато. А Ги узнал об этом и сразу же вышел. Куда? Кажется, за мороженым. И еще она услышала, как он звонит в дверь Минни и Романа. Может быть, они созвали срочное собрание? Объединенная сила мысли... Но откуда они узнали, о чем собирался говорить Хатч? Ведь в то время она и сама еще ничего такого не подозревала.

Ладно, давайте предположим, что таннисовый корень — это совсем не таннисовый корень. Во всяком случае, Хатч раньше о таком не слышал. Допустим, это именно то, что он подчеркнул в книге. Дьявольский грибок или как он там еще называется. Он ведь сказал Роману, что посмотрит в энциклопедии, а этого было вполне достаточно, чтобы настроить Кастиветов. Поэтому Роман выкрал одну из перчаток Хатча, так как заклинания надо проводить, только имея при себе какую-нибудь личную вещь намеченной жертвы. А когда Ги рассказал им про назначенное на утро свидание, они больше не смогли ждать и сразу же качали свой обряд.

Но Роман не мог взять перчатку — она сама открывала ему дверь, а потом сама же и проводила его до выхода.

Значит, перчатку взял Ги. Он тогда прямо-таки вбежал в квартиру, не сняв даже грима (раньше такого никогда не бывало!), и сразу же пошел к шкафу. Наверное, Роман позвонил ему на работу и сказал: «Этот человек по имени Хатч заинтересовался таннисовым корнем. Немедленно иди домой и всеми способами постарайся завладеть какой-нибудь его личной вещью!» И Ги повиновался, чтобы не прошла слепота Дональда Бомгарта.

Ожидая зеленого света на перекрестке у Пятьдесят восьмой улицы, Розмари засунула конверты в сумочку, которую держала под мышкой, расстегнула цепочку и выбросила ее вместе с амулетом в решетку канализации.

Хватит носить этот Таннис! Или дьявольский грибок...

Она была настолько напугана, что чуть не расплакалась. Розмари поняла, что собирался дать им Ги взамен своей головокружительной карьеры. Ребенка Для их кровавых обрядов. Ведь он никогда раньше не хотел иметь ребенка. Пока не ослеп Дональд Бомгарт. И он не выражал восторга, когда ребенок зашевелился, он вообще не любил говорить о

were planning to do to it as soon as he gave it to them.

In the apartment, in the blessedly-cool shaded apartment, she tried to tell herself that she was mad. You're going to have your baby in four days, Idiot Girl. Maybe even less. So you're all tense and nutty and you've built up a whole lunatic persecution thing out of a bunch of completely unrelated coincidences. There are no real witches. There are no real spells. Hutch died a natural death, even if the doctors couldn't give a name to it. Ditto for Donald Baumgart's blindness. And how, pray tell, did Guy get one of Donald Baumgart's belongings for the big spell-casting? See, Idiot Girl? It all falls apart when you pick at it.

But why had he lied about the tickets?

She undressed and took a long cool shower, turned clumsily around and around and then pushed her face up into the spray, trying to think sensibly, rationally.

There must be another reason why he had lied. Maybe he'd spent the day hanging around Downey's, yes, and had gotten the tickets from one of the gang there; wouldn't he then have said Dominick had given them to him, so as not to let her know he'd been goofing off?

Of course he would have.

There, you see, Idiot Girl?

But why hadn't he shown himself naked in so many months and months?

She was glad, anyway, that she had thrown away that damned charm. She should have done it long ago. She never should have taken it from Minnie in the first place. What a pleasure it was to be rid of its revolting smell! She dried herself and splashed on cologne, lots and lots of it.

He hadn't shown himself naked because he had a little rash of some kind and was embarrassed about it. Actors are vain, aren't they? Elementary.

But why had he thrown out the book? And spent so much time at Minnie and Roman's? And waited for the news of Donald Baumgart's blindness? And rushed home wearing his make-up just before Hutch missed his glove?

She brushed her hair and tied it, and put on a brassiere and panties. She went into the kitchen and drank two glasses of cold milk.

She didn't know.

She went into the nursery, moved the bathinette away from the wall, and thumbtacked a sheet of plastic over the wallpaper to protect it when the baby splashed in its bath.

She didn't know.

She didn't know if she was going mad or going sane, if witches had only the longing for power or power that was real and strong, if Guy was her loving husband or the treacherous enemy of the baby and herself.

It was almost four. He would be home in an hour or so.

She called Actors Equity and got Donald Baumgart's telephone number.

The phone was answered on the first ring with a quick impa-

нем — был как бы в стороне, будто это вовсе и не его дитя. Потому что ему заранее было известно, что они сделают с ним, как только заполучат в свои руки.

Вернувшись в приятную прохладу своей квартиры, Розмари попыталась убедить себя, что просто сошла с ума. Идиотка! Через четыре дня у тебя родится ребенок. А может быть, и раньше. И поэтому ты сама создала всю эту бредовую картину преследований из цепочки совершенно невинных совпадений. Никаких колдунов нет. И заклинаний тоже. Хатч умер от обычной болезни, даже если врачи так и не смогли установить причину. То же самое и со слепотой Дональда Бомгарта. И каким образом, скажите на милость, Ги мог взять вещи Дональда Бомгарта для всяких там заклинаний? Вот видишь, глупая! Если разложить все по полочкам, то оказывается, что все это ерунда!

Но зачем он наврал насчет билетов?

Розмари разделась и приняла прохладный душ. Она долго стояла, неуклюже поворачиваясь под упругими струями, а потом направила воду себе в лицо, пытаясь сосредоточиться и мыслить разумно.

Вранью Ги должно быть другое объяснение. Может быть, ему раздобыла билеты какая-то бывшая подружка, и они провели вместе весь день, а потом он наврал насчет Доминика?

Конечно же. Именно так!

Ну вот, видишь, идиотка?

Но почему он вот уже несколько месяцев не раздевается перед ней догола?..

Розмари радовалась, что наконец-то выкинула этот проклятый амулет. Давно пора было это сделать. Зачем она вообще взяла его у Минни? Как приятно отделаться от этого мерзкого запаха! Она вытерлась насухо большим махровым полотенцем и вылила на себя огромное количество одеколона.

Все очень просто: Ги не раздевается, потому что у него на коже какое-то раздражение или что-то вроде мелких прыщиков, и он стесняется этого. Актеры ведь такие тщеславные!

А зачем он выбросил книгу? И так много времени проводил с Минни и Романом? И с таким, нетерпением ждал новостей о слепоте Дональда Бомгарта? И прибежал домой в гриме как раз перед тем, как Хатч потерял перчатку?

Она причесалась, завязала узлом волосы, надела трусы и лифчик. Потом пошла на кухню и выпила два стакана холодного молока.

Ответа не было.

В детской Розмари отодвинула ванночку и приклеила к обоям кусок клеенки, чтобы ребенок не испортил стену, когда будет брызгаться.

Ответа по прежнему не было.

Розмари не знала, сходит ли она с ума, или, наоборот, ясность разума возвращается к ней. Имеют ли колдуны реальную власть и силу или только мечтают о таковой? И кто теперь Ги — верный любящий муж или гнусный предатель и враг для нее и ребенка.

Было уже почти четыре. Через час он вернется с работы.

Розмари позвонила в профсоюз актеров и узнала телефон Дональда Бомгарта.

Набрав его номер, она с первым же гудком услышала то-

tient “Yeh?”

“Is this Donald Baumgart?”

“That’s right.”

“This is Rosemary Woodhouse,” she said. “Guy Woodhouse’s wife.”

“Oh?”

“I wanted —”

“My God,” he said, “you must be a happy little lady these days! I hear you’re living in baronial splendor in the ‘Bram,’ sipping vintage wine from crystal goblets, with scores of uniformed lackeys in attendance.”

She said, “I wanted to know how you are; if there’s been any improvement.”

He laughed.

“Why bless your heart, Guy Woodhouse’s wife,” he said, “I’m fine! I’m splendid! There’s been enormous improvement! I only broke six glasses today, only fell down three flights of stairs, and only went tap-a-tapping in front of two speeding fire engines! Every day in every way I’m getting better and better and better and better.”

Rosemary said, “Guy and I are both very unhappy that he got his break because of your misfortune.”

Donald Baumgart was silent for a moment, and then said,

“Oh, what the hell. That’s the way it goes. Somebody’s up, somebody’s down. He would’ve made out all right anyway. To tell you the truth, after that second audition we did for Two Hours of Solid Crap, I was dead certain he was going to get the part. He was terrific.”

“He thought you were going to get it,” Rosemary said. “And he was right.”

“Briefly.”

“I’m sorry I didn’t come along that day he came to visit you,” Rosemary said. “He asked me to, but I couldn’t.”

“Visit me? You mean the day we met for drinks?”

“Yes,” she said. “That’s what I meant.”

“It’s good you didn’t come,” he said; “they don’t allow women, do they? No, after four they do, that’s right; and it was after four. That was awfully good-natured of Guy. Most people wouldn’t have had the well, class, I guess. I wouldn’t have had it, I can tell you that.”

“The loser buying the winner a drink,” Rosemary said.

“And little did we know that a week later—less than a week, in fact —”

“That’s right,” Rosemary said. “It was only a few days before you —”

“Went blind. Yes. It was a Wednesday or Thursday, because I’d been to a matinee—Wednesday, I think — and the following Sunday was when it happened. Hey”—he laughed—“Guy didn’t put anything in that drink, did he?”

“No, he didn’t,” Rosemary said. Her voice was shaking. “By the way,” she said, “he has something of yours, you know.”

“What do you mean?”

“Don’t you know?”

“No,” he said.

“Didn’t you miss anything, that day?”

“No. Not that I remember.”

“You’re sure?”

“You don’t mean my tie, do you?”

ропливое: «Да?»

— Это Дональд Бомгарт?

— Совершенно верно.

— Говорит Розмари Вудхаус. Жена Ги Вудхауса.

— Правда?

— Я хотела...

— Боже мой! Вы, наверное, сейчас самая счастливая женщина на свете. Я слышал, вы роскошно живете в Брэме, пьете самые изысканные вина из золотых кубков, и вам прислуживают два десятка лакеев в парадных ливреях...

— Я только хотела узнать, как вы себя чувствуете. Может быть, есть улучшение?

Он рассмеялся.

— Господи, благослови вас, жену Ги Вудхауса! Я себя чувствую прекрасно. Просто великолепно! Улучшения значительные! Сегодня я разбил только шесть стаканов, упал всего с трех ступенек и чуть не попал под колеса машин только два раза. Каждый день мне все лучше и лучше, все лучше и лучше!..

— Нам очень неловко из-за того, что карьера Ги так изменилась именно после вашего несчастья.

Дональд Бомгарт помолчал немного, а потом уже спокойным голосом сказал:

— Что за ерунда! Так обычно и происходит. Кто-то наверху, а кто-то внизу. Он в любом случае имел бы успех. Честно говоря, после второго прослушивания я подумал, что не я, а он получит эту роль.

— А он был уверен, что именно вы. И не ошибся.

— Но не надолго.

— Мне жаль, что я тогда не смогла к вам прийти. Ги просил меня, но я не смогла.

— Навестить меня? Это когда мы встречались, чтобы выпить?

— Да, именно тогда.

— Ну и хорошо, что вы не пришли. Туда женщин все равно не пускают. Хотя нет, после четырех пускают, а это было как раз после четырех. Ги очень тактично себя вел, у меня бы так не получилось.

— Это когда проигравший покупает выпивку победителю?

— Да. Тогда мы и не знали, что через неделю... Даже меньше, чем через неделю...

— Да, это было как раз за несколько дней до того...

— Как я ослеп. В среду или в четверг. Я пришел после дневного спектакля... В среду, по моему. А в воскресенье все это и случилось. Послушайте, — тут он расхохотался, — а Ги мне ничего в вино не подмешивал?

— Нет, ничего он не подмешивал. — Голос у Розмари задрожал. — Кстати, у нас есть одна ваша вещь, вы знаете?

— Что-то я не совсем понимаю, о чем речь...

— Так вы не знаете?

— Нет.

— У вас ничего в тот день не пропало?

— Нет, ничего такого я не припомню.

— Вы уверены?

— Так вы имеете в виду мой галстук?

“Yes,” she said.

“Well he’s got mine and I’ve got his. Does he want his back? He can have it; it doesn’t matter to me what tie I’m wearing, or if I’m wearing one at all.”

“No, he doesn’t want it back,” Rosemary said. “I didn’t understand. I thought he had only borrowed it.”

“No, it was a trade. It sounded as if you thought he had stolen it.”

“I have to hang up now,” Rosemary said. “I just wanted to know if there was any improvement.”

“No, there isn’t. It was nice of you to call.”

She hung up.

It was nine minutes after four.

She put on her girdle and a dress and sandals. She took the emergency money Guy kept under his underwear — a not very thick fold of bills — and put it into her handbag, put in her address book too and the bottle of vitamin capsules. A contraction came and went, the second of the day. She took the suitcase that stood by the bedroom — door and went down the hallway and out of the apartment.

Halfway to the elevator, she turned and doubled back.

She rode down in the service elevator with two delivery boys. On Fifty-fifth Street she got a taxi.

Miss Lark, Dr. Sapirstein’s receptionist, glanced at the suitcase and said, smiling,

“You aren’t in labor, are you?”

“No,” Rosemary said, “but I have to see the doctor. It’s very important.”

Miss Lark glanced at her watch.

“He has to leave at five,” she said, “and there’s Mrs. Byron...” — she looked over at a woman who sat reading and then smiled at Rosemary — “but I’m sure he’ll see you. Sit down. I’ll let him know you’re here as soon as he’s free.”

“Thank you,” Rosemary said.

She put the suitcase by the nearest chair and sat down. The handbag’s white patent was damp in her hands. She opened it, took out a tissue, and wiped her palms and then her upper lip and temples. Her heart was racing.

“How is it out there?” Miss Lark asked.

“Terrible,” Rosemary said. “Ninety-four.”

Miss Lark made a pained sound.

A woman came out of Dr. Sapirstein’s office, a woman in her fifth or sixth month whom Rosemary had seen before. They nodded at each other. Miss Lark went in.

“You’re due any day now, aren’t you?” the woman said, waiting by the desk.

“Tuesday,” Rosemary said.

“Good luck,” the woman said. “You’re smart to get it over with before July and August.”

Miss Lark came out again.

“Mrs. Byron,” she said, and to Rosemary, “He’ll see you right after.”

“Thank you,” Rosemary said.

Mrs. Byron went into Dr. Sapirstein’s office and closed the door. The woman by the desk conferred with Miss Lark about another appointment and then went out, saying good-by to Rosemary and wishing her luck again.

— Ну да.

— О, господи! Так мы же поменялись галстуками. Он что, хочет пойти назад? Я могу вернуть; мне сейчас все равно, что надевать, и надевать ли вообще.

— Нет, он не хочет его назад. Просто я решила, что он одолжил у вас этот галстук на время.

— Нет, это был честный обмен. А вы, наверное, подумали, что он его украл? — засмеялся Бомгарт.

— Ну, мне пора идти, — сказала Розмари. — Я только хотела узнать, может быть, вам стало получше.

— Нет, не стало. Спасибо, что позвонили.

Она повесила трубку.

Шел уже пятый час.

Розмари надела широкое платье с пояском под грудью и сандалии. Потом взяла все свои деньги — не очень толстую пачку, которую Ги держал в своем белье, — и положила их в сумочку вместе с записной книжкой и пузырьками с витаминными капсулами. Началась болезненная схватка, но сразу же кончилась. Уже вторая за этот день. Взяв с собой чемоданчик, стоявший у дверей спальни, Розмари вышла из квартиры.

По пути к лифту она остановилась, повернулась и пошла другой дорогой.

Вниз она поехала на служебном лифте без лифтера. А на Пятьдесят пятой улице поймала такси.

Мисс Ларк, медсестра доктора Сапирштейна, посмотрела на чемодан и улыбнулась.

— Вы разве уже рожаете?

— Нет, — ответила Розмари. — Но мне надо срочно увидеть доктора. Это очень важно.

Мисс Ларк посмотрела на часы.

— В пять он уходит, а очереди на прием ждет еще миссис Байрон. — Незнакомая женщина, сидящая в коридоре, кивнула и улыбнулась Розмари. — Но я думаю, что, вас он примет. Садитесь. Как только он освободится, я скажу, что вы пришли.

— Спасибо.

Розмари поставила чемодан возле стула и села. Сумочка стала влажной у нее в руках. Она вынула салфетку и вытерла вспотевшие ладони, а потом верхнюю губу и виски. Сердце бешено колотилось.

— Как там на улице? — спросила мисс Ларк.

— Ужасно. Влажность — уже девяносто шесть процентов.

Мисс Ларк вздохнула.

Из кабинета вышла женщина. Она была на пятом или шестом месяце. Розмари уже видела ее здесь. Они кивнули друг другу, потом мисс Ларк зашла в кабинет.

— Вы скоро будете рожать? — спросила вышедшая от доктора женщина, остановившись у стола.

— Во вторник, — ответила Розмари.

— Желаю удачи. Вам повезло, впереди почти целое лето.

Мисс Ларк вышла из кабинета.

— Миссис Байрон, — пригласила она и обратилась к Розмари: — Потом он примет вас.

— Спасибо.

Миссис Байрон зашла в кабинет доктора Сапирштейна и закрыла за собой дверь. Женщина, стоявшая у стола, уточнила у мисс Ларк день своего следующего посещения и ушла, попрощавшись с Розмари и еще раз пожелав ей всего хо-

Miss Lark wrote. Rosemary took up a copy of Time that lay at her elbow. Is God Dead? it asked in red letters on a black background. She found the index and turned to Show Business. There was a piece on Barbra Streisand. She tried to read it.

“That smells nice,” Miss Lark said, sniffing in Rosemary’s direction. “What is it?”

“It’s called ‘detchema,’” Rosemary said.

“It’s a big improvement over your regular, if you don’t mind my saying.”

“That wasn’t a cologne,” Rosemary said. “It was a good luck charm. I threw it away.”

“Good,” Miss Lark said. “Maybe the doctor will follow your example.”

Rosemary, after a moment, said,

“Dr. Sapirstein?”

Miss Lark said, “Mm-hmm. He has the after-shave. But it isn’t, is it? Then he has a good luck charm. Only he isn’t superstitious. I don’t think he is. Anyway, he has the same smell once in a while, whatever it is, and when he does, I can’t come within five feet of him. Much stronger than yours was. Haven’t you ever noticed?”

“No,” Rosemary said.

“I guess you haven’t been here on the right days,” Miss Lark said. “Or maybe you thought it was your own you were smelling. What is it, a chemical thing?”

Rosemary stood up and put down Time and picked up her suitcase.

“My husband is outside; I have to tell him something,” she said. “I’ll be back in a minute.”

“You can leave your suitcase,” Miss Lark said.

Rosemary took it with her though.

Chapter 10

She walked up Park to Eighty-first Street, where she found a glass-walled phone booth. She called Dr. Hill. It was very hot in the booth.

A service answered. Rosemary gave her name and the phone number.

“Please ask him to call me back right away,” she said. “It’s an emergency and I’m in a phone booth.”

“All right,” the woman said and clicked to silence.

Rosemary hung up and then lifted the receiver again but kept a hidden finger on the hook. She held the receiver to her ear as if listening, so that no one should come along and ask her to give up the phone. The baby kicked and twisted in her. She was sweating. Quickly, please, Dr. Hill. Call me. Rescue me.

All of them. All of them. They were all in it together. Guy, Dr. Sapirstein, Minnie, and Roman. All of them witches. All Of Them Witches. Using her to produce a baby for them, so that they could take it and — Don’t you worry, Andy-or-Jenny, I’ll kill them before I let them touch you!

The phone rang. She jumped her finger from the hook.

рошего.

Мисс Ларк что-то писала. Розмари взяла с небольшого столика блестящий глянецом журнал. «Умер ли Бог?» — вопрошали красные буквы на черном фоне обложки. Она проглядела содержание и нашла раздел шоу бизнеса. Там оказалась статья про Барбару Стрейзанд. Она попыталась сосредоточиться на чтении.

— Какой приятный запах, — заметила мисс Ларк, поворачиваясь к Розмари. — Что это?

— Называется «Детчема».

— Гораздо приятней, чем ваши обычные духи, вы меня извините.

— А это были не духи, — ответила Розмари. — Это амулет с травами. Но я его уже выкинула.

— Вот и хорошо, обрадовалась мисс Ларк. — Может быть, и доктор последует вашему примеру.

Розмари удивилась.

— Доктор Сапирштейн?

— Да, он пользуется каким-то лосьоном после бритья, но запах ведь не от него, да? У него тоже есть талисман. Хотя он не суеверный. По моему, нет. Но тем не менее иногда от него пахнет точно так же, как раньше от вас, что бы это ни было. Да и запах посильнее, чем ваш. Вы никогда не замечали?

— Нет.

— Может быть, вы приходили в другие дни. А может быть, не замечали, потому что у вас тоже был точно такой талисман. Это что-то из химии, да?

Розмари встала, положила журнал на место и схватила свой чемодан.

— Простите, меня внизу ждет мой муж, и мне нужно ему кое-что сказать. Я сейчас вернусь.

— Можете оставить свои вещи здесь, — предложила мисс Ларк.

Но Розмари взяла чемодан с собой.

Глава 10

Она вышла на Восемьдесят первую улицу, отыскала телефонную будку и набрала номер доктора Хилла. В стеклянной будке было очень жарко.

Ответила регистратура. Розмари назвала себя и дала номер будки.

— Пусть он мне немедленно позвонит, — сказала она. — Это очень срочно, я звоню из автомата.

— Хорошо, — ответила женщина на том конце провода и повесила трубку.

Розмари нажала на рычаг, но трубку вешать не стала, а осторожно придерживала рычаг пальцем. Она держала трубку возле уха, как будто слушая кого то, чтобы никто не мог попросить ее выйти из будки. Ребенок лягался и вертелся. Она сильно вспотела. «Пожалуйста, побыстрее, доктор Хилл! Позвоните. Спасите меня», — мысленно повторяла она.

Все они, все они вместе — Ги, доктор Сапирштейн, Минни и Роман. И все они колдуны. Они использовали ее, чтобы она родила им ребенка, которого потом они заберут у нее и... Но не беспокойся, Энди или Дженни! Я убью их всех прежде, чем они хоть пальцем до тебя дотронутся!

Раздался звонок. Она сняла палец с рычага.

“Yes?”

“Is this Mrs. Woodhouse?” It was the service again.

“Dr. Hill?” she said.

“Woodhouse? I get the name right?” the woman asked. “Is it Rosemary Wood —”

“Yes!”

“And you are Dr. Hill’s patient?”

She explained about the one visit back in the fall.

“Please, please,” she said, “he has to speak to me! It’s important! It’s — please. Please tell him to call me.”

“All right,” the woman said.

Holding the hook again, Rosemary wiped her forehead with the back of her hand. Please, Dr. Hill. She cracked open the door for air and then pushed it closed again as a woman came near and waited.

“Oh, I didn’t know that,” Rosemary said to the mouthpiece, her finger on the hook. “Really? What else did he say?” Sweat trickled down her back and from under her arms. The baby turned and rolled.

It had been a mistake to use a phone so near Dr. Sapirstein’s office. She should have gone to Madison or Lexington.

“That’s wonderful,” she said. “Did he say anything else?” At this very moment he might be out of the door and looking for her, and wouldn’t the nearest phone booth be the first place he’d look? She should have gotten right into a taxi, gotten far away. She put her back as much as she could in the direction he would come from if he came. The woman outside was walking away, thank God.

And now, too, Guy would be coming home. He would see the suitcase gone and call Dr. Sapirstein, thinking she was in the hospital. Soon the two of them would be looking for her. And all the others too; the Weeses, the —

“Yes?” — stopping the ring in its middle.

“Mrs. Woodhouse?”

It was Dr. Hill, Dr. Savior-Rescuer-Kildare-Wonderful-Hill.

“Thank you,” she said. “Thank you for calling me.”

“I thought you were in California,” he said.

“No,” she said. “I went to another doctor, one some friends sent me to, and he isn’t good, Dr. Hill; he’s been lying to me and giving me unusual kinds of — drinks and capsules. The baby is due on Tuesday — remember, you told me, June twenty-eighth? — and I want you to deliver it. I’ll pay you whatever you want, the same as if I’d been coming to you all along.”

“Mrs. Woodhouse —”

“Please, let me talk to you,” she said, hearing refusal. “Let me come and explain what’s been going on. I can’t stay too long where I am right now. My husband and this doctor and the people who sent me to him, they’ve all been involved in — well, in a plot; I know that sounds crazy, Doctor, and you’re probably thinking, ‘My God, this poor girl has completely flipped,’ but I haven’t flipped, Doctor, I swear by all the saints I haven’t. Now and then there are plots against people, aren’t

— Да?

— Это миссис Вудхаус? — Снова звонили из регистратуры.

— Где доктор Хилл? — спросила она.

— Я правильно назвала вашу фамилию? Вас зовут Розмари Вудхаус?

— Да.

— И вы пациентка доктора Хилла?

Розмари объяснила, что была у него на приеме один раз осенью.

— Я вас прошу. Он обязательно должен поговорить со мной. Это очень важно! Пожалуйста! Попросите его сейчас же позвонить мне.

— Хорошо, — пообещала женщина.

Снова придерживая рычаг, Розмари вытерла другой рукой лоб. «Ну, пожалуйста, доктор Хилл». Она приоткрыла дверь, чтобы стало немного прохладней, но тут же закрыла ее опять, потому что к будке подошла какая-то женщина и остановилась неподалеку.

— О, я и не знала об этом, — говорила Розмари мнимому собеседнику, по-прежнему придерживая пальцем рычаг. — А что он еще поведет? — Пот струйками катился по спине и под мышками. Ребенок повернулся еще раз.

Не надо было заходить в автомат рядом с кабинетом доктора Сапирштейна. Почему она не прошла до Мэдисон или Лексингтон?

— Прекрасно, — продолжала Розмари. — Он больше ничего не сказал? — Может быть, сейчас Сапирштейн уже вышел из кабинета и ищет ее, и тогда он непременно заглянет в ближайшую телефонную будку. Надо было сразу же садиться в такси и уезжать отсюда подальше. Она повернулась спиной к тому месту, откуда он вероятнее всего мог появиться. Женщина немного подождала и, слава Богу, ушла.

Ги, наверное, уже дома. Он увидит, что чемоданчика нет и позвонит доктору Сапирштейну, думая, что она у него или уже в больнице. И они вдвоем начнут ее разыскивать. И другие тоже. Визы...

— Да? — Она не дала звонку позвенеть до конца.

— Миссис Вудхаус?

Это был доктор Хилл. Ее спаситель и избавитель, милый, чудесный доктор Хилл.

— Спасибо, — пробормотала она. — Спасибо вам, что позвонили.

— А я считал, что вы уже в Калифорнии.

— Нет. Я просто пошла к другому врачу, которого мне посоветовали приятели, но он оказался плохим, доктор Хилл, он обманывал меня и давал мне очень странные капсулы и прописывал всякие напитки. Ребенок должен родиться во вторник. Помните, вы говорили мне — двадцать восьмого июня? И я хочу, чтобы именно вы принимали у меня роды. Я заплачу вам, сколько вы попросите, как будто у меня и не было никакого другого врача.

— Миссис Вудхаус...

— Можно мне поговорить с вами? — взмолилась она, чувствуя, что он хочет отказаться. — Позвольте мне только прийти к вам и объяснить все, что со мной происходит. Я не могу здесь долго находиться. Тот доктор, мой муж и их друзья — все они замешаны в... ну, в общем, в заговоре. Я знаю, что это звучит нелепо, будто бы я сошла с ума, и вы, доктор, наверное, думаете: «Бедная девушка, она совсем рехнулась». Но я не рехнулась, доктор, клянусь вам всеми

there?”

“Yes, I suppose there are,” he said.

“There’s one against me and my baby,” she said, “and if you’ll let me corie talk to you I’ll tell you about it. And I’m not going to ask you to do anything unusual or wrong or anything; all I want you to do is get me into a hospital and deliver my baby for me.”

He said, “Come to my office tomorrow after—”

“Now,” she said. “Now. Right now. They’re going to be looking for me.”

“Mrs. Woodhouse,” he said, “I’m not at my office now, I’m home. I’ve been up since yesterday morning and —”

“I beg you,” she said. “I beg you.”

He was silent.

She said, “I’ll come there and explain to you. I can’t stay here.”

“My office at eight o’clock,” he said. “Will that be all right?”

“Yes,” she said. “Yes. Thank you. Dr. Hill?”

“Yes?”

“My husband may call you and ask if I called.”

“I’m not going to speak to anyone,” he said. “I’m going to take a nap.”

“Would you tell your service? Not to say that I called? Doctor?”

“All right, I will,” he said.

“Thank you,” she said.

“Eight o’clock.”

“Yes. Thank you.”

A man with his back to the booth turned as she came out; he wasn’t Dr. Sapirstein though, he was somebody else.

She walked to Lexington Avenue and uptown to Eighty-sixth Street, where she went into the theater there, used the ladies’ room, and then sat numbly in the safe cool darkness facing a loud color movie. After a while she got up and went with her suitcase to a phone booth, where she placed a person-to-person collect call to her brother Brian. There was no answer. She went back with her suitcase and sat in a different seat. The baby was quiet, sleeping. The movie changed to something with Keenan Wynn.

At twenty of eight she left the theater and took a taxi to Dr. Hill’s office on West Seventy-second Street. It would be safe to go in, she thought; they would be watching Joan’s place and Hugh and Elise’s, but not Dr. Hill’s office at eight o’clock, not if his service had said she hadn’t called.

To be sure, though, she asked the driver to wait and watch until she was inside the door.

Nobody stopped her. Dr. Hill opened the door himself, more pleasantly than she had expected after his reluctance on the telephone. He had grown a moustache, blond and hardly noticeable, but he still looked like Dr. Kildare. He was wearing a blue-and-yellow-plaid sport shirt.

They went into his consulting room, which was a quarter the size of Dr. Sapirstein’s, and there Rosemary told him her story. She sat with her hands on the chair arms and her ankles crossed and spoke quietly and calmly, knowing that any suggestion of hysteria would make him disbelieve her and think her mad. She

святыми, что это не так. Ведь бывают же заговоры против людей, верно?

— Наверное, бывают, — согласился он.

— Ну так вот: сейчас существует заговор против меня и моего ребенка И если вы разрешите мне прийти к вам, я вам об этом все расскажу. И я не прошу вас делать ничего необычного; просто поместите меня в больницу и примите роды.

— Хорошо. Приходите ко мне завтра на прием после...

— Нет, сейчас, — перебила она — Прямо сейчас. Они, вероятно, уже разыскивают меня.

— Миссис Вудхаус, — объяснил он — Я сейчас не в кабинете, я у себя дома. Я всю ночь не спал и...

— Я умоляю вас. Я вас просто умоляю!

Он молчал.

— Я приеду и все объясню. Я не могу здесь оставаться.

— Приезжайте к восьми часам. Вас так устроит?

— Да. Да, спасибо вам. Доктор Хилл?

— Да.

— Вам может позвонить мой муж и спросить про меня...

— Я ни с кем не собираюсь разговаривать, мне надо выспаться.

— Вы передадите в регистратуру, чтобы они не говорили, что я вам звонила?

— Хорошо, передам.

— Спасибо.

— В восемь часов.

— Да. Спасибо.

Мужчина, стоявший спиной к будке, повернулся, как только она вышла, но это был не доктор Сапирштейн, а кто-то другой.

Розмари пошла к Лексингтон авеню, потом вверх по Восемьдесят шестой улице, там зашла в кинотеатр и какое-то время как прикованная просидела в прохладной бархатной темноте перед большим ярким экраном. Немного погодя она нашла телефонную будку и заказала междугородный разговор с Брайаном. Но у него дома никого не было. Она вернулась в зал и села на другое место. Ребенок утих и теперь спал. Один фильм кончился, начался следующий.

Без двадцати восемь она вышла из кинотеатра и, взяв такси, поехала к доктору Хиллу на Семьдесят вторую улицу, «Там безопаснее, — думала она. — Меня будут искать у Элизы и Джоан, но никак не у доктора Хилла, если только в регистратуре не проговорятся, что я звонила ему».

На всякий случай она попросила шофера не уезжать, пока он не убедится, что она благополучно вошла в дом.

Но никто не остановил ее. Дверь открыл сам доктор Хилл. Сейчас он был более приветлив, чем по телефону. За то время, что они не виделись, он успел отрастить усы — светлые и потому едва различимые, — но все равно продолжал оставаться похожим на доктора Кидлара. На нем была желто голубая клетчатая спортивная рубашка.

Они прошли в смотровую, раза в четыре меньшую, чем у доктора Сапирштейна, и Розмари рассказала ему обо всем. Она сидела, держась за подлокотники высокого жесткого кресла, и говорила ясно и спокойно, понимая, что любое проявление истерии сейчас только убедит его в ее не-

told him about Adrian Marcato and Minnie and Roman; about the months of pain she had suffered and the herbal drinks and the little white cakes; about Hutch and All Of Them Witches and the Fantasticks tickets and black candles and Donald Baumgart's necktie. She tried to keep everything coherent and in sequence but she couldn't. She got it all out without getting hysterical though; Dr. Shand's recorder and Guy throwing away the book and Miss Lark's final unwitting revelation.

"Maybe the coma and the blindness were only coincidences," she said, "or maybe they do have some kind of ESP way of hurting people. But that's not important. The important thing is that they want the baby. I'm sure they do."

"It certainly seems that way," Dr. Hill said, "especially in light of the interest they've taken in it right from the beginning."

Rosemary shut her eyes and could have cried. He believed her. He didn't think she was mad. She opened her eyes and looked at him, staying calm and composed. He was writing. Did all his patients love him? Her palms were wet; she slid them from the chair arms and pressed them against her dress.

"The doctor's name is Shand, you say," Dr. Hill said.

"No, Dr. Shand is just one of the group," Rosemary said. "One of the coven. The doctor is Dr. Sapirstein."

"Abraham Sapirstein?"

"Yes," Rosemary said uneasily. "Do you know him?"

"I've met him once or twice," Dr. Hill said, writing more.

"Looking at him," Rosemary said, "or even talking to him, you would never think he—"

"Never in a million years," Dr. Hill said, putting down his pen, "which is why we're told not to judge books by their covers. Would you like to go into Mount Sinai right now, this evening?"

Rosemary smiled.

"I would love to," she said. "Is it possible?"

"It'll take some wire-pulling and arguing," Dr. Hill said. He rose and went to the open door of his examining room. "I want you to lie down and get some rest," he said, reaching into the darkened room behind him. It blinked into ice-blue fluorescent light.

"I'll see what I can do and then I'll check you over."

Rosemary hefted herself up and went with her handbag into the examining room. "Anything they've got," she said. "Even a broom closet."

"I'm sure we can do better than that," Dr. Hill said. He came in after her and turned on an air conditioner in the room's blue-curtained window. It was a noisy one.

"Shall I undress?" Rosemary asked.

"No, not yet," Dr. Hill said. "This is going to take a good half-hour of high-powered telephoning. Just lie down and rest." He went out and closed the door.

Rosemary went to the day bed at the far end of the room and sat down heavily on its blue-covered softness. She put her handbag on a chair.

God bless Dr. Hill.

She would make a sampler to that effect some day.

She shook off her sandals and lay back gratefully. The air

нормальности. Она рассказала про Адриана Маркато, Минни и Романа, про длившиеся несколько месяцев боли, которые ей пришлось вынести, про напиток из трав и пирожное, про Хатча и книгу о колдовстве, про билеты на шоу «Фантастике» и черные свечи, и еще про галстук и слепоту Дональда Бомгарта. Розмари старалась, чтобы все было связано и логично, но у нее не всегда это получалось. Однако ей удалось сохранить спокойствие, и она закончила рассказом о магнитофоне доктора Шанда и историей с выбрасыванием книги и неожиданным откровением мисс Ларк.

— Возможно, кома и слепота — это просто совпадения, — согласилась Розмари — Но может быть также, что они и действительно обладают сверхъестественной силой, которая может наносить людям вред. Однако важно не это, а то, что они хотят отнять у меня ребенка. В этом я абсолютно уверена.

— Похоже на то, — невесело согласился доктор Хилл. — Особенно если принять во внимание, с какой заботой они с самого начала к вам относились.

Розмари закрыла глаза и чуть не заплакала. Он поверил! Он не считал ее сумасшедшей. Потом она спокойно посмотрела на него. Доктор что-то писал. Наверное, его любили все пациенты. Ладони у нее все еще были влажные, и она промокнула руки о платье.

— А доктора зовут Шанд?

— Нет, доктор Шанд просто входит в их группу, — пояснила Розмари. — В собрание. Доктора зовут Сапирштейн.

— Авраам Сапирштейн?

— Да, — забеспокоилась Розмари. — Вы его знаете?

— Видел пару раз, — безразлично ответил Хилл, продолжая что-то писать.

— Глядя на него и разговаривая с ним, никогда и не подумаешь, что... — начала Розмари.

— Никогда в жизни, — подхватил доктор и отложил ручку. — По этой же причине никогда нельзя судить о книгах только по обложкам. Вы могли бы отправиться в больницу прямо сегодня?

Розмари улыбнулась.

— С удовольствием. А это можно?

— Мне только надо будет кое-кому позвонить. — Он встал и прошел в соседний кабинет. — А вы пока ложитесь и отдыхайте, — сказал доктор, открыв дверь в большую темную комнату и включив там голубоватую люминесцентную лампу.

— Посмотрим, что я смогу для вас сделать.

Розмари встала и прошла вслед за ним, держа сумочку в руках.

— Я думаю, мы с ними справимся, — сказал доктор Хилл. Он включил мощный шумный кондиционер за голубой шторой.

— Мне раздеться? — спросила Розмари.

— Нет, пока не надо. Мне придется звонить где-то с полчаса, не меньше. Просто ложитесь и отдыхайте. — Он вышел и закрыл за собой дверь.

Розмари прошла к кровати и села, сумочку положила рядом на стул.

Боже, благослови доктора Хилла!

Она сняла сандалии и легла на кровать. Из кондиционе-

conditioner sent a small stream of coolness to her; the baby turned over slowly and lazily, as if feeling it.

Everything's okay now, Andy-or-Jenny. We're going to be in a nice clean bed at Mount Sinai Hospital, with no visitors and—

Money. She sat up, opened her handbag, and found Guy's money that she had taken. There was a hundred and eighty dollars. Plus sixteen-and-change of her own. It would be enough, certainly, for any advance payments that had to be made, and if more were needed Brian would wire it or Hugh and Elise would lend it to her. Or Joan. Or Grace Cardiff. She had plenty of people she could turn to.

She took the capsules out, put the money back in, and closed the handbag; and then she lay back again on the day bed, with the handbag and the bottle of capsules on the chair beside her. She would give the capsules to Dr. Hill; he would analyze them and make sure there was nothing harmful in them. There couldn't be. They would want the baby to be healthy, wouldn't they, for their insane rituals?

She shivered.

The monsters.

And Guy.

Unspeakable, unspeakable.

Her middle hardened in a straining contraction, the strongest one yet. She breathed shallowly until it ended.

Making three that day.

She would tell Dr. Hill.

She was living with Brian and Dodie in a large contemporary house in Los Angeles, and Andy had just started talking (though only four months old) when Dr. Hill looked in and she was in his examining room again, lying on the day bed in the coolness of the air conditioner. She shielded her eyes with her hand and smiled at him.

"I've been sleeping," she said.

He pushed the door all the way open and withdrew. Dr. Sapirstein and Guy came in.

Rosemary sat up, lowering her hand from her eyes.

They came and stood close to her. Guy's face was stony and blank. He looked at the walls, only at the walls, not at her. Dr. Sapirstein said,

"Come with us quietly, Rosemary. Don't argue or make a scene, because if you say anything more about witches or witchcraft we're going to be forced to take you to a mental hospital. The facilities there for delivering the baby will be less than the best. You don't want that, do you? So put your shoes on."

"We're just going to take you home," Guy said, finally looking at her. "No one's going to hurt you."

"Or the baby," Dr. Sapirstein said. "Put your shoes on." He picked up the bottle of capsules, looked at it, and put it in his pocket.

She put her sandals on and he gave her her handbag.

They went out, Dr. Sapirstein holding her arm, Guy touching her other elbow.

Dr. Hill had her suitcase. He gave it to Guy.

"She's fine now," Dr. Sapirstein said. "We're going to go home and rest."

ра струился прохладный воздух, ребенок медленно ворочался, будто ощущая его бодрящую свежесть.

Теперь все будет в порядке, Энди или Дженни. Мы с тобой будем лежать в чистой кровати в больнице, и никто нас там не найдет...

Деньги! Розмари села, взяла сумочку и проверила, на месте ли деньги, которые она взяла с собой. В пачке оказалось сто восемьдесят долларов. И еще шестнадцать с мелочью у нее оставалось в кошельке. Конечно, для начала этого хватит, а потом она свяжется с Брайаном или ей одолжат Хьюг с Элизой, или Джоан. Или Грейс Кардифф. У нее много друзей, к которым можно обратиться.

Она вынула витаминные капсулы, положила деньги назад и закрыла сумочку, потом снова легла, положив пузырек с капсулами и сумочку на стул. Она даст капсулы доктору Хиллу, чтобы он сделал анализ и проверил, нет ли в них чего-нибудь вредного. Не должно быть. Им ведь нужно, чтобы ребенок для их безумных ритуалов был здоровый.

Розмари вздрогнула.

Чудовища!

И Ги с ними.

Непостижимо.

Мышцы живота у нее напряглись — началась схватка, на этот раз довольно сильная. Она быстро задышала и подождала, пока все не пройдет.

Это была уже третья схватка за день.

Надо будет сказать доктору Хиллу.

Розмари жила с Брайаном и Доди в большом современном доме в Лос Анджелесе, и Энди уже начал говорить (хотя ему было еще всего четыре месяца), как неожиданно появился доктор Хилл, и она вновь очутилась на кровати в смотровой и услышала звук работающего рядом кондиционера. Розмари загородила рукой глаза от света и улыбнулась.

— Я заснула.

Доктор Хилл распахнул дверь настежь и отошел в сторону. В комнату ворвались Сапирштейн и Ги.

Розмари села и в ужасе опустила руки.

Они подошли к ней почти вплотную. Лицо у Ги было каменно спокойным, и он все время смотрел на стены; только на стены, а не на нее. Заговорил доктор Сапирштейн:

— Пойдем с нами, Розмари. Только спокойно. Не надо спорить и устраивать сцен. Потому что если ты снова начнешь говорить о ведьмах и колдовстве, мы будем вынуждены отправить тебя в психиатрическую больницу. А там тебе будет не так удобно рожать, как в хорошей клинике. Ты ведь не хочешь этого? Тогда надевай туфли.

— Мы просто отвезем тебя домой. — Ги наконец-то посмотрел на нее. — Никто тебе ничего плохого не сделает.

— И ребенку тоже, — добавил доктор Сапирштейн. — Надевай туфли. — Он взял со стула пузырек с капсулами, посмотрел на него и сунул себе в карман.

Она медленно надела сандалии, и ей тут же всучили сумочку.

Потом все они вышли, при этом доктор Сапирштейн крепко держал ее под правую руку, а с другой стороны придерживал за локоть Ги.

Доктор Хилл нес чемодан. Потом он передал его Ги.

— Теперь с ней все будет в порядке, — заверил доктор Сапирштейн. — Мы поедем домой, пусть она отдыхает.

Dr. Hill smiled at her.

"That's all it takes, nine times out of ten," he said.

She looked at him and said nothing.

"Thank you for your trouble, Doctor," Dr. Sapirstein said, and Guy said,

"It's a shame you had to come in here and—"

"I'm glad I could be of help, sir," Dr. Hill said to Dr. Sapirstein, opening the front door.

They had a car. Mr. Gilmore was driving it. Rosemary sat between Guy and Dr. Sapirstein in back.

Nobody spoke.

They drove to the Bramford.

The elevator man smiled at her as they crossed the lobby toward him. Diego smiled because he liked her, favored her over some of the other tenants.

The smile, reminding her of her individuality, wakened something in her, revived something.

She snicked open her handbag at her side, worked a finger through her key ring, and, near the elevator door, turned the handbag all the way over, spilling out everything except the keys. Rolling lipstick, coins, Guy's tens and twenties fluttering, everything. She looked down stupidly.

They picked things up, Guy and Dr. Sapirstein, while she stood mute, pregnant-helpless. Diego came out of the elevator, making tongue-teeth sounds of concern. He bent and helped. She backed in to get out of the way and, watching them, toed the big round floor button. The rolling door rolled. She pulled closed the inner gate.

Diego grabbed for the door but saved his fingers; smacked on the outside of it.

"Hey, Mrs. Woodhouse!"

Sorry, Diego.

She pushed the handle and the car lurched upward.

She would call Brian. Or Joan or Elise or Grace Cardiff. Someone.

We're not through yet, Andy!

She stopped the car at nine, then at six, then halfway past seven, and then close enough to seven to open the gate and the door and step four inches down.

She walked through the turns of hallway as quickly as she could. A contraction came but she marched right through it, paying no heed.

The service elevator's indicator blinked from four to five and she knew it was Guy and Dr. Sapirstein coming up to intercept her.

So of course the key wouldn't go into the lock.

But finally did, and she was inside, slamming the door as the elevator door opened, hooking in the chain as Guy's key went into the lock. She turned the bolt and the key turned it right back again. The door opened and pushed in against the chain.

"Open up, Ro," Guy said.

"Go to hell," she said.

"I'm not going to hurt you, honey."

"You promised them the baby. Get away."

"I didn't promise them anything," he said. "What are you

Доктор Хилл улыбнулся ей.

— Скоро у вас все пройдет, я ручаюсь.

Она посмотрела на него и ничего не сказала.

— Извините нас за беспокойство, коллега, — сказал Сапирштейн. А Ги добавил:

— Нам так неудобно, что вам пришлось хлопотать...

— Я рад, что смог вам помочь, сэръ, — ответил доктор Хилл Сапирштейну и открыл перед ними входную Дверь.

Внизу ждала машина. За рулем сидел мистер Гилмор. Розмари усадили на заднее сиденье между Ги и доктором Сапирштейном.

Никто не разговаривал.

Они поехали назад в Брэмфорд.

Лифтер, как всегда, улыбнулся ей, пока они молча шли по широкому вестибюлю. Диего улыбался, потому что любил ее и всякий раз выделял среди других жильцов дома.

Эта улыбка вернула Розмари чувство собственного достоинства, и что-то пробудилось и ожило в ней.

Она незаметно раскрыла сумочку, отыскала ключи и продела указательный палец в кольцо. Возле самого лифта она как бы нечаянно перевернула сумку, и из нее посыпалась на пол всякая всячина, кроме ключей, которые Розмари уже держала в руке: губная помада, монетки... В разные стороны полетели бумажки в десять и двадцать долларов. Она тупо уставилась вниз.

Доктор Сапирштейн и Ги бросились подбирать ее вещи, а она молча стояла над ними — беременная и беззащитная. Диего вышел из лифта и сочувственно щелкнул языком. Розмари прошла мимо него в кабину и нажала кнопку последнего этажа. Дверь за ней быстро закрылась.

Диего рванулся к лифту и чуть не прищемил себе пальцы. Потом яростно застучал по двери.

— Эй, миссис Вудхаус!

«Извини, Диего», — подумала она и нажала кнопку хода. Лифт послушно поехал вверх.

Сейчас она позвонит Брайану. Или Джоан, или Элизе, или Грейс Кардифф. Кому-нибудь.

Мы еще не сдались, Энди!

Розмари остановила лифт на девятом этаже, потом на шестом, потом — чуть проехав седьмой, и только потом — на самом седьмом этаже.

Быстро прошла коридор. Началась новая схватка, но она не обратила на нее внимания.

Электронное табло над дверью показывало, что один из лифтов приближается к седьмому этажу. Это доктор Сапирштейн и Ги пытаются перехватить ее. Воспользовавшись служебным лифтом, они были уже на пятом этаже.

От волнения она никак не могла попасть ключом в замочную скважину.

Но вот наконец дверь открылась, Розмари юркнула в квартиру и тут же захлопнула дверь за собой и накинула цепочку. В тот же момент Ги сунул в замок свой собственный ключ. Дверь приоткрылась, но натянувшаяся цепочка удерживала ее.

— Открой, Ро, — тихо попросил Ги.

— Иди к черту!

— Я ничего плохого тебе не сделаю, милая.

— Ты пообещал им ребенка. Убирайся!

— Я ничего им не обещал. О чем ты говоришь? Кому

talking about? Promised who?"

"Rosemary," Dr. Sapirstein said.

"You too. Get away."

"You seem to have imagined some sort of conspiracy against you."

"Get away," she said, and pushed the door shut and bolted it.

It stayed bolted.

She backed away, watching it, and then went into the bedroom.

It was nine-thirty.

She wasn't sure of Brian's number and her address book was in the lobby or Guy's pocket, so the operator had to get Omaha Information. When the call was finally put through there was still no answer.

"Do you want me to try again in twenty minutes?" the operator asked.

"Yes, please," Rosemary said; "in five minutes."

"I can't try again in five minutes," the operator said, "but I'll try in twenty minutes if you want me to."

"Yes, please," Rosemary said and hung up.

She called Joan, and Joan was out too.

Elise and Hugh's number was — she didn't know. Information took forever to answer but, having answered, supplied it quickly. She dialed it and got an answering service. They were away for the weekend.

"Are they anywhere where I can reach them? This is an emergency."

"Is this Mr. Dunstan's secretary?"

"No, I'm a close friend. It's very important that I speak to them."

"They're on Fire Island," the woman said. "I can give you a number."

"Please."

She memorized it, hung up, and was about to dial it when she heard whispers outside the doorway and footsteps on the vinyl floor. She stood up.

Guy and Mr. Fountain came into the room.

"Honey, we're not going to hurt you," Guy said—and behind them Dr. Sapirstein with a loaded hypodermic, the needle up and dripping, his thumb at the plunger. And Dr. Shand and Mrs. Fountain and Mrs. Gilmore.

"We're your friends," Mrs. Gilmore said, and Mrs. Fountain said, "There's nothing to be afraid of, Rosemary; honest and truly there isn't."

"This is nothing but a mild sedative," Dr. Sapirstein said. "To calm you down so that you can get a good night's sleep."

She was between the bed and the wall, and too gross to climb over the bed and evade them.

They came toward her.

"You know I wouldn't let anyone hurt you, Ro"— and she picked up the phone and struck with the receiver at Guy's head.

He caught her wrist and Mr. Fountain caught her other arm and the phone fell as he pulled her around with startling strength.

"Help me, somebody— "she screamed, and a handkerchief

обещал?

— Розмари... — начал доктор Сапирштейн.

— И вы тоже убирайтесь.

— По моему, ты придумала, что против тебя есть какой-то заговор.

— Убирайтесь оба! — Она захлопнула дверь и повернула замок.

Его не стали пытаться открыть вновь.

Она отступила назад, не спуская с двери глаз, а затем направилась в спальню.

Было уже полдесятого.

Розмари не помнила телефона Брайана, а записная книжка осталась в вестибюле или уже лежала в кармане у Ги, нужно было просить телефонистку сперва связаться со справочной в Омахе. Когда телефон был выяснен, оказалось, что никого нет дома.

— Может быть, минут через двадцать еще раз попробовать? — опросила телефонистка.

— Да, пожалуйста. Попробуйте еще раз через пять минут.

— Через пять минут не могу, но через двадцать обязательно попробую, если вы хотите.

— Да, пожалуйста, — ответила Розмари и повесила трубку.

Она позвонила Джоан, но ее тоже не оказалось дома.

Телефон Элизы и Хьюга никак не вспоминался. В справочной выясняли его целых полчаса. Наконец она дозвонилась, и ночной портье ответил ей, что они уехали на уик энд.

— А можно им как-нибудь позвонить? У меня очень срочное дело.

— Это секретарь мистера Дунстана?

— Нет, я их близкая подруга. Мне очень важно немедленно поговорить с ними.

— Они уехали на Фэйер Айленд. Но я могу дать вам номер телефона.

— Пожалуйста.

Розмари запомнила его и хотела уже набрать, как вдруг услышала в коридоре шепот и приглушенные шаги по ковру. Она встала.

В комнату вошли Ги и мистер Фаунтэн.

— Милая, мы не сделаем тебе ничего плохого, — начал Ги. За его, спиной стоял доктор Сапирштейн с готовым шприцем в руке, с иголки капала прозрачная жидкость, большой палец уже лежал на поршне. Здесь же были доктор Шанд, миссис Фаунтэн и миссис Гилмор.

— Мы твои друзья, — сказала миссис Гилмор, а миссис Фаунтэн добавила: — Не надо ничего бояться, честное слово.

— Это легкое успокоительное средство, — объяснил доктор Сапирштейн. — Чтобы ты не волновалась и уснула.

Она стояла в узком проходе между кроватью и стеной — такая большая, что никак уже не могла ускользнуть от них.

Ее обступили со всех сторон.

— Ты же знаешь, я никому не дам обидеть тебя, Ро, — улыбнулся Ги. Но тут она взяла телефон и с силой ударила им мужа по голове.

Ги схватил ее за руку, а мистер Фаунтэн — за другую. Телефон упал, и ее повалили на кровать, придавив с неожиданной грубой силой.

— Помогите мне, кто ни... — выкрикнула Розмари, но

or something was jammed into her mouth and held there by a small strong hand.

They dragged her away from the bed so Dr. Sapirstein could come in front of her with the hypodermic and a dab of cotton, and a contraction far more grueling than any of the others clamped her middle and clenched shut her eyes. She held her breath, then sucked air in through her nostrils in quick little pulls. A hand felt her belly, deft all-over finger-tipping, and Dr. Sapirstein said,

“Wait a minute, wait a minute now; we happen to be in labor here.”

Silence; and someone outside the room whispered the news:

“She’s in labor!”

She opened her eyes and stared at Dr. Sapirstein, dragging air through her nostrils, her middle relaxing. He nodded to her, and suddenly took her arm that Mr. Fountain was holding, touched it with cotton, and stabbed it with the needle.

She took the injection without trying to move, too afraid, too stunned.

He withdrew the needle and rubbed the spot with his thumb and then with the cotton.

The women, she saw, were turning down the bed.

Here?

Here?

It was supposed to be Doctors Hospital! Doctors Hospital, with equipment and nurses and everything clean and sterile!

They held her while she struggled, Guy saying in her ear,

“You’ll be all right, honey, I swear to God you will! I swear to God you’re going to be perfectly all right! Don’t go on fighting like this, Ro, please don’t! I give you my absolute word of honor you’re going to be perfectly all right!”

And then there was another contraction.

And then she was on the bed, with Dr. Sapirstein giving her another injection.

And Mrs. Gilmore wiped her forehead.

And the phone rang.

And Guy said, “No, just cancel it, operator.”

And there was another contraction, faint and disconnected from her floating eggshell head.

All the exercises had been for nothing. All wasted energy. This wasn’t natural childbirth at all; she wasn’t helping, she wasn’t seeing.

Oh, Andy, Andy-or-Jenny! I’m sorry, my little darling! Forgive me!

PART THREE

Chapter 1

Light. The ceiling. And pain between her legs. And Guy. Sitting beside the bed, watching her with an anxious, uncertain smile.

“Hi,” he said.

“Hi,” she said back.

The pain was terrible. And then she remembered. It was over. It was over. The baby was born.

“Is it all right?” she asked.

тут ей заткнули рот платком или какой-то мягкой тряпкой и крепкой рукой сжали подбородок.

Ее оттащили от кровати, чтобы было удобней для доктора Сапирштейна, который все это время стоял наготове со шприцем и ватным тампоном. Началась очередная схватка, гораздо сильнее предыдущих, и от боли и отчаяния она закрыла глаза, затаила дыхание, а потом начала отрывисто и часто втягивать воздух через ноздри. Чья-то рука коснулась ее живота, и доктор Сапирштейн сказал:

— Погодите-ка, погодите-ка! У нас уже начались роды!

Наступила тишина, и кто-то вдали зловещим шепотом произнес:

— Она рождает!

Открыв глаза, Розмари уставилась на доктора Сапирштейна, тяжело дыша через нос. Живот немного расслабился. Доктор пристально посмотрел на нее и вдруг схватил за руку, которую уже держал мистер Фаунтэн, и сделал укол.

Она боялась пошевелиться.

Сапирштейн вынул иглу и протер место укола ватой.

Женщина повернулась к кровати.

Как, здесь?

Неужели здесь?

— Я должна была рожать в госпитале для врачей! С медсестрами, докторами, современным оборудованием и полной стерильностью!

Ее удерживали, а она отчаянно пыталась вырваться.

— Клянусь Богом, все будет хорошо! — шептал Ги. — Клянусь Богом, все будет просто замечательно! Перестань драться, Ро, пожалуйста. Даю тебе слово чести, что с тобой ничего не случится. Все будет в полном порядке!

И тут началась еще одна схватка.

Когда она очнулась, то уже лежала в кровати, доктор Сапирштейн делал еще какой-то укол.

Миссис Гилмор вытирала ей лоб.

Зазвонил телефон.

— Нет, не надо, отмените, — сказал в трубку Ги.

Началась еще одна схватка, но уже какая-то слабая — она едва почувствовала боль сквозь туманную пелену и шум в голове.

Все упражнения пошли насмарку. Зря она теряла время. Это были неестественные роды, она ведь ничего не понимала...

Энди! Энди или Дженни! Прости меня, крошка! Прости...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 1

Свет. Потолок. И боль. И Ги. Он сидит рядом у кровати и смотрит на нее, неуверенно улыбаясь.

— Привет, — сказал он.

— Привет...

Но боль ужасная. И тут она все вспомнила. Теперь все позади. Все позади. Ребенок родился.

— Все в порядке? — тихо спросила она.

"Yes, fine," he said.

"What is it?"

"A boy."

"Really? A boy?"

He nodded.

"And it's all right?"

"Yes."

She let her eyes close, then managed to open them again.

"Did you call Tiffany's?" she asked.

"Yes," he said.

She let her eyes close and slept.

Later she remembered more. Laura-Louise was sitting by the bed reading the Reader's Digest with a magnifying glass.

"Where is it?" she asked.

Laura-Louise jumped.

"My goodness, dear," she said, the magnifying glass at her bosom showing red ropes interwoven, "what a start you gave me, waking up so suddenly! My goodness!"

She closed her eyes and breathed deeply.

"The baby; where is it?" she asked.

"You just wait here a minute," Laura-Louise said, getting up with the Digest closed on a finger. "I'll get Guy and Doctor Abe. They're right in the kitchen."

"Where's the baby?" she asked, but Laura-Louise went out the door without answering.

She tried to get up but fell back, her arms boneless. And there was pain between her legs like a bundle of knife points. She lay and waited, remembering, remembering.

It was night. Five after nine, the clock said.

They came in, Guy and Dr. Sapirstein, looking grave and resolute.

"Where's the baby?" she asked them.

Guy came around to the side of the bed and crouched down and took her hand.

"Honey," he said.

"Where is it?"

"Honey..." He tried to say more and couldn't. He looked across the bed for help.

Dr. Sapirstein stood looking down at her. A shred of coconut was caught in his moustache.

"There were complications, Rosemary," he said, "but nothing that will affect future births."

"It's —"

"Dead," he said.

She stared at him.

He nodded.

She turned to Guy. He nodded too.

"It was in the wrong position," Dr. Sapirstein said. "In the hospital I might have been able to do something, but there simply wasn't time to get you there. Trying anything here would have been — too dangerous for you."

Guy said, "We can have others, honey, and we will, just as soon as you're better. I promise you."

Dr. Sapirstein said, "Absolutely. You can start on another in a very few months and the odds are thousands to one against anything similar happening. It was a tragic one-in-ten-thousand mishap; the baby itself was perfectly healthy and normal."

— Да, все хорошо.

— Кто?

— Мальчик.

— Правда? Мальчик?

Ги кивнул.

— И с ним все в порядке?

— Да.

Она закрыла глаза, потом с трудом снова открыла.

— Ты звонил насчет объявления?

— Да.

Она закрыла глаза и заснула.

Позже Розмари вспомнила еще очень многое. Лаура Луиза сидела у ее кровати и с лупой читала журнал.

— Где он? — спросила Розмари.

Лаура Луиза вздрогнула и вскочила.

— Боже мой, дорогая, — произнесла она, и лупа повисла у нее на груди на красной плетеной ленточке. — Как ты меня напугала! Ты так неожиданно проснулась!

Розмари закрыла глаза и глубоко задышала.

— Ребенок... где он? — настойчиво повторила она.

— Подожди-ка минуточку, — заспешила Даура Луиза и повернулась, держа палец в журнале. — Я позову Ги и доктора Эйба. Они на кухне.

— Где ребенок? — снова спросила Розмари, но Лаура Луиза уже ушла, так ничего и не ответив.

Она попыталась приподняться, но снова упала на кровать, руки не слушались. Сильная боль пульсировала между ног, словно колола сотня острых ножей. Розмари лежала и вспоминала все по порядку.

Был вечер. Часы на стене показывали пять минут десятого.

Вошли Ги и доктор Сапирштейн. Оба были какие-то решительные и мрачные.

— Где ребенок? — повторила она свой вопрос.

Ги подошел к кровати, наклонился и взял ее за руку.

— Милая, — начал он.

— Где он?

— Милая... — Он хотел еще что-то сказать, но не мог и повернулся к доктору, ища в нем поддержки.

Доктор Сапирштейн внимательно посмотрел на нее. В его усах застрял кусочек кокосовой скорлупы.

— У тебя были осложнения, Розмари, — сказал он. — Но на следующие роды это не повлияет.

— Он... — Она с ужасом уставилась на доктора.

— Умер, — подтвердил тот.

И кивнул.

Розмари перевела взгляд на Ги. И Ги тоже кивнул.

— У него было неправильное положение, — пояснил Сапирштейн. — В больнице я, возможно, и смог бы что-нибудь сделать, но у нас совсем не было времени везти тебя туда. А пытаться сделать что-то здесь было бы... просто опасным для твоей жизни.

— У нас с тобой еще будут дети. Как только ты немного поправишься. Я тебе обещаю, — нежно сказал Ги.

— Совершенно верно, — согласился доктор Сапирштейн. — Можно будет попробовать уже через несколько месяцев, и шансы, что повторится что-то подобное, ничтожно малы — один на тысячу. Такое случается очень редко — один раз на десять тысяч рождений. Сам же ребенок был аб-

Guy squeezed her hand and smiled encouragingly at her.

"As soon as you're better," he said.

She looked at them, at Guy, at Dr. Sapirstein with the shred of coconut in his moustache.

"You're lying," she said. "I don't believe you. You're both lying."

"Honey," Guy said.

"It didn't die," she said. "You took it. You're lying. You're witches. You're lying. You're lying! You're lying! You're lying! You're lying! You're lying!"

Guy held her shoulders to the bed and Dr. Sapirstein gave her an injection.

She ate soup and triangles of buttered white bread. Guy sat on the side of the bed, nibbling at one of the triangles.

"You were crazy," he said. "You were really ka-pow out of your mind. It happens sometimes in the last couple of weeks. That's what Abe says. He has a name for it. Prepartum I-don't-know, some kind of hysteria. You had it, honey, and with a vengeance."

She said nothing. She took a spoonful of soup.

"Listen," he said, "I know where you got the idea that Minnie and Roman were witches, but what made you think Abe and I had joined the party?"

She said nothing.

"That's stupid of me, though," he said. "I guess prepartum whatever-it-is doesn't need reasons." He took another of the triangles and bit off first one point and then another.

She said, "Why did you trade ties with Donald Baumgart?"

"Why did I — well what has that got to do with anything?"

"You needed one of his personal belongings," she said, "so they could cast the spell and make him blind."

He stared at her.

"Honey," he said, "for God's sake what are you talking about?"

"You know."

"Holy mackerel," he said. "I traded ties with him because I liked his and didn't like mine, and he liked mine and didn't like his. I didn't tell you about it because afterwards it seemed like a slightly faggy thing to have done and I was a little embarrassed about it."

"Where did you get the tickets for The Fantasticks?" she asked him.

"What?"

"You said you got them from Dominick," she said; "you didn't."

"Boy oh boy," he said. "And that makes me a witch? I got them from a girl named Norma — something that I met at an audition and had a couple of drinks with. What did Abe do? Tie his shoelaces the wrong way?"

"He uses tannis root," she said. "It's a witch thing. His receptionist told me she smelled it on him."

"Maybe Minnie gave him a good luck charm, just the way she gave you one. You mean only witches use it? That doesn't sound very likely."

Rosemary was silent.

солютно здоровый и нормальный.

Ги сжал ее руку и ободряюще улыбнулся.

— Как только ты поправишься...

Розмари посмотрела на него, потом на доктора Сапирштейна с кусочком кокосовой скорлупы в усах.

— Вы врете. Я вам не верю. Вы оба врете.

— Милая, — начал Ги.

— Он не умер, — сказала она. — Это вы забрали его. Вы мне все врете. Вы колдуны. Вы врете. Врете! Врете! Врете!!

Ги прижал ее плечи к кровати, а доктор Сапирштейн сделал укол.

Розмари ела суп и маленькие кусочки хлеба с маслом. Ги сидел рядом и тоже ел бутерброд.

— Ты просто сошла с ума, — говорил он. — Ты совсем свихнулась. Это иногда происходит у беременных на последних неделях. Так говорит Эйб. Он даже сказал, как это называется. Какая-то там горячка, вроде истерии. И у тебя она началась в полную силу.

Розмари ничего не ответила и зачерпнула полную ложку супа.

— Послушай, — продолжил он. — Я знаю, почему ты считаешь, что Минни и Роман — колдуны, но как ты приписала к ним Эйба и меня?

Она опять ничего не ответила.

— Хотя, наверное, глупо об этом спрашивать. При горячке такой бред начинается беспричинно. — Он взял еще кусочек хлеба и откусил сначала с одного конца, потом с другого.

— Зачем ты обменялся с Дональдом Бомгартом галстуками? — спросила Розмари.

— Почему я... а это тут при чем?

— Тебе нужна была его личная вещь, чтобы они смогли насладиться на него порчу и ослепить.

Ги дико уставился на нее.

— Милая, о чем ты говоришь, ради всего святого!

— Ты знаешь.

— Бог ты мой! Я обменялся галстуками, потому что мне больше понравилась расцветка его галстука, а ему нравилась мой. А ничего не сказал тебе, потому что это, как мне показалось, слегка отдает голубиной, и я просто постеснялся.

— А где ты достал билеты на «Фантастик»?

— Что?

— Ты сказал, что тебе их дал Доминик, а он ничего не давал.

— О Господи! И поэтому я стал колдуном? Да мне их дала девушка по имени Норма, фамилии не помню, мы с ней познакомились на прослушивании, ну и выпили по паре коктейлей. Ну, а Эйб-то что натворил? Как-нибудь по особому завязал шнурки на ботинках?

— Он пользуется таннисовым корнем. А это дьявольская вещь. Его медсестра сказала мне, что от него так пахнет.

— Может быть, Минни тоже подарила ему амулет, как и тебе. Ты хочешь сказать, что им пользуются только колдуны? Это даже странно!..

Розмари промолчала.

“Let’s face it, darling,” Guy said, “you had the prepartum crazies. And now you’re going to rest and get over them.” He leaned closer to her and took her hand. “I know this has been the worst thing that ever happened to you,” he said, “but from now on everything’s going to be roses. Warners is within an inch of where we want them, and suddenly Universal is interested too. I’m going to get some more good reviews and then we’re going to blow this town and be in the beautiful hills of Beverly, with the pool and the spice garden and the whole schmeer. And the kids too, Ro. Scout’s honor. You heard what Abe said.” He kissed her hand. “Got to run now and get famous.”

He got up and started for the door.

“Let me see your shoulder,” she said.

He stopped and turned.

“Let me see your shoulder,” she said.

“Are you kidding?”

“No,” she said. “Let me see it. Your left shoulder.”

He looked at her and said,

“All right, whatever you say, honey.”

He undid the collar of his shirt, a short-sleeved blue knit, and peeled the bottom of it up and over his head. He had a white T-shirt on underneath.

“I generally prefer doing this to music,” he said, and took off the T-shirt too. He went close to the bed and, leaning, showed Rosemary his left shoulder. It was unmarked. There was only the faint scar of a boil or pimple. He showed her his other shoulder and his chest and his back.

“This is as far as I go without a blue light,” he said.

“All right,” she said.

He grinned.

“The question now,” he said, “is do I put my shirt back on or do I go out and give Laura-Louise the thrill of a lifetime.”

Her breasts filled with milk and it was necessary to relieve them, so Dr. Sapirstein showed her how to use a rubber-bulbed breast pump, like a glass auto horn; and several times a day Laura-Louise or Helen Wees or whoever was there brought it in to her with a Pyrex measuring cup. She drew from each breast an ounce or two of thin faintly-green fluid that smelled ever so slightly of tannis root-in a process that was a final irrefutable demonstration of the baby’s absence. When the cup and the pump had been carried from the room she would lie against her pillows broken and lonely beyond tears.

Joan and Elise and Tiger came to see her, and she spoke with Brian for twenty minutes on the phone. Flowers came — roses and carnations and a yellow azalea plant — from Allan, and Mike and Pedro, and Lou and Claudia. Guy bought a new remote-control television set and put it at the foot of the bed. She watched and ate and took pills that were given to her.

A letter of sympathy came from Minnie and Roman, a page from each of them. They were in Dubrovnik.

The stitches gradually stopped hurting.

One morning, when two or three weeks had gone by, she thought she heard a baby crying. She rayed off the television and listened. There was a frail faraway wailing. Or was there? She slipped out of bed and turned off the air conditioner.

Florence Gilmore came in with the pump and the cup.

— Давай, милая, называть вещи своими именами. У тебя была обыкновенная предродовая горячка. А теперь ты отдохнешь как следует, и все пройдет. — Он нагнулся и взял ее за руку. — Я знаю, что с тобой сейчас стряслось самое ужасное в жизни. Но с этого момента все будет хорошо. Фирма «Уорнер» вот вот предложит мне большую роль, и компания «Юниверсал» тоже мной заинтересовалась. Я быстро пойду в гору, и скоро мы уедем из этого города, поселимся в Беверли Хиллс. У нас будет бассейн, собственный сад с травами и все такое прочее. И дети тоже, Ро. Честное слово! Ты же слышала, что сказал Эйб. — Он поцеловал ей руку. — Ну, мне пора бежать на работу завоевывать себе популярность.

Он встал и направился к двери.

— Я хочу посмотреть твое плечо.

— Да ты что?

— Да. Дай мне посмотреть. Левое плечо.

Ги озабоченно посмотрел на нее и сказал:

— Ну хорошо. Все, что ты пожелаешь.

Он расстегнул воротник и снял через голову голубую вязаную рубашку. Под ней была еще белая майка.

— Обычно я люблю это делать под музыку, — улыбнулся он, снял майку, подошел к кровати, нагнулся и показал Розмари левое плечо. Никакого знака там не было. Просто маленький след от прыщика. Потом он продемонстрировал ей правое плечо, грудь и спину.

— А остальное потом, — пошутил Ги.

— Хорошо.

Он добродушно усмехнулся.

— А теперь вопрос: мне можно одеться или идти прямо в таком виде и перепугать насмерть Лауру Луизу?

Грудь Розмари наполнялась молоком, и надо было ее опорожнять. Доктор Сапирштейн показал ей, как пользоваться резиновым отсосом для молока, напоминавшим стеклянный клаксон. Несколько раз в день к ней приходила Лаура Луиза, или Хелен Виз, или кто-нибудь еще с небольшой мензуркой. Она сцеживала из каждой груди одну две унции чуть зеленоватой жидкости, пахнущей таннисовым корнем. Когда прибор и мензурку уносили, Розмари снова ложилась в постель и едва сдерживала слезы, разбитая и одинокая.

Заходили Джоан. Элиза и Тайгер, минут двадцать она разговаривала по телефону с Брайаном. Присылали цветы — розы, гвоздики и желтые азалии — от Аллана, Майка и Педро, и еще от Лу и Клаудии. Ги купил новый телевизор и пульт дистанционного управления к нему, который он поставил рядом с кроватью. Розмари смотрела разные передачи, ела и принимала таблетки, которые ей давали.

Пришло письмо с соболезнованиями от Минни и Романа — по странице от каждого. Они писали из Дубровника.

Постепенно швы перестали болеть.

Как-то утром, недели через две или три, ей послышался за стеной детский плач. Она выключила у телевизора звук и прислушалась. Где-то вдалеке действительно плакал ребенок. Или нет? Розмари встала с кровати и отключила кондиционер.

И тут вошла Флоренс Гилмор с отсосом и чашечкой для молока.

“Do you hear a baby crying?” Rosemary asked her.

Both of them listened. Yes, there it was. A baby crying.

“No, dear, I don’t,” Florence said. “Get back into bed now; you know you’re not supposed to be walking around. Did you turn off the air conditioner? You mustn’t do that; it’s a terrible day. People are actually dying, it’s so hot.”

She heard it again that afternoon, and mysteriously her breasts began to leak...

“Some new people moved in,” Guy said out of nowhere that evening. “Up on eight.”

“And they have a baby,” she said.

“Yes. How did you know?”

She looked at him for a moment.

“I heard it crying,” she said.

She heard it the next day. And the next.

She stopped watching television and held a book in front of her, pretending to read but only listening, listening...

It wasn’t up on eight; it was right there on seven.

And more often than not, the pump and the cup were brought to her a few minutes after the crying began; and the crying stopped a few minutes after her milk was taken away.

“What do you do with it?” she asked Laura-Louise one morning, giving her back the pump and the cup and six ounces of milk.

“Why, throw it away, of course,” Laura-Louise said, and went out.

That afternoon, as she gave Laura-Louise the cup, she said, “Wait a minute,” and started to put a used coffee spoon into it.

Laura-Louise jerked the cup away.

“Don’t do that,” she said, and caught the spoon in a finger of the hand holding the pump.

“What difference does it make?” Rosemary asked.

“It’s just messy, that’s all,” Laura-Louise said.

Chapter 2

It was alive.

It was in Minnie and Roman’s apartment.

They were keeping it there, feeding it her milk and please God taking care of it, because, as well as she remembered from Hutch’s book, August first was one of their special days, Lammas or Leamas, with special maniacal rituals. Or maybe they were keeping it until Minnie and Roman came back from Europe. For their share.

But it was still alive.

She stopped taking the pills they gave her. She tucked them down into the fold between her thumb and her palm and faked the swallowing, and later pushed the pills as far as she could between the mattress and the box spring beneath it.

She felt stronger and more wide-awake.

Hang on, Andy! I’m coming!

She had learned her lesson with Dr. Hill. This time she would turn to no one, would expect no one to believe her and be her savior. Not the police, not Joan or the Dunstons or Grace Cardiff, not even Brian. Guy was too good an actor, Dr. Sapirstein too famous a doctor; between the two of them they’d

— Вы слышите голос ребенка? — спросила ее Розмари. Обе прислушались.

— Нет, дорогая, не слышу, — простодушно призналась Флоренс. — Ложись в кровать, тебе нельзя много ходить. Зачем ты выключила кондиционер? Не стоит, день сегодня ужасный. Все просто умирают от жары.

Днем она опять услышала плач, и по непонятной причине молоко тут же начало прибывать.

— Новые жильцы въехали, — неожиданно сообщил вечером Ги. — На восьмой этаж.

— И у них есть ребенок, — добавила Розмари.

— Да. Откуда ты знаешь?

Она с усмешкой посмотрела на него.

— Я его слышала.

Плач был слышен и на следующий день. И через три дня тоже.

Розмари перестала смотреть телевизор и держала в руках книгу, делая вид, что занята чтением, а сама все слушала и слушала...

Ребенок был не на восьмом этаже, а где-то совсем рядом.

И более того: как только начинался плач, ей всякий раз приносили чашечку и прибор, а через несколько минут после того, как молоко уносили, плач прекращался.

— А что вы с ним делаете? — спросила она как-то Лауру Луизу, отдавая ей мензурку с шестью унциями молока.

— Что? Выливаем, конечно, — ответила та и вышла.

В следующий раз перед тем, как отдать Лауре Луизе молоко, Розмари сунула в мензурку грязную чайную ложку из под кофе.

Лаура Луиза тут же выхватила у нее чашечку.

— Не делай этого! — И немедленно вынула ложку.

— А какая вам разница? — удивилась Розмари.

— Это же грязная ложка, вот и все, — ответила Лаура Луиза.

Глава 2

Ребенок не умер.

Он был в квартире Минни и Романа.

Они держали его там, кормили молоком и заботились о нем, потому что — это она хорошо помнила из книги Хатча — скоро будет первое августа, их особый день, праздник Ламмас или Лимас, когда надо проводить специальные ритуалы... Или же они берегли его для Минни и Романа, дожидаясь, пока те вернуться, чтобы разделить жертву на всех.

Он был жив.

Розмари перестала глотать таблетки, которые ей приносили. Она прятала таблетку в ладонь и делала вид, что глотает ее, а потом засовывала подальше под матрас.

И скоро она почувствовала, что к ней возвращаются силы.

Держись, Энди! Я иду на помощь!

Доктор Хилл дал ей хороший урок. Теперь она ни к кому не будет обращаться за помощью и спасением. Ни в полицию, ни к Джоан, ни к Дунстанам или Грейс Кардифф, ни даже к Брайану. Ги был прекрасным актером, доктор Сапирштейн — слишком известным врачом, и оба они убедят ко-

have even him, even Brian, thinking she had some kind of post-losing-the-baby madness. This time she would do it alone, would go in there and get him herself, with her longest sharpest kitchen knife to fend away those maniacs.

And she was one up on them. Because she knew — and they didn't know she knew — that there was a secret way from the one apartment to the other. The door had been chained that night — she knew that as she knew the hand she was looking at was a hand, not a bird or a battleship — and still they had all come pouring in. So there had to be another way. Which could only be the linen closet, barricaded by dead Mrs. Gardenia, who surely had died of the same witchery that had frozen and killed poor Hutch. The closet had been put there to break the one big apartment into two smaller ones, and if Mrs. Gardenia had belonged to the coven — she'd given Minnie her herbs; hadn't Terry said so? — then what was more logical than to open the back of the closet in some way and go to and fro with so many steps saved and the Bruhns and Dubin-and-DeVore never knowing of the traffic?

It was the linen closet.

In a dream long ago she had been carried through it. That had been no dream; it had been a sign from heaven, a divine message to be stored away and remembered now for assurance in a time of trial.

Oh Father in heaven, forgive me for doubting! Forgive me for turning from you, Merciful Father, and help me, help me in my hour of need! Oh Jesus, dear Jesus, help me save my innocent baby!

The pills, of course, were the answer. She squirmed her arm in under the mattress and caught them out one by one. Eight of them, all alike; small white tablets scored across the middle for breaking in half. Whatever they were, three a day had kept her limp and docile; eight at once, surely, would send Laura-Louise or Helen Wees into sound sleep. She brushed the pills clean, folded them up in a piece of magazine cover, and tucked them away at the bottom of her box of tissues.

She pretended still to be limp and docile; ate her meals and looked at magazines and pumped out her milk.

It was Leah Fountain who was there when everything was right. She came in after Helen Wees had gone out with the milk and said,

“Hi, Rosemary! I've been letting the other girls have the fun of visiting with you, but now I'm going to take a turn. You're in a regular movie theater here! Is there anything good on tonight?”

Nobody else was in the apartment. Guy had gone to meet Allan and have some contracts explained to him.

They watched a Fred Astaire-Ginger Rogers picture, and during a break Leah went into the kitchen and brought back two cups of coffee.

“I'm a little hungry too,” Rosemary said when Leah had put the cups on the night table. “Would you mind very much fixing me a cheese sandwich?”

“Of course I wouldn't mind, dear,” Leah said. “How do you like it, with lettuce and mayonnaise?”

She went out again and Rosemary got the fold of magazine cover from her tissue box. There were eleven pills in it now. She slid them all into Leah's cup and stirred the coffee with her own

го хочешь, даже Брайана, что у нее какая-нибудь горячка из-за того, что она потеряла ребенка. На этот раз она все сделает сама и самым длинным и острым ножом отгонит прочь этих маньяков.

Теперь, считала Розмари, ее положение было более выгодным: она знала все, а они об этом даже не подозревали. Она догадалась и о тайном ходе между квартирами: ведь тогда она заперла дверь на цепочку, и тем не менее все они оказались здесь. Значит, есть потайной ход. И единственное место для него — это стеной шкаф, который когда-то забаррикадировала миссис Гардиния, тоже умершая от их заклинаний, как и Хатч. Шкаф был заделан, когда квартиру делили на две части. Но если миссис Гардиния принадлежала к их обществу — ведь Терри говорила, что она делилась с Минни своими травами, — тогда очень уместно было разобрать перегородку и таким образом путешествовать из квартиры в квартиру: это и сэкономило время, и сберегало от любопытных глаз соседей.

Ход наверняка должен быть через шкаф.

Когда-то давным давно ей снилось, что ее проносят через этот шкаф. Но это был не сон, а знак свыше, и теперь, когда пришла необходимость, она, слава Богу, вспомнила о Нем.

Отец небесный, прости мне мои сомнения! Прости меня за то, что я отвернулась от тебя, и помоги мне, помоги мне в час нужды! О, Иисус, милый мой Иисус, помоги мне спасти моего невинного ребенка!

Конечно, ответ скрывался в таблетках. Розмари просунула руку под матрас и одну за другой извлекла их оттуда. Восемь штук, все одинаковые — маленькие белые таблетки с полоской посередине, чтобы удобнее было разламывать пополам. Что бы это ни было, три таблетки в день делали ее беспомощной и послушной, а восемь сразу наверняка усыпят надолго Лауру Луизу, или Хелен Виз, или кто там сегодня придет. Она отряхнула их, завернула в бумагу и положила в коробку с салфетками.

Притворяясь покорной и беспомощной, Розмари продолжала принимать пищу, смотрела журналы и сцеживала молоко.

Когда план окончательно созрел, оказалось, что с ней будет сидеть Лия Фаунтэн. Она пришла сразу же, как только Хелен Виз унесла молоко, и сказала:

— Привет, Розмари! Сегодня моя очередь дежурить возле тебя. Я вижу, у тебя тут настоящий кинотеатр на дому! Сегодня есть что-нибудь интересенькое?

В квартире больше никого не было. Ги ушел на встречу с Алланом, им надо было договариваться о каких-то контрактах.

Розмари с миссис Фаунтэн смотрели кино, а в перерыве Лия пошла на кухню и вернулась с двумя чашками кофе.

— Что-то я немного проголодалась, — заявила Розмари, когда Лия поставила напитки на маленький столик. — Вас не очень затруднит сделать мне пару бутербродов с сыром?

— Ну, конечно же, нет, милая, — с радостью согласилась Лия. — Ты как любишь: с салатом или с майонезом?

Лия снова пошла на кухню, и как только дверь за ней затворилась, Розмари вынула из коробки с салфетками свернутую бумажку. В ней накопилось уже целых одиннадцать

spoon, which she then wiped off with a tissue. She picked up her own coffee, but it shook so much that she had to put it down again.

She was sitting and sipping calmly though when Leah came in with the sandwich.

“Thanks, Leah,” she said, “that looks great. The coffee’s a little bitter; I guess it was sitting too long.”

“Shall I make fresh?” Leah asked.

“No, it’s not that bad,” Rosemary said.

Leah sat down beside the bed, took her cup, and stirred it and tasted.

“Mm,” she said and wrinkled her nose; she nodded, agreeing with Rosemary.

“It’s drinkable though,” Rosemary said.

They watched the movie, and after two more breaks Leah’s head drooped and snapped up sharply. She put down her cup and saucer, the cup two-thirds empty. Rosemary ate the last piece of her sandwich and watched Fred Astaire and two other people dancing on turntables in a glossy unreal fun house.

During the next section of the movie Leah fell asleep.

“Leah?” Rosemary said.

The elderly woman sat snoring, her chin to her chest, her hands palmupward in her lap. Her lavender-tinted hair, a wig, had slipped forward; sparse white hairs stuck out at the back of her neck.

Rosemary got out of bed, slid her feet into slippers, and put on the blue-and-white quilted housecoat she had bought for the hospital. Going quietly out of the bedroom, she closed the door almost all the way and went to the front door of the apartment and quietly chained and bolted it.

She then went into the kitchen and, from her knife rack, took the longest sharpest knife — a nearly new carving knife with a curved and pointed steel blade and a heavy bone handle with a brass butt. Holding it point-down at her side, she left the kitchen and went down the hallway to the linen-closet door.

As soon as she opened it she knew she was right. The shelves looked neat and orderly enough, but the contents of two of them had been interchanged; the bath towels and hand towels were where the winter blankets ought to have been and vice versa.

She laid the knife on the bathroom threshold and took everything out of the closet except what was on the fixed top shelf. She put towels and linens on the floor, and large and small boxes, and then lifted out the four gingham-covered shelves she had decorated and placed there a thousand thousand years ago.

The back of the closet, below the top shelf, was a single large white-painted panel framed with narrow white molding. Standing close and leaning aside for better light, Rosemary saw that where the panel and the molding met, the paint was broken in a continuous line. She pressed at one side of the panel and then at the other; pressed harder, and it swung inward on scraping hinges. Within was darkness; another closet, with a wire hanger glinting on the floor and one bright spot of light, a keyhole. Pushing the panel all the way open, Rosemary stepped into the second closet and ducked down. Through the keyhole

таблеток. Она высыпала их в чашку Лии, размешала своей ложкой, а потом быстро вытерла ложку салфеткой. Затем она подняла свою чашку, чтобы отпить немного кофе, но от волнения ее руки так сильно дрожали, что Розмари была вынуждена немедленно поставить чашку назад на столик.

Однако когда Лия вернулась с бутербродами, Розмари уже успокоилась и с безразличным видом попивала свой кофе.

— Спасибо, Лия, — поблагодарила она. — Бутерброды с виду просто потрясающие. Правда, кофе немного горчит. Наверное, слишком долго настаивался.

— Хочешь, я сварю новый? — предложила Лия.

— Нет, и этот сойдет.

Старуха присела на стул рядом с кроватью, взяла свою чашку, попробовала напиток и недовольно сморщила нос.

— Да уж, вкус действительно не блещет... — согласилась она.

— Ничего, пить можно, — улыбнулась Розмари.

Начался новый фильм, после двух частей которого Лия стала тихонько посапывать и клевать носом. Она отставила чашку и блюдо на столик, и Розмари заметила, что ее кофе выпит почти до конца. Розмари не спеша доела свой бутерброд, рассеянно наблюдая, как на экране весело танцуют в нереальном феерическом мире актеры.

Через минуту сон окончательно свалил Лию.

— Лия? — осторожно позвала Розмари.

Старушка громко храпела, уронив подбородок на грудь, руки безвольно лежали на коленях ладонями вверх. Ее сиреневый парик сполз на лоб, и на затылке стали видны реденькие седые волосы.

Розмари осторожно встала с кровати, надела шлепанцы и облачилась в бело-голубой халат, недавно купленный специально для больницы. Тихо выскользнув из спальни, она на цыпочках прошла через всю квартиру ко входной двери и закрыла ее на засов и цепочку.

В кухне из набора ножей она выбрала самый длинный и острый, с чуть загнутым кончиком и тяжелой костяной ручкой на медной заклепке. Крепко сжимая его в опущенной вниз руке, Розмари направилась к стенному шкафу.

Как только она открыла его, так сразу же поняла, что не ошиблась. Полки выглядели очень аккуратно уложенными, но были не на своих местах. Полотенца лежали там, где должны были лежать одеяла.

Розмари отложила нож в сторону и осторожно вынула из шкафа все, за исключением верхней полки, сложила на пол белье и полотенца, всякие коробочки, а потом вынула и сами оклеенные полосатой бумагой доски, которые они с Ги вставили когда-то сюда.

Задняя часть шкафа представляла собой белую панель, окаймленную лепными украшениями. Подойдя к ней вплотную, Розмари увидела, что там, где панель соприкасается с лепным багетом, заметна глубокая щель. Она нажала на панель посильнее, и та медленно пошла одной стороной внутрь. Дальше в темноте виднелся второй стеной Шкаф и светящееся пятнышко замочной скважины, через которую она разглядела футах в двадцати от себя старинный комод, стоящий в нише в квартире Романа и Минни.

she saw, at a distance of about twenty feet, a small curio cabinet that stood at a jog in the hallway of Minnie and Roman's apartment.

She tried the door. It opened.

She closed it and backed out through her own closet and got the knife; then went in and through again, looked out again through the keyhole, and opened the door just the least bit. Then opened it wide, holding the knife shoulder-high, point forward.

The hallway was empty, but there were distant voices from the living room. The bathroom was on her right, its door open, dark. Minnie and Roman's bedroom was on the left, with a bedside lamp burning. There was no crib, no baby.

She went cautiously down the hallway. A door on the right was locked; another, on the left, was a linen closet.

Over the curio cabinet hung a small but vivid oil painting of a church in flames. Before, there had been only a clean space and a hook; now there was this shocking painting. St. Patrick's, it looked like, with yellow and orange flames bursting from its windows and soaring through its gutted roof.

Where had she seen it? A church burning...

In the dream. The one where they had carried her through the linen closet. Guy and somebody else. "You've got her too high." To a ballroom where a church was burning. Where that church was burning.

But how could it be?

Had she really been carried through the closet, seen the painting as they carried her past it?

Find Andy. Find Andy. Find Andy.

Knife high, she followed the jog to the left and the right. Other doors were locked. There was another painting; nude men and women dancing in a circle. Ahead were the foyer and the front door, the archway on the right to the living room. The voices were louder.

"Not if he's still waiting for a plane, he isn't!" Mr. Fountain said, and there was laughter and then hushing.

In the dream ballroom Jackie Kennedy had spoken kindly to her and gone away, and then all of them had been there, the whole coven, naked and singing in a circle around her. Had it been a real thing that had really happened? Roman in a black robe had drawn designs on her. Dr. Sapirstein had held a cup of red paint for him. Red paint? Blood?

"Oh hell now, Hayato," Minnie said, "you're just making fun of me! 'Pulling my leg' is what we say over here."

Minnie? Back from Europe? And Roman too? But only yesterday there had been a card from Dubrovnik saying they were staying on!

Had they ever really been away?

She was at the archway now, could see the bookshelves and file cabinets and bridge tables laden with newspapers and stacked envelopes. The coven was at the other end, laughing, talking softly. Ice cubes clinked.

She bettered her grip on the knife and moved a step forward. She stopped, staring.

Across the room, in the one large window bay, stood a black bassinet. Black and only black it was; skirted with black taffeta, hooded and flounced with black organza. A silver ornament turned on a black ribbon pinned to its black hood.

Розмари толкнула дверь, и та поддалась.

Она закрыла ее, вернулась в свой шкаф, взяла нож и после этого снова пошла вперед, сперва лишь немного приоткрыв дверь, а потом распахнула ее настежь и вышла, держа нож перед собой.

В прихожей было пусто, но из гостиной слышались голоса. Направо находилась ванная — дверь нараспашку, но свет потушен. По левую сторону — спальня, там горел ночник. Но ни кровати, ни ребенка не было.

Она осторожно двинулась по коридору. Дверь справа была заперта, слева стоял еще один шкаф.

Над ним висела картина, изображающая горящую церковь. Небольшая, но очень выразительная. Раньше на этом месте был лишь пустой крюк, сейчас же она увидела на нем эту страшную картину. Из окон церкви вырывались желтые и оранжевые языки пламени и поднимались в небо, освещая черный остов провалившейся крыши.

Где-то она уже видела эту горящую церковь...

В своем сне. Когда ее пронесли через шкаф. Ги и кто-то еще. Она тогда была очень пьяная. И очутилась в большом танцевальном зале, где горела церковь... Где горела вот эта церковь.

Как же это могло быть?

Неужели ее действительно пронесли через этот шкаф и она видела настоящую картину?

Найди Энди. Найди Энди. Найди Энди.

С высоко поднятым ножом Розмари продолжала медленно двигаться по коридору. Все двери были заперты. Она увидела еще одну картину: голые мужчины и женщины пляшут, встав в круг. Впереди — холл и входная дверь, направо — арка, ведущая в гостиную. Голоса стали громче.

— Может, он еще самолет ждет! — сказал мистер Фаунтэн, после чего послышался смех и шиканье.

В том сне Джеки Кеннеди ласково поговорила с ней в танцевальном зале, а потом ушла, но все остальные были на местах — целое собрание, — они встали обнаженные в круг и начали петь. Неужели это происходило на самом деле? Роман в черной робе, рисующий таинственные знаки на ее животе, и доктор Сапирштейн, держащий чашу с красной краской. Красная краска?.. Кровь!

— Какого черта, Гайато, — сказала Минни, — ты из меня делаешь посмешище? Вешаешь лапшу на уши, как теперь модно говорить.

Минни? Уже вернулась из Европы? И Роман тоже? Но только вчера она получила от них открытку из Дубровника, где они пишут, что остаются там!

Может быть, они вообще никуда не уезжали?

Розмари стояла около арки и уже видела книжные полки, журнальные столики и ящики, заваленные газетами и конвертами. Собравшиеся находились в другом конце; гости негромко разговаривали и смеялись. Позвякивал лед в стаканах.

Она крепче сжала рукоятку ножа и шагнула вперед. И тут же остановилась, не поверив своим глазам.

Возле огромного занавешенного окна стояла черная детская коляска. Черная! С черными кружевами и черной бахромой. Едва заметные серебряные нити украшали черную ткань.

Dead? But no, even as she feared it, the stiff organza trembled, the silver ornament quivered.

He was in there. In that monstrous perverted witches' bassinet.

The silver ornament was a crucifix hanging upside down, with the black ribbon wound and knotted around Jesus' ankles.

The thought of her baby lying helpless amid sacrilege and horror brought tears to Rosemary's eyes, and suddenly a longing dragged at her to do nothing but collapse and weep, to surrender completely before such elaborate and unspeakable evil. She withstood it though; she shut her eyes tight to stop the tears, said a quick Hail Mary, and drew together all her resolve and all her hatred too; hatred of Minnie, Roman, Guy, Dr. Sapirstein — of all of them who had conspired to steal Andy away from her and make their loathsome uses of him. She wiped her hands on her housecoat, threw back her hair, found a fresh grip on the knife's thick handle, and stepped out where they could every one of them see her and know she had come.

Insanely, they didn't. They went right on talking, listening, sipping, pleasantly partying, as if she were a ghost, or back in her bed dreaming; Minnie, Roman, Guy (contracts!), Mr. Fountain, the Weeses, Laura-Louise, and a studious — looking young Japanese with eyeglasses — all gathered under an over the mantel portrait of Adrian Marcato. He alone saw her. He stood glaring at her, motionless, powerful; but powerless, a painting.

Then Roman saw her too; put down his drink and touched Minnie's arm. Silence sprang up, and those who sat with their backs toward her turned around questioningly. Guy started to rise but sat down again. Laura-Louise clapped her hands to her mouth and began squealing. Helen Wees said,

"Get back in bed, Rosemary; you know you aren't supposed to be up and around." Either mad or trying psychology.

"Is the mother?" the Japanese asked, and when Roman nodded, said "Ah, ssssssssssss," and looked at Rosemary with interest.

"She killed Leah," Mr. Fountain said, standing up. "She killed my Leah. Did you? Where is she? Did you kill my Leah?"

Rosemary stared at them, at Guy. He looked down, red-faced.

She gripped the knife tighter.

"Yes," she said, "I killed her. I stabbed her to death. And I cleaned my knife and I'll stab to death whoever comes near me. Tell them how sharp it is, Guy!"

He said nothing. Mr. Fountain sat down, a hand to his heart. Laura-Louise squealed.

Watching them, she started across the room toward the bassinet.

"Rosemary," Roman said.

"Shut up," she said.

"Before you look at —"

"Shut up," she said. "You're in Dubrovnik. I don't hear you."

Умер? Нет, несмотря на испуг, она все же заметила, что и ткань, и бахрома немного подергиваются и трепещут.

Он там, внутри. В этой чудовищней колдовской коляске!

Над коляской было укреплено перевернутое серебряное распятие, привязанное к пологу черной бархатной лентой.

Мысль о том, что ее ребенок лежит среди такого ужаса и кошмарства, страшно перепугала ее, и Розмари чуть не заплакала. Ей захотелось просто забиться в угол и разрыдаться, сложить оружие перед таким изощренным и невыразимым злом. Но она сдержалась: закрыла глаза и всем сердцем взмолилась, призывая на помощь деву Марию. Она собрала всю свою ненависть и отчаяние — ненависть к Минни, Роману, Ги, Сапирштейну — ко всем, кто входил в этот кошмарный заговор против Энди, ко всем, кто хотел использовать его для своих жутких кровавых обрядов. Она вытерла взмокшие ладони о халат, откинула назад волосы, сжала рукоятку ножа и смело выступила вперед, чтобы каждый из них увидел ее.

Но как ни странно, они заметили ее не сразу, а довольно долго еще продолжали беседовать, внимательно выслушивая друг друга, и невозмутимо пить коктейли. В общем, приятно проводили время, обращая на нее не больше внимания, как если бы она была привидением, или все это ей только снилось: Минни, Роман, Ги (он же ушел узнать насчет контрактов!), мистер Фаунтэн, Визы, Лаура Луиза и ученый японец в очках — все они собрались под большим портретом Адриана Маркато, который висел в литой черной раме над горящим камином. Лишь он один сейчас смотрел на нее, величественный и неподвижный. Но он был только рисунком.

Потом ее заметил Роман. Он отставил свой стакан и дотронулся рукой до Минни. Наступила тишина, и те, кто раньше сидел к ней спиной, теперь тоже повернулись. Ги хотел было встать, но, видимо, передумал. Лаура Луиза зажала обеими руками рот и приглушенно взвизгнула. А Хелен Виз спокойным голосом заговорила:

— Ступай назад в кровать, Розмари. Ты же знаешь, тебе нельзя много ходить. — Она или сошла с ума, или попробовала хитроумный психологический ход.

— Это мать? — тихо спросил японец, и когда Роман кивнул, зашипел: «Ш-ш-ш-ш», — и посмотрел на Розмари с интересом.

— Она убила Лию, — дрожащим голосом сказал мистер Фаунтэн и медленно встал. — Она убила мою Лию! Ты убила ее? Где она? Ты убила мою Лию?

Розмари окинула их взглядом. Ги стоял покрасневший до ушей.

Она крепче сжала рукоятку ножа.

— Да. Я убила ее. Я заколола ее насмерть. Потом я вымыла нож и теперь я зарезу любого, кто ко мне приблизится. Скажи им, Ги, какой у меня острый нож!

Он ничего не ответил. Мистер Фаунтэн сел, схватившись рукой за сердце. Лаура Луиза пронзительно завизжала.

Наблюдая за ними, Розмари перевела взгляд на коляску.

— Розмари... — начал Роман.

— Замолчите!

— Прежде чем ты посмотришь на...

— Заткнитесь. Вы в Дубровнике. Я вас вообще не слышу.

“Let her,” Minnie said.

She watched them until she was by the bassinet, which was angled in their direction. With her free hand she caught the black-covered handle at the foot of it and swung the bassinet slowly, gently, around to face her. Taffeta rustled; the back wheels squeaked.

Asleep and sweet, so small and rosy-faced, Andy lay wrapped in a snug black blanket with little black mitts ribbon-tied around his wrists. Orange-red hair he had, a surprising amount of it, silky-clean and brushed. Andy! Oh, Andy! She reached out to him, her knife turning away; his lips pouted and he opened his eyes and looked at her. His eyes were golden-yellow, all golden-yellow, with neither whites nor irises; all golden-yellow, with vertical black-slit pupils.

She looked at him.

He looked at her, golden-yellowly, and then at the swaying upside-down crucifix.

She looked at them watching her and knife-in-hand screamed at them.

“What have you done to his eyes?”

They stirred and looked to Roman.

“He has His Father’s eyes,” he said.

She looked at him, looked at Guy — whose eyes were hidden behind a hand — looked at Roman again.

“What are you talking about?” she said. “Guy’s eyes are brown, they’re normal! What have you done to him, you maniacs?” She moved from the bassinet, ready to kill them.

“Satan is His Father, not Guy,” Roman said. “Satan is His Father, who came up from Hell and begot a Son of mortal woman! To avenge the iniquities visited by the God worshipers upon His never-doubting followers!”

“Hail Satan,” Mr. Wees said.

“Satan is His Father and His name is Adrian!” Roman cried, his voice growing louder and prouder, his bearing more strong and forceful. “He shall overthrow the mighty and lay waste their temples! He shall redeem the despised and wreak vengeance in the name of the burned and the tortured!”

“Hail Adrian,” they said. “Hail Adrian.” “Hail Adrian.” And “Hail Satan.” “Hail Satan.” “Hail Adrian.” “Hail Satan.”

She shook her head. “No,” she said.

Minnie said, “He chose you out of all the world, Rosemary. Out of all the women in the whole world, He chose you. He brought you and Guy to your apartment there, He made that foolish what’s-her-name, Terry, made her get all scared and silly so we had to change our plans, He arranged everything that had to be arranged, ’cause He wanted you to be the mother of His only living Son.”

“His power is stronger than stronger,” Roman said.

“Hail Satan,” Helen Wees said.

“His might will last longer than longer.”

“Hair Satan,” the Japanese said.

Laura-Louise uncovered her mouth. Guy looked out at Rosemary from under his hand.

“No,” she said, “no,” the knife hanging at her side. “No. It can’t be. No.”

“Go look at His hands,” Minnie said. “And His feet.”

“And His tail,” Laura-Louise said.

— Оставь ее, — сказала Минни.

Розмари подошла к коляске, взялась за ручку и осторожно развернула ее к себе. Пружины жалобно заскрипели.

В коляске в крохотных черных варежках на резинках лежал сонный милый розовый Энди, закутанный в чистое черное одеяло. У него была целая копна огненно рыжих волос, шелковистых и аккуратно причесанных. Энди! О, Энди! Она бросилась к нему, забыв обо всем и отложив нож в сторону. Мальчик посмотрел на нее и надул губки. Глаза у него были золотисто желтые, без белков, с вертикальными черными зрачками.

Розмари с ужасом смотрела на него.

Ребенок перевел взгляд своих золотисто желтых глаз на раскачивающееся перевернутое распятие.

Розмари уставилась на собравшихся, схватилась за нож и закричала:

— Что вы сделали с его глазами?!

Все зашевелились и в замешательстве посмотрели на Романа.

— У него глаза его отца, — с гордостью сказал он.

Розмари взглянула на малыша, на Ги — тот все время прятал лицо, — потом снова на Романа.

— О чем вы говорите? У Ги карие глаза, и они нормальные! Что вы с ним сделали, вы, маньяки?! — Она шагнула от коляски, готовая убить любого из них.

— Его отец — Сатана, а не Ги, — торжественно произнес Роман. — Сатана его отец, он пришел к нам прямо из ада и породил Сына от смертной женщины! Чтобы отомстить за несправедливость, которую так долго терпели его верные поклонники!

— Слава Сатане! — истошно завопил мистер Виз.

— Сатана его отец, а имя ему Адриан! — закричал Роман. Голос его становился все громче, слова приобретали значительность и вес. — Он опрокинет Всевышнего и разрушит храмы его! Он вернет славу презренным и отомстит во имя измученных и сожженных!

— Слава Адриану! — с ликованием воскликнули одновременно все гости. — Слава Адриану! — А потом: — Слава Сатане! Слава Адриану! Слава Сатане!

Розмари покачала головой, — Нет, этого не может быть.

— Из всего мира он выбрал тебя, Розмари, — вкрадчиво заговорила Минни. — Из всех женщин на этом свете он выбрал именно тебя! Он привел вас с Ги в эту квартиру. Он заставил эту дуру, как ее там — Терри, — испугаться, и нам пришлось поменять свои планы. Он устроил все так, потому что хотел, чтобы именно ты стала матерью его единственного живущего на Земле сына.

— Сила его растет, — грозно добавил Роман.

— Слава Сатане! — воскликнула Хелен Виз.

— Его власть будет длиться до конца дней.

— Слава Льявору! — поддержал японец.

Лаура Луиза отняла руки от лица. Ги исподтишка посмотрел на Розмари.

— Нет, — повторила она и опустила нож. — Нет. Не может быть. Нет.

— Подойди и посмотри на его руки, — сказала Минни. — И на его когти тоже.

— И на его хвост, — добавила Лаура Луиза.

“And the buds of His horns,” Minnie said.

“Oh God,” Rosemary said.

“God’s dead,” Roman said.

She turned to the bassinet, let fall the knife, turned back to the watching coven.

“Oh God!” she said and covered her face. “Oh God!” And raised her fists and screamed to the ceiling: “Oh God! Oh God! Oh God! Oh God! Oh God! Oh God!”

“God is DEAD!” Roman thundered. “God is dead and Satan lives! The year is One, the first year of our Lord! The year is One, God is done! The year is One, Adrian’s begun!”

“Hail Satan!” they cried. “Hail Adrian!” “Hail Adrian!” “Hail Satan!”

She backed away — “No, no” — backed farther and farther away until she was between two bridge tables. A chair was behind her; she sat down on it and stared at them. “No.”

Mr. Fountain hurried out and down the hallway. Guy and Mr. Wees hurried after him.

Minnie went over and, grunting as she stooped, picked up the knife. She took it out to the kitchen.

Laura-Louise went to the bassinet and rocked it possessively, making faces into it. The black taffeta rustled; the wheels squeaked.

She sat there and stared. “No,” she said.

The dream. The dream. It had been true. The yellow eyes she had looked up into.

“Oh God,” she said.

Roman came over to her.

“Clare is just putting on,” he said, “holding his heart that way over Leah. He’s not that sorry. Nobody really liked her; she was stingy, emotionally as well as financially. Why don’t you help us out, Rosemary, be a real mother to Adrian; and we’ll fix it so you don’t get punished for killing her. So that nobody ever even finds out about it. You don’t have to join if you don’t want to; just be a mother to your baby.” He bent over and whispered: “Minnie and Laura-Louise are too old. It’s not right.”

She looked at him. He stood straight again.

“Think about it, Rosemary,” he said.

“I didn’t kill her,” she said...

“Oh?”

“I just gave her pills,” she said. “She’s asleep.”

“Oh,” he said.

The doorbell rang.

“Excuse me,” he said, and went to answer it. “Think about it anyway,” he said over his shoulder.

“Oh God,” she said.

“Shut up with your ‘Oh God’s’ or we’ll kill you,” Laura-Louise said, rocking the bassinet. “Milk or no milk.”

“You shut up,” Helen Wees said, coming to Rosemary and putting a dampened handkerchief in her hand. “Rosemary is His mother, no matter how she behaves,” she said. “You remember that, and show some respect.”

Laura-Louise said something under her breath.

— И на крошечные рожки, — закончила Хелен Виз.

— Бог мой! — охнула Розмари.

— Бог умер, — уверенно произнес Роман.

Она повернулась к коляске, а потом снова к собравшимся.

— Бог мой! — и закрыла лицо руками. — Бог мой! — Розмари подняла кулаки и закричала, закинув голову к потолку. — Боже мой! Боже! Боже!..

— Бог умер! — прогремел Роман. — Бог умер, а Сатана живет! Адрианов год по Земле идет! Настал год номер один, первый раз властвует наш Господин! Дьявол в силе. Бог в могиле!

— Слава Сатане! — закричали все. — Слава Адриану! Слава Адриану! Слава Сатане! Розмари в ужасе отступила.

— Нет! Нет! — она отходила все дальше и дальше, пока не оказалась между двух карточных столиков. Сзади кто-то подставил кресло, и она беспомощно опустилась в него, молча уставившись на них. — Нет! — еле слышно прошептала она.

Мистер Фаунтэн бросился из квартиры. Ги и мистер Виз поспешили вслед за ним.

Подошла Минни, кряхтя подняла нож и отнесла его в кухню.

Лаура Луиза приблизилась к коляске и, корча всякие рожицы, начала по хозяйски раскачивать ее. Зашелестела ткань, закрипели колеса.

А Розмари сидела и смотрела в пустоту, без конца повторяя: — Нет, нет, нет...

Сон. Тот самый сон. Так, значит, все это было на самом деле. И те желтые глаза, в которые она заглянула...

— Боже мой, — тихо произнесла она.

Роман подошел поближе.

— Клэр преувеличивает, что у него сердце остановится из-за Лии. На самом деле он не очень о ней скорбит. Никто здесь ее не любил, она была слишком скупа. Как в эмоциях, так и в деньгах. Помогите нам, Розмари, будь Адриану настоящей матерью, и мы сделаем так, что ты не будешь наказана за убийство. Никто ничего не узнает. Ты можешь не вступать в наше общество, если не хочешь, просто будь матерью своему сыну. — Он нагнулся и тихо шепнул: — Минни и Лаура Луиза уже слишком старые. Это было бы несправедливо.

Она взглянула на него, и Роман сразу выпрямился.

— Подумай, Розмари.

— Я не убивала ее.

— Что?

— Я только подмешала ей в кофе таблетки, и она заснула.

— Правда?

В дверь позвонили.

— Извини, — оказал Роман и пошел открывать. — Все равно, ты подумай.

— Боже мой! — твердила Розмари.

— Перестань повторять «Боже мой», или мы убьем тебя, — пригрозила Лаура — Луиза, еще сильнее раскачивая коляску. — Даже если останемся без твоего молока.

— Лучше ты замолчи, — строго сказала Хелен Виз и протянула Розмари влажный носовой платок. — Розмари — его мать, и неважно, как она ведет себя. Мы должны уважать ее. Помни об этом.

Лаура Луиза пробормотала в ответ что-то невнятное.

Rosemary wiped her forehead and cheeks with the cool handkerchief. The Japanese, sitting across the room on a hassock, caught her eye and grinned and ducked his head. He held up an opened camera into which he was putting film, and moved it back and forth in the direction of the bassinet, grinning and nodding. She looked down and started to cry. She wiped at her eyes.

Roman came in holding the arm of a robust, handsome, dark-skinned man in a snow-white suit and white shoes. He carried a large box wrapped in light blue paper patterned with Teddy bears and candy canes. Musical sounds came from it. Everyone gathered to meet him and shake his hand. "Worried," they said, and "pleasure," and "airport," and "Stavropoulos," and "occasion."

Laura-Louise brought the box to the bassinet. She held it up for the baby to see, shook it for him to hear, and put it on the window seat with many other boxes similarly wrapped and a few that were wrapped in black with black ribbon.

"Just after midnight on June twenty-fifth," Roman said. "Exactly half the year 'round from you-know. Isn't it perfect?"

"But why are you surprised?" the newcomer asked with both his hands outstretched. "Didn't Edmond Lautreamont predict June twenty-fifth three hundred years ago?"

"Indeed he did," Roman said, smiling, "but it's such a novelty for one of his predictions to prove accurate!"

Everyone laughed.

"Come, my friend," Roman said, drawing the newcomer forward, "come see Him. Come see the Child."

They went to the bassinet, where Laura-Louise waited with a shopkeeper's smile, and they closed around it and looked into it silently. After a few moments the newcomer lowered himself to his knees.

Guy and Mr. Wees came in.

They waited in the archway until the newcomer had risen, and then Guy came over to Rosemary.

"She'll be all right," he said; "Abe is in there with her." He stood looking down at her, his hands rubbing at his sides. "They promised me you wouldn't be hurt," he said. "And you haven't been, really. I mean, suppose you'd had a baby and lost it; wouldn't it be the same? And we're getting so much in return, Ro."

She put the handkerchief on the table and looked at him. As hard as she could she spat at him.

He flushed and turned away, wiping at the front of his jacket. Roman caught him and introduced him to the newcomer, Argyron Stavropoulos.

"How proud you must be," Stavropoulos said, clasping Guy's hand in both his own. "But surely that isn't the mother there? Why in the name of—" Roman drew him away and spoke in his ear.

"Here," Minnie said, and offered Rosemary a mug of steaming tea. "Drink this and you'll feel a little better."

Rosemary looked at it, and looked up at Minnie.

"What's in it?" she said; "tannis root?"

Розмари вытерла лоб и щеки прохладной тканью. Японец, сидевший на подушке напротив нее, поймал ее взгляд и тепло улыбнулся. Он держал на коленях открытый фотоаппарат, в который как раз заправлял пленку, а затем, не переставая улыбаться, указал ей на коляску. Розмари опустила глаза и тихо заплакала. Но потом вытерла слезы.

Вошел Роман, ведя с собой дюжего красивого загорелого человека в белоснежном костюме и таких же ботинках. Он нес большую коробку, обернутую в голубую бумагу с нарисованными на ней плюшевыми мишками. Из коробки неслась музыка. Собравшиеся дружно обступили его со всех сторон, и каждый старался поздороваться с гостем за руку. Слышались обрывки фраз: «Волновались... удовольствии... аэропорт... Ставропулос... случайно».

Лаура Луиза поднесла коробку к коляске. Она показала ее ребенку, потом потрясла, чтобы он услышал музыку, и положила ее на подоконник, где уже лежало много похожих разноцветных коробок и несколько черных, перевязанных черными лентами.

— В ночь на двадцать шестое июня, — гордо сообщил Роман. — Как раз через полгода после... вы помните чего. Это поистине превосходно!

— А почему вы так удивлены? — спросил незнакомец, протягивая ему обе руки. — Разве Эдмонд Лотреамон не предсказал двадцать шестое июня еще триста лет тому назад?

— В самом деле, — согласился Роман, улыбаясь. — Просто странно, что это предсказание сбылось с такой точностью.

Все рассмеялись.

— Пойдемте, милый Друг, — продолжал он, увлекая гостя за собой. — Вы должны увидеть Ребенка.

Они подошли к коляске, возле которой уже стояла довольная Лаура Луиза, и заглянули в нее. Через несколько секунд новый гость опустился перед младенцем на колени.

Вошли Ги и мистер Виз.

Они задержались под аркой, пока новый гость не поднялся. Потом Ги подошел к Розмари.

— С Лией все в порядке, — шепотом сообщил он. — Там сейчас Эйб. — Он стоял, потупив глаза и нервно потирая руки. — Они мне обещали, что ничего плохого тебе не сделают, и, как видишь, не сделали. Представь себе, что ребенок родился бы и умер; тогда ведь было бы то же самое, верно? А зато теперь мы столько всего получаем взамен, Ро!

Розмари положила платок на стол и, внимательно посмотрев на мужа, плюнула ему прямо в лицо.

Он покраснел и отвернулся, неуклюже вытираясь. Роман схватил его за руку и представил новому гостю, Аргирону Ставропулосу.

— Вы должны очень гордиться, — сказал Ставропулос, пожимая Ги руку двумя своими. — А это мать? Но почему же?.. — Но тут Роман оттащил гостя в сторону, что-то шепча ему на ухо.

— Вот, — сказала Минни и предложила Розмари чашку горячего чая. — Выпей, и тебе станет легче.

Розмари недоверчиво уставилась на желтоватую жидкость.

— Что это? Таннисовый корень?

"Nothing is in it," Minnie said. "Except sugar and lemon. It's plain ordinary Lipton tea. You drink it." She put it down by the handkerchief.

The thing to do was kill it. Obviously. Wait till they were all sitting at the other end, then run over, push away Laura-Louise, and grab it and throw it out the window. And jump out after it. Mother Slays Baby and Self at Bramford. Save the world from God-knows-what. From Satan-knows-what. A tail! The buds of his horns! She wanted to scream, to die. She would do it, throw it out and jump.

They were all milling around now. Pleasant cocktail party. The Japanese was taking pictures; of Guy, of Stavropoulos, of Laura-Louise holding the baby.

She turned away, not wanting to see.

Those eyes! Like an animal's, a tiger's, not like a human being's!

He wasn't a human being, of course. He was — some kind of a half-breed.

And how dear and sweet he had looked before he had opened those yellow eyes! The tiny chin, a bit like Brian's; the sweet mouth; all that lovely orangered hair... It would be nice to look at him again, if only he wouldn't open those yellow animal-eyes.

She tasted the tea. It was tea.

No, she couldn't throw him out the window. He was her baby, no matter who the father was. What she had to do was go to someone who would understand. Like a priest. Yes, that was the answer; a priest. It was a problem for the Church to handle. For the Pope and all the cardinals to deal with, not stupid Rosemary Reilly from Omaha.

Killing was wrong, no matter what.

She drank more tea.

He began whimpering because Laura-Louise was rocking the bassinet too fast, so of course the idiot began rocking it faster.

She stood it as long as she could and then got up and went over.

"Get away from here," Laura-Louise said. "Don't you come near Him. Roman!"

"You're rocking him too fast," she said.

"Sit down!" Laura-Louise said, and to Roman, "Get her out of here. Put her back where she belongs."

Rosemary said, "She's rocking him too fast; that's why he's whimpering."

"Mind your own business!" Laura-Louise said.

"Let Rosemary rock Him," Roman said.

Laura-Louise stared at him.

"Go on," he said, standing behind the bassinet's hood. "Sit down with the others. Let Rosemary rock Him."

"She's liable —"

"Sit down with the others, Laura-Louise."

She huffed, and marched away.

"Rock Him," Roman said to Rosemary, smiling. He moved the bassinet back and forth toward her, holding it by the hood.

She stood still and looked at him.

"You're trying to — get me to be his mother," she said.

— Нет, — ответила Минни. — Это чай с лимоном и сахаром. Самый обыкновенный чай. Выпей. — И она поставила чашку на стол рядом с платком.

Теперь нужно убить его. Это вполне очевидно. Надо только выждать, пока все отойдут в другой конец комнаты, броситься вперед, оттолкнуть Лауру Луизу, схватить это исчадие ада и выкинуть в окно. А потом и самой выпрыгнуть вслед за ним. «Мать убивает ребенка и кончает жизнь самоубийством в Брэмфорде». Спасти мир черт знает от чего. Хвост... Крошечные рожки... Какой ужас! Ей хотелось закричать и умереть прямо здесь же. Она так и сделает: выкинет его и выпрыгнет сама.

Все с улыбками окружили его. Для них это был просто приятный вечер с коктейлями. А японец постоянно фотографировал: Ги, Ставропулоса, Лауру Луизу с ребенком на руках.

Розмари отвернулась, не желая ничего этого видеть.

Глаза! Как у зверя, как у тигра, а не как у человека!

Да он и не человек вовсе. Только наполовину.

А каким он казался милым, пока не раскрыл свои дикие желтые глаза! Крошечный подбородок, почти как у Брайана, милый ротик и такие замечательные рыжие волосы... Как хочется еще раз посмотреть на него, только если он не будет раскрывать свои звериные желтые глаза.

Розмари попробовала чай. Это действительно был самый обыкновенный чай.

Нет, она не сможет выкинуть его в окно. Ведь это ее ребенок, и неважно, кто его отец. Надо пойти к понимающему человеку, например, к священнику. Да, вот и ответ сам пришел: к священнику. Эту проблему должна решать церковь. Пусть думают Папа Римский и кардиналы, а не глупая Розмари Рейлли из Омахи.

Убивать нельзя.

Она выпила немного чая.

Ребенок захныкал, потому что Лаура Луиза слишком сильно трясла коляску. Только идиотка могла так качать.

Розмари не в силах была смотреть на это и подошла ближе.

— Уйди отсюда! — истерично выкрикнула Лаура Луиза.

— Не подходи и близко к нему. Роман!

— Вы его очень быстро качаете, — сказала Розмари.

— Сядь назад! — Лаура-Луиза снова обратилась к Роману: — Уберите ее отсюда. Пусть идет к себе.

— Она слишком сильно его качает, — объяснила Розмари. — Поэтому он хнычет.

— Это не твое дело! — огрызнулась Лаура Луиза.

— Пусть Розмари покачает его, — предложил Роман.

Лаура Луиза исподлобья уставилась на него.

— Иди, — повелительно сказал ей Роман и встал рядом с коляской. — Садись с остальными. А Розмари его убаюкает.

— Но она может...

— Садись с остальными, Лаура Луиза.

Она недовольно фыркнула и отошла.

— Покачай его, — сказал Роман Розмари и улыбнулся.

Потом слегка подтолкнул к ней коляску.

Но она лишь молча стояла, не решаясь пошевелиться.

— Вы хотите, чтобы я... стала его матерью?

"Aren't you His mother?" Roman said. "Go on. Just rock Him till He stops complaining."

She let the black-covered handle come into her hand, and closed her fingers around it. For a few moments they rocked the bassinet between them, then Roman let go and she rocked it alone, nice and slowly. She glanced at the baby, saw his yellow eyes, and looked to the window.

"You should oil the wheels," she said. "That could bother him too."

"I will," Roman said. "You see? He's stopped complaining. He knows who you are."

"Don't be silly," Rosemary said, and looked at the baby again.

He was watching her. His eyes weren't that bad really, now that she was prepared for them. It was the surprise that had upset her. They were pretty in a way.

"What are his hands like?" she asked, rocking him.

"They're very nice," Roman said. "He has claws, but they're very tiny and pearly. The mitts are only so He doesn't scratch Himself, not because His hands aren't attractive."

"He looks worried," she said.

Dr. Sapirstein came over.

"A night of surprises," he said.

"Go away," she said, "or I'm going to spit in your face."

"Go away, Abe," Roman said, and Dr. Sapirstein nodded and went away.

"Not you," Rosemary said to the baby. "It's not your fault. I'm angry at them, because they tricked me and lied to me. Don't look so worried; I'm not going to hurt you."

"He knows that," Roman said.

"Then what does he look so worried for?" Rosemary said. "The poor little thing. Look at him."

"In a minute," Roman said. "I have to attend to my guests. I'll be right back." He backed away, leaving her alone.

"Word of honor I'm not going to hurt you," she said to the baby. She bent over and untied the neck of his gown. "Laura-Louise made this too tight, didn't she. I'll make it a little looser and then you'll be more comfortable. You have a very cute chin; are you aware of that fact? You have strange yellow eyes, but you have a very cute chin."

She tied the gown more comfortably for him.

Poor little creature.

He couldn't be all bad, he just couldn't. Even if he was half Satan, wasn't he half her as well, half decent, ordinary, sensible, human being? If she worked against them, exerted a good influence to counteract their bad one...

"You have a room of your own, do you know that?" she said, undoing the blanket around him, which was also too tight. "It has white-and-yellow wallpaper and a white crib with yellow bumpers, and there isn't one drop of witchy old black in the whole place. We'll show it to you when you're ready for your next feeding. In case you're curious, I happen to be the lady who's been supplying all that milk you've been drinking. I'll bet you thought it comes in bottles, didn't you. Well it doesn't;

— А разве ты ему не мать? Покачай его, а то он жалуется.

Розмари с опаской взялась за черную ручку и закрыла глаза. Некоторое время они качали вдвоем, а потом Роман убрал руки. Розмари взглянула на малыша, увидела желтые глаза и со слезами отвернулась к окну.

— Надо смазать колеса. Его раздражает скрип, — тихо сказала она.

— Хорошо, — согласился Роман. — Вот видишь? Он перестал плакать. Он знает, кто ты такая.

— Не говорите ерунду. — Розмари снова посмотрела на ребенка.

Тот внимательно следил за ней. Теперь, когда она уже была подготовлена, глаза сына показались ей не такими уж страшными. Просто она немного испугалась от неожиданности. По своему они даже симпатичные.

— А что у него с ручками? — спросила она.

— Они очень милые, — ответил Роман. — У него есть маленькие коготки — совсем крошечные и перламутровые. А варежки только для того, чтобы он случайно не оцарапался, а так ручки очень даже милые.

— Он чем-то обеспокоен, — заволновалась Розмари.

Подошел доктор Сапирштейн.

— Вот это сюрприз, — радостно улыбнулся он.

— Убирайтесь отсюда, — возмутилась Розмари. — Или я вам тоже плюну в лицо.

— Уйди, Эйб, — посоветовал Роман.

Сапирштейн понимающе кивнул и отошел в сторону.

— Ты не виноват, — говорила она ребенку. — Ты совсем не виноват. Я на них сержусь, потому что они меня обманывали и водили за нос. А ты не волнуйся, я тебе ничего плохого не сделаю.

— Он знает это, — одобрительно произнес Роман.

— Тогда почему он так нервничает? Бедняжка. Вы только посмотрите на него.

— Одну минуточку, — вежливо прервал ее Роман. — Мне надо посмотреть, как там гости. Я сейчас вернусь. — И оставил Розмари одну у коляски.

— Честное слово, я тебе ничего плохого не сделаю, — повторила она, нагнулась и развязала ленточку у шеи ребенка. — Лаура Луиза очень туго здесь завязала, да? Я немного ослаблю, и тебе будет легче дышать. У тебя очень привлекательный подбородок, ты знаешь об этом? У тебя, правда, странные желтые глазки, но зато подбородок очень даже симпатичный.

Она снова завязала ленту.

Бедная крошка!

Он не может быть плохим, просто не может. Даже если он наполовину и Сатана, то другая-то половина ведь ее! И это разумная половина, нормальная, человеческая. И если она будет сражаться с той плохой половиной, распространять доброе влияние...

— А у тебя есть своя комната, ты знаешь? — спросила Розмари, поправляя одеяло, которое тоже было затянуто слишком туго. — Там желто-белые обои и беленькая кроватка, и нет там ничего черного, совсем ничего. Когда ты захочешь есть, я тебе все покажу. А если тебе интересно, то я — та самая дамочка, которая поставляет тебе молоко. Наверное, ты думал, что молоко получают из бутылок? Нет, его получают из мам, а я твоя мама. Вот так. По моему, ты

it comes in mothers, and I'm yours. That's right, Mr. Worry-face. You seem to greet the idea with no enthusiasm whatsoever."

Silence made her look up. They were gathering around to watch her, stopping at a respectful distance.

She felt herself blushing and turned back to tucking the blanket around the baby.

"Let them watch," she said; "we don't care, do we? We just want to be all cozy and comfortable, like so. There. Better?"

"Hail Rosemary," Helen Wees said.

The others took it up.

"Hail Rosemary." "Hail Rosemary." Minnie and Stavropoulos and Dr. Sapirstein.

"Hail Rosemary." Guy said it too.

"Hail Rosemary." Laura-Louise moved her lips but made no sound.

"Hail Rosemary, mother of Adrian!" Roman said.

She looked up from the bassinet.

"It's Andrew," she said. "Andrew John Woodhouse."

"Adrian Steven," Roman said.

Guy said, "Roman, look," and Stavropoulos, at Roman's other side, touched his arm and said,

"Is the name of so great an importance?"

"It is. Yes. It is," Roman said. "His name is Adrian Steven."

Rosemary said, "I understand why you'd like to call him that, but I'm sorry; you can't. His name is Andrew John. He's my child, not yours, and this is one point that I'm not even going to argue about. This and the clothes. He can't wear black all the time."

Roman opened his mouth but Minnie said,

"Hail Andrew" in a loud voice, looking right at him.

Everyone else said "Hail Andrew" and "Hail Rosemary, mother of Andrew" and "Hail Satan."

Rosemary tickled the baby's tummy.

"You didn't like 'Adrian,' did you?" she asked him. "I should think not. 'Adrian Steven'! Will you please stop looking so worried?" She poked the tip of his nose. "Do you know how to smile yet, Andy? Do you? Come on, little funny-eyes Andy, can you smile? Can you smile for Mommy?" She tapped the silver ornament and set it swinging. "Come on, Andy," she said. "One little smile. Come on, Andy-candy."

The Japanese slipped forward with his camera, crouched, and took two three four pictures in quick succession.

не слишком в большом восторге от этого.

Стало тихо, и Розмари оглянулась. Все собрались вокруг нее на почтительном расстоянии и молча наблюдали за ее знакомством с ребенком.

Она покраснела и отвернулась, поправляя одеяльце.

— Ну и пусть на нас смотрят. Нам все равно, правда? Мы хотим чувствовать себя поудобней, вот и все. Теперь хорошо?

— Слава Розмари! — экзальтированным полусшепотом изрекла Хелен Виз.

Это сразу же подхватили и другие.

— Слава Розмари! Слава Розмари! — повторяли Минни, Ставропулос и доктор Сапирштейн.

— Слава Розмари, — тихо сказал Ги.

— Слава Розмари, — одними губами произнесла Лаура Луиза.

— Слава Розмари, матери Адриана! — громко крикнул Роман.

Розмари взглянула на него и покачала головой.

— Его зовут Эндрю, — сообщила она. — Эндрю Джон Вудхаус.

— Нет, Адриан Стивен, — возразил Роман.

— Роман, ну пусть, — попробовал убедить его Ги, а Ставропулос взял Романа под руку и спросил:

— Неужели имя так важно?

Да, важно, — уперся Роман. — Его зовут Адриан Стивен.

— Я понимаю, почему вы хотите назвать его так, но у вас ничего не получится, вы уж извините. Его будут звать Эндрю Джон. Это мой ребенок, а не ваш, и я даже спорить с вами по этому поводу не собираюсь. Насчет этого и насчет одежды. Он не будет все время ходить в черном, — уверенно заявила Розмари.

Роман открыл было рот, но Минни опередила его.

— Слава Эндрю! — крикнула она и гордо посмотрела на мужа.

Все подхватили «Слава Эндрю!», а потом «Слава Розмари!» и «Слава Сатане!».

Розмари пощекотала ребенку живот.

— Тебе ведь не нравилось имя Адриан, правда? Наверное, нет. Адриан Стивен... Надо же такое придумать! Перестань, пожалуйста, волноваться. — Она осторожно нажала ему пальцем на нос. — А ты уже умеешь улыбаться, Энди? Умеешь? Давай, крошка, улыбнись мне. Ты можешь улыбнуться мамочке? — Она покачала над ним серебряное распятие. — Ну, давай же. Всего одну маленькую улыбочку. Давай, Энди Энди!

Японец с фотоаппаратом проскользнул вперед, изогнулся и быстро сделал несколько снимков подряд.

Параллельный текст подготовил Александр Эджумян.